6DK
48

Г. В. Плехановъ.

П38т-2

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Томъ II.

...ека
...ческой
...адемии

DK
418

Изданіе Т-ва „МІРЪ“.
МОСКВА, Знаменка, 9.

2-й экз.

Типо-лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1915.

Часть II.

ДВИЖЕНІЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВЪ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

(ОКОНЧАНІЕ.)

Оглавленіе II тома.

ЧАСТЬ II.

Движеніе общественной мысли въ допетровской Руси. (*Окончаніе.*)

ГЛАВА X. *Стр.*

Первые западники и просвѣтители. (*Окончаніе.*)

III. В. В. Голицынъ 1

ГЛАВА XI.

Націоналистическая реакція западному вліянію 14

ГЛАВА XII.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы царя съ боярствомъ 26

ЧАСТЬ III.

Движеніе русской общественной мысли послѣ петровской реформы.

ГЛАВА I.

Непосредственное вліяніе реформы на ходъ развитія русской общественной мысли . . . 60

Стр.

ГЛАВА II.

„Ученая дружина" и самодержавіе 88
1. Ѳ. Прокоповичъ 104
2. В. Н. Татищевъ 113
3. А. Д. Кантемиръ 136

ГЛАВА III.

Непосредственное вліяніе петровской реформы на ходъ развитія общественной мысли.
1. И. Т. Посошковъ 161
2. М. В. Ломоносовъ 196
3. Жалобы крестьянства. — Крестьянскія и казацкія волненія 220

ГЛАВА IV.

Политическое настроеніе дворянства при ближайшихъ преемникахъ Петра.—Замыселъ верховниковъ.—Оппозиція противъ него со стороны рядового дворянства.—Отношеніе къ нему „ученой дружины" 242

Иллюстраціи II тома.

Стр.

1. Кн. В. В. Голицынъ 8
2. Боярыня Морозова посѣщаетъ протопопа Аввакума въ заключеніи 40
3. Преніе о вѣрѣ въ Грановитой палатѣ (1682 г.). 48
4. Петръ Великій 80
5. Ѳеофанъ Прокоповичъ 112
6. В. Н. Татищевъ 128
7. Стенька Разинъ 232

Глава X.

ПЕРВЫЕ ЗАПАДНИКИ И ПРОСВѢТИТЕЛИ.

(Окончаніе).

В. В. Голицынъ.

I.

В. А. Ординъ-Нащокинъ, И. А. Хворостининъ, Г. К. Котошихинъ не нашли въ окружавшей ихъ общественной обстановкѣ приложенія для своихъ богатыхъ духовныхъ силъ. Поэтому каждаго изъ нихъ такъ или иначе «тошнило» въ современной имъ Москвѣ. Судьба кн. В. В. Голицына была другая. Онъ, несомнѣнно, былъ убѣжденнымъ западникомъ. Но обстоятельства сложились такъ, что онъ имѣлъ возможность, по крайней мѣрѣ, попытаться видоизмѣнить окружавшую его некрасивую дѣйствительность. Поэтому «тошнота» врядъ ли была преобладающей чертой его настроенія. Какъ преобразователь, онъ долженъ былъ вести упорную борьбу со множествомъ практическихъ препятствій. Извѣстно, что борьба только закаляетъ сильные характеры. Но кн. В. В. Голицынъ едва ли обладалъ очень сильнымъ характеромъ. Къ тому же политическій строй Московскаго государства дѣлалъ доступнымъ для этого родовитаго боярина только одинъ видъ борьбы: борьбу съ помощью придворной интриги. Придворная интрига дала ему на нѣсколько лѣтъ почти всю полноту власти. Она же приготовила ему очень жалкій конецъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ, какъ у насъ говорилось когда-то, въ своемъ родѣ не послѣдній. И послѣ него на Руси являлись реформаторы, прибѣгавшіе къ тому же оружію. И всѣ они кончали не многимъ лучше, нежели кн. В. В. Голицынъ. Въ каждомъ положеніи есть своя объективная логика.

В. В. Голицынъ много читалъ и учился. Когда, послѣ его паденія, правительство Петра I, по старому московскому обычаю, «отписало на государя» имущество опальнаго служилаго человѣка, въ его библіотекѣ найдены были слѣдующія книги: Похвала благочестивымъ государемъ царемъ, сложеніе іеромонаха Антонія Русаковскаго. Книга печатная благодарственная къ В. Госуда-

ремъ. Книга писанная—врученіе привиліе на академію. Книга писанная о гражданскомъ житіи или о поправленіи всѣхъ дѣлъ, яже належатъ обще народу (эта книга, конечно, должна была сильно привлекать къ себѣ вниманіе реформатора. *Г. П.* [1]). Книга Тестаментъ или завѣтъ Василія царя Греческаго, сыну его Льву Философу. Како царица Олунда близнятъ породи и како ихъ свекровь и ея матъ цесаревна хотя погубити. Граматикъ печатной. Книга писанная на польскомъ языкѣ. Книга Іова Лудольфа письменная. Книга письменная, переводъ отъ вселенскихъ патріарховъ, Мелетія дьякона. Книга переводъ съ польскаго письма съ печатныя книги, глаголемой Алкоранъ Махметовъ. Книга съ польскаго письма съ исторіи о Магилонѣ Кралевнѣ. Книга о послахъ, гдѣ кому въ которомъ государствѣ поклониться. Четыре книги нѣмецкихъ. Четыре книги письменныя о строеніи комедіи. Восемь книгъ календарей разныхъ лѣтъ. Книга рукописнаго права, или уставъ воинской Голландской Земли. Пѣвчая нѣмецкаго языка. Граматикъ польскаго и латинскаго языка. Исторія письменная польскаго языка. Конскій лѣчебникъ. Книга на нѣмецкомъ языкѣ всякимъ рыбамъ и звѣрямъ въ лицахъ. Судебникъ. Родословная. Артикульная. Рукопись Юрія Сербенина. Лѣтописецъ Кіевскій. Соловецкая челобитная. Книга о ратномъ строю. Книга землемѣрная нѣмецкая [2]).

Своимъ составомъ библіотека В. В. Голицына напоминаетъ о томъ переходномъ времени, когда въ Московскомъ государствѣ польское вліяніе боролось съ «нѣмецкимъ» и было сильнѣе его. Польскому вліянію предшествовало, какъ извѣстно, западно-русское. В. В. Голицынъ охотно оказывалъ услуги ученымъ кіевлянамъ. Когда возгорѣлся споръ о времени пресуществленія Св. Даровъ, онъ,—уже бывшій фаворитомъ царевны Софьи,—принялъ сторону западно-русскихъ богослововъ противъ греческихъ [3]). Оно

---

[1]) Это былъ русскій переводъ книги поляка Ан. Фр. Модревіуса (Моджевскаго 1503—1589): „De emendanda republica", частью вышедшей въ Краковѣ въ 1551 г., а полностью въ Базелѣ въ 1554 г. Книга эта для своего времени замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Ея авторъ высказался, между прочимъ, за равенство всѣхъ передъ закономъ и былъ убѣжденнымъ анти-клерикаломъ. О немъ см. у Л. Гумпловича, „Geschichte der Staatstheorien", Innsbruck, 1903, стр. 163—174. О русскомъ переводѣ его книги, сдѣланномъ, вѣроятно, въ 1678 г., см. у А. И. Соболевскаго: „Переводная литература Московской Руси". Спб. 1903, стр. 160.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. III, стр. 1051—1052.

[3]) Соловьевъ. Исторія, кн. III, стр. 1048—1050. Ср. также ст. проф. А. К. Бороздина „Сильвестръ Медвѣдевъ" въ сборн. „Русское религіозное разномысліе" (СПБ. 1907.). Проф. Бороздинъ отмѣчаетъ, собственно, отношеніе Медвѣдева къ Софьѣ, но за Софьей стоялъ и дѣйствовалъ В. В. Голицынъ. Иностранцы считали его даже сторонникомъ іезуитовъ, а нѣкоторые изъ нихъ приписывали ему намѣреніе перейти въ католичество.

и не удивительно. Съ тогдашними греками рѣшительно нечего было дѣлать этому убѣжденному западнику. Польское вліяніе побудило его къ изученію польскаго и латинскаго языковъ. Въ его библіотекѣ мы видимъ грамматики того и другого языка, а также нѣсколько польскихъ книгъ. Латинскимъ языкомъ онъ владѣлъ такъ хорошо, что велъ на немъ переговоры съ иностранными послами. Но составъ его библіотеки еще не даетъ понятія о широтѣ его умственныхъ интересовъ. Де-ла-Нэвиль разсказываетъ, что В. В. Голицынъ велъ съ нимъ (на латинскомъ языкѣ) разговоръ обо всемъ, происходившемъ въ Европѣ, «особенно объ англійской революціи (et surtout de la révolution d'Angleterre) [1])»: недаромъ въ библіотекѣ просвѣщеннаго князя находилось рукописное сочиненіе «о поправленіи всѣхъ дѣлъ, яже надлежатъ обще народу».

Описывая пріемъ, оказанный ему княземъ Голицынымъ, де-ла-Нэвиль замѣчаетъ, что можно было вообразить, будто находишься при дворѣ какого-нибудь итальянскаго государя. По словамъ того же де-ла-Нэвиля, домъ Голицына былъ однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ въ Европѣ: онъ былъ «покрытъ мѣдью и украшенъ очень богатыми драпировками и весьма интересными картинами» [2]). Соловьевъ приводитъ описаніе этого дома, сдѣланное одновременно съ описаніемъ библіотеки при конфискаціи правительствомъ имущества кн. Голицына. «Въ палатѣ подволока накатная, прикрыта холстами, въ серединѣ подволоки солнце съ лучами, вызолочено сусальнымъ золотомъ; кругъ солнца бѣги небесные съ зодіями и съ планеты писаны живописью; отъ солнца на желѣзныхъ трехъ прутахъ паникадило бѣлое костяное о пяти поясахъ, въ поясѣ по осьми подсвѣчниковъ; цѣна паникадилу сто рублей. А по другую сторону солнца—мѣсяцъ въ лучахъ, посеребренъ; кругъ подволоки въ двадцати клеймахъ рѣзныхъ позолоченныхъ, писаны пророческія и пророчицъ лица [3]). Въ

---

[1]) De la Neuville. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. La Haye, 1699, pp. 14—16.

[2]) Тамъ же, стр. 177—178.

[3]) Возможно, что, между прочимъ, и къ этимъ „лицамъ“ относится отзывъ де-ла Нэвиля о „весьма интересныхъ картинахъ“, украшавшихъ жилище В. В. Голицына. Московскіе писцы видѣли только „лица“, а не художественныя произведенія. Впрочемъ, въ то время уже не одинъ Голицынъ украшалъ свое жилище произведеніями искусства. „Картины, эстампы, географическіе чертежи и другіе подобные предметы не составляли принадлежности одного только дворца, но проникали, хотя и рѣдко, и въ боярскіе дома, —говоритъ И. Забѣлинъ. — Притомъ знаменитый Матвѣевъ... и не менѣе знаменитый В. В. Голицынъ, въ настоящемъ случаѣ не могутъ, однако жъ, служить единственнымъ исключительнымъ примѣромъ. Кромѣ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, современниковъ имъ, мы можемъ указать также на Никиту Ивановича Романова . ., который... любилъ музыку, носилъ даже нѣмецкое платье, по крайней мѣрѣ, выѣз-

четырехъ рамахъ рѣзныхъ четыре листа нѣмецкихъ (вѣроятно, гравюры. *Г. П.*), за листъ по пяти рублей». Кромѣ того, палаты Голицына были украшены зеркалами и портретами великихъ князей и царей: великаго князя Владимира Кіевскаго, Ивана Грознаго, Ѳеодора Ивановича, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳеодора, Ивана и Петра Алексѣевичей. Упоминаются еще какія-то четыре персоны королевскихъ. Но лучше опять уступить слово обстоятельнымъ царскимъ писцамъ. «Въ той же палатѣ 46 оконъ съ оконницами стеклянными, въ нихъ стекла съ личинами. Въ спальнѣ въ рамахъ деревянныхъ вызолоченныхъ землемѣрные чертежи печатные, нѣмецкіе, на полотнѣ; четыре зеркала, двѣ личины человѣческихъ каменныхъ арапскія; кровать нѣмецкая орѣховая, рѣзная, рѣзь сквозная, личины человѣческія и птицы и травы; на кровати верхъ орѣховый же, рѣзной, въ серединѣ зеркало круглое; цѣна 150 рублей. Девять стульевъ, обитыхъ кожами золотными; кресло съ подножіемъ, обито бархатомъ». Вообще, было чему подивиться наивнымъ москвичамъ въ домѣ князя Голицына. Вотъ, напримѣръ, они занесли въ свою опись, кромѣ всего вышесказаннаго, «нѣмчина на конѣ, а въ лошади часы»; или: «Три фигуры нѣмецкія орѣховыя, у нихъ въ срединахъ трубки стекляныя, на нихъ по мишени мѣдной, на мишеняхъ вырѣзаны слова нѣмецкія, а подъ трубками въ стекляныхъ чашкахъ ртуть (барометры? *Г. П.*)» [1]).

II.

Обстановка роскошнаго дворца В. В. Голицына убѣдительно говорила въ пользу его европейскихъ вкусовъ. Но обстановка, это—внѣшность. Посмотримъ, каковы были преобразовательные планы просвѣщеннаго князя.

Еще въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича ему было «указано» вѣдать ратныя дѣла для лучшаго устроенія и управленія царскаго войска. У этого дѣла съ нимъ были выборные стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы, городовые дворяне и дѣти боярскія, а также генералы и полковники рейтарскихъ и пѣхотныхъ полковъ. Работа этой,—какъ ее называетъ Соловьевъ,

---

жалъ въ немъ на охоту. Вообще, въ XVII столѣтіи боярскій бытъ сталъ во многомъ измѣняться противъ прежняго. Примѣры первыхъ бояръ не оставались безъ вліянія". Даже у Никона было „двѣсти семьдесятъ листовъ фряжскихъ, листъ печатной большой подволочной; на большомъ листу часть Космографіи; на большомъ же листу Космографія". Въ 80-хъ гг. XVII в. Афанасій Звѣревъ рѣзалъ для государя „всякія фряжскія рѣзи" („Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.", ч. I, Москва, 1872, стр. 180 и 177).

[1]) Соловьевъ. Исторія, кн. III, стр. 1050—1051.

употребляя нынѣшній терминъ,—комиссіи, привела, между прочимъ, (въ январѣ 1682 г.) къ уничтоженію мѣстничества. Позволительно думать, что этотъ плодъ дѣятельности ратной комиссіи получился не безъ вліянія В. В. Голицына, много думавшаго о преобразованіи московскаго войска и, конечно, понимавшаго, какой вредъ приносило мѣстничество военному дѣлу.

По всему видно, что онъ всѣми силами души стремился къ власти и готовъ былъ ради нея входить въ сдѣлки со своей совѣстью. Но у него не замѣтно старыхъ боярскихъ притязаній. Если вѣрить де-ла Нэвилю, онъ «очень презиралъ сильныхъ (les grands) по причинѣ ихъ неспособности» и давалъ дорогу только даровитымъ людямъ, за что московская знать (familles patriciennes) платила ему ненавистью. Онъ доказывалъ патриціанскимъ семьямъ необходимость учить своихъ дѣтей, а для этого отдавать ихъ въ польскія школы или приглашать на домъ польскихъ гувернеровъ. Характеризуя широкіе планы Голицына, де-ла-Нэвиль говоритъ, что онъ хотѣлъ «населить пустыни, обогатить нищихъ дикарей, сдѣлавъ ихъ людьми, и превратить трусовъ въ храбрыхъ, а пастушескія хижины въ каменные дворцы». Все это широковѣщательно, но, къ сожалѣнію, неопредѣленно.

И всего досаднѣе неопредѣленность широковѣщательныхъ выраженій де-ла-Нэвиля тамъ, гдѣ рѣчь идетъ у него о намѣреніи князя-западника «освободить крестьянъ (affranchir les paysans)» [1]. По поводу этого намѣренія Ключевскій справедливо говоритъ, что мысли о разрѣшеніи крѣпостного вопроса стали возвращаться въ русскіе государственные умы не раньше, какъ полтора вѣка спустя послѣ Голицына [2]. М. Н. Покровскій думаетъ, что Голицынъ собирался не освободить крестьянъ, а лишь болѣе точно опредѣлить ихъ повинности. Трудно съ увѣренностью сказать теперь, какъ оно было на самомъ дѣлѣ. Вотъ, слова де-ла-Нэвиля:

«Такъ какъ намѣреніе этого князя заключалось въ томъ, чтобы поставить это государство на равную ногу съ прочими, то онъ велѣлъ доставить себѣ описаніе всѣхъ европейскихъ государствъ и ихъ правительствъ. Прежде всего онъ хотѣлъ освободить крестьянъ и отдать въ ихъ распоряженіе земли, ими обрабатываемыя въ пользу царя. За это они платили бы еже-

---

[1]) Есть основаніе думать, что на мысль объ улучшеніи положенія крестьянъ В. В. Голицынъ былъ наведенъ благороднымъ Модржевскимъ, который, въ своемъ выше названномъ сочиненіи съ жаромъ обрушивался на помѣщиковъ, обращавшихся съ крестьянами, какъ съ рабами, и ставившими ихъ въ невыносимое положеніе (Гумпловичъ, назван. сочин., стр. 169—172).

[2]) „Курсъ русской исторіи“, III, 460.

годную подать, которая, по его вычисленію, болѣе чѣмъ на половину увеличила бы доходъ этихъ государей (т.-е. царствовавшихъ тогда Петра и Ивана.—*Г. П.*) [1]).

Ключевскій полагалъ, что, такъ какъ, по плану В. В. Голицына, за дворянами оставалась обязанность военной службы, то подать, которую уплачивали бы крестьяне за свои земельные участки, должна была увеличить дворянскіе оклады денежнаго жалованья и «служить вознагражденіемъ за потерянные помѣщиками доходы съ крестьянъ и за отошедшія къ нимъ земли». Но за чьи же земли? У де-ла-Нэвиля рѣчь идетъ не о помѣщичьихъ земляхъ, а о тѣхъ, которыя обрабатывались крестьянами «въ пользу царя». Странно, что Ключевскій не обратилъ на это вниманія. На основаніи точнаго смысла словъ де-ла-Нэвиля, можно предположить, что В. В. Голицынъ собирался освободить,—или, если угодно, опредѣлить и перевести на деньги повинности,—крестьянъ дворцовыхъ волостей. Если допустить это предположеніе, то выйдетъ, что одинъ изъ самыхъ передовыхъ московскихъ западниковъ конца XVII вѣка, получивъ власть въ свои руки, мечталъ объ осуществленіи реформы, болѣе или менѣе однородной съ тою, которая совершилась во Франціи въ 1315 г., по указу короля Людовика X. Какъ мы уже знаемъ, этотъ король основывалъ принятую имъ мѣру на томъ соображеніи, что «по естественному праву всякій долженъ родиться свободнымъ» (Selon le droit de nature chacun doit naître franc). Изъ записокъ де-ла-Нэвиля не видно, доходилъ ли до подобныхъ соображеній московскій князь-западникъ, читавшій «Книгу, писанную о гражданскомъ житіи» и интересовавшійся англійской революціей. Но фактъ тотъ, что его намѣреніе не осуществилось. Вслѣдствіе разницы экономическихъ условій, для Москвы конца семнадцатаго столѣтія была преждевременной мысль о мѣрѣ, съ успѣхомъ принятой во Франціи въ началѣ четырнадцатаго.

III.

Предположивъ, что задуманная В. В. Голицынымъ крестьянская реформа должна была распространяться только на дворцовыя волости,—или, можетъ быть, еще на волости черносошныхъ крестьянъ,—надо, однако, имѣть въ виду еще слѣдующія слова де-ла-Нэвиля:

«Онъ хотѣлъ также, чтобы дворянство путешествовало и чтобы оно училось военному дѣлу въ другихъ странахъ; ибо онъ

[1]) Де-ла-Нэвиль, указ. соч., стр. 215.

намѣревался превратить въ хорошихъ солдатъ легіоны крестьянъ, земли которыхъ остаются невоздѣланными, когда ихъ ведутъ на войну. Вмѣсто этой безполезной для государства службы [1]), онъ собирался обложить ихъ необременительнымъ поголовнымъ денежнымъ налогомъ (au lieu de ce service inutile à l'État, imposer sur chaque tête une somme raisonnable).

Эти слова могутъ довести до отчаянія своей крайней запутанностью. Превратить въ хорошихъ солдатъ легіоны «даточныхъ» рекрутовъ—значило хорошо обучить ихъ военному дѣлу. А замѣнить ихъ безполезную для государства военную службу необременительной денежной податью—значило избавить ихъ отъ этой службы. Одно противорѣчитъ другому. Какъ это слѣдуетъ изъ другихъ объясненій де-ла-Нэвиля, и какъ это думаетъ Ключевскій, Голицынъ собирался совсѣмъ отмѣнить пополненіе московскаго войска даточными рекрутами изъ тяглыхъ людей и холоповъ, такъ что «превращеніе» легіоновъ крестьянъ въ хорошихъ солдатъ надо понимать, какъ замѣну этихъ легіоновъ дворянскими полками. На содержаніе дворянскихъ полковъ и должна была итти денежная подать съ крестьянъ, избавляемыхъ отъ воинской повинности. Нельзя не признать, что этотъ замыселъ В. В. Голицына былъ неудаченъ: онъ шелъ вразрѣзъ съ тогдашними военными нуждами Московскаго государства.

Сообщивъ о намѣреніи Голицына замѣнить обязательную обработку крестьянами царской земли денежною податью, де-ла-Нэвиль прибавляетъ, по своему обыкновенію, очень сбивчиво: «Онъ хотѣлъ такъ же поступить съ кабаками и съ другими видами продажи предметовъ потребленія (et autres ventes et denrées), желая вызвать у этихъ народовъ надежду на обогащеніе и тѣмъ сдѣлать ихъ трудолюбивыми и промышленными (industrieux) [2])». Если вспомнить, что кабаки составляли тогда царскую монополію («царевъ кабакъ»), то эти неясныя слова станутъ нѣсколько болѣе ясными. Повидимому, де-ла-Нэвиль хотѣлъ сказать, что Голицынъ собирался предоставить подданнымъ Московскаго государства свободу промышленной дѣятельности и этимъ вызвать у нихъ экономическую предпріимчивость. Блестящій фаворитъ царевны Софьи вообще очень много заботился о развитіи промысловъ въ Московскомъ государствѣ и объ увеличеніи его торговыхъ сношеній съ другими странами Запада и Востока. Онъ прокладывалъ дороги и установилъ правильную ямскую гонь-

---

[1]) Голицынъ говорилъ, что изъ такъ называвшихся тогда „даточныхъ“ крестьянъ и холоповъ выходили очень плохіе воины.

[2]) Тамъ же, стр. 215.

бу между Москвой и Тобольскомъ [1]). Онъ же отправилъ въ Китай особаго посла для упорядоченія торговли московскихъ людей съ этой отдаленной страной.

Даже частичное освобожденіе торгово-промышленной дѣятельности московскихъ людей отъ безчисленныхъ и крѣпкихъ узъ, наложенныхъ на нихъ свойственнымъ ихъ государству «крутымъ владаніемъ», принесло бы имъ огромную пользу. В. В. Голицынъ хорошо подмѣтилъ главное зло народно-хозяйственной жизни Великороссіи. Но, не говоря уже объ особенностяхъ его личнаго положенія, «самобытность» этой жизни дѣлала его планы неосуществимыми. Она вела за собою то, что для удовлетворенія ближайшихъ нуждъ государства приходилось жертвовать его болѣе отдаленными, но не менѣе существенными потребностями. «Военно-финансовая необходимость» побуждала правителей Московскаго государства къ реформамъ въ духѣ сближенія съ Западомъ. Правительство стало заботиться о развитіи производительныхъ силъ страны. Но въ интересахъ этого развитія оно,— преимущественно, въ лицѣ Петра,—вынуждено было принять рядъ такихъ мѣръ, которыя должны были, въ послѣднемъ счетѣ, сильно замедлять ходъ того самаго развитія производительныхъ силъ, для ускоренія котораго онѣ принимались. Такъ, желая поощрить предпріимчивость купечества, Петръ до крайности стѣснилъ торгово-промышленную дѣятельность крестьянства. А между тѣмъ,— какъ уже сказано во введеніи,—въ Московской Руси раздѣленіе труда между городомъ и деревней было очень далеко отъ той степени, какой достигло оно въ передовыхъ государствахъ Запада. Полное отсутствіе свободы передвиженія замедлило въ ней развитіе городовъ, но зато вызвало значительный ростъ кустарной промышленности въ деревняхъ. На судьбахъ этой промышленности мѣры, принятыя Петромъ и поддержанныя его преемниками въ интересахъ купечества, не могли не отразиться въ высшей степени неблагопріятно: онѣ должны были поддерживать ее въ томъ состояніи первобытной неразвитости, въ какомъ она такъ долго оставалась, а отчасти остается и въ наши дни. Само собою понятно, что этимъ сильно замедлялся процессъ экономическаго развитія великорусскаго племени [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 221 — 223. Не лишено интереса что распоряженію Голицына де-ла Нэвиль приписываетъ разстановку по дорогамъ Московскаго государства верстовыхъ столбовъ.

[2]) Уже самое учрежденіе помѣщичьяго войска отразилось неблагопріятно на судьбѣ городовъ. Я указывалъ на это во введеніи, ссылаясь на мнѣніе Ключевскаго. Теперь приведу чрезвычайно интересное мнѣніе Соловьева. „Въ древности городскіе жители имѣли то важное значеніе, что участвовали своими особыми полками въ

Кн. Василій Васильевичъ Голицынъ.

Если бы В. В. Голицыну удалось хоть нѣсколько ослабить узы «крутого владанія», то онъ значительно облегчилъ бы экономическую дѣятельность московскихъ людей. Но можно думать, что онъ самъ, болѣе или менѣе, смутно чувствовалъ противорѣчивость того положенія, въ которое должны были попадать московскіе реформаторы, благодаря соціально-политической «самобытности» своей отсталой страны. Онъ хотѣлъ, чтобы Московское государственное хозяйство окончательно приняло денежный характеръ. Для этого нужно было много денегъ. Чтобы добыть нужныя деньги, онъ собирался, между прочимъ, установить государственную монополію для продажи русскаго пушного товара за границей [1]). И въ то же время онъ самъ, какъ мы видѣли, понималъ, что государственныя монополіи не содѣйствуютъ развитію частной предпріимчивости: недаромъ онъ хотѣлъ ввести свободную продажу вина и другихъ предметовъ потребленія. Но ему, какъ послѣ него Петру, приходилось считаться въ своихъ преобразовательныхъ планахъ съ данной экономической дѣйствительностью.

IV.

«Личныя отношенія князя Голицына не дали ему возможности даже начать практическую разработку своихъ преобразовательныхъ замысловъ,—говоритъ Ключевскій:—связавъ свою судьбу съ царевной Софьей, онъ палъ вмѣстѣ съ нею и не принималъ участія въ преобразовательной дѣятельности Петра, хотя былъ ближайшимъ его предшественникомъ и могъ бы быть хорошимъ его сотрудникомъ, если не лучшимъ. Въ законодательствѣ слабо отразился духъ его плановъ [2])».

Покойный профессоръ могъ бы выразиться сильнѣе. Законодательство того времени, когда господствовалъ В. В. Голицынъ, отчасти шло путемъ, противнымъ духу его преобразовательныхъ замысловъ. По свидѣтельству де-ла-Нэвиля, онъ хотѣлъ обезпечить московскимъ людямъ свободу совѣсти, а между тѣмъ въ его

военныхъ дѣйствіяхъ, которыхъ исходъ во время княжескихъ усобицъ много зависѣлъ отъ нихъ. Даже въ началѣ княженія Ивана III московскіе полки отправлялись на рать съ особымъ воеводою. Но потомъ установленіе многочисленнаго помѣщичьяго войска дало правительству возможность не нуждаться болѣе въ городовыхъ полкахъ; горожане перестаютъ участвовать въ войскахъ, становятся вполнѣ сословіемъ невооруженнымъ, вполнѣ м у ж и к а м и, п о л у л ю д ь м и относительно полныхъ людей, мужей, т. е. вооруженныхъ, ибо, по тогдашнимъ понятіямъ, только вооруженный, только воинъ былъ полный, полноправный человѣкъ*. (Исторія, кн. III, стр. 657).

[1]) Тамъ же, стр. 218.

[2]) Курсъ, III, 461.

время раскольники подвергались жестокимъ гоненіямъ. Точно также ни одна практическая мѣра не была принята для облегченія участи крѣпостного крестьянства. Ключевскій, какъ нельзя лучше, объясняетъ это: «Ничего не могло сдѣлать и для крѣпостныхъ крестьянъ правительство царевны, пристращавшей буйныхъ стрѣльцовъ дворянами, пока не явилась возможность припугнуть дворянъ стрѣльцами и казаками [1])». Не выдерживаетъ даже и снисходительной критики то славянофильское мнѣніе, что на Руси не было борьбы классовъ. Но неоспоримо, что Московское государство отличалось такой «самобытностью», благодаря которой даже классовая борьба случаевъ, служащая источникомъ прогресса, очень часто служила въ ней источникомъ застоя.

Если затруднительно было положеніе царевны Софьи, которой приходилось опираться на дворянъ противъ стрѣльцовъ и на стрѣльцовъ противъ дворянъ, то еще болѣе затруднительно было положеніе ея просвѣщеннаго любовника, которому нужно было, въ интересахъ самосохраненія, направлять огромную долю своихъ умственныхъ силъ и своего вниманія на разнаго рода придворныя интриги. Повидимому, немало затрудненій причиняла ему даже любовная связь съ Софьей, давшая ему такую большую власть въ государствѣ. Царевна страстно его любила [2]). А онъ, по словамъ дела-Нэвиля, сошелся съ нею только потому, что хотѣлъ возвыситься («il n'aimait que par rapport à sa fortune»). Тяготясь своей незаконной, но всѣмъ извѣстной связью съ нимъ, Софья хотѣла выйти за него замужъ. Для этого нужно было предварительно постричь въ монахини его жену, а ему, какъ увѣряетъ де-ла-Нэвиль, этого вовсе не хотѣлось. Въ концѣ концовъ, онъ уступилъ и добился отъ своей жены обѣщанія пойти въ монастырь. Уже одна эта семейная драма должна была дорого стоить «царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателю», какъ именовался теперь Голицынъ. Но одновременно съ нею происходила роковая для него борьба съ партіей Петра. Софья твердо вѣрила въ успѣхъ своего дѣла, а Голицынъ сомнѣвался и въ то же время не могъ не видѣть, что развязка при-

---

[1]) Тамъ же, та же стр.

[2]) „Письма твои... къ намъ всѣ дошли въ цѣлости, — писала она ему во время второго крымскаго похода.—Изъ-подъ Перекопи пришли отписки въ пятокъ 11 числа. Я брела пѣша изъ-подъ Воздвиженскаго; только подхожу къ монастырю Сергія чудотворца, къ самымъ Святымъ воротамъ, а отъ воротъ отписки о бояхъ. Я не помню, какъ взошла чла, идучи! Не вѣдаю, чѣмъ Его, Свѣта, благодарить за такую милость Его, и Матерь Его, и Преподобнаго Сергія чудотворца милостиваго! Что ты, батюшка мой, пишешь о посылкѣ въ монастыри, все то исполнила: по всѣмъ монастырямъ бродила сама, пѣша". (Соловьевъ. Исторія, кн. III, стр. 1022—1023). Никакое сомнѣніе въ искренности чувства здѣсь не допустимо.

ближается. Могъ ли онъ сохранить необходимое для серьезной преобразовательной дѣятельности спокойствіе духа?

Побѣда Петра дала ему почувствовать всю страшную унизительность положенія московскихъ служилыхъ людей, подвергавшихся опалѣ. Этотъ по-европейски образованный князь вынужденъ былъ заговорить гнуснымъ языкомъ царскаго холопа. «Ѳедька Шакловитый мнѣ Васькѣ крайній другъ николи не бывалъ»—писалъ онъ, ѣдучи въ ссылку, въ челобитной, посланной царямъ изъ Ярославля. Изъ Яренска онъ, продолжая то же путешествіе, снова писалъ государямъ: «Страждемъ мы бѣдные (т.-е. онъ съ семьею,—*Г. П.*) близъ конца живота своего; а оклеветаны вамъ, В. государямъ, невинно. Какъ насъ холопей вашихъ везли къ Тотмѣ и, не доѣзжая города, на рѣкѣ Сухонѣ, возки женъ нашихъ и дѣтей и дворовыхъ людишекъ въ воду обломились; и женъ и дѣтишекъ нашихъ малыхъ насилу изъ рѣки вытаскали и лежали въ безпамятствѣ многое время». Изъ Пустозерска онъ опять писалъ по тому же адресу: «Нынѣ въ пути мучимъ животъ свой и скитаемся Христовымъ именемъ, всякою потребою обнищали и послѣднія рубашки съ себя проѣли [1])»...

Нечего и говорить: тяжело было въ этомъ крайнемъ оскудѣніи человѣку, много лѣтъ обитавшему въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ дворцовъ Европы. Но когда читаешь его челобитную, жалѣешь, что великій Голицынъ,—какъ называлъ его де-ла-Нэвиль,—не предпочелъ молча перенести выпавшія на его долю огромныя лишенія и тѣмъ избѣжать унизительной необходимости лишній разъ обозвать себя царскимъ холопомъ Васькой.

V.

Фаворитъ Софьи былъ родоначальникомъ тѣхъ русскихъ западниковъ, которые для осуществленія своихъ преобразовательныхъ плановъ старались тѣми или другими путями пріобрѣсти личное вліяніе на верховную власть. Изъ ихъ стараній рѣдко выходило что-нибудь доброе. Чаще всего эти люди падали, растративъ бо́льшую часть своихъ, нерѣдко очень крупныхъ, силъ на безплодныя, но неизбѣжныя въ ихъ положеніи интриги. Западники, пытавшіеся осуществить общественныя реформы снизу, иногда относились съ суровымъ осужденіемъ къ надеждамъ преобразовать Россію сверху. Въ статьѣ «Русскій реформаторъ», написанной (въ 1861 г.) по поводу выхода въ свѣтъ книги барона М. Корфа «Жизнь графа Сперанскаго», Н. Г. Чернышевскій уди-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія, кн. III, стр. 1079—1080.

влялся, какъ могъ Сперанскій такъ долго упорствовать въ предположеніи о возможности выиграть свое дѣло, т.-е. приняться за реформу: «Удивительно, говоримъ мы, такое грубое самообольщеніе въ человѣкѣ такого тонкаго ума; но это изумленіе надобно относить не къ однимъ тѣмъ годамъ напрасной надежды, которые тянулись отъ возвращенія Сперанскаго до кончины императора Александра Павловича. Столь же очевидною должна была бы представляться ему неосновательность его ожиданій и въ прежнее время, когда онъ былъ государственнымъ секретаремъ. Чтобы признать себя мечтателемъ, ему... нужно было бы тогда только сообразить характеръ и размѣръ своихъ стремленій съ качествомъ средствъ, которыми онъ думалъ пользоваться. Видно, что онъ уже отъ природы былъ осужденъ на странную забывчивость въ этомъ отношеніи». Чернышевскій объяснялъ забывчивость Сперанскаго горячностью его стремленій. Онъ сравнивалъ его съ человѣкомъ, который, желая обогатиться, беретъ лотерейные билеты, хотя и понимаетъ разорительность этой игры. Сперанскій, по его мнѣнію, походилъ также на влюбленнаго, не замѣчающаго даже очевидныхъ недостатковъ любимой женщины. «Всѣ такіе люди смѣшны, ихъ обольщенія мелочны»—прибавлялъ онъ;—но они могутъ быть вредны обществу, когда обольщаются въ серьезныхъ дѣлахъ. Въ своей восторженной хлопотливости на ложномъ пути, они какъ будто добиваются нѣкотораго успѣха и тѣмъ сбиваютъ съ толку многихъ, заимствующихъ изъ этого мнимаго успѣха мысль итти тѣмъ же ложнымъ путемъ. Съ этой стороны дѣятельность Сперанскаго можно назвать вредной» [1]).

Точка зрѣнія Чернышевскаго была въ этомъ случаѣ точкой зрѣнія публициста. Съ точки зрѣнія историка, дѣятельность людей, подобныхъ Сперанскому, не всегда представляется въ томъ свѣтѣ, въ какомъ она представлялась идеологу передовыхъ русскихъ разночинцевъ въ 60-хъ гг. XIX столѣтія. Историкъ не можетъ не спросить себя: въ самомъ ли дѣлѣ существовали въ эпоху того же Сперанскаго тѣ «многіе», которыхъ могла бы при другихъ условіяхъ ввести въ заблужденіе его «восторженная хлопотливость»? И не послужила ли его неудача однимъ изъ историческихъ условій, способствовавшихъ возникновенію мысли декабристовъ о необходимости совсѣмъ другого способа преобразовательной дѣятельности? Что же касается кн. В. В. Голицына, то ему уже совсѣмъ некого было сбивать съ правильнаго пути въ современной ему Москвѣ. Къ тому же, хотя совсѣмъ не осуществились его широкіе преобразовательные планы, но все-таки не безъ

---

[1]) Полное собр. соч. Н. Г. Чернышевскаго, т. VIII, стр. 318—319.

пользы для московской страны прошли тѣ годы, когда онъ стоялъ у власти, т.-е. годы правленія Софьи. Ключевскій указываетъ на замѣчательный отзывъ объ этихъ годахъ сторонника Петра, кн. Б. И. Куракина.

«Правленіе царевны Софьи Алексѣевны началось со всякою прилежностью и правосудіемъ всѣмъ и ко удовольству народному, такъ что никогда такого мудраго правленія въ Россійскомъ государствѣ не было; и все государство пришло во время ея правленія чрезъ семь лѣтъ въ цвѣтъ великаго богатства, также умножилась коммерція и всякія ремесла, и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку... и торжествовала тогда довольность народная». Ключевскій сопоставляетъ это свидѣтельство Куракина съ тѣмъ сообщеніемъ де-ла-Нэвиля, что въ Москвѣ во время господства Голицына построено было болѣе 3.000 каменныхъ домовъ [1]). Изъ этого слѣдуетъ, что не совсѣмъ же даромъ трудился князь-западникъ.

Де-ла-Нэвиль говоритъ: «Москва все потеряла съ паденіемъ Голицына». Такъ должно было представляться ему во время этого паденія [2]). Мы знаемъ теперь, что вышло иначе. За преобразовательными замыслами Голицына послѣдовали рѣшительныя преобразовательныя дѣйствія Петра. Однако, остается тотъ указанный Ключевскимъ фактъ, что въ лицѣ В. В. Голицына царь-реформаторъ отправилъ въ далекую ссылку такого человѣка, который могъ бы быть самымъ надежнымъ его помощникомъ по части реформы. Невольно мелькаетъ мысль: гораздо лучше было бы имъ столковаться между собою. Но оба они дѣйствовали въ условіяхъ данной среды. А въ этихъ условіяхъ играла огромную роль дворцовая интрига, результатомъ которой и явилась борьба партіи Софьи съ партіей Петра. Въ каждомъ положеніи есть своя объективная логика [3]).

---

[1]) Ключевскій. „Курсъ", III, 461 — 462.

[2]) Де-ла-Нэвиль пріѣхалъ въ Москву посланцемъ отъ польскаго короля незадолго до побѣды партіи Петра надъ Голицынымъ и Софьей. *Г. П.*

[3]) Альфрэ Рамбо (Histoire de la Russie, 5 éd., p. 350) называетъ Софью „une Byzantine" и противопоставляетъ ей Петра, который стремился „à être un européen". Но вѣдь и Петръ, подобно Софьѣ, родился, воспитался и дѣйствовалъ въ „византійской" обстановкѣ.

Глава XI.

НАЦІОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ ЗАПАДНОМУ ВЛІЯНІЮ.

I.

Въ 1655 году вологодское духовенство обратилось къ архіерею съ вопросомъ, можно ли пускать въ церковь бѣлоруссовъ и ходить къ нимъ съ требами. Архіерей почувствовалъ себя не въ силахъ рѣшить этотъ важный вопросъ и, съ своей стороны, аппеллировалъ къ патріарху. Патріархъ,—Никонъ,—отвѣтилъ такъ: «Если кто не истинно крещенъ, обливанъ, тѣхъ крестить снова, а умершихъ погребать» [1]).

Это даетъ намъ мѣру той поразительной ограниченности, до которой дошло сознаніе московскихъ людей подъ вліяніемъ ихъ восточнаго быта. Если спрашивали, можно ли православному великорусскому священнику хоронить православнаго бѣлорусса, и не слѣдуетъ ли считать этого послѣдняго нехристемъ на томъ единственномъ основаніи, что при крещеніи его, можетъ быть, обливали водой, а не погружали въ нее, то дальше итти,—вѣрнѣе сказать: дальше пятиться,—было некуда [2]). Огораживаясь китайской стѣной не только отъ нѣмцевъ и поляковъ, но даже отъ своихъ братьевъ бѣлоруссовъ и малороссовъ, великорусы тѣмъ самымъ очень затрудняли осуществленіе той цѣли, которую ихъ государи поставили себѣ со времени возвышенія Москвы: соби-

---

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. III, стр. 737.

2) Это одна изъ безчисленнаго множества возможныхъ иллюстрацій къ тому замѣчанію г. Е. Голубинскаго, что послѣ нашествія монголовъ русскіе, — точнѣе, великорусскіе, — люди „стали представлять изъ себя какъ бы европейскій Китай“ (Исторія русской церкви, т. I, первая половина тома, Москва, 1901 г., стр. 461). А вотъ еще двѣ иллюстраціи: „Наши великіе князья и цари, послѣ торжественныхъ пріемовъ иностранныхъ пословъ, обыкновенно обмывали руки, къ которымъ во время этихъ пріемовъ прикладывались послы, и которые считались оскверненными такимъ прикосновеніемъ.... Въ кормчихъ предлагались такого рода правила: аще въ суднѣ будетъ латина ѣла, измывши, молитву сотворити и т. п. (А. Царевскій. Посошковъ и его сочиненія. Москва, 1883, стр. 144).

раніе русскихъ земель. Духовная исключительность такъ же сильно противорѣчила этой цѣли, какъ и московское «крутое владаніе», приводившее въ ужасъ жителей Западной Руси. Болѣе проницательные правители Московскаго государства понимали вредъ такой исключительности и старались хоть отчасти ослабить ее. Какъ мы уже знаемъ, настоятельныя государственныя нужды заставляли ихъ вызывать въ Московію западныхъ ремесленниковъ, техниковъ и врачей. Это не нравилось московскому духовенству. Когда Борисъ захотѣлъ основать школы, въ которыхъ иностранцы учили бы молодыхъ русскихъ людей разнымъ языкамъ, духовенство признало это вреднымъ для религіи. Оно говорило, что «обширная страна ихъ едина по нравамъ, религіи и языку; будетъ много языковъ, встанетъ смута въ Землѣ» [1]). Впрочемъ, сопротивленіе духовенства никогда не могло имѣть очень большого значенія въ Московскомъ государствѣ. Въ царствованіе Бориса въ самой Москвѣ началось подражаніе иностраннымъ обычаямъ. Нѣкоторые москвичи стали носить иностранный костюмъ и брить бороду, не смущаясь тѣмъ, что еще при митрополитѣ Даніилѣ (1522—1539 гг.) московское духовенство помѣстило въ Кормчую книгу мнимое правило апостоловъ: «если кто браду брѣетъ и умретъ, не подобаетъ его хоронить, съ невѣрными да причтется». Авраамій Палицынъ увѣряетъ даже въ своемъ сказаніи, что Борисъ «ереси Арменствй и Латынствй послѣдствующимъ добръ потаковникъ бысть; и въ женскоподобныхъ образѣхъ любящеи бровити, зѣло таковіи любими отъ него быша, и старые мужи въ юноши премѣняхуся» [2]).

---

[1]) Соловьевъ. Исторія, кн. II, стр. 724. Именно сопротивленіе духовенства и побудило Бориса послать за границу,—въ Любекъ, Францію, Австрію, Англію,—молодыхъ людей, которые оттуда уже не вернулись. Характерно для Московскаго государства, что оно не позабыло объ этихъ „ребятахъ“, несмотря на всѣ треволненія Смутнаго времени. Въ іюлѣ 1617 года, отправляя пословъ въ Англію, оно наказывало имъ „говорить накрѣпко, всякими мѣрами, чтобъ велѣно было ребятъ, отданныхъ при Годуновѣ въ ученіе, сыскать и отдать“. Правда, оно прибавляло: „а какихъ отдадутъ, взять къ себѣ и держать съ великимъ береженіемъ, тѣсноты и нужды ни въ чемъ не дѣлать, ихъ этимъ не отогнать, во всемъ ихъ тѣшить“ (Соловьевъ, тамъ же, стр. 1174; ср. стр. 1178—79). Разумѣется, привезя въ Москву, ихъ можно было бы попотчевать „батожьемъ“. Англійское правительство русскихъ „ребятъ“ не „отдало“, объявивши, что оно никого неволей у себя не держитъ.

[2]) Русская ист. библ., т. XIII, стр. 487—488. Противъ бритья бороды возставалъ и Максимъ Грекъ, хотя его религіозность и не была исключительно внѣшней, обрядовой религіозностью. Въ своемъ посланіи къ Ивану Васильевичу о брадобритіи онъ утверждалъ, что усы и борода „предобрѣйше умышлена быша премудрѣйшимъ хитрецемъ Богомъ, не точію къ раззнанію женскаго пола и мужскаго, но еще и честновидному благолѣпію лицъ нашихъ“. Онъ разсказываетъ, что „нѣціи“ остригли козлу бороду, „и той не стерпѣвъ досады . . . . самого себя убилъ до смерти, бія безъ милости главу свою къ земли“. На этомъ основаніи Максимъ назидательно при-

Духовенство роптало, но хорошо помнило пословицу: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Оно не рѣшалось крѣпко спорить съ верховной властью. Приверженцы старины обращались къ патріарху (Іову), говоря ему: «Отецъ святый! зачѣмъ ты молчишь, видя все это?» Однако, Іовъ не рѣшался нарушить молчаніе: «видя сѣмена лукавствія, сѣемыя въ винограде Христовомъ, дѣлатель изнемогъ, и, только къ Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую обливалъ слезами» [1]). Вообще, неповоротливое мышленіе московскихъ людей умѣло уступать, хотя и съ медленностью, очевидной практической необходимости. Подъ ея давленіемъ они побѣждали свою боязнь сближенія съ иностранцами. И даже западнымъ людямъ они подчасъ,—и ужь, конечно, совсѣмъ неожиданно для тѣхъ,—читали наставленія на ту тему, что одно дѣло—вѣра, а другое дѣло—практическія сношенія. «Вѣра дружбѣ не помѣха,—говорили бояре Ивана IV послу просвѣщенной англійской королевы Елизаветы,—вотъ ваша государыня и не одной вѣры съ нашимъ государемъ, а государь нашъ хочетъ быть съ нею въ любви и братствѣ мимо всѣхъ государей» [2]). Но бѣда была въ томъ, что практическія сношенія съ западными европейцами далеко не всегда были выгодны московскимъ людямъ. Благодаря своей отсталости, эти послѣдніе дѣлались предметомъ эксплуатаціи для жителей болѣе передовыхъ странъ. Поэтому недовѣріе къ «латынамъ, лютерамъ и кальвинамъ» поддерживалось и усиливалось причинами, не имѣвшими ровно никакого отношенія къ религіи.

II.

Это мы видимъ уже въ памятникахъ XVI вѣка. Извѣстная читателю «Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ» содержитъ такія строки:

«Царю и великому князю уставити по монастыремъ и вездѣ своею царскою смиренною (sic!) грозою, брадъ и усовъ не брѣти, не торшити и сану своего ничѣмъ не вредити, крестное знаменіе на лицѣ своемъ сполна воображати, каятися, говѣти по вся годы человѣку вездѣ, исповѣдоватися Господиви и отцемъ духовнымъ отъ двоюнадесяти лѣтъ мужеска пола и женска» [3]).

бавляетъ: „уразумѣемъ, коль честно и любезно есть бородное украшеніе и безсловесному животну". „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія".—Изслѣдованіе В. Жмакина, Москва, 1881, приложеніе, стр. 83—84.

[1]) Рукописная исторія объ Іовѣ патріархѣ, цитир. у Соловьева. Ист., кн. II, стр. 726.

[2]) Соловьевъ, кн. II, стр. 298—299.

[3]) Лѣтопись занятій археограф. комиссіи, вып. X, стр. 24.

Такъ какъ авторомъ «Бесѣды» былъ, по всей вѣроятности, міряннъ, то его заботливость о благочестіи внутреннемъ и внѣшнемъ, включительно до крестнаго знаменія и бритья бороды, можетъ показаться преувеличенной. Но въ самой «Бесѣдѣ» мы встрѣчаемъ ясное доказательство того, что заботливость эта имѣла,— хотя, можетъ быть, и безъ вѣдома автора,—чисто мірское происхожденіе.

«Горе роду христіанскому,—читаемъ ты тамъ,—прельстившимся въ невѣрныхъ порты и шлыки [1]) и имущимъ ихъ на себѣ, держащимъ ихъ невѣрныхъ прелести и впущающе ихъ въ землю свою и ищущимъ отъ нихъ помощи и хранящимся ими и ихъ храбростію израильтескіе [2]) грады и станы [3]). Таковые нѣсть рабы, но враги именуются; понеже оставя Божію помощь, и отъ невѣрныхъ ищутъ помощи и надежи, и потомъ ими же обезчестени и изневолени будутъ, и грады ихъ ими обладани» [4]).

Московскіе великіе князья издавна и охотно принимали къ себѣ на службу отдѣльныхъ выходцевъ изъ другихъ странъ. Выходцы эти являлись конкурентами московскихъ служилыхъ людей. И вотъ, идеологъ одного изъ слоевъ московскаго служилаго класса сулитъ горе тому роду христіанскому, который хочетъ защитить себя съ помощью «невѣрныхъ». Онъ предсказываетъ, что христіанскій родъ будетъ «обезчещенъ и изневоленъ» иноземцами. По естественной ассоціаціи идей, неудовольствіе на иноземцевъ, загораживавшихъ имъ дорогу, порождало у московскихъ служилыхъ людей отвращеніе отъ ихъ «портовъ», «шлыковъ» и «сиртыковъ» [5]).

Торговля сближаетъ различные племена и народы. Обмѣниваясь между собою своими произведеніями, они обмѣниваются также идеями. По справедливому замѣчанію Маркса, товаръ возвышается надъ всякой религіозной, политической, національной и лингвистической ограниченностью. Но если въ процессѣ обмѣна одна изъ сторонъ имѣетъ большія преимущества надъ другой, то въ числѣ его временныхъ слѣдствій можетъ явиться у слабой стороны усиленіе религіозной и національной ограниченности. Это мы видимъ на примѣрѣ московскаго торговаго сословія.

Уже въ XVI вѣкѣ Московское государство не могло обходиться безъ западно-европейскихъ товаровъ. Нуждаясь въ этихъ товарахъ, его правители давали иностраннымъ купцамъ большія

---

[1]) Въ одномъ изъ другихъ списковъ: сиртыки.

[2]) Въ одномъ изъ другихъ списковъ: христіанскіе.

[3]) Въ большинствѣ др. списковъ: страны.

[4]) Тамъ же, стр. 22—23.

[5]) Еще Берсень говорилъ Максиму Греку: „Которая земля переставляетъ обычаи свои, та земля не долго стоитъ“.

льготы. Такъ, при Борисѣ ливонскіе купцы, выведенные въ Москву еще Грознымъ, получили по 300 и по 400 рублей взаймы изъ царской казны, безъ роста, на безсрочное время. Двоимъ изъ нихъ Борисъ далъ жалованныя грамоты на званіе московскихъ лучшихъ торговыхъ людей; они «ничего не тянули» съ московскими посадскими людьми, а ихъ дворы были освобождены отъ всякихъ податей и повинностей [1]). Легко понять, что это не могло понравиться московскимъ посадскимъ людямъ, которымъ приходилось «тянуть» очень много. Не могло нравиться торгово-промышленному населенію Московскаго государства и то, что англійская торговая компанія еще при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ получила исключительныя права [2]). По словамъ Костомарова, торговля съ русскими была въ XVI вѣкѣ такъ же выгодна для англичанъ, какъ торговля съ сѣверо-восточными инородцами выгодна была для русскихъ. «Захвативъ въ свои руки торговые пути, произвольно возвышая цѣны на свои произведенія, понижая на русскія, англичане оказывали презрительное обхожденіе русскому народу и черезъ то возбудили противъ себя неудовольствіе» [3]). На почвѣ такого неудовольствія естественно было развиваться всякаго рода предубѣжденіямъ противъ иностранныхъ «нехристей». Послѣ Смутнаго времени это неудовольствіе не исчезло, потому что не была устранена вызывавшая его причина. При царѣ Михаилѣ иностранные купцы опять стали стремиться къ пріобрѣтенію разныхъ привилегій. Между прочимъ, англичане желали получить право проѣзда по Волгѣ въ Персію. Имѣя нужду въ деньгахъ, московское правительство готово было удовлетворить эту ихъ просьбу; однако, оно сочло нужнымъ посовѣтоваться съ московскими гостями. Царь и патріархъ спрашивали ихъ: «А если дать англійскимъ гостямъ дорогу въ Персію, то не будетъ ли отъ того московскимъ гостямъ и торговымъ людямъ помѣшки и оскудѣнія?»

Поблагодаривъ великихъ государей за милость и заранѣе смиренно извинившись въ томъ, что будутъ говорить по своему крайнему разумѣнію, спроста, московскіе торговые люди и гости, въ общемъ, высказались такъ: «Если съ англичанъ брать пошлину, то государевой казнѣ прибыль будетъ большая, а у торговыхъ людей промыслы отнимутся, потому что имъ съ англичанами не

---

[1]) Соловьевъ, кн. II, стр. 720.

[2]) Интересно, что Иванъ IV, которому тоже приходилось имѣть дѣло съ англійскими купцами, величалъ ихъ торговыми мужиками. Этимъ ярко характеризуется его отношеніе къ московскому „торговому капитализму“.

[3]) Историческія монографіи и изслѣдованія Николая Костомарова, т. XX, Очеркъ торговли Моск. гос. въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 22.

стянуть»[1]). И это «не стянуть» повторялось всякій разъ, когда московскіе люди имѣли возможность откровенно высказать свое мнѣніе о торговлѣ западно-европейскихъ (не однихъ только англійскихъ) купцовъ въ Россіи. Московскіе торговые люди боялись попасть въ кабалу къ своимъ опаснымъ конкурентамъ. Когда, въ самомъ началѣ царствованія Ѳедора Алексѣевича, голландскій посланникъ, фанъ-Кленкъ, добивался, чтобы позволено было голландцамъ торговать съ персіанами въ Россіи, а персіанамъ ѣздить съ шелкомъ-сырцомъ черезъ Россію въ Голландію, то московскіе торговые люди опять выразили опасеніе, что иностранцы всѣхъ ихъ «отъ торгу отлучатъ» и завладѣютъ всѣми промыслами. При этомъ они ссылались на примѣръ восточной Индіи, въ которой голландцы «завладѣли золотою и серебряною рудами и всякими другими промыслами, отчего и теперь великое богатство себѣ пріобрѣтаютъ, а тамошнихъ жителей привели до скудости»[2]).

Московскіе торговые люди совершенно правильно оцѣнивали тѣ послѣдствія, которыя имѣла для туземцевъ восточной Индіи колоніальная политика голландцевъ. Стало быть, крайняя ограниченность, свойственная жителямъ Московскаго государства, не мѣшала имъ быть дальнозоркими тамъ, гдѣ дѣло касалось ихъ, сознанныхъ ими, интересовъ. Но отсюда видно также, какимъ слабымъ чувствовалъ себя московскій «торговый капитализмъ» въ своихъ столкновеніяхъ съ торговымъ капитализмомъ Запада.

III.

Не будучи въ состояніи «стянуть» въ экономической борьбѣ съ западнымъ европейцемъ, московскій торговый человѣкъ испытывалъ непріязненное чувство къ нему, естественно распространившееся на всѣ его обычаи, привычки и даже внѣшность[3]). Костомаровъ говоритъ: «Русскіе торговцы, какъ и вообще русскіе люди, оставались внѣ связи съ образованнымъ человѣчествомъ, а это сообщало имъ характеръ самоотдѣльности, невѣ-

---

1) Соловьевъ. Исторія, кн. II, стр. 1175—1176.

2) Соловьевъ, кн. III, стр. 886.

3) Въ 1646 г. московское купечество подало царю жалобу на „англійскихъ нѣмцевъ“, въ которой, на ряду со многими другими доводами, стояло слѣдующее курьезное соображеніе: „У нихъ въ жалованной грамотѣ написано, что грамота дана имъ по прошенью ихъ короля Карлуса; но они, Англичане, торговые люди всѣ Карлусу королю неподручны, отъ него отложились и бьются съ нимъ четвертый годъ“. (Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. II., стр. 1507—1508). Доводъ отъ монархизма и впослѣдствіи весьма часто фигурировалъ въ „ходайствахъ“ россійскаго купечества.

дѣнія и враждебности ко всему остальному» [1]). Мы видѣли,—отчасти благодаря указаніямъ того же историка,—что враждебность ко всему остальному коренилась въ экономической отсталости Московскаго государства и была тѣмъ непріязненнымъ чувствомъ, которое эксплуатируемый питаетъ по отношенію къ эксплуататору. Но, какъ бы тамъ ни было, враждебность ко всему остальному должна была въ теченіе нѣкотораго времени усиливаться по мѣрѣ того, какъ учащались торговыя сношенія Московскаго государства съ западно-европейскими странами. Какъ до Петра, такъ и долго послѣ него русское купечество обнаруживало консервативное настроеніе и не поддавалось европеизаціи, хотя фактически дѣлало такое дѣло, которое, въ концѣ концовъ, должно было разрушить экономическіе устои стараго московскаго быта. Это консервативное настроеніе до сихъ поръ обнаруживается въ «черносотенныхъ» взглядахъ значительной части мѣщанства нашихъ провинціальныхъ городовъ, приводимаго въ благочестивый ужасъ торжествомъ новѣйшаго капитализма.

Въ трудящейся массѣ Московскаго государства «невѣдѣнія» было еще больше, нежели въ высшихъ классахъ. Но и тутъ предубѣжденіе противъ иностранцевъ обусловливалось далеко не однимъ «невѣдѣніемъ» [2]). Народная масса предчувствовала, что поворотъ къ Западу отразится на ея житьѣ-бытьѣ въ видѣ новаго увеличенія ея и безъ того почти невыносимыхъ тягостей. Къ тому же служилые иностранцы, во множествѣ появившіеся въ Московскомъ государствѣ XVII столѣтія, смотря на московскихъ людей сверху внизъ, конечно, больше всего презирали именно трудящуюся массу, представители которой,—въ видѣ «даточныхъ» тяглыхъ людей и холоповъ,—попадали подъ ихъ начальство. Не удивительно поэтому, что и она не любила иностранцевъ. Псковскіе «гилевщики» въ своей челобитной Алексѣю Михайловичу ставили на видъ, что «при прежнихъ государяхъ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ иноземцы никакіе не служили». Въ той же челобитной они выдвигали обвиненіе противъ людей, хвалившихъ «нѣмецкую вѣру». Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ Псковѣ и Новгородѣ предубѣжденіе противъ «нѣмецкой вѣры» было, по историческимъ условіямъ ихъ развитія, несравненно слабѣе, нежели въ Москвѣ. Ереси, возникавшія въ этихъ городскихъ республикахъ въ теченіе XIV и XV столѣтій, находились въ тѣсной идейной связи съ «нѣмецкой вѣрой». Алексѣй Михаиловичъ

[1]) Назв. соч., стр. 180.

[2]) Само по себѣ „невѣдѣніе“ еще ровно ничего не рѣшаетъ въ дѣлахъ этого рода. Какъ ни велико „невѣдѣніе“ такъ называемыхъ дикарей, они начинаютъ испытывать вражду къ чужеземцамъ только тогда, когда тѣ притѣсняютъ ихъ.

отвѣчалъ псковичамъ: «Царю Ивану Васильевичу и отцу нашему служили цари и царевичи и король Магнусъ, и многіе иноземцы» [1]). Это была правда. И ужъ вовсе несомнѣнно, что націоналистическая реакція не могла избавить Московскую Русь XVII столѣтія отъ необходимости привлекать служилыхъ иностранцевъ. Но чѣмъ болѣе давала себя чувствовать эта необходимость, тѣмъ болѣе обнаруживалась націоналистическая реакція. При ограниченности, свойственной московскимъ людямъ и доводившей ихъ до того, что они, какъ мы уже знаемъ, спрашивали себя, не слѣдуетъ ли относить къ числу «нехристей» православныхъ бѣлоруссовъ, реакціонеры не могли не возмущаться приливомъ въ Москву ученыхъ изъ Западной Руси и даже изъ Греціи. Сохранился отрывокъ слѣдствія, производившагося въ 1650 году надъ нѣкоторыми представителями націоналистической реакціи. Они принадлежали, по выраженію Ключевскаго, къ учащейся московской молодежи. Ихъ было четверо: Лучка Голосовъ, впослѣдствіи дослужившійся до степеней извѣстныхъ, Степанъ Алябьевъ, Иванъ Засѣцкій и дьячокъ Благовѣщенскаго собора Костка (Константинъ Ивановъ). Они возмущались знаменитымъ царскимъ постельничимъ, Ѳ. М. Ртищевымъ, выстроившимъ недалеко отъ Москвы монастырь и поселившимъ въ немъ тридцать малороссійскихъ монаховъ, которые обязаны были учить желающихъ славянской и греческой грамматикѣ, риторикѣ и философіи. Самъ Ртищевъ проводилъ въ бесѣдахъ съ этими учеными малороссами цѣлыя ночи. Но «московская учащаяся молодежь» роптала: «вотъ учатся у кіевлянъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть». Изъ показаній Степана Алябьева видно, что онъ началъ учиться по-латыни у старца Арсенія Грека, но когда этого старца сослали въ Соловки, учиться пересталъ и азбуку изодралъ, такъ какъ родные, а съ ними Лучка Голосовъ и Ивашка Засѣцкій сказали ему: «перестань учиться по-латыни, дурно это, а какое дурно, того не сказали». Ѳ. М. Ртищевъ требовалъ, чтобы самъ Лучка Голосовъ учился по-латыни у кіевскихъ монаховъ. Но Лучка противился. «Скажи своему протопопу,—говорилъ онъ вышеупомянутому дьячку Благовѣщенскаго собора, Константину Иванову,—что я у кіевскихъ старцевъ учиться не хочу, старцы они не добрые, я въ нихъ добра не позналъ, теперь я маню Ѳедору Ртищеву, боясь его, а впередъ учиться никакъ не хочу, кто по-латыни научится, съ праваго пути совратится». Осуждала эта, по принужденію учившаяся, молодежь и поѣздки болѣе или менѣе ученыхъ москвичей въ Кіевъ для довершенія образованія.

---

[1]) Соловьевъ, кн. II, стр. 1544.

Тотъ же Лучка говорилъ своему другу Косткѣ: «да и о томъ вспомяни протопопу [1]): поѣхали въ Кіевъ учиться Перфилка Зеркальниковъ, да Иванъ Озеровъ, а грамоту проѣзжую Ѳедоръ Ртищевъ промыслилъ; поѣхали они доучиваться у старцевъ кіевлянъ по-латыни, и какъ выучатся и будутъ назадъ, то отъ нихъ будутъ великія хлопоты». Дьячокъ Костка самъ не одобрялъ этой поѣздки. Онъ отвѣчалъ своему другу: «Мнѣ и попъ Ѳома говорилъ: скажи, пожалуй, какъ быть? Дѣти мои духовныя Иванъ Озеровъ, да Перфилій Зеркальниковъ просятся въ Кіевъ учиться.—Я (Костка.—*Г. П.*) ему говорилъ: не отпускай Бога ради, Богъ на твоей душѣ это взыщетъ, а Ѳома говоритъ: радъ бы не отпустить, да они безпрестанно со слезами просятся и меня мало слушаютъ и ни во что не ставятъ».

Этотъ послѣдній отвѣтъ попа Ѳомы даетъ намъ новую, несравненно болѣе отрадную черту для характеристики «учащейся московской молодежи» того времени. Если въ ея средѣ были,—и, по всей вѣроятности, преобладали,—личности, въ родѣ Степана Алябьева и Луки Голосова, не желавшихъ учиться изъ опасенія впасть въ ересь, то, къ счастью для дальнѣйшаго развитія страны, встрѣчались и такія, которыя «безпрестанно, со слезами» умоляли о томъ, чтобы имъ дали возможность продолжать въ Кіевѣ образованіе, начатое въ Москвѣ. У этихъ послѣднихъ было вполнѣ достаточное основаніе для того, чтобы слезно просить позволенія ѣхать въ Кіевъ. Они не питали никакого уваженія къ своимъ благочестивымъ московскимъ учителямъ, говоря: «враки де они вракаютъ, слушать у нихъ нечего и себѣ чести не дѣлаютъ, учатъ просто, сами не знаютъ, чему учатъ» [2]). Этихъ любознательныхъ молодыхъ людей тоже нѣкоторымъ образомъ «тошнило» въ матушкѣ Москвѣ, и они, подобно Воину Ордину-Нащокину, стремились вырваться изъ нея. Къ сожалѣнію, ихъ было пока еще крайне мало.

IV.

Въ виду націоналистической реакціи, возникавшей вслѣдствіе поворота къ Западу и непрерывно возраставшей вмѣстѣ съ ростомъ западнаго вліянія, можно думать, что, проповѣдуя свою «ксенеласію», Юрій Крижаничъ отчасти подчинился настроенію, сильно распространенному въ тогдашней Москвѣ. Я потому говорю: «отчасти», что Крижаничъ уже и до пріѣзда своего въ Мо-

[1]) Протопопомъ Благовѣщенскаго собора былъ въ то время царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ.

[2]) Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. III, стр. 365. Ср. также Соловьевъ, Исторія, кн. II. стр. 1525—1526.

сковское государство обладалъ весьма порядочнымъ запасомъ нелюбви къ «нѣмцамъ». Въ Москвѣ, слыша съ разныхъ сторонъ раздававшіяся жалобы на «нѣмецкое» засилье (какъ выразились бы теперь наши націоналисты), Юрій Сербенинъ могъ еще болѣе укрѣпиться въ своемъ нерасположеніи къ «нѣмцамъ» и потому окончательно склониться къ «гостогонству». Націоналистическая реакція нашла свое выраженіе, между прочимъ, и въ расколѣ. Скажу больше. Расколъ старообрядства былъ самымъ яркимъ ея выраженіемъ въ московской жизни XVII вѣка. «Охъ, бѣдная Русь,—восклицалъ знаменитый раскóлоучитель, протопопъ Аввакумъ,—чего-то тебѣ захотѣлось латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступокъ!» Другой расколоучитель, попъ Лазарь, взывалъ къ Алексѣю Михайловичу: «Царю благородный! како времени сего не испытуешь: имѣеши у себе мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небесе и земли, и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ: сихъ Спасъ глаголетъ лицемѣры быти, яко времени не изгадаютъ. Государь! таковыхъ ли въ чести имаши и различными брашны питаеши... Ветхій законъ стѣнь благодати есть: егда въ законѣхъ отеческихъ неотступно пребываху, того ради вся благая отъ Бога пріимаху; а егда въ законѣхъ отеческихъ блудствоваху, того ради вся злая бываху имъ. Подобаетъ ти Царю заповѣдати благороднымъ чадомъ своимъ, да пребываютъ въ законѣхъ отеческихъ во вѣки неотступно». Третій защитникъ древняго благочестія, дьяконъ Ѳедоръ, оплакивалъ конецъ старой Руси. «Иного отступленія,—говорилъ онъ,—уже не будетъ: здѣ бо бысть послѣдняя Русь...» [1]). Но и самъ патріархъ Никонъ, представлявшійся раскольникамъ опаснымъ нововводителемъ, не избѣжалъ вліянія націоналистической реакціи. Алепскій архидіаконъ Павелъ сообщаетъ, что, когда московскіе живописцы стали усваивать пріемы западныхъ художниковъ, московскіе вельможи начали покупать у нихъ иконы новой манеры, Никонъ «отобралъ оныя и издалъ указъ, что кто впредь будетъ живописать ихъ, тотъ подвергнется строжайшему наказанію. Такія иконы, собранныя по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, зарыты были въ землю, а пишущіе въ духѣ новой школы преданы анаѳемѣ [2]). Подобной энергіи въ дѣлѣ борьбы съ Западомъ могли бы позавидовать самые жестоковыйные расколоучители [3]).

---

[1]) Сочиненія А. П. Щапова, т. I, СПБ. 1906, стр. 219—220.

[2]) Щаповъ, тамъ же, стр. 204, примѣчаніе.

[3]) Проф. Каптеревъ говоритъ, что къ западной наукѣ Никонъ относился такъ же враждебно, какъ и его противники расколоучители. Однажды Паисій Лигаридъ сослался въ разговорѣ съ нимъ на физику. Никонъ сердито возразилъ ему:

Настроеніе, выразившееся потомъ въ расколѣ, почти окончательно сформировалась еще въ то время, когда Никонъ былъ только новгородскимъ митрополитомъ и не имѣлъ вліянія на судьбу русской церкви. Уже тогда между вѣрующими распространялись сборники, въ которыхъ говорилось объ антихристѣ, и вычислялось время его пришествія. Въ книгѣ «О вѣрѣ», напечатанной при патріархѣ Іосифѣ, предшественникѣ Никона, было сказано: «По тысящѣ лѣтъ отъ воплощенія Сына Божія Римъ отпаде отъ восточныя церкве; въ 595-е лѣто по тысящѣ жителіе Малой Россіи къ римскому костелу приступили. Се второе отторженіе христіанъ отъ церкве. Оберегая сіе пишемъ: егда исполнится 1666 лѣтъ, да чтобы отъ прежнихъ винъ зло нѣкако и намъ не пострадати» [1]). Какъ извѣстно, въ 1666 году въ Москвѣ состоялся соборъ русскаго духовенства, одобривший никоновы новшества и принявшій жестокія мѣры противъ нераскаянныхъ раскольниковъ (протопопа Аввакума, попа Лазаря, дьякона Ѳедора). Этимъ какъ бы оправдывалось только что приведенное предсказаніе, вслѣдствіе чего книга, заключавшая его въ себѣ, должна была пріобрѣсти большой авторитетъ въ глазахъ защитниковъ старой вѣры.

Еще разъ: противниками новшествъ были въ XVII вѣкѣ вовсе не одни раскольники. Въ февралѣ 1690 года, т.-е. когда власть фактически была уже въ рукахъ Петра, патріархъ Іоакимъ, приглашенный къ царскому столу на обѣдъ по случаю рожденія царевича Алексѣя Петровича, потребовалъ и добился, чтобы за столомъ не было иноземцевъ. Передъ своею смертью онъ составилъ завѣщаніе, въ которомъ разразился цѣлой филиппикой противъ проклятыхъ еретиковъ иноземцевъ.

«Какая отъ нихъ православному воинству можетъ быть помощь?—наивно вопрошалъ святитель,—только гнѣвъ Божій наводятъ. Когда православные молятся, тогда еретики спятъ; христіане просятъ помощи у Богородицы и всѣхъ святыхъ,—еретики надъ всѣмъ этимъ смѣются; христіане постятся,—еретики никогда. На-

---

„Недостало тебѣ святыхъ божественныхъ книгъ въ отвѣтъ, которыми велѣли апостоли святіи и отцы святіи учити, и заповѣди и отвѣти творити. Ты же физиками и орѣховымъ листьемъ и иными шпынскими прибавками отвѣты творишь". Вообще, по словамъ проф. Каптерева пониманіе Никономъ „разныхъ явленій, пріемы и характеръ его сужденій настолько у него были сходны съ его противниками—старообрядцами, что часто почти нѣтъ никакой возможности отличить разсужденія Никона отъ разсужденій противниковъ его реформы. („Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ", т. II, стр. 358).

[1]) Щ а п о в ъ, тамъ же, стр. 210—211.

чальствуютъ волки надъ агнцами! Благодатію Божіею въ Русскомъ царствѣ людей благочестивыхъ, въ ратоборствѣ искусныхъ, очень много. Опять напоминаю, чтобъ иновѣрцамъ еретикамъ костеловъ римскихъ, кирокъ нѣмецкихъ, Татарамъ мечетей не давать строить нигдѣ, новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ перемѣнъ по иноземски не вводить» [1]) и т. д.

Но при всемъ томъ, не подлежитъ сомнѣнію, что ярче всего выразилась національстическая реакція противъ поворота къ Западу именно въ расколѣ.

---

[1]) Соловьевъ, кн. III, стр. 1095.

Глава XII.

ДВИЖЕНІЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ БОРЬБЫ ЦАРЯ СЪ БОЯРСТВОМЪ.

I.

Формальное происхожденіе раскола въ высшей степени характерно для Московской Руси. Извѣстно, что начало ему положено было исправленіемъ религіознаго обряда и нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ. Починъ въ дѣлѣ этого исправленія принадлежалъ патріарху Никону. Никонъ считалъ установившійся въ Москвѣ религіозный обрядъ несогласнымъ со старымъ обрядомъ восточной церкви. Онъ ошибался. Московскій обрядъ былъ старше того обряда, во имя котораго его отвергалъ Никонъ, и который господствовалъ въ XVII вѣкѣ у православныхъ грековъ. Христіане сначала крестились однимъ пальцемъ; потомъ «единоперстіе» замѣнено было «двоеперстіемъ» на Востокѣ, откуда оно перешло на Русь. Но со временемъ греки стали креститься, вмѣсто двухъ, тремя пальцами, между тѣмъ какъ московскіе люди удержали «двоеперстіе». По всему видно, что эти историческіе факты остались неизвѣстными Никону. Оно и не удивительно, такъ какъ Никонъ не зналъ греческаго языка и, вообще, былъ недостаточно образованъ для того, чтобы дѣлать историческія справки такого рода. Но достойно замѣчанія, что греческіе патріархи, предсѣдательствовавшіе на Московскомъ духовномъ соборѣ 1667 г., и одобрившіе преданіе анаѳемѣ тѣхъ, которые принимали старый русскій обрядъ, были незнакомы съ исторіей своей собственной церкви. Впрочемъ, возможно, что имъ была извѣстна эта исторія, но они постарались забыть о ней. Какъ говоритъ проф. Каптеревъ, они «слишкомъ увлекались предвзятымъ, тенденціознымъ желаніемъ осудить невѣжественныхъ русскихъ за ихъ стремленіе освободиться въ своей церковной жизни отъ опеки и подчиненія современнымъ грекамъ, увлекались желаніемъ, путемъ осужденія и приниженія всего періода русской самостоятельной независимой отъ грековъ церковной жизни, возвысить, какъ откровенно вы-

ражаются сами патріархи, «преизящный греческій родъ», возстановить въ мнѣніи русскихъ «лѣпоту рода греческаго», а вмѣстѣ съ этимъ увеличить и количество милостыни, посылаемой русскимъ правительствомъ восточнымъ патріаршимъ каѳедрамъ [1])».

Преданіе анаѳемѣ лицъ, державшихся русскаго обряда, неизбѣжно должно было утвердить расколъ тамъ, гдѣ при болѣе мягкомъ отношеніи къ предмету было бы только разногласіе по несущественному вопросу. А это дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ то мнѣніе проф. Каптерева, что «нашъ расколъ старообрядчества своимъ формальнымъ происхожденіемъ обязанъ исключительно дѣйствіямъ на соборѣ двухъ восточныхъ патріарховъ, а не русскимъ іерархамъ, которые на соборѣ 1667 года въ сужденіяхъ о старомъ русскомъ обрядѣ только пассивно подчинились воздѣйствію двухъ вселенскихъ патріарховъ и другихъ грековъ, какъ людей, болѣе ихъ авторитетныхъ и свѣдующихъ въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ [2])». Конечно, при отсутствіи «крутого владанія» въ московской церкви греческимъ іерархамъ не удалось бы принести такъ много вреда русской землѣ, а это «крутое владаніе» не грекамъ обязано было своимъ происхожденіемъ. Но какъ бы то ни было, вина грековъ, несомнѣнно, очень велика.

Главными виновниками формальнаго раскола русской церкви проф. Каптеревъ считаетъ,—кромѣ двухъ восточныхъ патріарховъ—Паисія Александрійскаго и Макарія Антіохійскаго—Паисія Лигарида и аѳонскаго иверскаго архимандрита Діонисія [3]). Въ одной изъ предшествующихъ главъ мнѣ уже приходилось говорить о весьма сомнительной нравственности Паисія Лигарида. Теперь я вынужденъ прибавить, что весьма сомнительной нравственностью отличался между православными греками, къ сожалѣнію, не онъ одинъ. Проф. Каптеревъ думаетъ, что, признавъ въ церковныхъ дѣлахъ авторитетъ грековъ, какъ людей, обладавшихъ научными знаніями, москвичи въ то же время составили себѣ довольно ясное представленіе объ ихъ нравственныхъ недостаткахъ. Онъ пишетъ: «Русскіе не могли не видѣть, что греки ѣхали въ Москву, прежде всего и главнымъ образомъ, ради личной наживы на счетъ тароватаго на подачки московскаго правительства и всѣхъ русскихъ вообще. Русскіе видѣли, что греки, въ видахъ наживы, пускали въ ходъ всѣ средства, не исключая даже самыхъ сомнительныхъ, что они готовы были на всякія послуги, лишь бы имъ хорошо за

---

[1]) Н. Ѳ. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Сергіевъ посадъ, 1912. Т. II, стр. 528.

[2]) Тамъ же, стр. 527.

[3]) Тамъ же, стр. 531.

нихъ платили [1])». Сами восточные патріархи вели себя въ Москвѣ не вполнѣ безукоризненно. Они стали торговать индульгенціями, продавая ихъ по рублю за штуку, что составляетъ на нынѣшнія деньги около 20 рублей. Цѣна, можно сказать, сходная, но москвичи роптали. Сохранилась челобитная неизвѣстнаго лица на имя государя, въ которой говорится: «Палестинскіе патріархи приходили въ твое государство и онѣ отъ себя давали здѣ, въ Московскомъ государствѣ, разрѣшальные грамоты в' прежъ содѣянныхъ грѣсѣхъ, і впредь кто согрѣшитъ—грѣха не имать, а имали всего за такіе грамоты по рублю: какіе въ нихъ правды и истины искать? Нѣсть цѣлости въ нихъ, но острупѣли з'главы и до ногъ,—развѣ сотая часть въ нихъ обрящется струпа неимущая [2])». Дѣйствительно—острупѣли! Но если наше духовенство все-таки признавало авторитетъ этихъ острупѣлыхъ людей, то отсюда видно, какимъ безпомощнымъ почувствовало себя въ тогдашнихъ условіяхъ,—нѣкогда преисполненное самодовольства,—офиціальное богословіе Московскаго государства. Что же касается свѣтскихъ правителей, то у нихъ, несомнѣнно, былъ свой расчетъ. Выше [3]), я уже сказалъ, что въ своемъ столкновеніи съ Никономъ Алексѣй Михайловичъ искалъ поддержки со стороны восточныхъ патріарховъ. Я отмѣтилъ также, что тишайшій царь не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: готовые на всякія послуги греки энергично поддерживали его... разумѣется, не безвозмездно.

II.

Проф. Каптеревъ категорически утверждаетъ, что рѣшительное осужденіе русскаго стараго обряда соборомъ 1667 г., руководимымъ двумя восточными патріархами, было «сплошнымъ» недоразумѣніемъ [4]). Это, повидимому, совершенно справедливо. Но нельзя согласиться съ этимъ даровитымъ и смѣлымъ изслѣдователемъ, когда онъ говоритъ, что у нашего раскола старообрядства «по самому его существу не имѣлось никакой серьезной почвы для дальнѣйшаго сколько-нибудь прочнаго и продолжительнаго существованія». Какъ же «не имѣлось», когда онъ существовалъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и до сихъ поръ существуетъ довольно «прочно»? Проф. Каптеревъ думаетъ, что «истинной основой всей его (раскола.—*Г. П.*) жизни было только недоразу-

---

[1]) Тамъ же, стр. 541.

[2]) Тамъ же, стр. 541—2, примѣч.

[3]) См. гл. „Борьба свѣтской и духовной власти".

[4]) Цит. соч., т. II, стр. 529.

мѣніе и непониманіе дѣла обѣими боровшимися сторонами [1])». Чтó и говорить,—«на Москвѣ» всегда было очень много всякаго рода непониманія и недоразумѣній! Но почему же именно это недоразумѣніе и это непониманіе такъ глубоко всколыхнули общественную жизнь Московскаго государства? Нашъ авторъ отвѣчаетъ: «Чѣмъ настойчивѣе реформа Никона указывала на несостоятельность, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, русской церковной старины, на необходимость перемѣнъ въ ней, согласно съ современнымъ греческимъ—вселенскимъ, тѣмъ настойчивѣе и крѣпче держались за старину противники реформы, тѣмъ рѣшительнѣе между ними утверждалось убѣжденіе, что всякое критическое отношеніе къ русской старинѣ... есть тяжкое преступленіе, гибельное и для церкви и для государства». Но вѣдь вопросъ состоитъ именно въ томъ, почему московскіе люди такъ крѣпко ухватились за старину. Проф. Каптеревъ приводитъ знаменитыя слова: «Держу до смерти, якоже пріяхъ; не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ; до насъ положено; лежи такъ во вѣки вѣковъ». Онъ говоритъ по ихъ поводу: «Вотъ основной принципъ, высказанный протопопомъ Аввакумомъ, и усвоенный всѣми его послѣдователями». Нѣсколькими строками ниже онъ повторяетъ: «Притягательная и обаятельная для массы сила противниковъ Никона въ томъ, между прочимъ, и заключалась, что они являлись борцами и защитниками за родную, попираемую Никономъ, святую старину, борцами за такъ называемую теперь русскую самобытность, которой угрожало гибельное вторженіе иностранныхъ новшествъ [2])». Это опять ничего не объясняетъ. Зачѣмъ такъ понадобилась народной массѣ «русская самобытность», и почему старина сдѣлалась въ ея глазахъ «святою»?

Въ предыдущей главѣ мною указаны были тѣ общія историческія условія, благодаря которымъ поворотъ Московской Руси къ Западу вызвалъ въ ея населеніи значительную національностическую реакцію. Теперь присмотримся къ этимъ условіямъ нѣсколько внимательнѣе.

Первые расколоучители вышли изъ среды московскаго духовенства. Чтó побудило ихъ возстать противъ никоновскихъ новшествъ?

По словамъ Щапова, расколъ возникъ изъ демократической оппозиціи слишкомъ строгому Никону, котораго низшее духовенство называло вторымъ папою. Щаповъ считаетъ ненависть къ патріарху Никону основнымъ принципомъ раскола въ его перво-

---

1) Тамъ же, стр. 532.

2) Тамъ же, стр. 533.

начальномъ видѣ. «Духовный клерикальный и религіозный демократизмъ,—говоритъ онъ,—вотъ первая, ближайшая, первоначальная причина происхожденія раскола именно отъ низшаго духовенства [1])». Это, какъ мы увидимъ ниже, нуждается въ нѣкоторыхъ оговоркахъ, но все-таки представляетъ собою несравненно болѣе конкретное указаніе, нежели чисто-раціоналистическая ссылка на недоразумѣніе и невѣдѣніе.

Пойдемъ дальше. Почему трудящаяся масса такъ охотно откликнулась на раскольничью проповѣдь, починъ которой принадлежалъ низшему московскому духовенству? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Щаповъ приводитъ длинную выдержку изъ «возмутительнаго письма», сочиненнаго бывшимъ подьячимъ, старообрядцемъ Докукинымъ. Оно относится, правда, уже къ эпохѣ Петра, но это нисколько не умаляетъ его значенія, какъ человѣческаго документа, уясняющаго психологію раскольничьяго движенія въ народной массѣ. Вотъ нѣкоторыя строки изъ него.

«Зрите, о правовѣрные христіанскіе роды, како мы... здѣсь живущіе на землѣ... свободной жизни лишаеми, гонимы изъ дома въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града во градъ, оскорбляемы, озлобляемы, домовъ и торговъ, земледѣльства, такожде и рукодѣльства, и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ... и всякаго во благочестіи живущихъ состоянія, и градскихъ и древле уставленныхъ законовъ лишились».

Эти строки убѣдительно свидѣтельствуютъ, что склонность къ расколу вызывалась въ трудящейся массѣ ея тяжелымъ положеніемъ. Но это не все. Далѣе мы встрѣчаемъ еще болѣе ясныя указанія.

«Древеса самыя нужныя въ дѣлахъ нашихъ повсюду заповѣданы быша, рыбныя ловли и торговые и завоцкіе промыслы отняты многіе и вездѣ бѣдами погружаемы, на правежѣхъ стоя отъ великихъ и несносныхъ податей... гладомъ истаеваемы и многіе отъ того умерщвляемы, домы и приходы запустѣли, святыя церкви обветшали, древодѣлій и каменосѣдцевъ отгнали...»

Тутъ передъ нами цѣлый рядъ весьма опредѣленныхъ жалобъ. Каждую изъ нихъ можно было бы пояснить ссылкою на соотвѣтствующее, стѣснительное для народа, распоряженіе Петра. Въ виду этого совершенно очевидно, что не только недоразумѣніе и не только невѣдѣніе лежало въ основѣ раскольничьяго движенія въ народѣ. Движеніе это, несомнѣнно, опиралось на недовольство народа своимъ постоянно ухудшавшимся положені-

[1]) Сочин., т. I, стр. 217.

емъ [1]). Это неоспоримое обстоятельство и дало довольно многимъ ученымъ и публицистамъ поводъ для идеализаціи раскола, сыгравшей большую роль въ исторіи русскихъ демократическихъ идей 60-хъ и 70-хъ гг. XIX столѣтія.

III.

Щаповъ говоритъ: «Люди старой вѣры, вмѣстѣ съ Докукинымъ, вопіяли при Петрѣ... противъ лишенія свободной жизни, и многіе оттого бѣжали въ расколъ... Встарину всѣ земскіе люди, и гости посадскіе, и крестьяне, пользовались полнымъ правомъ житейской свободы, жили на всей своей волѣ... и вотъ, когда появилось первое ограниченіе воли, прикрѣпленіе къ мѣсту, вмѣстѣ съ государственнымъ тягломъ; когда настало прикрѣпленіе крестьянъ къ сельской землѣ, посадскихъ къ посадской,—земскіе люди постоянно избывали отъ тягла, стремились жить на льготѣ, на волѣ, не хотя быть въ тяглѣ, чинились сильны и государеву указу не послушны... самохотно селились въ льготныя, свободныя торгово-промышленныя слободы... А какъ во второй половинѣ XVII в. и въ царствованіе Петра, съ развитіемъ всеобщей, всенародной крѣпостности и повинности государству, и свободныя торгово-промышленныя слободы дѣлались государевыми, казенными, и классъ вольныхъ гулящихъ людей уничтожался, то, естественно, это должно было вызвать реакцію со стороны всѣхъ этихъ вольныхъ гулящихъ людей и свободныхъ слободъ [2])». Преслѣдуемые правительствомъ, гулящіе люди бѣжали въ лѣса и въ степи, заселяли окраины, основывая тамъ новыя слободы. Но эти новыя слободы были уже раскольничьими слободами. Усиливаясь отстоять свои старыя вольности, трудящаяся масса встрѣтилась съ первыми расколоучителями изъ духовной среды, стре-

---

[1]) Вотъ почему жестоко ошибается г. П. Смирновъ, утверждающій, будто памятники показываютъ, что въ основѣ раскола лежали стремленія исключительно религіозныя, и будто ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ „ни одного слова противъ жизни государственной, ни одного намека на тяжесть соціальнаго строя, ни одного вздоха о порядкахъ экономическихъ“. (Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ. Изслѣдованіе изъ начальной исторіи раскола по вновь открытымъ памятникамъ, изданнымъ и рукописнымъ.—С.-Петербургъ 1898, стр. CXXVIII—CXXIX). „Намеки“ и „вздохи“ въ памятникахъ этого рода были. Въ своемъ взглядѣ на расколъ Щаповъ гораздо болѣе правъ, нежели изслѣдователи, подобные г. Смирнову. Но Щаповъ ошибся въ противоположномъ направленіи: онъ взглянулъ на „вздохи“ и „намеки“, какъ на выраженіе сознательнаго демократическаго протеста; а между тѣмъ, такого протеста тогда не было и быть не могло.

[2]) „Земство и расколъ“, въ соч. А. Щапова, т. I, стр. 485—487.

мившимися къ демократизму въ церковномъ устройствѣ, и охотно предоставила имъ роль идеологовъ общенароднаго протеста противъ крѣпостнической практики московскихъ централистовъ.

Эти разсужденія Щапова составляли канву, по которой съ большимъ или меньшимъ усердіемъ и талантомъ вышивали всѣ другіе «идеализаторы раскола» [1]). Въ настоящее время легко замѣтить непрочность этой канвы.

Въ передовыхъ государствахъ Западной Европы «религіозный демократизмъ» выражался въ опредѣленныхъ политическихъ стремленіяхъ и служилъ толчкомъ для дѣятельной работы мысли. Почти то же можно сказать о возникавшихъ въ сѣверно-русскихъ «народоправствахъ» религіозныхъ движеніяхъ. Еще Костомаровъ обращалъ вниманіе своихъ читателей на то, что такъ называемые стригольники затрагивали въ своемъ религіозномъ протестѣ не букву, а сущность вѣрованій. Ихъ религіозная мысль не стояла на одномъ мѣстѣ. Какъ говоритъ тотъ же историкъ, они доходили вплоть до чистаго деизма и отвергали преданія не только церковныя, но и апостольскія [2]). Ересь жидовствующихъ тоже обнаружила значительное свободомысліе и показала сильное стремленіе впередъ. Костомаровъ полагаетъ, что нѣкоторые ея сторонники доходили до матеріализма [3]). Вообще, они отличались значительнымъ для того времени образованіемъ, интересуясь не однимъ только священнымъ писаніемъ. Недаромъ Іосифъ Волоцкой обвинялъ ихъ въ томъ, что они прилежали «многымъ баснотвореніемъ» [4]). Г. Е. Голубинскій находитъ, что ересь стригольниковъ представляетъ весьма близкое сходство съ нынѣшними нашими раскольниками безпоповцами. Но если есть неоспоримое сходство, то есть и существенное различіе: безпоповщина держалась и держится за букву едва ли меньше поповщины, между тѣмъ какъ стригольники, а послѣ нихъ жидовствующіе, очень мало дорожили ею.

При томъ псковскіе и новгородскіе еретики не чурались Запада, а, напротивъ, склонны были къ сближенію съ нимъ. Оно и понятно: религіозные взгляды ихъ возникли подъ очевиднымъ и сильнымъ его вліяніемъ.

Наконецъ, даже въ Москвѣ мы встрѣчаемъ,—у М. С. Баш-

---

[1]) Выраженіе И. Харламова. См. его ст. „Идеализаторы раскола“ въ журн. „Дѣло“, 1881, авг. и сент.

[2]) Историческія монографіи и изслѣдованія, т. VIII, стр. 422—425.

[3]) Сѣверно-русскія народоправства, стр. 426.

[4]) Ср. Е. Голубинскаго „Исторія русской церкви“, т. II, 1-ая половина, стр. 579, примѣчаніе. Ср. также В. Ѳ. Боцяновскаго. Русскіе вольнодумцы XIV—XV вв.—„Новое Слово“, 1896, кн. III, стр. 168.

кина и Ѳеодосія Косого,—прилежную работу критической мысли, не имѣющую ровно ничего общаго съ тупою приверженностью къ старому обряду и буквѣ. Для старообрядцевъ,—да, какъ мы видѣли выше, и для самого Никона,—вопросъ о томъ, какъ писать иконы, имѣлъ первостепенное значеніе. А Ѳеодосій Косой болѣе чѣмъ за 100 лѣтъ до ихъ появленія утверждалъ, что иконы—тѣ же идолы: «Очи имъ писаны, и уши, и ноздри, и уста, и руки, и ноги, и ничто же ими дѣйствуетъ, не могутъ двигнути». Онъ отвергалъ все христіанское церковное устройство и считалъ Христа за «человѣка проста» [1]). Согласно ученію этого замѣчательнаго человѣка, христіанство состоитъ не въ соблюденіи обрядовъ, а въ исполненіи заповѣди Іисуса о любви къ ближнимъ. Но что болѣе всего поражаетъ при сопоставленіи его взглядовъ со взглядами старообрядцевъ, такъ это полное отсутствіе у него національной исключительности. Онъ говорилъ, что всѣ люди суть одно у Бога: «и татары, и нѣмцы, и прочіе языки» [2]).

Почему же въ Московской Руси XVII вѣка религіозное возбужденіе и народное недовольство выразились только въ слѣпой привязанности къ мертвой буквѣ? Когда защищавшее старый обрядъ московское духовенство кричало: «до насъ положено; лежи такъ во вѣки вѣковъ!»; когда оно умирало за «святую» старину, оно тѣмъ самымъ показывало, что въ его средѣ «религіозный демократизмъ» не только прекрасно уживался съ умственнымъ застоемъ, но еще усиливалъ его собою. Откуда же взялась эта своеобразная черта у московскаго религіознаго демократизма? Щаповъ и другіе «идеализаторы раскола» мало занимались этимъ интереснымъ вопросомъ. А когда они занимались имъ, то отвѣчали на него въ духѣ раціоналистовъ. Вотъ примѣръ.

Одинъ изъ самыхъ усердныхъ «идеализаторовъ раскола»,—вѣрнѣе сказать, самый усердный между ними,—І. Юзовъ писалъ: «Къ сожалѣнію, для людей, жаждущихъ духовной жизни, былъ у насъ одинъ исходъ—расколъ... Всякій крестьянинъ, ощущавшій въ себѣ... «душевный гладъ», не имѣлъ никакого другого исхода, какъ искать въ расколѣ утоленія мучившаго его глада,—всѣ остальныя дороги были для него закрыты» [3]).

Въ послѣднемъ счетѣ это значитъ, что народъ хватался за расколъ по причинѣ полнаго отсутствія у него другихъ источниковъ просвѣщенія. А это очень похоже на то, приведенное

---

[1]) См. „Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи“.—Соч. инока Зиновія. Казань, 1863, стр. 358. Ср. также стр. 430 и 510.

[2]) Е. Голубинскій, назв. соч., т. II, 1-ая половина, Москва, 1900, стр. 828; ср. также 826—27 и 329—30.

[3]) Русскіе диссиденты. — Старовѣры и духовные христіане. Спб. 1881, стр. 110.

мною выше мнѣніе проф. Каптерева, что расколъ коренился въ недоразумѣніи и невѣдѣніи.

Въ другомъ мѣстѣ Юзовъ дѣлаетъ длинныя выписки изъ одной челобитной, написанной отъ имени раскольниковъ, присоединившихся къ единовѣрію. Между этими выписками есть одна, имѣющая для насъ немалый интересъ. Рѣчь идетъ объ анаѳемѣ, произнесенной противъ раскольниковъ.

«Осужденіе это,—говорится въ интересующемъ насъ здѣсь отрывкѣ челобитной,—произнесено однимъ архипастырствомъ россійской церкви, вопреки ей самой, т.-е. вопреки народу, самому тѣлу церкви и хранителю благочестія. А какъ архипастырство одно не составляетъ собою церкви въ собственномъ ея смыслѣ, то и осужденіе это произнесено не только не апостольскою церковью, но даже и не россійскою. А слѣдовательно, оно и не дѣйствительно, потому что не церковное» [1]). Я не буду разбирать, насколько соотвѣтствуетъ исторической истинѣ представленіе авторовъ челобитной о томъ, по чьему почину прокляты защитники стараго русскаго обряда. Приведенныя выше соображенія проф. Каптерева можно считать исчерпывающими этотъ предметъ. Но достойно замѣчанія, что въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые сторонники раскола, если не всегда, то въ эпоху составленія челобитной [2]) дорожили церковнымъ демократизмомъ. Въ ихъ глазахъ хранителемъ благочестія и тѣломъ церкви былъ народъ. И нельзя не согласиться съ ними, когда они, развивая дальше свой взглядъ, пишутъ: «И кому въ церкви всероссійской разсуждать о догматахъ, о вѣрѣ; по апостольскому примѣру надлежитъ разсуждать соборне, а въ церкви всероссійской какіе соборы? Сѵнодъ подъ командой офицера занимается только внѣшними дѣлами» [3]).

Авторы челобитной пишутъ затѣмъ, что апостольская церковь «никогда не придавала и не придаетъ обряду догматической неизмѣняемости и вселенской обязательной единообразности, но каждой частной церкви, по мѣрѣ ея самостоятельности, предоставляла благоустроить свои чины и уставы, обычаи и обряды, *сообразно времени, мѣсту и духу народа*» [4]). Юзовъ не оговаривается, кому принадлежитъ курсивъ въ этомъ отрывкѣ. Я полагаю, что ему. Но кто бы ни подчеркнулъ слова: «сообразно времени, мѣсту и духу народа», на нихъ стоитъ остановиться.

Почему двоеперстіе, хожденіе посолонь, сугубая алилуйя, именованіе Спасителя Іисусомъ и т. д., были въ Москвѣ сообразны

---

[1]) Назв. соч., стр. 54.

[2]) „Единовѣріе“ датируетъ, какъ извѣстно, съ конца 1800 года.

[3]) Юзовъ, тамъ же, стр. 55.

[4]) Юзовъ, тамъ же, стр. 54.

«времени, мѣсту и духу народа»? Объ этомъ нѣтъ рѣчи ни у авторовъ челобитной, ни у самого І. Юзова. Если бы кто-нибудь вплотную поставилъ передъ нимъ этотъ вопросъ, то онъ повторилъ бы, что «расколъ былъ у насъ единственнымъ исходомъ для людей, жаждущихъ духовной жизни». И опять этотъ отвѣтъ совсѣмъ не былъ бы отвѣтомъ. Есть расколъ и расколъ; есть ересь и ересь. Въ сѣверно-русскихъ народоправствахъ «еретики» анализировали, какъ мы знаемъ, духъ религіознаго ученія; въ Московскомъ государствѣ они готовы были умирать за букву («за азъ»). Задача науки въ томъ и заключается, чтобы указать тѣ свойства общественнаго бытія, которыми обусловлены были эти существенныя различія въ общественномъ сознаніи.

IV.

Прежде, чѣмъ рѣшать эту задачу, изучимъ внимательно психологію старообрядцевъ. Неоспоримо, что первые расколоучители возмущались деспотизмомъ Никона. «Ничто же тако расколъ творитъ въ церквахъ, яко же любоначаліе во властѣхъ»,—говорилъ еще протопопъ Аввакумъ въ своей челобитной Алексѣю Михайловичу. Но чѣмъ больше всего возмущался Аввакумъ въ дѣятельности Никона? Его обрядовыми новшествами. «Мы же задумалися, сошедшися между собою,—разсказываетъ онъ о себѣ и о другомъ, не менѣе его знаменитомъ расколоучителѣ, казанскомъ протопопѣ «Іоаннѣ» Нероновѣ:—видимъ, яко зима хощетъ быти; сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ приказалъ мнѣ церковь, а самъ единъ скрылся въ Чудовъ, седмицу въ палаткѣ молился, и тамъ ему отъ образа гласъ бысть...» Это страшное нравственное потрясеніе вызвано было не чѣмъ инымъ, какъ слѣдующимъ распоряженіемъ Никона: «По преданію святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ не подобаетъ въ церкви метаніе творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще и тремя персты бы крестились». Слышанный Нероновымъ въ Чудовѣ гласъ отъ образа, возвѣщалъ: «Время приспѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати». Люди, подобные Аввакуму и его друзьямъ, не боялись страданій. Они немедленно принялись дѣйствовать. «Мы съ Даніиломъ [1]) написахомъ изъ книгъ выписки о сложеніи перстъ и о поклонѣхъ и подали Государю. Много писано было» [2]). Это правда! Но много писано было о поклонѣхъ, о сложеніи перстъ и прочихъ обрядахъ, между тѣмъ какъ «духовный демо-

[1]) Костромской протопопъ.

[2]) „Житіе протопопа Аввакума, написанное имъ самимъ“, изд. 2-е, СПБ. 1904, стр. 7.

кратизмъ», хотя и проявлялся въ сочиненіяхъ раскольничьихъ первоучителей, но проявлялся очень рѣдко.

У протопопа Аввакума была духовная дочь, дѣвица Анна. Благохитрый бѣсъ однажды сдѣлалъ такъ, что она, стоя въ правилѣ, задремала и сонная повалилась на лавку. Спала она три дня, а на четвертый очнулась и, гораздо поплакавъ, разсказала своему духовному отцу слѣдующее:

«Егда де я въ правилѣ задремала и повалилась, приступили ко мнѣ два ангела и взяли меня, и вели меня тѣснымъ путемъ, и на лѣвой сторонѣ плачь и рыданіе, и гласы умиленны; потомъ-де меня привели во свѣтлое мѣсто—зѣло гораздо красно и показали-де многія красныя жилища и палаты; а всѣхъ-де краше палата неизрѣченною красотою сіяетъ паче всѣхъ и велика гораздо; ввели-де меня въ нее..., а подержавъ же меня паки изъ палаты повели и сами говорятъ: «знаешь ли чья палата сія?» и азъ отвѣщала: «не знаю, пустите меня въ нее»; они же отвѣщали: «отца твоего протопопа Аввакума палата сія: слушай его и живи такъ, какъ онъ тебѣ показываетъ персты слагать и креститься и кланяться, Богу молясь, и во всемъ не противься ему, такъ и ты будешь съ нимъ здѣсь» [1]).

Какъ видимъ, сами ангелы, придавая рѣшающее значеніе сложенію перстовъ и поклонамъ, совсѣмъ забывали о «клерикальномъ и религіозномъ демократизмѣ». Это значитъ, что, если расколъ въ средѣ духовенства имѣлъ своей точкой исхода «клерикальный и религіозный демократизмъ», то въ своей программѣ дѣйствій онъ не нашелъ мѣста почти ни для чего, кромѣ старыхъ обрядовъ, ни съ какимъ демократизмомъ ничего общаго не имѣющихъ.

Кромѣ того, Щаповъ сильно преувеличилъ демократизмъ возставшаго противъ Никона низшаго духовенства. Иванъ («Іоаннъ») Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Логинъ и весь, по своему весьма замѣчательный, кружокъ первыхъ расколоучителей ничего не имѣлъ противъ того устройства, которое господствовало въ московской церкви въ періодъ, непосредственно предшествовавшій патріаршеству Никона, и которое тоже не отличалось демократизмомъ. Онъ возставалъ только противъ нѣкоторыхъ безпорядковъ въ богослуженіи. До вступленія Никона на патріаршій престолъ, входившіе въ этотъ кружокъ ревнители благочестія могли безпрепятственно ходатайствовать передъ церковными властями объ исправленіи разныхъ церковныхъ нестроеній и даже «извѣщать» о нихъ государя. Крутой Никонъ такъ подтянулъ своихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 26.

подчиненныхъ, что скоро отъ этой свободы не осталось и слѣда. «Егда поставили патріархомъ,—говоритъ о немъ Аввакумъ,—такъ друзей не сталъ и въ Крестовую пускать и сей ядъ отрыгнулъ» [1]). На основаніи этихъ словъ, легко опредѣлить химическій составъ «яда». Бѣда заключалась не столько въ томъ, что московскому патріарху принадлежала большая власть надъ церковью, и что «народъ» не принималъ участія въ церковномъ управленіи, сколько въ томъ, что большая власть надъ церковью досталась въ руки к р у т о г о патріарха, не считавшаго нужнымъ совѣщаться со своими «друзьями» [2]). Клерикальная оппозиція напоминаетъ собою ту, которая давала себя чувствовать подчасъ въ средѣ служилыхъ людей, особенно между боярами. Служилые люди ничего не имѣли противъ у с т р о й с т в а Московскаго государства, но время отъ времени они становились недовольными системой государственнаго у п р а в л е н і я, практиковавшейся тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ,—своенравнымъ и «пальчивымъ»,—государемъ. Правда, служилые люди, огорчившіеся дѣйствіями государей-тирановъ, въ родѣ Ивана IV, были все-таки практичнѣе духовенства, возставшаго противъ тирана-патріарха. Они добивались «записей», содержаніемъ которыхъ служила не обрядовая сторона сношеній, съ «потусторонним» міромъ, а возможныя государевы дѣйствія, имѣющія тѣснѣйшее отношеніе къ нашей юдоли плача: казни безъ суда, конфискаціи имуществъ и т. д. Но, несмотря на эту, сравнительно большую, практичность служилыхъ людей, въ ихъ требованіяхъ ни разу не обнаружилась сколько-нибудь зрѣлая политическая мысль. Не находимъ ея мы и въ требованіяхъ низшаго духовенства.

V.

Какъ сомнителенъ былъ демократизмъ первыхъ расколоучителей, доказываетъ слѣдующее разсужденіе Аввакума: «Знаете ли, вѣрніи, Никонъ прескверньйшій,—отъ него бѣда та на церковь ту пришла. Какъ бы добрый царь, повѣсилъ бы его на высокое дерево, яко древле Артаксеркъсъ Амана, хотяща погубити Мардохея и родъ израилевъ искоренити. Миленькой царь Иванъ Васильевичъ скоро бы указъ сдѣлалъ такой собакѣ. А то чему быть! Умъ отнялъ у милово, у нынѣшняго, какъ близь его былъ [3])».

Аввакумъ рѣзко порицалъ обрушившіяся на раскольниковъ

---

[1]) Житіе, стр. 7.

[2]) Предшественникъ Никона былъ „проще“. Но по отношенію къ нему Аввакумъ, Нероновъ и ихъ друзья сами выступали въ роли новаторовъ, недостаточно почитавшихъ старый религіозный обрядъ. Такова иронія исторіи!

[3]) К а п т е р е в ъ, назван. соч., т. I, стр. 381—382.

гоненія. «Чудо!—восклицалъ онъ,—какъ то въ познаніе не хотятъ прійти: огнемъ да кнутомъ да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостолы научили такъ? не знаю! Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ да кнутомъ да висѣлицею въ вѣру приводить [1])». Это и правильно, и чрезвычайно талантливо выражено. Но «мой Христосъ» врядъ ли одобрилъ бы «указы» Ивана Васильевича, а нашъ протопопъ очень жалѣлъ, что Алексѣй Михайловичъ не слѣдовалъ примѣру этого «миленькаго царя». Онъ наивно писалъ тишайшему государю: «Перестань-ко ты насъ мучить того! Возми еретиковъ тѣхъ, погубившихъ душу твою, и пережги ихъ скверныхъ собакъ, латынниковъ и жидовъ, а насъ распусти природныхъ своихъ. Право будетъ хорошо [2])». Ужъ чего лучше! Конечно, «мой Христосъ» не велѣлъ расправляться огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею. Но благочестивый протопопъ думалъ, должно быть, что нехорошо расправляться огнемъ да кнутомъ лишь со сторонниками стараго обряда, а съ «латынниками и жидами» это позволительно и даже обязательно. Тутъ передъ нами новая черта для характеристики «демократизма» первыхъ расколоучителей.

Когда Аввакумъ убѣдился, что царь Алексѣй не отвергнетъ совершенной Никономъ церковной реформы, онъ сталъ отзываться о немъ весьма непочтительно. «Два рога у звѣря,—писалъ онъ,—двѣ власти знаменуетъ: одинъ побѣдитель... Никонъ, а другой пособитель Алексѣй.., являясь добрымъ, бодый церковь рогами и уставы ея стирая» и т. д. Или: «накудесилъ много горюнъ въ жизни сей, яко козелъ скача по холмамъ, вѣтры гоня, облетая по аэру, яко пернатъ, ища станъ святыхъ, како бы ихъ поглотити и во адъ съ собою свести».

Разочаровавшись въ Алексѣѣ, Аввакумъ началъ уповать на его наслѣдника. Онъ писалъ нѣкогда любезному ему «Михайловичу»: «Сынъ твой послѣ тебя распуститъ же о Христѣ всѣхъ страждущихъ и вѣрныхъ... на шестомъ соборѣ бысть же сіе,—Константинъ Брадатый проклялъ же мучителя отца своего еретика и всѣмъ вѣрнымъ и страждущимъ по Христѣ животъ даровалъ». Константину Брадатому Аввакумъ охотно предоставилъ бы всю полноту той власти, какою пользовался «миленькой царь» Иванъ Васильевичъ.

Недовольство Алексѣемъ Михайловичемъ породило у Аввакума твердую увѣренность въ томъ, что грѣшнаго царя ждутъ адскія муки: «За что ты здѣсь отщепился отъ Христа, и пречи-

---

[1]) Житіе протопопа Аввакума, стр. 22.

[2]) Каптеревъ, назв. соч, т. I, стр. 382.

стую икону Богородичну со престола согналъ и прочія ересь любезнѣ держалъ, а правовѣрныхъ пекъ и огнемъ палилъ? Будетъ ти и самому жарко въ день лютъ отъ Господа; а печеные тѣ отъ вѣры живы будутъ тамъ» [1]).

Въ свое время кн. А. Курбскій тоже могъ пугнуть царя только небеснымъ судьею.

Характерный фактъ. Между учениками Іосифа Волоцкаго, который былъ самымъ послѣдовательнымъ идеологомъ безграничной власти московскихъ государей... поскольку они соглашались не налагать руку на церковныя имущества, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занималъ уже упомянутый выше мимоходомъ митрополитъ Даніилъ. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ онъ неуклонно проводилъ взгляды Іосифа. И вотъ этотъ-то, до крайности консервативный писатель пользовался величайшимъ уваженіемъ со стороны старообрядцевъ. Они ставили его литературныя произведенія на одну доску съ твореніями святыхъ отцовъ. И, по своему, они были правы.

«Вѣковое тяготѣніе старообрядцевъ къ личности и сочиненіямъ митрополита Даніила,—говоритъ В. Жмакинъ,—обусловливается не только симпатіей ихъ къ тѣмъ или другимъ частнымъ воззрѣніямъ и религіознымъ обрядовымъ особенностямъ, оправданія для которыхъ находятся въ его сочиненіяхъ, но однородностію и тѣсною связію, какая существовала и существуетъ между расколомъ и вообще всѣмъ тѣмъ направленіемъ, проводникомъ и ратоборцемъ котораго былъ въ свое время митрополитъ Даніилъ» [2]).

VI.

Я сказалъ, что есть ересь и ересь, расколъ и расколъ. Это справедливо, между прочимъ, и въ примѣненіи къ расколу старообрядства. Иное дѣло «поповщина», а иное дѣло «безпоповщина». Въ своей борьбѣ съ офиціальной церковью «безпоповщина» ушла гораздо дальше «поповщины». Во второй половинѣ XVIII вѣка въ средѣ «безпоповцевъ» могла возникнуть такая крайняя секта, какъ секта бѣгуновъ. Хронологически эта секта далеко стоитъ за предѣлами настоящей главы. Но я все-таки буду при случаѣ ссылаться на нее здѣсь, потому что она, именно благодаря своимъ крайнимъ стремленіямъ, лучше, нежели всѣ другія «безпоповскія» секты, показываетъ, какъ страшно узокъ былъ умственный кругозоръ старообрядства. Съ другой стороны, старообрядство такъ мало

[1]) См. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, т. I, стр. 351—362.

[2]) „Митрополитъ Даніилъ“, стр. 761 и 762.

подвигалось впередъ, что его идеологи въ теченіе послѣдующихъ столѣтій продолжали держаться въ сущности той же самой точки зрѣнія, на которую они встали въ XVII вѣкѣ.

Безпоповцы выставляли противъ Никона слѣдующія обвиненія:

«1. Къ имени Ісуса прибавилъ іоту, разумѣя подъ *і* божество, а подъ *и*—человѣчество...

«2. Сдѣлалъ (вмѣсто зачалъ) стихораздѣленіе Евангельское—ересь Павла Самосадскаго и Латынская.

«3. Училъ, что Спаситель крещенъ поливаніемъ—ересь Лютеранская.

«4. О зачатіи человѣчестемъ училъ подобно Манихеямъ, Еллиномъ, Латинамъ и Оригену.

«5. Въ пѣсни: Аллилуйя прибавилъ 3-ье алл.—ересь Латинъ.

«6. Въ той же пѣсни по описателю житія Евфроима, чуждаго бога языческаго приложилъ.

«7. Ввелъ моленіе на прежде освященной литургіи и въ Троицынъ день на колѣняхъ—ересь Латинская и Срацинская.

«8. Ввелъ изображеніе распятія Христова на двучастномъ крестѣ—ересь Лютеранская и Латинская».

Число такихъ обвиненій доходитъ до двадцати четырехъ. Было бы скучно и безполезно приводить остальныя. Довольно сказать, что всѣ они по внутренней природѣ своей похожи на только что приведенныя. И подобно только что приведеннымъ, ни одно изъ остальныхъ обвиненій не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія ни къ какому демократизму.

Но источникъ, изъ котораго я заимствую эти обвиненія, возстаетъ не только противъ Никона. Въ немъ находится еще сто другихъ пунктовъ, характеризующихъ состояніе господствующей церкви послѣ патріарха. Въ этой сотнѣ обвиненій противъ офиціальнаго православія находится только одно такое, которое, будучи истолковано надлежащимъ образомъ, могло бы получить общественное значеніе. Оно гласитъ:

«Гонятъ и умерщвляютъ непріемлющихъ нововведеній». Дальше идутъ обвиненія въ такомъ родѣ:

«Въ книгѣ Жезлъ въ имени Іисусъ истолкована Троица и два естества.

«Брадобритіе со введеніемъ клеветы на св. Димитрія и Георгія.

«На черствыхъ просфорахъ служатъ.

«Въ трехъугольникѣ пишутъ по-латинѣ Богъ.

«Не хранятъ постовъ, разрѣшая себѣ: духовные—рыбу, мірскіе—мясо.

Боярыня Морозова посѣщаетъ протопопа Аввакума въ заключеніи.

«Не кладутъ поклоновъ при пѣніи: аллилуя» и т. д. и т. д.

Мысль, выдвинувшая эти обвиненія, дорожитъ буквой, а не духомъ. Это ясно. Но рядомъ съ обвиненіями, свидѣтельствующими объ исключительной привязанности къ буквѣ, стоятъ обвиненія, показывающія, что,—какъ и поповщина,—безпоповщина была однимъ изъ плодовъ національстической реакціи, вызванной поворотомъ Московскаго государства къ Западу. Вотъ, нѣкоторыя изъ нихъ:

«Съ музыкою, плясаніемъ и плесканіемъ пьютъ и ѣдятъ.

«Съ волосами, выпудренными и намазанными саломъ, ходятъ въ церковь и даже въ алтарь.

«Составляютъ календари.

«Новый годъ празднуютъ января 1-го дня, сокративъ лѣта Господня на 8 лѣтъ (Латин.)

«Учатся Астрономіи, во увѣреніе правленія звѣздъ по книгамъ и обычаямъ поганскимъ.

«На комедіяхъ мущины одѣваются въ женскія, а женщины въ мужскія платья» [1]).

При самой сильной склонности къ идеализаціи раскола, невозможно найти въ этихъ обвиненіяхъ что-нибудь прогрессивное.

Чѣмъ-то сходнымъ съ политической оппозиціей представляется отказъ нѣкоторыхъ безпоповскихъ сектъ молиться за царя. Неоспоримый фактъ этого отказа навелъ Щапова на слѣдующее размышленіе о ходѣ общественнаго развитія въ Московскомъ государствѣ XVII столѣтія.

«Такимъ образомъ, изумительно, загадочно и многозначительно, какое «непостоянство большое», по выраженію русскихъ людей XVII вѣка, совершилось въ образѣ мыслей большей части массы народной, въ Москвѣ и по всѣмъ областямъ, послѣ всенароднаго согласья на земскомъ соборѣ 1613 года. Во второе десятилѣтіе семнадцатаго вѣка избранъ былъ царь по согласію всей земли, а съ послѣдняго десятилѣтія XVII вѣка стали возникать и сильно распространяться въ массѣ народной противоположныя согласья,—началось непризнаніе, отрицаніе царя... такъ кончилась древняя Россія» [2]).

Здѣсь выводъ историка безконечно шире тѣхъ историческихъ данныхъ, которыя можно было положить въ его основу. «Безпоповскія» согласія, отказывавшіяся молиться за главу русской

---

[1]) См. „Обвинительныя статьи противъ православія", выписки изъ книги, взятой въ сент. 1853 г. у окружнаго наставника филипповскаго согласія Савватія Петрова. Сборникъ правител. свѣдѣній о раскольникахъ, составленный Ф. Кельсіевымъ, вып. IV, Лондонъ, 1862, стр. 191—197.

[2]) Томъ I, стр. 470.

верховной власти, «отрицали» не царизмъ, какъ учрежденіе, а только «неблагочестивыхъ» царей: царь гонитъ правую вѣру; поэтому грѣшно молиться за него, называть его въ молитвахъ «благочестивѣйшимъ». Исключительно этимъ соображеніемъ руководствовалась даже такая крайняя секта, какъ бѣгуны, иначе называемые странниками. Но наличность у нея такого соображенія отнюдь не убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ ея лицѣ «кончилась древняя Россія».

Странникъ Осипъ Семеновъ показывалъ на допросѣ: «Со времени отставшаго отъ вѣры Патріарха Никона царство антихристово настало, и представитель этого царства есть вашъ Господинъ Императоръ... Если бъ вздумалъ признать власть государя, то обманулъ бы этимъ Бога» [1]). Это звучитъ до послѣдней степени радикально. Но дальше Осипъ Семеновъ говорилъ: «Въ книгѣ Хронографъ я читалъ, что св. отцы велѣли платить дань Діоклитіану царю, если не будетъ стѣснять ихъ, иначе не признавать его власти; и я платилъ бы дань вашему государю, если бы онъ не запрещалъ намъ исповѣдывать истинную вѣру» [2]). Другой странникъ, Домэтіанъ Ѳеофановъ, на допросѣ 12 марта 1848 г., показалъ.

«Книги Великороссійской церкви за святыя не принимаю; вѣрую только тому писанію, которое печатано при благочестивыхъ царяхъ; вѣрую во святую соборню и апостольскую церковь, утвержденную семью вселенскими соборами. Царя и власти считаю нужными—только потому, что ни одна земля безъ царя быть не можетъ; но того, по повелѣнію коего странниковъ и христіанъ содержатъ въ темницахъ, за Царя не почитаю, а за мучителя. Св. Писаніе свидѣтельствуетъ, что въ комъ отступленіе отъ вѣры и помраченіе ума, тотъ Антихристъ, а отъ лѣтъ Никона всѣ вѣрующіе его ученію отступники отъ православной вѣры» [3]).

Ѳеофановъ убѣжденъ, что ни одна земля безъ царя жить не можетъ. Это—политическая сторона его взглядовъ. Но царь отступилъ отъ истинной вѣры; онъ сталъ антихристомъ. Поэтому онъ пересталъ быть царемъ. И вотъ политическій консерватизмъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 206.

[2]) Кельсіевъ. Сборн. правит. свѣд. о раскольникахъ, вып. IV, стр. 285. Эти показанія написаны чиновникомъ и подписаны Осипомъ Семеновымъ. Можно, пожалуй, спросить, заслуживаютъ ли они полнаго довѣрія, будучи даны при такихъ условіяхъ. Но, какъ мы видѣли, допрашиваемый не боялся говорить очень смѣло. Что же касается чиновника, то онъ по обыкновенію склоненъ былъ преувеличивать, а вовсе не смягчать радикализмъ воззрѣній допрашиваемаго. Слова, набранныя курсивомъ, навѣрно, были подчеркнуты имъ, а не Осипомъ Семеновымъ.

[3]) Тамъ же, стр. 287.

завѣщанный Московской Русью, осложняется въ головѣ Ѳеофанова вызваннымъ религіозными соображеніями отрицательнымъ отношеніемъ къ царямъ даннаго мѣста и времени. Въ результатѣ получилось сочетаніе, весьма похожее на то, съ которымъ мы познакомились изъ сочиненій протопопа Аввакума. Но ни проповѣдь Аввакума, ни только что приведенный мною взглядъ странника Дометіана Ѳеофанова не возвѣщаетъ конца древней Россіи.

VII.

Самъ основатель секты бѣгуновъ,—этой, какъ сказано, крайней секты,—Евфимій, называетъ царя Михаила Ѳедоровича «въ благочестіи сіявшимъ и законъ Христовъ добре хранившимъ». За такого царя онъ счелъ бы себя обязаннымъ молиться. Грѣшно было, по его мнѣнію, молиться за Петра и его преемниковъ. Имъ нельзя покоряться: это значило бы слушаться «самого Сатаны». Но нельзя покоряться имъ единственно вслѣдствіе ихъ нечестія, а не по какимъ-нибудь политическимъ побужденіямъ [1]).

Удивительно, какъ Щаповъ, приписывая крайнимъ раскольничьимъ согласіямъ XVII вѣка отрицаніе царя, позабылъ о слѣдующемъ отрывкѣ, имъ же самимъ написанномъ, едва за нѣсколько страницъ до того, въ той же самой работѣ:

«И вотъ какъ легко въ XVII вѣкѣ демократизмъ массы разыгрывался игрой въ самозванцы-цари, такъ точно простой крестьянинъ Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда, Стародубской волости, Иванъ Тимоѳеичъ Сусловъ, явился религіознымъ самозванцемъ, антропоморфически назвалъ себя Господомъ-Христомъ. И съ тѣхъ поръ самозванцевъ-Христовъ явилось нѣсколько» [2]).

Самозванцы-цари являлись на Руси не потому, что русскій народъ «отрицалъ» царей, а, напротивъ, потому, что онъ, подобно Дометіану Ѳеофанову, считалъ царскую власть необходимой во всякой землѣ. Въ такомъ взглядѣ нѣтъ ни малѣйшаго признака демократизма. Совершенно такъ же нѣтъ намека на него и въ фактѣ существованія на Руси самозванныхъ Христовъ. Эти по-

---

[1]) См. выписку изъ посланія Евфимія къ московскимъ старцамъ 1787 г., у Кельсіева, вып. 4-й, стр. 252—256. (Тутъ надо согласиться съ г. П. Смирновымъ, который говоритъ, что отказъ отъ молитвы за царя логически вытекалъ изъ того убѣжденія, что наступило царство антихриста: „Въ самомъ дѣлѣ, возможно молиться за царя невѣрнаго и подобаетъ молиться по апостолу, но невозможно молиться за антихриста или за чрезвычайный сосудъ его, потому что это было бы даже грѣшно“. (Внутренніе вопросы въ расколѣ, стр. 105).

[2]) Соч., т. I, стр. 464.

слѣдніе представляютъ собою лишь фантастическое дополненіе къ самозваннымъ царямъ. И какъ тѣ, такъ и другіе самой возможностью своего появленія доказываютъ не окончаніе древней Руси, а ея живучесть. Впрочемъ, самозванцы-христы появлялись въ согласіяхъ, уже отличающихся отъ старообрядческихъ въ точномъ смыслѣ этого слова.

Что старовѣры,—поповцы и безпоповцы,—противились предержащимъ властямъ не только изъ-за буквы, это очевидно, кромѣ всего другого, изъ слѣдующихъ соображеній Евфимія:

«Не явственнѣе-ли таковое Антихриста одержаніе являетъ быти въ 1-ю опись народную, егда 1 императоръ описалъ всѣхъ человѣкъ и раздѣлилъ ихъ на разные чины.... имъ-же размеживъ землю, лѣса и воды, даде я въ наслѣдіе комуждо ихъ, откуду и дань потребовася отъ умершихъ.... и паче посылати въ пустынныя мѣста оныхъ властей своихъ губительныхъ искати безмолвныхъ, работающихъ Господеви, кіихъ прежде благочестивіи царіе почитающе и принося къ нимъ потребная, благословеніе отъ нихъ пріимаху... онъ-же идѣ-же обрѣтая ихъ грабленникъ имъ сотворися... мучаще и смерти предаяше» [1]).

Евфимій былъ недоволенъ не только тѣмъ, что Петръ раздѣлилъ народъ на разные чины. Его возмущало размежеваніе земли, лѣса и воды. Отвергая такое размежеваніе, Евфимій доходилъ даже до коммунистическихъ выводовъ. «Глаголъ: мое отъ дьявола, рече введеся,—писалъ онъ;—вся вамъ общая сотворилъ есть Богъ». Установленіемъ частной собственности («имѣній своихъ») онъ объяснялъ порчу нравственности: «Сего ради оттолѣ начаша бывати обманы, неправыя мѣры, неистовые вѣсы, и во всякую вещь неудобные примѣсы; родишася божбы и клятвы, жаждательства имѣнія, ненависть, зависть, вражда и драки и междоусобныя брани до свирѣпства, обиды до грабительствъ, все сіе онаго ради запрещенія и раздѣленія; кому оный императоръ надѣли много, кому мало, иному же ничего же давъ, токмо едино рукодѣліе имѣти повелѣ» [2]).

Эти выводы и соображенія Евфимія свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ былъ очень богато одаренъ отъ природы [3]). Они свидѣтельствуютъ также о томъ, что великорусское племя по своимъ природнымъ способностямъ нисколько не уступало другимъ и при благопріятныхъ условіяхъ могло бы предаваться такой же смѣлой работѣ мысли, какую мы видимъ на западѣ Европы. Но общественныя условія не оставляли въ Московскомъ государствѣ никакого

---

[1]) „Посланіе къ московскимъ старцамъ“ у Кельсіева, вып. 4, стр. 260—261.

[2]) Посланіе, тамъ же, стр. 262.

[3]) Этотъ бѣглый солдатъ не получилъ никакого образованія.

простора развитію общественнаго сознанія. Поэтому московскіе люди показывали себя крайне безпомощными всякій разъ, когда обстоятельства вызывали ихъ на обсужденіе ими же самими созданнаго соціально-политическаго строя. Гегель говорилъ, характеризуя правовыя и нравственныя понятія Китая, что требованія нравственности представлялись китайцамъ не побужденіями собственной совѣсти, а полученными извнѣ приказаніями. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что личность не могла развиваться при свойственныхъ китайской деспотіи соціально-политическихъ условіяхъ. Но личность совершенно въ такой же мѣрѣ лишена была возможности развиваться въ Московской «вотчинной монархіи», какъ и въ деспотическомъ Китаѣ. Нравственность московскихъ людей изображается иностранными путешественниками,—къ числу которыхъ здѣсь можно отнести и весьма расположеннаго къ русскимъ славянина Крижанича,—въ такомъ же видѣ, въ какомъ Гегель изображалъ, тоже на основаніи отзывовъ иностранныхъ путешественниковъ, китайскую нравственность въ своей философіи исторіи. Извѣстно, что въ теченіе долгихъ періодовъ культурнаго развитія нравственность и даже право получаютъ свое освященіе отъ религіи. Такъ было, конечно, и въ Московскомъ государствѣ. Но если требованія нравственности представлялись московскимъ людямъ не побужденіями ихъ собственной совѣсти, а полученными извнѣ приказаніями, то естественно, что и религія, освящавшая эти требованія, сводилась въ ихъ представленіи къ совокупности мертвыхъ,—т.-е. не одухотворенныхъ работой индивидуальной мысли,—догматовъ и обрядовъ. Вслѣдствіе этого, возставая противъ чего-либо во имя нравственности и религіи, московскіе люди должны были опираться на мертвую догму и въ лучшемъ случаѣ,—т.-е. когда они въ своемъ протестѣ доходили до послѣдней крайности,—«умирать за азъ». Вотъ въ чемъ разгадка того, что двоеперстіе, хожденіе посолонь, сугубая аллилуія и прочіе, старозавѣтные пустяки были въ Московскомъ государствѣ «сообразны времени, мѣсту и духу народа» [1]).

Націоналистическая реакція, вызванная поворотомъ Московскаго государства къ Западу, должна была еще болѣе укрѣпить у недовольныхъ этимъ поворотомъ московскихъ людей неосмысленную приверженность къ разной обрядовой ветоши.

Въ продолженіе значительной части «петербургскаго періода» русское трудящееся населеніе оставалось въ такихъ же условіяхъ, въ какихъ находилось оно до реформы Петра. Разница была лишь въ томъ, что эти условія стали еще гораздо болѣе

---

[1]) См. выше выписку изъ единовѣрческой челобитной.

тяжелыми и еще менѣе благопріятными для развитія личности. Поэтому психологія народной массы оставалась, по своему существу, та же самая. Это обстоятельство и даетъ мнѣ право ссылаться на взгляды старообрядцевъ XVIII и XIX столѣтій, при изученіи психологіи старообрядцевъ XVII вѣка. Оно же позволитъ мнѣ ограничиваться въ дальнѣйшемъ изложеніи лишь бѣглыми указаніями на старообрядство, какъ на одно изъ выраженій народнаго настроенія.

VIII.

Крайніе представители безпоповства тоже находились подъ вліяніемъ націоналистической реакціи. Въ нихъ еще продолжала жить старая Московская Русь. И даже такой, неоспоримо, очень даровитый человѣкъ, какимъ былъ Евфимій, возставая противъ общественнаго неравенства и противъ непосильной тяготы, взваленной Петромъ I на плечи русскаго народа, нагромождалъ на свои правильные и смѣлые выводы массу негоднаго хлама, лишавшаго ихъ практическаго значенія. Петръ I согрѣшилъ, по его мнѣнію, не только тѣмъ, что поставилъ трудящуюся массу въ крайне тяжелое положеніе. Непростительный грѣхъ перваго императора состоитъ также въ томъ, что онъ «умысли Елинскіе и Латинскіе и прочіе языки законы установляти, яко се: брады брити, платіе нѣмецкое носити, власы растити и плѣсти косы, банты привязывати, петли на шеяхъ имѣти, пукли связывати и лавержъ, (т.-е. косу. *Г. П.*) саломъ намазывати, и мукою главу припутривати, и табакъ носомъ пити и устами курити, и со псы изъ единыхъ сосудовъ ясти» и т. д. Вслѣдствіе того, что Петръ до конца истребилъ благочестивые обычаи, исполнилось «реченное»: «и гладъ будетъ великъ» [1]). Эти послѣднія слова воочію показываютъ намъ, какимъ образомъ критическая мысль Евфимія, отправляясь отъ реальныхъ фактовъ, немедленно попадала въ безпросвѣтную область націоналистической реакціи. Онъ слышалъ, что при Петрѣ положеніе народа было тяжело: «гладъ былъ великъ». Нужно было найти причину этого явленія. Она тотчасъ и подсказывалась богословскими пріемами мышленія, подкрѣпленными реакціоннымъ націонализмомъ: гладъ былъ великъ оттого, что стали брады брити, платье нѣмецкое носити, табакъ устами курити, носомъ его пити и проч., и проч., и проч. Но, принимая такое объясненіе, Евфимій тѣмъ самымъ лишалъ себя возможности успѣшно бороться съ тѣмъ общественнымъ зломъ, наличность котораго онъ совершенно правильно констатировалъ.

---

[1]) Кельсіевъ, тамъ же, стр. 265.—Трудно рѣшить, кѣмъ подчеркнуты здѣсь слова: „табакъ носомъ пити“ и „гладъ будетъ великъ“.

Н. И. Костомаровъ опредѣлялъ когда-то расколъ, какъ своеобразный, хотя несовершенный и неправильный, органъ народнаго самообразованія [1]). Это опредѣленіе, пожалуй, можно принять, переставивъ его составныя части. Я сказалъ бы: расколъ явился, хотя и своеобразнымъ, но несовершеннымъ и неправильнымъ органомъ народнаго самообразованія. Правда, такіе термины, какъ «неправильный» и «несовершенный», могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Но здѣсь ясно, въ какомъ смыслѣ надо понимать ихъ.

Общественное сознаніе опредѣляется общественнымъ бытіемъ. Поступательное движеніе общественнаго бытія вызываетъ движеніе впередъ общественнаго сознанія. И не только вызываетъ его, но и само вызывается имъ въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ. Для прогресса общественнаго бытія въ высшей степени важно, чтобы всякій данный «органъ народнаго самообразованія» былъ «совершеннымъ» и «правильнымъ». А всякій такой органъ тѣмъ болѣе правиленъ и совершененъ, чѣмъ болѣе онъ цѣлесообразенъ, т.-е чѣмъ лучше понимаетъ народъ, черезъ его посредство, причинную связь явленій общественнаго бытія. Едва ли нужно пояснять, почему это такъ: для борьбы съ общественнымъ зломъ необходимо правильное пониманіе его причины. Но мы сейчасъ видѣли, что старообрядческая идеологія не только не облегчала, а прямо затрудняла народу пониманіе истинныхъ причинъ его тяжелаго положенія. Поэтому, если расколъ и былъ органомъ народнаго самообразованія, то неправильность и несовершенство этого органа достигали такой степени, что онъ являлся въ то же время органомъ народнаго застоя, а вовсе не прогресса, какимъ его считалъ Костомаровъ.

Костомаровъ писалъ также:

«Мы не согласимся съ мнѣніемъ, распространеннымъ у насъ издавна и сдѣлавшимся, такъ сказать, ходячимъ: будто расколъ есть старая Русь. Нѣтъ; расколъ — явленіе новое, чуждое старой Руси».

Эту мысль онъ пояснялъ тѣмъ соображеніемъ, что въ расколѣ народная масса впервые проявила своеобразную дѣятельность. Однако, старообрядческимъ сектамъ предшествовали на Руси секты стригольниковъ и жидовствующихъ. Секты эти были гораздо болѣе правильными и совершенными органами народнаго умственнаго прогресса, нежели расколъ старообрядства. Правда, онѣ возникли хотя и въ русской землѣ, но за предѣлами Московскаго государства. Есть также основаніе думать, что онѣ были плодомъ

---

[1]) Исторія раскола у раскольниковъ. „Вѣстникъ Европы“, апрѣль 1871 г., стр. 500.

мысли, главнымъ образомъ, высшихъ классовъ сѣверо-западныхъ русскихъ республикъ. Но и въ самой Москвѣ ересь Ѳеодосія Косого была по своему умственному содержанію несравненно цѣннѣе даже безпоповскаго старообрядства. Бѣглому солдату XVIII вѣка, Евфимію, далеко до бѣглаго холопа XVI столѣтія, Ѳеодосія Косого. Чѣмъ болѣе расширялись и упрочивались основы московской «вотчинной монархіи», тѣмъ менѣе благопріятными становились общественныя условія для умственной дѣятельности народной массы. И когда значительная часть этой массы приняла довольно широкое и очень энергичное участіе въ борьбѣ за старую вѣру, она тотчасъ обнаружила всю ту поразительную слабость общественнаго самосознанія, которая обусловливалась соціально-политическими отношеніями Московскаго государства. Поэтому невозможно считать расколъ, какъ это дѣлаетъ Костомаровъ, явленіемъ, чуждымъ старой Руси; въ немъ лучше, выпуклѣе, ярче, нежели въ чемъ-либо другомъ, выразила свою духовную природу именно старая Московская Русь.

IX.

Щаповъ говорилъ чистую правду, когда утверждалъ, что давимые государствомъ крестьяне и посадскіе люди всѣми силами старались «избывать отъ тягла» и «жить на волѣ». Ни мало не грѣшилъ онъ противъ исторической истины и тогда, когда писалъ, что это стремленіе крестьянъ и посадскихъ людей нерѣдко побуждало ихъ «чиниться государеву указу непослушными». Но гдѣ же могло быть осуществлено стремленіе къ волѣ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ самъ Щаповъ.

Мы встрѣчаемъ у него указаніе на тотъ курьезный фактъ, что въ учительскихъ «каталогахъ» первой половины XVIII вѣка противъ именъ бурсаковъ часто стояли слова: semper fugitiosus. Этими двумя словами можно превосходно характеризовать всѣ протестующіе элементы, выходившіе изъ среды русскаго народа. Каждый изъ нихъ былъ на свой ладъ semper fugitiosus. «Бѣжали и бѣгали по бѣлу свѣту всякихъ чиновъ люди, но всѣхъ болѣ податные крѣпостные и служилые,—продолжаетъ нашъ авторъ.—И собирались эти бѣглые въ разныя компаніи, согласія, скопища» [1]). Въ высшей степени замѣчательно, что крайняя старообрядческая секта получила уже знакомое намъ названіе странниковъ или бѣгуновъ.

---

[1]) Сочин., т. 1, стр. 532.

Пренія о вѣрѣ въ Грановитой палатѣ (1682 г.).

Я сокроюсь въ лѣсахъ темныхъ,
Водворюся со звѣрями,
Тамъ я стану жить:
Тамъ пріятный воздухъ чистъ,
И услышу птичій свистъ.
Нѣжны вѣтры тамо дышутъ
И токи водъ журчатъ [1]).

Такъ воспѣвали темные лѣса тѣ энергичные представители русской трудящейся массы, которые не могли ужиться въ неволѣ. Они же сочиняли чувствительныя обращенія къ «прекрасной пустынѣ».

Съ горя, со кручины,
Я пойду же разгуляюсь,
Во прекрасной во пустынѣ.
Моя матушка вторая,
Ты прекрасная пустыня!
Пріими меня пустыня
Со премногими грѣхами,
Со горючими слезами... [1]).

Въ «пустынѣ» бѣглецъ могъ себя чувствовать очень хорошо въ виду отсутствія бояръ, податей, повинностей, приказныхъ, московскихъ батоговъ и петербургскихъ шпицрутеновъ. Правда, его ожидало тамъ много матеріальныхъ лишеній. Сама матушка пустыня предупреждала бѣглеца:

У меня же во пустынѣ
Нѣту сладкіе-то пищи.
У меня же во пустынѣ
Нѣту питія медвина, и т. д.

Но это было съ полгоря, тѣмъ болѣе, что прекрасная пустыня изобиловала разными естественными угодьями. Горе заключалось въ томъ, что, какъ замѣчала та же матушка:

У меня ли во пустынѣ
Тебѣ не съ кѣмъ слова молвить.

Говоря это, «пустыня» имѣла, собственно, въ виду, что пришедшему въ нее «молодому юношѣ» будетъ «не съ кѣмъ разгуляться». Но, съ исторической точки зрѣнія, дѣло представляется гораздо болѣе серьезнымъ. Въ «пустынѣ» не съ кѣмъ было не только разгуляться, но и обмѣняться мыслями, а это останавливало умственное развитіе бѣглецовъ. Великія соціально-политическія идеи зарождались и развивались не въ пустынѣ, а въ большихъ культурныхъ центрахъ. Возникавшія тамъ общественныя

[1]) Щаповъ, тамъ же, стр. 550—551.

противорѣчія служили самыми энергичными двигателями умственнаго прогресса.

Юзовъ писалъ: «Наши старовѣры ополчились на защиту старины не ради того, что она—старина, а потому, что она казалась имъ болѣе соотвѣтствующей потребностямъ народа, нежели вновь вводимые порядки» [1]). Это, конечно, такъ. Но и кто же ополчается на защиту стараго (или новаго) единственно ради того, что оно старо (или ново)? Всегда и вездѣ старое (или новое) дорого людямъ только потому, что они признаютъ его болѣе соотвѣтствующимъ ихъ нуждамъ, нежели новое (или старое). Такъ было и въ Московскомъ государствѣ. Какъ выяснено въ главѣ, посвященной націоналистической реакціи, значительная часть населенія этого государства еще до появленія раскола возставала противъ новыхъ условій, вызванныхъ поворотомъ къ Западу. Мы знаемъ также, что самъ расколъ явился однимъ изъ выраженій націоналистической реакціи. Мы знаемъ, наконецъ, что реакція эта явилась не безъ причины. Она вызвана была тѣмъ, что новыя условія жизни, создаваемыя поворотомъ къ Западу, такъ или иначе нарушали болѣе или менѣе существенные интересы разныхъ классовъ народа. Но бѣда была въ томъ, что интересы эти заставляли оппозиціонную мысль Московскаго государства смотрѣть не впередъ, а назадъ.

Она смотрѣла назадъ въ лицѣ бояръ, недовольныхъ безграничнымъ ростомъ власти московскихъ государей и появленіемъ на Руси служилыхъ иноземцевъ; она смотрѣла назадъ въ лицѣ низшаго духовенства, возмущавшагося деспотизмомъ Никона; она смотрѣла назадъ въ лицѣ торговыхъ людей, тѣснимыхъ конкуренціей иностранныхъ купцовъ; наконецъ, она стала смотрѣть назадъ въ лицѣ трудящейся массы въ собственномъ смыслѣ этихъ словъ [2]). Постоянное обращеніе оппозиціонной мысли назадъ, а не впередъ, обусловливалось неразвитостью общественныхъ отношеній, отнимавшей у представителей оппозиціи всякую возможность намѣтить для своей страны путь поступательнаго,—а не попятнаго,—движенія.

X.

Но неразвитость общественныхъ отношеній имѣла еще то слѣдствіе, что оппозиціонныя направленія въ общественной мысли Московскаго государства оставались безплодными для дальнѣй-

[1]) Русскіе диссиденты, стр. 50. Ср. также стр. 22.

[2]) Это признаетъ даже Щаповъ, такъ сильно склонный къ идеализаціи раскола. „Національное сознаніе массы народа,—говоритъ онъ,—почти всецѣло проникнуто было духомъ старины и устремлено было не впередъ, а назадъ, къ преданіямъ XVI и XVII вв.“ (Соч., т. I, стр. 221).

шаго идейнаго развитія страны. «Идеализаторы раскола» разсуждали такъ: «старовѣры, критически относясь къ новому, не могли не прилагать того же критическаго метода и къ своимъ старымъ воззрѣніямъ—отсюда возможность дальнѣйшаго развитія» [1]). Такое разсужденіе могло казаться убѣдительнымъ лишь для тѣхъ изслѣдователей, которые придерживались идеалистическаго взгляда на исторію. Если люди никогда не защищаютъ стараго (или новаго) только потому, что оно старо (или ново), то они точно такъ же никогда не берутся за критику,—стараго или новаго, это въ данномъ случаѣ все равно,—только потому, что она критика. И если трудящееся населеніе Московскаго государства критически относилось къ новому, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что оно должно было, войдя во вкусъ, критически отнестись и къ старому. «Возможность дальнѣйшаго развитія» въ умственной области всегда есть у людей. Однако она переходитъ въ дѣйствительность только тогда, когда являются необходимыя для этого общественныя условія. А этихъ условій было все меньше по мѣрѣ того, какъ складывался свойственный Московскому государству соціально-политическій порядокъ. Поэтому религіозная оппозиція, еще въ XVI столѣтіи выдвинувшая Ѳеодосія Косого, могла въ слѣдующемъ вѣкѣ выдвинуть только протопопа Аввакума и другихъ ему подобныхъ ревнителей «древняго благочестія».

Въ передовыхъ государствахъ Запада недовольные элементы сосредоточивались въ городахъ; въ Московскомъ государствѣ они спасались въ прекрасную пустыню. Тутъ передъ нами секретъ того, что въ Московскомъ государствѣ старое оказалось какъ въ области общественныхъ отношеній, такъ и въ области идей несравненно болѣе живучимъ, нежели въ передовыхъ государствахъ Запада [2]).

Сосредоточиваясь въ культурныхъ центрахъ, недовольные элементы населенія передовыхъ государствъ Запада не имѣли другого средства улучшить свою судьбу, кромѣ болѣе или менѣе полной передѣлки даннаго политическаго строя. Толкая ихъ на борьбу съ нимъ, объективная сила общественнаго развитія тѣмъ самымъ заставляла ихъ мысль критиковать этотъ строй. И чѣмъ болѣе обострялась общественная борьба, тѣмъ глубже проникала

---

[1]) Юзовъ, тамъ же, та же стр.

[2]) Старообрядческіе проповѣдники провозглашали: „Нѣсть въ градѣхъ живущимъ спасенія“ (П. С. Смирновъ, назв. соч., стр. 101). То же твердили на свой ладъ (въ девятнадцатомъ вѣкѣ!) славянофилы,—напримѣръ, И. С. Аксаковъ, охотно противопоставлявшій „село“ городу,—и народники, видѣвшіе въ городскомъ рабочемъ населеніи гораздо болѣе вредный, нежели полезный, въ культурномъ смыслѣ, продуктъ „неправильнаго“ экономическаго развитія Россіи.

въ основу стараго порядка критическая мысль недовольныхъ элементовъ. Въ Московскомъ государствѣ было не такъ. Чѣмъ невыносимѣе становилось положеніе тяглой массы, тѣмъ сильнѣе подвергались наиболѣе энергичные элементы ея искушенію бѣжать въ «прекрасную пустыню». Собирались они тамъ въ казацкіе круги или заводили раскольничьи скиты — это зависѣло отъ обстоятельствъ. Но, во всякомъ случаѣ, устремляясь на окраины, они не имѣли повода задумываться о средствахъ улучшенія давившаго ихъ общественнаго порядка. Имъ достаточно было убѣдиться въ томъ, что онъ ихъ давитъ. Если давитъ, то надо «разбредаться розно»—вотъ крайній выводъ, къ которому приходила народная мысль при данныхъ историческихъ и географическихъ условіяхъ. Онъ не заключалъ въ себѣ ровно ничего прогрессивнаго.

Разъ являлось у тяглыхъ людей желаніе «разбрестись розно», они, разумѣется, весьма охотно слушали тѣхъ, которые доказывали имъ, что на старомъ мѣстѣ ничего хорошаго ждать нельзя. Временами это доказывали удалые добрые молодцы, приглашавшіе измученныхъ тягломъ государевыхъ сиротъ погулять по широкому степному или рѣчному раздолью въ шайкахъ голутвенныхъ казаковъ. А иногда покидать насиженныя мѣста настоятельно совѣтовали «старцы», звавшіе православныхъ на борьбу за «древлее благочестіе». У «старцевъ» не могло быть въ запасѣ довода, болѣе убѣдительнаго, чѣмъ тотъ, что Антихристъ уже воцарился и ловитъ въ свои сѣти православныхъ христіанъ. Если онъ воцарился, то «разбрестись розно» не только нужно ради своихъ матеріальныхъ интересовъ, но необходимо для спасенія души.

Таковы были, кромѣ всѣхъ указанныхъ выше, тѣ условія общественнаго бытія, которыя сдѣлали народное сознаніе воспріимчивымъ къ проповѣди расколоучителей, впервые вышедшихъ изъ среды низшаго духовенства.

И. Н. Харламовъ писалъ еще въ 80-хъ годахъ: «Странникъ поражается образомъ антихриста и поражаетъ имъ массу. Указывая на спеціальное зло и объясняя его какъ дѣло сатаны-антихриста, онъ путаетъ массовую мысль, изъ реальной сферы выталкиваетъ ее въ сферу фантазіи, отъ попытокъ массы «скопомъ» отбыть отъ житейской тяги онъ уводитъ народную мысль въ другую область—личной нравственности, затѣняетъ общество, мысль объ обществѣ, выпирая на первый планъ личность» [1]).

Mutatis mutandis,— это можно сказать, за немногими исключеніями, о всѣхъ христіанскихъ сектахъ: чаще всего ихъ пропа-

---

[1]) Странники. Очеркъ изъ исторіи раскола. „Русская Мысль“. 1884 г., № 5, стр. 127.

ганда выталкиваетъ человѣческую мысль изъ реальной сферы въ фантастическую и тѣмъ самымъ замедляетъ ея развитіе. Но больше другихъ должна замедлять это развитіе пропаганда того ученія, которое рекомендуетъ своимъ послѣдователямъ «умирать за азъ» и удаляться въ «пустыню». Чѣмъ больше успѣха имѣетъ такая пропаганда, тѣмъ больше служитъ она сохраненію стараго порядка на старомъ мѣстѣ [1]).

Поселившись въ «пустынѣ», невозможно было довольствоваться пріятнымъ чистымъ воздухомъ и птичьимъ свистомъ. Нужно было жить. Въ интересахъ борьбы за существованіе бѣглецы соединялись вмѣстѣ, постепенно образуя довольно большіе поселки. На эти поселки государство въ теченіе нѣкотораго времени не было въ состояніи наложить свою тяжелую руку. Но взаимныя отношенія ихъ жителей складывались, въ концѣ концовъ, по тому же типу, который выработался благодаря господствовавшему на старыхъ мѣстахъ способу производства. Разница заключалась лишь въ томъ, что естественныя богатства «пустыни» и отсутствіе государственнаго гнета помогали переселенцамъ достигать «на новыхъ мѣстахъ» гораздо болѣе высокой степени благосостоянія. Это, разумѣется, было очень хорошо. Но при тѣхъ условіяхъ, которыя существовали въ западныхъ странахъ,—включая сюда и западную Русь,—болѣе высокая степень благосостоянія влекла за собою болѣе быстрое развитіе соотвѣтствующихъ данному способу производства общественныхъ противорѣчій, въ свою очередь ускорявшихъ движеніе общественной мысли. А въ прекрасной матушкѣ-пустынѣ и это было не такъ. Правда, между поселенцами возникало неравенство имуществъ, появлялись бѣд-

---

[1]) Покойный И. Харламовъ съ замѣчательной для своего времени ясностью подмѣтилъ отрицательное вліяніе географическихъ условій на ходъ умственнаго развитія нашего народа. „Когда, какъ у насъ, равнина обширна до отчаянія, — писалъ онъ, — когда для исхода накопившагося недовольства постоянно въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ открытъ клапанъ заимки пустопорожнихъ мѣстъ, тогда понятно, что процессъ нарастанія, скученія населенія происходитъ чрезвычайно медленно, незамѣтно. Не возникаетъ въ сознаніи и мысли о возможности какой-нибудь другой борьбы съ соціальнымъ зломъ, кромѣ колонизаціоннаго ухода. Да и самое зло, отъ котораго уходитъ человѣкъ, только чувствуется. Отъ тяготы человѣкъ уходитъ, знаетъ, что тамъ тяжело, а почему именно, отчего, главнымъ образомъ, происходятъ тягости и неудобства,—о томъ почти нѣтъ и мысли". (Назв. статья, „Р. М.", 1884, кн. II, стр. 197.) Къ сожалѣнію, И. Харламовъ не былъ знакомъ съ матеріалистическимъ объясненіемъ исторіи, и потому высказанная имъ глубоко вѣрная мысль не получила у него надлежащаго развитія; а въ своей полемикѣ съ „идеализаторами раскола" онъ самъ склонялся въ послѣднемъ счетѣ къ идеалистической точкѣ зрѣнія. Съ его соображеніями о значеніи географическихъ условій въ ходѣ развитія русской общественной мысли интересно сопоставить жалобы Г. И. Успенскаго на „сплошной бытъ" русскаго народа.

няки и богачи. Предприниматели-старовѣры наживали свои, порой очень большіе, капиталы едва ли не столько же путемъ эксплуатаціи своихъ бѣдныхъ единомышленниковъ, сколько посредствомъ торговыхъ и промышленныхъ сношеній съ «внѣшними» (иначе: никоніанцами) [1]). Однако бѣдняки охотно шли за ними, видя въ нихъ благочестивыхъ «христолюбцевъ». Такимъ образомъ, и съ этой стороны расколъ былъ до послѣдней степени «несовершеннымъ» органомъ умственнаго прогресса: онъ задерживалъ его вмѣсто того, чтобы способствовать ему.

Общественное бытіе не оставляло никакой возможности для плодотворнаго развитія тѣхъ элементовъ прогрессивнаго мышленія, которые возникали иногда,—хотя и весьма рѣдко,—въ крайнихъ сектахъ безпоповщины. Коммунистическіе взгляды основателя секты странниковъ остались въ состояніи зародыша. Въ сущности, они такъ неопредѣленны, что даже самые усердные «идеализаторы раскола» не рѣшались признать ихъ коммунистическими въ полномъ смыслѣ слова. Юзовъ полагалъ, что въ ученіи Евфимія коммунизмъ распространялся только на недвижимую собственность [2]). Если это, въ самомъ дѣлѣ, такъ,—что весьма вѣроятно,—то Евфимій лишь давалъ религіозную санкцію тому, что фактически существовало въ «пустынѣ», гдѣ земля, лѣсъ и прочія угодья не составляли ничьей собственности.

Но какъ бы тамъ ни было, а странники вынуждены были считаться съ дѣйствительными экономическими отношеніями. Между ними тоже было много торговцевъ и промышленниковъ, уже

---

[1]) „Богачи-раскольники, захватившіе въ свои руки, особенно со второй половины XVIII столѣтія, многія отрасли торговли и промышленности и завладѣвшіе торговлею предметами мѣстной промышленной производительности, чрезъ то держали въ своихъ рукахъ значительную часть мѣстнаго народонаселенія. Бѣдные крестьяне, поставленные въ такую неизбѣжную зависимость отъ торговыхъ раскольниковъ, иногда поневолѣ принимали расколъ, чтобы не лишиться средствъ безбѣднаго существованія; они или нанимались къ богатымъ раскольникамъ въ работники или продавали имъ свои произведенія и, чтобы въ томъ и другомъ случаѣ пользоваться выгодами, одинаковыми съ раскольниками, соглашались на расколъ“ (Щаповъ, I, 319).— „Какъ только скопецъ станетъ на ноги (не говоря уже о богачахъ), онъ уже обращается къ наемному труду“ (Олекминскіе скопцы.—Историко-бытовой очеркъ I—на. СПБ. 1895, стр. 28). „Наемнымъ рабочимъ скопцы, правда, даютъ болѣе высокую, чѣмъ горожане или крестьяне, плату и лучшую пищу, но зато выжимаютъ изъ нихъ всѣ соки“. (Тамъ же, стр. 21).

[2]) „Г. Розовъ говоритъ, что въ числѣ основныхъ идей основателя страннического согласія, Евфимія, находится и идея коммунизма; но врядъ ли съ этимъ можно согласиться. Сами бѣгуны не такъ толкуютъ слова своего учителя, относящіяся къ этому предмету; по мнѣнію большинства странниковъ, эти слова относятся только къ поземельной собственности, рыбнымъ ловлямъ, соляным сферамъ и т. п. предметамъ“. (Русскіе диссиденты, стр. 116.)

совсѣмъ несклонныхъ проклинать глаголъ: «мое, твое». Эти торговцы и промышленники образовали въ сектѣ особый слой «мірскихъ», или «жилыхъ», бѣгуновъ. Для нихъ уходъ въ пустыню былъ, по выраженію Щапова, одною только формальностью. Ихъ истинная обязанность заключалась въ пристанодержательствѣ, т.-е. въ устройствѣ тайныхъ пріютовъ для настоящихъ бѣгуновъ. Этимъ послѣднимъ невозможно было обойтись безъ такихъ тайныхъ пріютовъ, и они вынуждены были пойти на сдѣлку со своими богатыми единомышленниками. Но эта неизбѣжная сдѣлка была весьма существенной уступкой духу «Антихриста». Необходимо замѣтить, кромѣ того, что, по крайней мѣрѣ въ XIX в., секта странниковъ сильно распространилась въ промышленныхъ великорусскихъ губерніяхъ, т.-е. тамъ, гдѣ сильнѣе, нежели въ другихъ мѣстностяхъ русской земли, сказывалась сила капитала, и гдѣ, несмотря на обиліе лѣсовъ, «прекрасная пустыня» быстро утрачивала свою старую природу.

XI.

Однако перестанемъ заходить впередъ. Обратимся снова къ Московской Руси.

Щаповъ утверждалъ, что въ расколѣ воплотился духъ Степана Разина [1]). Но это не точно. Степанъ Разинъ, насколько можно говорить объ его образѣ мыслей, вовсе не придавалъ значенія вопросамъ обрядности, такъ страстно волновавшимъ Аввакума, Ивана Неронова, Никиту Пустосвята и другихъ ревнителей старой вѣры. Когда онъ овладѣлъ Астраханью, ея жители, слѣдуя его примѣру, стали ѣсть въ постные дни молоко и мясо и били тѣхъ, которые возмущались этимъ [2]). Когда въ Черкасскѣ сгорѣли церкви, Разинъ отказался пожертвовать что-нибудь на ихъ возобновленіе. «На что церкви? Къ чему попы?—спрашивалъ онъ.—Вѣнчать, что ли? Да не все ли равно: станьте въ парѣ подлѣ дерева, да пропляшите вокругъ него—вотъ и повѣнчались!» Костомаровъ говоритъ по этому поводу, что Разинъ сдѣлался «врагомъ и самой вѣры, ибо вѣра не покровительствуетъ мятежамъ и убійствамъ» [3]). Очень сомнительно, чтобы знаменитый вождь «голутвенныхъ» казаковъ былъ когда-нибудь, по тѣмъ и по другимъ побужденіямъ, сознательнымъ врагомъ религіи. Если онъ въ самомъ дѣлѣ отрицалъ надобность въ попахъ и церквахъ,

---

1) Соч., I, стр. 170.

2) Историч. монографіи Н. Костомарова, т. II, стр. 308.

3) Тамъ же, стр. 284.

совѣтуя ограничиваться, при заключеніи браковъ, пляской вокругъ «ракитова куста», то въ этомъ слѣдуетъ видѣть не столько «вражду къ вѣрѣ», сколько проявленіе той «озорной» удали, которая не останавливается даже передъ тѣмъ, что самъ удалецъ продолжаетъ чтить въ глубинѣ своей души. Но при всемъ томъ совершенно неоспоримо, что добрый молодецъ, способный на подобное удальство, не могъ увлечься расколомъ. Какъ мало интересовались Разинъ и его ближайшіе сторонники вопросами, страстно волновавшими тогда московскихъ начетчиковъ, видно изъ важной тактической ошибки, которой они, конечно, не сдѣлали бы, если бы были лучше освѣдомлены о положеніи дѣлъ въ Московскомъ государствѣ: они пытались привлечь на свою сторону патріарха Никона. Хотя онъ, какъ и надо было ожидать, «на ту воровскую прелесть не подался», однако они все-таки распустили слухъ, что онъ плыветъ съ ними на одномъ изъ струговъ. Никонъ незадолго до того потерпѣлъ жестокое пораженіе въ борьбѣ со свѣтской властью и, сдѣлавшись жертвой этой послѣдней, показался «воровскимъ» казакамъ подходящимъ орудіемъ агитаціи въ народѣ. Но они упустили изъ виду, что оппозиціонные элементы трудящейся массы гораздо болѣе склонны были идти *противъ* Никона, нежели *за него*. Проф. Н. Н. Ѳирсовъ давно уже указалъ на религіозный индифферентизмъ Разина, какъ на источникъ этой крупной ошибки [1]). Беззаботность «воровскихъ» казаковъ насчетъ спорныхъ вопросовъ богослужебнаго обряда, можетъ быть, еще лучше доказывается тѣмъ, что, выдавая себя на Волгѣ за сторонниковъ Никона, они обѣщали соловецкимъ старцамъ свою поддержку въ борьбѣ противъ никоновскихъ новшествъ. Они говорили имъ: «Постойте, братіе, за истинную вѣру, не креститесь тремя перстами, это антихристова печать!» Уже современники понимали, что въ такихъ рѣчахъ «работничковъ Стеньки Разина» не было искренности. И въ самомъ дѣлѣ, будучи съ участіемъ приняты въ Соловецкомъ монастырѣ, работнички «отстранили иноковъ и бѣглецовъ отъ дѣлъ, избрали начальниками свою братію, Ѳаддейку Кожевника да Ивашку Сарафанова, и не только учили не повиноваться церкви, но и не считать царя государемъ [2]). Сто лѣтъ спустя, Пугачевъ и пугачевцы обнаружили въ своей агитаціонной дѣятельности несравненно большее умѣнье считаться съ расколомъ, какъ съ однимъ изъ видовъ выраженія народнаго недовольства.

---

[1]) Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. Изданіе М. О. Вольфа, стр. 41—42.

[2]) *Костомаровъ*, назв. соч., стр. 337.

Трудящаяся масса шла за «помощничками» Ст. Разина, повинуясь «бунташному» настроенію. Въ Московскомъ государствѣ сельское населеніе было,—какъ оно бываетъ вездѣ и всегда,—болѣе пассивно, нежели городское. Поэтому въ городахъ «бунташное» настроеніе проявило себя уже въ 1648—1650 и 1662 гг., а въ деревняхъ только въ 1670—1671 гг. [1]). Въ деревняхъ оно было еще болѣе безнадежно, нежели и въ городахъ. Тогда не было налицо такихъ условій, которыми создавалась бы объективная возможность водворенія новаго общественнаго порядка, и тѣмъ самымъ обезпечивалась бы побѣда народнаго движенія, направлявшагося противъ старыхъ соціально-политическихъ отношеній. Выше я уже отмѣтилъ, что «воровскому» казачеству приходилось считаться съ монархическими убѣжденіями шедшей за ними тяглой массы. Къ приведеннымъ тамъ примѣрамъ прибавлю, что тотъ самый Разинъ, который не боялся насмѣхаться надъ духовенствомъ и надъ церковными таинствами, нашелъ нужнымъ, въ бытность свою въ Астрахани, сдѣлалъ митрополиту визитъ въ день именинъ царевича Ѳеодора. Народная масса, видѣвшая въ Разинѣ смирителя всѣхъ ея лиходѣевъ и на всемъ пространствѣ Московскаго государства готовая встрѣчать своего «батюшку» съ хлѣбомъ и солью, надѣялась на него много больше, нежели на самое себя. Вотъ почему она поднималась тамъ, гдѣ появлялись казаки, и покорно подставляла шею подъ старое ярмо тамъ, гдѣ казаки вынуждены были предоставить ее собственнымъ ея силамъ [2]). Да и само казачество, ставшее во главѣ недовольнаго народа, было противодѣйствіемъ стараго новому, а не новаго старому. Сообразно съ этимъ, царское войско, въ которомъ уже были тогда полки, обученные по-европейски, показало себя болѣе искуснымъ въ ратномъ дѣлѣ, чѣмъ казаки, посвящавшіе, однако, тому же дѣлу всю свою жизнь. Но, несмотря на все это, бунтъ Разина представляетъ собою общественное явленіе, несравненно болѣе богатое жизненной энергіей, чѣмъ расколъ старообрядства. Участники этого бунта отстаивали земной,—хотя, конечно, отжившій,—идеалъ, тогда какъ расколъ стремился къ «Іерусалиму небесному». Психологія русскихъ народныхъ движеній еще недостаточно изучена. Но едва ли мы ошибемся, предположивъ, что склонность народной массы къ расколу была обратно пропорціональна ея вѣрѣ въ возможность собственными

---

[1]) Вся половина XVII в.,—говоритъ Костомаровъ,—была приготовленіемъ эпохи Стеньки Разина". (Наз. соч., стр. 212.)

[2]) Этимъ и объясняется возникновеніе долго жившей въ народѣ легенды, согласно которой Стенька Разинъ не былъ казненъ, а только скрылся и „придетъ, непремѣнно придетъ" (ср. Костомарова, наз. соч., стр. 380).

силами побѣдить царящее зло, и что, такимъ образомъ, расколъ съ особеннымъ успѣхомъ распространялся послѣ выпадавшихъ на долю народа крупныхъ пораженій. По всей вѣроятности, тутъ совершался тотъ же соціально-психологическій процессъ, который мы до сихъ поръ можемъ наблюдать въ нашей интеллигенціи, съ наибольшимъ усердіемъ предающейся «религіознымъ исканіямъ» именно въ мрачныя эпохи торжества реакціи и упадка общественной энергіи.

ИСТОРІЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВЪ РОССІИ.

Часть III.

ДВИЖЕНІЕ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПОСЛѢ ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМЫ.

Глава I.

Непосредственное вліяніе реформы на ходъ развитія русской общественной мысли.

Реформа Петра сильно участила сношенія московскихъ людей съ жителями Западной Европы.

Это обстоятельство непремѣнно должно было внести новые элементы въ образъ мыслей, по крайней мѣрѣ, тѣхъ россіянъ, которымъ волей или неволей пришлось принять участіе въ дѣлѣ преобразованія.

Внесеніе новыхъ элементовъ въ образъ мыслей нашихъ предковъ я и называю непосредственнымъ вліяніемъ реформы на ходъ развитія русской общественной мысли.

Разумѣется, такимъ вліяніемъ не ограничился процессъ европеизаціи Россіи.

Участившіяся сношенія съ Западомъ мало-по-малу вызвали рядъ болѣе или менѣе глубокихъ измѣненій въ общественномъ строѣ Россіи, что, въ свою очередь, причинило извѣстныя перемѣны въ области общественнаго сознанія. Эти перемѣны въ области сознанія, вызванныя предварительными измѣненіями въ области бытія, разсматриваются мною какъ плодъ посредственнаго вліянія той же реформы.

Мы увидимъ, что ея посредственное вліяніе сказалось довольно скоро. Но вполнѣ понятно, что оно обнаружилось не такъ рано, какъ непосредственное.

Мы убѣдимся также, что непосредственное вліяніе было и могло быть прочнымъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно подкрѣплялось болѣе позднимъ, но зато несравненно болѣе глубокимъ посредственнымъ вліяніемъ.

I.

Когда въ доброе, старое,—до-петровское,—время московскимъ людямъ случалось попадать въ передовыя страны Запада,

они простодушно удивлялись чудесамъ тамошней, сравнительно очень богатой, культуры. Епископъ Авраамій, ѣздившій съ митрополитомъ Исидоромъ на флорентійскій церковный соборъ, такъ закончилъ свой разсказъ о представленіи мистеріи Благовѣщенія:

«Се же чюдное то видѣше и хитрое дѣлание видѣхомъ во градѣ, зовомомъ Флорензѣ: елико можахомъ своимъ малоуміемъ вмѣстити, написахомъ противу тому видѣнію, якоже видѣхомъ; иного же немощно и списати, зане пречюдно есть и отнюдь нескаженно» [1]).

Условія умственнаго развитія въ Московскомъ государствѣ были таковы, что его жителямъ, въ самомъ дѣлѣ, крайне трудно было «вмѣстить» то, что приходилось имъ видѣть во время своихъ рѣдкихъ путешествій на Западъ. Вслѣдствіе своей неподготовленности къ серьезному наблюденію жизни болѣе передовыхъ странъ, эти брадатые и долгополые путешественники останавливали свое вниманіе на ничтожныхъ мелочахъ, равнодушно проходя мимо важныхъ явленій. О нихъ съ полнымъ правомъ можно сказать, что изъ-за деревьевъ они не видѣли лѣса. Такъ было, впрочемъ, не только тогда, когда судьба заносила ихъ на Западъ. Кому «малоуміе» не позволяетъ возвыситься до общаго, тотъ поневолѣ теряется въ частностяхъ. Вотъ, для примѣра, нѣсколько выписокъ изъ «Хожденія странническаго смиреннаго инока Варсонофія ко святому граду Іерусалиму», относящагося къ 1456 г.

«Святая же церковь велика, Христово Воскресеніе, поставлена. Якоже бысть предъ вроты, предъ дверьми церковными сотворенъ придѣлъ великъ и круголъ, стѣны камены. И на тѣхъ стѣнахъ поставлены брусіе древяное встонь, вверхъ покато и покрыто досками древяными, и поверху тоя кровли побито свинцемъ, и сотворенъ сводъ круглъ, аки корчажное устіе».

Или: «Святое жъ мѣсто Снятіе со креста—10 пядей въ длину и вкругъ 17 пядей, кладено разными мраморы: черленными, и черными, и бѣлыми».

А вотъ еще: «Идучи ко кресту Господню есть двѣ лѣстницы камены, идѣже обрѣте святая царица Елена 3 кресты: 2 разбойнича креста, единъ же живодавець; а въ первой лѣстницы 30 ступеней, а ширина лѣстницы 3 сажени» [2]).

Инокъ Варсонофій до такой степени обстоятеленъ въ описаніи всякихъ частностей осмотрѣнныхъ имъ зданій, что его путевыя

---

[1]) Цитировано у Н. С. Тихонравова, Сочиненія, т. I, Древняя русская литература, стр. 276.

[2]) Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I, стр. 284, 285 и 286.

замѣтки получили въ глазахъ нынѣшнихъ археологовъ значеніе довольно цѣннаго источника [1]). Но этотъ обстоятельный человѣкъ, очень точно измѣряющій длину лѣстницъ и высоту стѣнъ, ничего не говоритъ намъ объ общемъ архитектурномъ характерѣ видѣнныхъ имъ храмовъ. Правда, онъ неравнодушенъ къ ихъ внѣшнему виду. О колокольнѣ церкви Воскресенья въ Іерусалимѣ онъ говоритъ: «Вельми велика и хороша», но это и все. Не распространяясь о стилѣ колокольни, онъ спѣшитъ прибавить указанія на матеріалъ, изъ котораго она построена, и на ея положеніе: «Каменна, отполуденныя страны» [2]).

Запасъ общихъ понятій, сопровождавшій инока Варсонофія въ его путешествіи къ святымъ мѣстамъ, былъ крайне скуденъ. Такъ же скуденъ былъ и тотъ умственный багажъ, съ которымъ московскіе служилые люди отправились по приказу Петра за границу учиться (навигацкой) и другимъ наукамъ. Было бы ошибочно думать, что рѣшительно никто изъ нихъ не поднимался выше умственнаго уровня инока Варсонофія. Исключенія были. Въ теченіе XVII вѣка западно-европейскія понятія стали проникать въ головы нѣкоторыхъ московскихъ людей. Мы видѣли это выше. Но отдѣльныя исключенія не опровергаютъ общаго правила. А общимъ правиломъ была полная неподготовленность служилыхъ людей Петра I къ серьезному сужденію о развертывавшейся передъ ними картинѣ западно-европейской общественной и духовной жизни. П. Пекарскій говоритъ объ дневникѣ П. А. Толстого:

«Въ дневникѣ его, какъ и во всѣхъ замѣткахъ русскихъ того времени о Европѣ, первое мѣсто отведено то подробнымъ, то краткимъ описаніямъ внѣшности встрѣчавшихся на пути городовъ, селеній, монастырей, церквей, различныхъ построекъ, украшеній и т. д. Тотчасъ можно замѣтить, что путешественника занимали всего болѣе предметы, относящіеся до разныхъ церковныхъ обрядовъ, чудесъ, одеждъ и проч.: онъ описывалъ охотно и съ большими подробностями все видѣнное въ костелахъ, даже какъ были одѣты церковнослужители, изъ какой матеріи сшито было ихъ платье, цвѣтъ ея. Сколько разъ стрѣляли изъ пушекъ на Пасху, количество чтецовъ евангелія за обѣдней, мѣщанъ, участвовавшихъ въ процессіи, наконецъ, свѣчъ, горѣвшихъ передъ иконами».

По словамъ П. Пекарскаго, Толстой и на памятники, встрѣчавшіеся ему на пути, смотрѣлъ съ особой точки зрѣнія: «Его

---

[1]) См. объ этомъ у Тихонравова, указ. томъ соч., стр. 283, 284.

[2]) Тихонравовъ, тамъ же, стр. 289.

болѣе интересовала внѣшность памятника, но не событіе, которое подало поводъ къ его сооруженію» [1]).

Все это очень похоже на инока Варсонофія. А между тѣмъ Толстой, отправляясь за границу, уже не чуждъ былъ кой-какихъ знаній и обладалъ болѣе широкимъ кругозоромъ, нежели большинство его служилыхъ современниковъ.

Другой московскій путешественникъ того времени, неизвѣстный авторъ «Журнала, како шествіе было его величества, Государя Петра Великаго», далеко уступаетъ Толстому. Онъ буквально не идетъ дальше внѣшности описываемыхъ имъ явленій. Удивляться этому, разумѣется, невозможно. Чтобы получить способность проникать своею мыслію дальше внѣшности вещей и событій, московскіе люди должны были предварительно пойти черезъ ту школу, которой именно недоставало имъ на ихъ родинѣ. Пріѣхавъ въ Роттердамъ, авторъ только что названнаго «Журнала» отмѣтилъ, что видѣлъ «славнаго человѣка ученнаго, персону, изъ мѣди вылита; подобно человѣку и книга, мѣдная въ рукахъ, а какъ двѣнадцать ударитъ, то перекинетъ листъ; а имя ему—Эразмусъ» [2]).

Какъ вы думаете, что зналъ этотъ московскій служилый человѣкъ объ авторѣ «Похвалы глупости»? До пріѣзда въ Роттердамъ, навѣрное, ровно ничего. А пріѣхавъ туда и увидавъ его памятникъ, онъ услыхалъ только то, что Эразмусъ былъ славенъ своей ученостью. Это очень немного! Вполнѣ естественно, поэтому, что, говоря объ «Эразмусѣ», онъ ограничился описаніемъ «внѣшности его памятника». И точно такъ же неудивительно, что, побывавши въ Кельнѣ, онъ написалъ такія строки: «Въ Куленѣ на ярмаркѣ видѣлъ младенца о двухъ головахъ; въ Куленѣ жъ видѣлъ въ аптекѣ крокодила двухъ сажень. Изъ Кулена поѣхали водою вверхъ лошадьми» [3]) и т. п. Это менѣе благочестиво, нежели замѣтки инока Варсонофія, но такъ же мелочно и такъ же чуждо какихъ-нибудь общихъ соображеній.

Неповоротливое московское мышленіе всегда очень неохотно пускалось въ такія соображенія, къ этому надо прибавить, что въ эпоху реформы Петра Московской Руси нужны были не общія идеи,—въ которыхъ ощущала такую настоятельную нужду, напримѣръ, Франція XVIII вѣка,—а техническія знанія. Этого рода знанія и должны были пріобрѣтать русскіе люди, въ

---

[1]) П. Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Томъ I, стр. 146.

[2]) Ibidem.

[3]) „Отечественныя Записки“, 1846 г., кн. 8, отдѣлъ: „Наука и Художество“. Стр. 136—137.

силу исторической необходимости и по царскому приказу ѣхавшіе за границу. Вотъ чего требуетъ наказъ, данный, въ началѣ 1697 г., стольникамъ, ѣхавшимъ въ чужія страны.

«1) Знать чертежи или карты, компасы и прочіе признаки морскіе. 2) Владѣть судномъ, какъ въ бою, такъ и въ простомъ шествіи, и знать всѣ снасти и инструменты, къ тому принадлежащіе: паруса, веревки, а на каторгахъ и на иныхъ судахъ весла, и пр. 3) Сколь возможно искать того, чтобъ быть на морѣ во время боя, а кому и не случится, и то съ прилежаніемъ того искать, какъ въ то время поступать; однакожъ видѣвшимъ и не видѣвшимъ бои отъ начальниковъ морскихъ взять на то свидѣтельствованные листы за руками ихъ и за печатьми, что они въ томъ дѣлѣ достойны службы своея. 4) Ежели кто похощетъ впредь получить милость большую, по возвращеніи своемъ, то къ симъ вышеописаннымъ повелѣніямъ и ученію, научился бы знать, какъ дѣлать тѣ суды, на которыхъ они искушеніе свое примутъ» [1]).

Главное дѣло было въ томъ, чтобы пріобрѣсти извѣстныя техническія свѣдѣнія. Какъ же дѣлали это главное тогда дѣло московскіе служилые люди? Довольно плохо.

Смягчающимъ обстоятельствомъ должно быть признано здѣсь то, что ихъ «учоба» въ чужихъ краяхъ нерѣдко являлась для нихъ тяжелымъ испытаніемъ. Вотъ что одинъ изъ нихъ,—замѣтьте, человѣкъ весьма «родословный»,—писалъ на родину въ 1711 году: «О житіѣ моемъ возвѣщаю, житіе мнѣ пришло самое бѣдственное и трудное. Первое, что нищета, паче же разлученіе. Наука опредѣлена самая премудрая: хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того—не знамо учитца языка, незнамо науки».

Петръ всегда былъ очень расчетливъ. Отправляя своихъ служилыхъ людей за границу, онъ не обременялъ ихъ кошельковъ деньгами. А его ближайшіе помощники ухитрялись уменьшить и то немногое, что назначалъ на путешествіе Петръ. Извѣстенъ отзывъ одного изъ самыхъ близкихъ помощниковъ Петра, Ѳеофана Прокоповича, объ архіерейскихъ слугахъ. Онъ говорилъ, что они «сбычнѣ бываютъ лакомыя скотины» и, гдѣ имѣютъ возможность, «безстудіемъ, какъ татаре, на похищеніе устремляются». Подобными лакомыми скотинами были, какъ извѣстно, не только архіерейскіе слуги. Помощники Петра сохранили во всей неприкосновенности старую московскую привычку обкрадывать казну при всякомъ удобномъ случаѣ. Отъ этого русскимъ служилымъ людямъ, обучавшимся за границей, въ самомъ дѣлѣ приходилось

[1]) П. Пекарскій. Наука и литература, томъ I, стр. 146.

порой доходить до полнаго нищенства. Кононъ Зотовъ доносилъ однажды кабинетъ-секретарю Макарову, что, помирая съ голоду, многіе русскіе гардемарины намѣревались «итти въ холопи». Истинно московское средство выхода изъ нищеты! Зотовъ тоже совсѣмъ по-московски боролся съ преступнымъ намѣреніемъ голодныхъ гардемариновъ. «Я стращаю ихъ жестокимъ наказаніемъ», писалъ онъ.

Москва умѣла жестоко наказывать, а Петръ довелъ это ея умѣніе до совершенства. Но... кому же въ умъ пойдетъ на желудокъ пѣть голодный?

Была и еще одна причина, немало затруднявшая московскимъ людямъ дѣло усвоенія ими техническихъ знаній. Въ 1717 году тотъ же Зотовъ писалъ самому царю: «Господинъ маршалъ Д'Этре призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ о срамотныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ: дерутся часто между собою и бранятся такою бранью, что послѣдній человѣкъ здѣсь того не сдѣлаетъ. Того ради обобрали у нихъ шпаги». Мѣсяцъ спустя Зотовъ слалъ Петру новую жалобу: «Гардемаринъ Глѣбовъ покололъ шпагою гардемарина Барятинскаго, и за то за арестомъ обрѣтается. Господинъ вице-адмиралъ не знаетъ, какъ ихъ приказать содержать, ибо у нихъ (французовъ) такихъ случаевъ никогда не бываетъ, хотя и колются, только честно на поединкахъ лицомъ къ лицу. Они же нынѣ всѣ по міру скитаются». Въ 1718 г. русскій резидентъ въ Лондонѣ, Ѳ. Веселовскій, извѣщалъ: «Ремесленные ученики послѣдней присылки приняли такое самовольство, что не хотятъ ни у мастеровъ быть, ни у контрактовъ или записей рукъ прикладывать, но требуютъ возвратиться въ Россію безъ всякой причины» [1]).

При всѣхъ этихъ условіяхъ крайне трудно было московскимъ людямъ усвоивать себѣ хотя бы чисто техническія знанія. Еще Фокеродтъ говорилъ, что ихъ заграничныя поѣздки не принесли никакой пользы. Какъ утверждалъ онъ, самъ Петръ скоро убѣдился, что москвитяне возвращались домой почти съ такимъ же запасомъ свѣдѣній, съ какимъ уѣзжали за границу [2]). Ключевскій склоненъ былъ принять это мнѣніе Фокеродта. Онъ говоритъ: «Петръ хотѣлъ сдѣлать дворянство разсадникомъ европейской военной и морской техники. Скоро оказалось, что техническія науки плохо прививались къ сословію, что русскому дворянину рѣдко и съ великимъ трудомъ удавалось стать инжене-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. IV, стр. 230.

[2]) Russland unter Peter dem Grossen nach den handschriftlichen Berichten Iohann Gottlieb Vockerodt's und Otto Pleyers. Herausgegeben von Dr. Ernst Herrmann. Leipzig, 1872., стр. 102.

ромъ или капитаномъ корабля, да и пріобрѣтенныя познанія не всегда находили приложеніе дома: Меншиковъ въ Саардамѣ вмѣстѣ съ Петромъ лазилъ по реямъ, учился дѣлать мачты, а въ отечествѣ былъ самымъ сухопутнымъ генераломъ-губернаторомъ [1]).

Тутъ, безъ всякаго сомнѣнія, очень много справедливаго. Предшествовавшее состояніе Московскаго государства давало себя знать. Еще Крижаничъ жаловался: „разумы наши тупы, а руки неумѣтельны". Обладателямъ „тупыхъ",—то-есть неразвитыхъ,—„разумовъ" и „неумѣтельныхъ" рукъ крайне трудно давалось то, что сравнительно легко давалось такъ сильно опередившимъ ихъ обитателямъ западно-европейскихъ странъ. Горячо оспаривая пренебрежительные отзывы иностранныхъ путешественниковъ о жителяхъ Московскаго государства, Крижаничъ признавалъ, однако, что только принужденіемъ можно подвинуть ихъ на что-нибудь хорошее. Онъ совершенно правильно объяснялъ это свойственнымъ Москвѣ „крутымъ владаніемъ". Но разъ „крутое владаніе" довело москвитянъ до такого нравственнаго упадка, они оказывались несравненно лучше подготовленными къ тому, чтобы пассивно препятствовать реформѣ, нежели дѣятельно способствовать ей. Они были подневольными работниками прогресса, а извѣстно, что подневольные работники всегда обходятся очень дорого. Московскіе люди служили прогрессу, въ общемъ, такъ плохо, что страна должна была заплатить невѣроятно дорогую цѣну за ихъ работу [2]). Во всякомъ общественно-политическомъ положеніи есть своя логика.

Съ другой стороны, не надо и преувеличивать отрицательнаго значенія вынесеннаго Ключевскимъ приговора. Во всякомъ случаѣ, надо помнить, что самъ Ключевскій нашелъ нужнымъ обставить свой приговоръ извѣстными оговорками. Онъ прибавлялъ, что поѣздки московскихъ людей за границу все-таки оставляли извѣстный слѣдъ. „Обязательное обученіе не давало значительнаго запаса научныхъ познаній,—говорилъ онъ,—но все-таки пріучала дворянина къ процессу выучки и возбуждало нѣкоторый аппетитъ къ знанію: дворянинъ все же обучался чему-нибудь, хотя бы и не тому, за чѣмъ его посылали" [3]).

Читателю уже извѣстно, что при тогдашнихъ историческихъ условіяхъ рѣчь могла итти не о пріобрѣтеніи „научныхъ по-

---

[1]) Курсъ, IV, стр. 314.

[2]) Какой дорогой цѣной заплатила Московская Русь вообще за преобразованіе, лучше всего показываютъ извѣстныя изслѣдованія П. Н. Милюкова: Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVII столѣтія и реформа Петра Великаго. С.-Петербургъ, 1892.

[3]) Курсъ, IV, стр. 314.

знаній", въ собственномъ смыслѣ этого слова, а лишь объ усвоеніи техническихъ свѣдѣній. Что же касается этихъ свѣдѣній, то какъ ни малъ былъ ихъ запасъ, но онъ далъ возможность прійти отъ Нарвы къ Полтавѣ. Критикуя внѣшнюю политику императрицы Анны, Ключевскій называетъ превосходнымъ войско, оставшееся послѣ Петра. И оно въ самомъ дѣлѣ было превосходнымъ въ сравненіи съ нестройными толпами служилыхъ людей, составлявшими военную силу прежнихъ московскихъ государей. Уже одна организація сравнительно превосходнаго петровскаго войска предполагала наличность извѣстныхъ техническихъ знаній. А кромѣ войска, все-таки созданъ былъ еще флотъ, „вещь намъ прежде невѣдомая", какъ выразился о немъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. И не слѣдуетъ думать, что техническими свѣдѣніями обладали тогда одни только иностранцы, поступавшіе на русскую службу. Рядомъ съ иностранцами, уже при Петрѣ, стали выступать не лишенные техническихъ знаній русскіе люди. Между ними можно назвать, напримѣръ, Алексѣя Зыбина, считавшагося порядочнымъ инженеромъ и морякомъ, Семена Алабердеева, недурно ознакомившагося съ „навигацкой" наукой и съ геодезіей, Ѳедора Самойлова, хорошо изучившаго въ Голландіи морское дѣло, Льва Измайлова, нѣкоторое время служившаго въ датской арміи, знаменитаго Вас. Ник. Татищева, обладавшаго, между прочимъ, обстоятельными познаніями въ горномъ дѣлѣ, и др. Самъ Меншиковъ,—къ слову сказать, по своему происхожденію не принадлежавшій къ дворянскому сословію,—былъ не только „сухопутнымъ генералъ-губернаторомъ": какъ извѣстно, онъ не безъ успѣха распоряжался въ сраженіяхъ. Даже боярство, въ общемъ и цѣломъ упиравшееся противъ Петровской реформы, можетъ быть, больше всѣхъ остальныхъ слоевъ служилаго класса показало себя въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей не лишеннымъ способности къ усвоенію заморскихъ „хитростей". Говорятъ, что кн. М. М. Голицынъ-старшій былъ хорошимъ генераломъ. Герцогъ де-Лиріа, называющій его героемъ Россіи, утверждаетъ, что онъ былъ уменъ, храбръ, свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ и любимъ войскомъ. Въ своемъ увлеченіи имъ, испанскій посланникъ прибавляетъ, что въ менѣе варварской странѣ онъ былъ бы истинно великимъ человѣкомъ [1]). Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы увидимъ, что участившіяся сноше-

[1]) Надо признать, что и у себя на родинѣ этотъ Голицынъ обнаружилъ несомнѣнное величіе, хотя и не въ той области, о которой идетъ здѣсь рѣчь: онъ „въ числѣ немногихъ русскихъ вельможъ имѣлъ мужество въ 1718 году отказать Петру Великому въ подписи смертнаго приговора царевичу Алексѣю Петровичу". (Д. А. Корсаковъ. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны, стр. 40. Казань, 1880).

нія съ Западомъ отчасти отразились и на политическихъ взглядахъ московскихъ служилыхъ—а особенно родословныхъ,—людей. Теперь же взглянемъ пока на другую сторону дѣла.

II.

Неуклюже, неохотно, съ огромнымъ трудомъ, съ тяжелыми вздохами поворачивалась къ Западу старая московская Обломовка, однако все-таки поворачивалась. Правда, она продолжала недолюбливать иностранцевъ, но перенимала отъ нихъ то одинъ, то другой обычай. Европеизація Московской Руси неуклонно, хотя крайне медленно, подвигалась впередъ. Въ теченіе продолжительнаго времени она распространялась почти исключительно только на высшій—служилый классъ. Но зато въ этомъ классѣ нѣкоторыя его послѣдствія становятся замѣтными уже въ теченіе первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка.

Какъ это вездѣ и всегда бываетъ, въ подобныхъ случаяхъ измѣнялась, прежде всего, внѣшность. Уже Фокеродтъ считалъ невозможнымъ даже при благопріятныхъ для реакціи условіяхъ отказъ передовой части россійскаго населенія отъ западно-европейскаго покроя платья и отъ бритья бороды. Онъ же утверждалъ, что она никогда болѣе не вернется къ затворничеству женщинъ и къ извѣстнымъ, простодушно-реалистическимъ, свадебнымъ обычаямъ [1]). И какъ ни скептично было его отношеніе къ европеизованнымъ россіянамъ, онъ признавалъ, что, благодаря участившимся сношеніямъ съ иностранцами, лица высшаго круга и даже многіе простые обыватели („ja sogar viele unter der Bürgerschaft“) пріобрѣтали болѣе вѣжливыя манеры [2]).

Эти указанія Фокеродта можно подтвердить ссылками на любопытные человѣческіе документы.

Сынъ знаменитаго боярина Артамона Сергѣевича, Андрей Артамоновичъ, попавши въ 1705 г. въ Парижъ, занесъ на бумагу слѣдующее наблюденіе надъ французскими нравами: „Больше же всего тотъ порядокъ въ семъ народѣ хваленъ есть, что дѣти ихъ никакой косности, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей не имѣютъ, но отъ добраго и остраго наказанія словеснаго, паче нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются“.

Пріятно поразило его также отсутствіе во Франціи затворничества женщинъ, обычнаго въ высшемъ классѣ Московскаго государства. „Ни самый женскій полъ во Франціи,—говоритъ онъ,—

---

[1]) Russland unter Peter dem Grossen, стр. 106—107.

[2]) Тамъ же, стр. 107.

никакого зазору отнюдь не имѣетъ во всѣхъ честныхъ обращаться поведеніяхъ съ мужескимъ поломъ, какъ бы самые мужи, со всякимъ сладкимъ и человѣколюбнымъ пріемствомъ и учтивостью. Особенно же высокихъ фамилій дамы между собой повседневно съѣзжаются и, имѣя музыки, сами на нихъ играютъ беззазорно и поютъ, куда свободно не токмо особъ чинныхъ изъ господъ французовъ, но и изъ иностранныхъ свободно есть пріѣздъ съ ними веселиться, что онѣ за честь еще и за увеселеніе вмѣняютъ“ [1]).

А. А. Матвѣевъ уже въ дѣтствѣ получилъ хорошее образованіе. Поэтому весьма естественно, что онъ подмѣчалъ даже такія явленія, которыя ускользали отъ вниманія менѣе культурныхъ его современниковъ. Но и П. А. Толстой, пріѣхавъ въ Польшу, сдѣлалъ подобное же замѣчаніе о женскихъ нравахъ. Онъ писалъ: „По городу и въ маетности ѣздятъ сенаторы, и жены ихъ и дочери-дѣвицы въ богатыхъ уборахъ и въ зазорѣ себѣ того не ставятъ“ [2]).

Вліяніе женскаго общества, можетъ быть, сильнѣе всѣхъ другихъ вліяній способствовало смягченію, если не нравовъ, то манеръ тѣхъ русскихъ людей, которымъ, въ большей или меньшей степени, пришлось принимать участіе въ дѣлѣ Петровской реформы. Вообще усвоеніе приличныхъ манеръ начинало считаться необходимымъ. Извѣстно, что съ 1708 г. книги недуховнаго содержанія печатались у насъ, по приказанію Петра, новымъ, такъ называемымъ гражданскимъ шрифтомъ. Первой книгой, напечатанной этимъ шрифтомъ, была „Геометріа, славенски землемѣріе“. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру тѣхъ знаній, которыя особенно нужны были Россіи въ эпоху преобразованія [3]). Но, какъ на это указалъ еще Ключевскій, второй книгой, изданной „новотіпографскімъ тісненіемъ“, было не какое-нибудь техническое руководство, а сочиненіе, носившее многообѣщающее названіе: „Пріклады, како пішутся комплементы разные на нѣмецкомъ языкѣ, то-есть, пісанія отъ потентатовъ къ потентатомъ, поздравителные и сожалѣтелные, і іные, такожде между сродниковъ и пріі-

[1]) Пекарскій. Поѣздка гр. Матвѣева въ Парижъ въ 1705 г. „Современникъ“, 1865, томъ 57-й, стр. 61.

[2]) Путевой дневникъ П. А. Толстого, „Русскій Архивъ“, 1888, кн. I, стр. 193.

[3]) Во второмъ заглавіи точно опредѣлялось практическое назначеніе этой книги: „пріемы ціркуля і лінеікѣ ілі ізбраннѣішое начало въ математіческіхъ іскуствахъ, іміже возможно легкімъ і новымъ способомъ вскорѣ доступіті землемѣріа і іныхъ ізъ онаго проісходящіхъ искусствъ“. Пекарскій, назв. соч., т. II, стр. 178. Въ прежнее время занятіе геометріей считалось грѣхомъ: „Богомерзостенъ передъ Господомъ Богомъ,—утверждали благочестивые люди,—всякъ любяй геометрію“...

ятелеі. Переведены съ нѣмецкаго на россііскі языкъ“ и т. д. Фактъ появленія этого письмовника показываетъ, какъ спѣшилъ Петръ сообщить своимъ „рабамъ“ европейскіе обычаи и приличія. Приводя одинъ изъ содержащихся въ письмовникѣ „прікладовъ“ и сравнивая его языкъ съ языкомъ московско-русскихъ писемъ до-петровской эпохи, Пекарскій замѣчаетъ:

„Въ этомъ письмѣ языкъ тяжелъ до смѣшного, каждая фраза почти германизмъ; но здѣсь уже нѣтъ помина о челобитьѣ до земли, нѣтъ гиперболическихъ уподобленій и превознесенія до небесъ лица, къ которому написано посланіе, и жалкаго самоуниженія подписывающаго письмо,—все это стало исчезать“. Пекарскій обращаетъ вниманіе читателя еще на то, что въ личныхъ обращеніяхъ „прікладыˮ ставятъ „вы“, а не старое московское „ты“. Однако къ этому требованію вѣжливости привыкнуть было нелегко, и потому смѣсь множественнаго числа съ единственнымъ является, по замѣчанію того же изслѣдователя, обычной, какъ въ перепискѣ, такъ и въ разговорной рѣчи россіянъ вплоть до конца XVIII вѣка [1]).

„Прікладыˮ—это значитъ примѣры—требуемаго приличіями письменнаго языка переведены были у насъ съ нѣмецкаго. Въ свою очередь, нѣмцы учились приличіямъ у французовъ, а французы у итальянцевъ. Въ XVI в. Италія въ этомъ отношеніи, какъ и въ очень многихъ другихъ, давала тонъ всей остальной Западной Европѣ [2]). Иначе и быть не могло, такъ какъ въ ней раньше, нежели въ остальныхъ западно-европейскихъ странахъ, развилась городская культура. Когда россіяне нашли нужнымъ усвоить себѣ приличное обращеніе, они не могли, конечно, удовлетвориться однимъ Письмовникомъ: l'appétit vient en mangeant. И вотъ въ 1717 г. напечатано было, опять по приказанію Петра, новое руководство: „Юности честное зерцало или показаніе къ житеіскому обхожденію“. Оно учило молодыхъ россійскихъ „шляхтичей“, какъ слѣдуетъ ходить по улицамъ (не вѣшая головы и не потупляя глазъ); какъ глядѣть на людей (не косо, а весело и пріятно, съ благообразнымъ постоянствомъ); какъ раскланиваться при встрѣчахъ со знакомыми (снимая шляпу за три шага); какъ сидѣть за столомъ (руками на столъ не опираться, перстовъ не облизывать, ножемъ зубовъ не чистить и проч.), и даже, какъ плевать (не вкругъ, а на сторону). Для соціолога въ этомъ сборникѣ („Зерцало“, „собрано отъ разныхъ ав-

1) Такъ же, стр. 182.

2) Burkhardt. La civilisation en Italie au temps de la renaissance. Trad. de M. Schmitt. Tome second. Paris, 1885, p. 185.

торовъ“) интересны соображенія, которыми часто подкрѣпляются эти хорошіе совѣты „отрокамъ“. Вотъ, напримѣръ, не надо чавкать надъ пищей, какъ свинья, и не надо говорить, не проглотя куска, потому что такъ дѣлаютъ крестьяне. Благовоспитанная „юность“ должна, прежде всего, заботиться о томъ, чтобы не походить на мужика. Къ людямъ низшаго класса, особенне къ слугамъ и служанкамъ, „Зерцало“ питаетъ глубочайшее пренебреженіе. Оно совѣтуетъ:

„Съ своими или съ посторонними служители гораздо не сообщайся; но ежели оные прилежные, то такихъ слугъ люби, а не во всемъ имъ вѣрь для того, что они грубы и невѣжы (неразсудливы) будучи, не знаютъ держать мѣры, но хотятъ при случаѣ выше своего господина вознестись, а отошедши прочь, на весь свѣтъ разглашаютъ, что имъ повѣрено было. Того ради, смотри прилежно, когда что хощешь о другихъ говорить, опасайся, чтобъ при томъ слугъ и служанокъ не было, а именъ не упоминай, но обиняками говори, чтобъ дознатца было не можно, потому что такіе люди много приложить и прибавить искусны... Младые люди всегда должны между собою говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навыкнуть могли, а особливо, когда имъ что тайное говорить случится, чтобъ слуги и служанки дознатца не могли, и чтобъ ихъ можно отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать, ибо каждый купецъ, товаръ свой похваляя, продаетъ, какъ можетъ“ [1]).

У Мольера,—въ его Précieuses ridicules,—Горжибюсъ находитъ, что влюбленный поступаетъ честно, когда женится на предметѣ своихъ ухаживаній. Въ отвѣтъ на это его дочь Magdelon восклицаетъ:

— Ah, mon père, ce que vous dites là est du dernier bourgeois. Cela me fait honte de vous ouïr parler de la sorte, et vous devriez un peu vous faire apprendre le bel air des choses“ [2]).

Въ XVII в. французскій аристократъ считалъ себя человѣкомъ хорошаго тона, когда не походилъ своими манерами на человѣка буржуазнаго воспитанія. Знаменитая préciosité, такъ ѣдко осмѣянная Мольеромъ, была лишь доведенной до абсурда, и потому смѣшною крайностью аристократическаго стремленія отличиться отъ буржуазной среды. Magdelon отнюдь не аристократка; она дочь самаго несомнѣннаго буржуа, „bon bourgeois“, какъ называетъ его Мольеръ. Но она подражаетъ аристократамъ, и потому тоже стыдится буржуазныхъ манеръ.

---

[1]) Пекарскій, назв. соч., т. II, стр. 382—383.

[2]) То, что вы сказали, папенька, до послѣдней степени буржуазно. Мнѣ стыдно, когда вы такъ говорите, и вамъ слѣдовало бы поучиться тонкому обращенію.

Аристократическое стремленіе къ буржуазнымъ манерамъ служило субъективнымъ выраженіемъ объективныхъ общественныхъ отношеній: привилегированнаго положенія аристократіи. Въ Московской Руси естественная склонность привилегированныхъ отличиться отъ непривилегированныхъ выражалась, благодаря сравнительной неразвитости общественныхъ отношеній, нѣсколько иначе: тамъ служилые люди считали, что имъ стыдно походить на „мужиковъ-страдниковъ“. Пекарскій держался того убѣжденія, что интересующее насъ здѣсь „Честное зерцало“ было переведено съ нѣмецкаго. Но достойно замѣчанія, что и оно, въ качествѣ довода отъ противнаго, беретъ не буржуа, а крестьянъ и служителей. Такой доводъ былъ понятнѣе русскимъ молодымъ „шляхтичамъ“, нежели доводъ отъ буржуа. Еще болѣе понятной для россіянъ была рекомендованная „Зерцаломъ“ осторожность по части разговоровъ въ присутствіи слугъ. Еще „дуксъ“ Хворостининъ горько жаловался на предательство „рабовъ“. Усердный преобразователь Петръ нимало не пренебрегалъ „рабьими“ доносами въ своихъ кровавыхъ расправахъ съ тѣми представителями служилаго класса, которые такъ или иначе навлекали на себя его неудовольствіе. А такъ какъ вызвать это неудовольствіе было очень нетрудно, то благоразуміе подсказывало имъ крайнюю сдержанность въ бесѣдахъ при слугахъ или... разговоръ на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Сильно топорщились московскіе служилые люди, когда ихъ сажали за иностранные „вокабулы“; горекъ былъ для нихъ корень ученія. Но, овладѣвъ тѣмъ или другимъ изъ иностранныхъ языковъ, они, хотя бы уже въ виду указаннаго обстоятельства, должны были признать, что плодъ ученія сладокъ, и что, стало быть, справедлива французская поговорка: à quelque chose malheur est bon.

„Честное зерцало“ много занималось слугами. Оно совѣтовало держать ихъ въ страхѣ и больше двухъ разъ вины имъ не прощать: „Когда кто своихъ домашнихъ въ страсѣ содержитъ, оному благочинно и услуженно бываетъ, ибо раби, по своему нраву, невѣжливи, упрями, безстыдливи и горди бываютъ, того ради надо ихъ смирять и унижать.

Не зная того нѣмецкаго подлинника,—вѣрнѣе тѣхъ подлинниковъ,—съ котораго (которыхъ) переведено было „Зерцало“, невозможно провѣрить точность перевода. Однако можно съ увѣренностью сказать, что тамъ нѣтъ слова Sklaven, а есть слово „Hausknechte“ или „Diener“. Но въ русскомъ переводѣ стоятъ „раби“. Это было въ духѣ нашего тогдашнаго соціальнаго строя.

Бѣда лишь въ томъ, что слово „раби“ не подходитъ къ тексту. Въ текстѣ говорится о томъ, что слугъ, провинившихся въ

третій разъ, слѣдуетъ, въ наказаніе, прогонять изъ дому. Но многіе россійскіе „раби“, навѣрно, ничего не имѣли противъ такого наказанія, а ихъ господа, наоборотъ, вовсе не расположены были наказывать ихъ такимъ способомъ: когда „раби“ бѣжали изъ дому, они старались поймать ихъ и вернуть назадъ. Послѣдующія разсужденія „Честнаго зерцала“ о поведеніи рабовъ тоже не вполнѣ соотвѣтствуютъ положенію дѣла въ россійскомъ государствѣ. „Не надлежитъ,—поясняетъ «Зерцало»,—отъ слуги терпѣть, чтобы онъ переговаривалъ, или, какъ песъ, огрызался, ибо слуги всегда хотятъ больше права имѣть, нежели господинъ, для того не надобно имъ попущать. Нѣтъ того мерзостнѣе, какъ убогой гордый (убожество плохо вяжется съ гордостью,—*Г. П.*), нахалливой и противной слуга, отчего и пословица зачалась: въ нищенской гордости имѣетъ дьяволъ свою утѣху“. Что „холопи“, составлявшіе дворни служилыхъ людей, могли быть „нахалливы“, это разумѣется, совершенно допустимо. Но чтобы они хотѣли „больше права имѣть, нежели господинъ“, это — совсѣмъ невѣроятно. Подобныя претензіи проявляются, — если проявляются, — развѣ только наемными слугами, не имѣющими юридическаго основанія опасаться барскихъ кулаковъ.

Интересно было бы знать, замѣчали ли русскіе читатели „Зерцала“, что рѣчь идетъ въ немъ не о русскихъ слугахъ. Но врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что ихъ домашняя практика гораздо больше соотвѣтствовала русскимъ условіямъ, чѣмъ изложенная въ „Зерцалѣ“ теорія.

„Зерцало“ имѣло большой успѣхъ. Въ царствованіе Петра оно выдержало цѣлыхъ три изданія [1]).

III.

Итакъ, передовые россіяне учились прилично держать себя въ обществѣ и говорить дамамъ „комплементы“! Многіе изъ нихъ, навѣрно, усваивали это искусство съ бо́льшей охотой, нежели „навигацкую“ науку. Литература отразила въ себѣ совершавшуюся перемѣну общественныхъ привычекъ. Герои нѣкоторыхъ русскихъ повѣстей первой половины XVII в. говорятъ языкомъ, который, въ значительной степени сохраняя старую московскую дубоватость, дѣлается якобы утонченнымъ и порой становится напыщеннымъ и слащавымъ. Когда кто-нибудь изъ этихъ господъ влюбляется, это значитъ, что его „уязвила купидова стрѣла“. Влюбившись, они очень скоро приходятъ въ „изумленіе“, т.-е.

---

[1]) Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. II, стр. 383.

сходятъ съ ума. Если К. Зотовъ доносилъ Петру, что наши гардемарины въ Тулонѣ дрались между собой и бранились самою позорною бранью, вслѣдствіе чего у нихъ отбирались шпаги, то дѣйствующія лица повѣстей показываютъ себя болѣе благовоспитанными. Разсердившись на „ковалера“ Александра, „ковалеръ“ Тигнаноръ говоритъ ему уже не безъ рыцарства: „Иди ты, бестія, со мной на поединокъ!“ И при каждомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ эти благовоспитанные „ковалеры“ выражаютъ свои нѣжныя чувства пѣніемъ. Такъ, влюбившись въ дѣвицу Элеонору и не надѣясь на ея взаимность, россійскій дворянинъ „Олександръ“ отправляется за городъ и, найдя тамъ „место прохладное и воздухъ приятный“, запѣваетъ слѣдующую чувствительную „арию“:

„Дивну красоту твою, граде лиллъ, я нынѣ зрю [1]): врата імаш, позлощенныі, а внутри копие изочренны! почто чинишь сомьною прю?

„Стенами крепчаешими отвсюду откруженъ; здание предивно імашь, вруце держишь палашь! стобою уязвленъ!

„Кнеи похвалы імам днесъ предати, храбрость мою уничтожил, печал вомне умножил! покин стрелы метати!

„Всебе драгоценнеіши камен бралиантъ імашь, ах, элеонору девку, полну ярости ігневу! помощи мне втом ждать,—зрю фартуна злящая мною ныне владетъ, несчастия комне течетъ, ікогробу уже влечетъ! что мнѣ впомощъ успеетъ?“ [2]) и т. д.

Съ своей стороны, Элеонора упрекая себя за то, что холодностью довела „Олександра“ до тяжкой болѣзни, „неутешно плакала івтех слезах пела арию:

„Щастие, элеоноре, сама ты погубила! нанесла печал(ь) своеи младости! гордым ответомъ болезнъ возбудила, кое причестна ныне сладости!

„Кою ползу гордостию себе бедная сотьворила? вчемъ себя более признаваешь? здравия почто ты себя лишила, авгорести уже пропадаешь!

„Пріиди, любезнеіши! ізми мя отзлеишия муки інедаі напрасно погибати! Ускори мне впомощь іпростри руку: неимам, на кого уповати!“ [3])

Благодаря слабому развитію у насъ общественной дѣятельности, русская интеллигенція обсуждала въ своихъ кружкахъ во-

---

[1]) Дѣйствіе происходитъ въ городѣ Лиллѣ.

[2]) Сиповскій. Русская повѣсть XVII—XVIII вв., I, Спб. 1905 г., „Исторія о Александрѣ россійскомъ дворянине“, стр. 155, 132, 133.

[3]) Тамъ же, стр. 133.

просъ о разумныхъ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ внимательнѣе, нежели западноевропейская. Но этотъ вопросъ, возникшій у насъ подъ французскимъ вліяніемъ, въ самой Франціи поставленъ былъ лишь въ XIX столѣтіи. А въ то же время, о которомъ я говорю теперь, его не поднимали даже и на Западѣ. „Розсиіски ковалеры", въ родѣ „Олександра", интересовались женскимъ вопросомъ преимущественно въ томъ смыслѣ, что старались возможно больше умножить число своихъ любовныхъ похожденій. Названный выше „дворянинъ Олександръ" только и думалъ о томъ, чтобы встрѣтить даму или дѣвицу, „с которою бы можно спознатца і зсобою вести". Онъ всецѣло предавался волокитству въ самомъ пошломъ смыслѣ этого слова.

И не только въ пошломъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія ожидать, что, усваивая себѣ нѣкоторыя сентиментальные обороты рѣчи, тогдашніе россійскіе „ковалеры" цѣликомъ утрачивали свою старую грубость. Ихъ пылкая любовь отличается первобытной практичностью. Когда дѣвица Тирро, слѣдуя приглашенію Александра, пріѣзжаетъ къ нему на квартиру, онъ радостно бросается къ ней навстрѣчу и, не тратя лишнихъ словъ, говоритъ: „Надеюсь ползу получить" [1]). Добившись отъ нея письменнаго признанія въ любви, онъ радуется „о получени писма полезнаго". Но Александръ — джентельменъ по сравненіи съ другимъ героемъ той же повѣсти, дворяниномъ „Владимеромъ", который въ обращеніи съ женщинами выступаетъ самымъ гнуснымъ негодяемъ и самымъ противнымъ скотомъ [2]). Между прочимъ, онъ подробно передаетъ Александру разсужденія нѣкоего „гдацкаго" барона Ѳоръяра, — который категорически заявляетъ, что мы всѣ любимъ для одного веселья. А какъ понимаетъ „гдацкій" баронъ „веселье" въ любви, показываютъ слѣдующія слова его пѣсенки: „воли (любимой женщинѣ. *Г. П.*) не давай: и нередко, по щеке ударяі, дабы, яко раба, предстояла, в том со страхом пребывала неотступно всегда".

Мнѣ сдается, что, когда авторъ повѣсти влагалъ въ уста датчанина эту пѣсенку, онъ „поэтически" выражалъ больше то, что видѣлъ у себя дома, нежели то, что узналъ о западно-европейскихъ нравахъ: до такой степени взглядъ на женщину, какъ на рабу, и расправа съ ней посредствомъ пощечинъ соотвѣтствуютъ понятіямъ и обычаямъ москвичей добраго стараго времени.

Дѣйствующія лица интересующихъ насъ повѣстей получили вкусъ не только къ волокитству, но и къ роскоши. Приплывши

---

[1]) Сиповскій, названное сочиненіе, стр. 151.

[2]) См. тамъ же, стр. 166, 168.

въ Цесарію (т.-е. въ Австрію. *Г. П.*), россійскій матросъ Василій Коріотской [1]) „нанелъ нѣкоторый министерской домъ зѣло украшенъ, за которой платилъ на каждый мѣсяцъ по пятидесять червонцевъ.... И нанелъ себѣ въ лакеи пятдесять человѣкъ, которымъ подѣлалъ ливреи, велми съ богатымъ убором, что при дворѣ цесарскомъ такихъ ливрей нѣтъ чистотою“ [2]). Пріобрѣтать вкусъ къ роскошной обстановкѣ тоже легче было, чѣмъ изучать „навигацкую“ науку или геодезію.

Однако будемъ справедливы. Указанныя повѣсти замѣчательны, между прочимъ, и тѣмъ, что ихъ герои уже убѣдились въ почетной необходимости ученья. Такъ, о матросѣ Василіи Коріотскомъ сказано, что о немъ прошла великая слава „за его науку и услугу, понеже онъ зналъ въ наукахъ матросскихъ велми остро, по морямъ, гдѣ острова и пучины морскія и мели, и быстрины, и вѣтры, и небесныя планеты, и воздухи. И за эту науку на корабляхъ старшимъ пребывалъ и отъ всѣхъ старшихъ матросовъ въ великой славѣ прославлялся“.

Дворянинъ Александръ, придя въ возрастъ, обратился къ своимъ родителямъ со слѣдующими напыщенными, но въ то же время характерными словами:

„Понеже во всемъ свете доединого обычая імеютъ чадъ своихъ обучити іпотомъ вчуждыя государства для обретения вящей чести іславы отпускаютъ,—того ради ія, вашъ рабъ, взялъ намерение вначале благословеніе ікпутешествованию позволения увас испросити. Знаю, государи, что горячность іотеческая любовь ваша кразлуке конечно совѣтовать небудетъ, однакожъ покорнеиши прошу, учините мя равно сподобными мнѣ: ібо чрез удеръжание свое можете мне вечное поношение учинити,—ікако могу назватися ічемъ похвалюся? нетокмо похвалитися, ноидворяниномъ назватися небуду достоин! Сотворите милость, недопустите довечнаго позору!“

Наконецъ, авторъ „Гисторіи королевича Архилабона“ повѣствуетъ: „Немецкаго государства король Фридерикъ, імея усебя королеву Марию Крустину вдоволной любви, зачелъ сына ипорожденіи названъ орхилабономъ. Авпять летъ возраста вданъ вакодемию для наукъ разныхъ языковъ иінструментовъ, вкоторой продолжался дошеснатцати летъ“ [3]). Эта третья повѣсть относится, повидимому, къ срединѣ XVIII вѣка. Но въ ней сказывается чисто Петровскій взглядъ на „наукі“: заниматься ими значитъ

[1]) Герой „Гисторіи о россійскомъ матросѣ Василіи Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Ираклін Флоренской земли“ въ томъ же изданіи Сиповскаго.

[2]) Сиповскій, названное соч., стр. 118.

[3]) Русскія повѣсти, стр. 90, 109, 129.

изучать разные языки и „інструменты“. Архилабонъ пробылъ въ ученіи отъ пяти до шестнадцати лѣтъ, а когда обучился „доволно разнымъ языкам инаінструментахъ“, поступилъ въ военную службу. Это опять было совершенно согласно съ обычаями созданными реформы.

Изъ другихъ источниковъ видно, что повѣствовательная литература вѣрно отразила начавшуюся перемѣну во взглядѣ на ученіе. Существуетъ „отеческое завѣщательное поученіе посланному для обученія въ дальніе страны юному сыну“, напечатанное въ первомъ томѣ сочиненій Ивана Посошкова [1]). Посошковъ, очевидно, не былъ его авторомъ; но это для насъ здѣсь не имѣетъ никакого значенія. Важно содержаніе этого документа. Неизвѣстный авторъ его такъ наставляетъ своего сына:

„Понеже великая есть и трудная преграда между вѣденіемъ и невѣденіемъ; сего ради дражайшее время твоихъ юныхъ лѣтъ попеченіемъ родительскимъ ти совѣтую ни единаго часа во тщетныхъ и непотребныхъ дѣлахъ или играхъ туне погубляти, разсуждая, яко ни что же драгоцѣннѣе есть времени, его же часть, день или часъ, къ тому во вѣки не возвратится, и тѣмъ временемъ не точію вся красная мира сего получимъ, но и грядущую блаженнѣйшую вѣчность вѣрою и благами дѣлы достигаемъ. Того ради всякій день и часъ, не съ надсаднымъ утружденіемъ, но, по возможности, чинно и благоговѣйно въ наукахъ провождати да потщишися“.

Въ выборѣ наукъ, рекомендуемыхъ имъ своему сыну, отецъ, написавшій это поученіе, цѣликомъ стоитъ на точкѣ зрѣнія своего вѣка. Онъ говоритъ:

„Скорѣйшаго же ради и удобнаго полученія наукъ, совѣтую ти Нѣмецкой, или наипаче чистой Французской языкъ учити, и въ началѣ въ томъ языкѣ, его же изберешь, учити ариѳметику, яже всѣмъ математическимъ наукамъ дверь и основаніе есть; потомъ сокращенную математику яже въ себѣ содержитъ Геометрію, Архитектуру, и Фортификацію, еже вѣдѣніе земнаго глобуса, таже искусство земныхъ и морскихъ чертежей, компаса, теченіе солнца и знамяныхъ звѣздъ“ [2]).

Не лишено интереса и то соображеніе, которымъ подкрѣпляется мысль о необходимости изученія математики, архитектуры и т. д. Изучать ихъ надо не для того, чтобы самому сдѣлаться „инженеромъ или корабельщикомъ“, а для того, чтобы быть въ состояніи наблюдать за служилыми иноземцами. Если служилый

---

[1]) Изд. М. П. Погодина.

[2]) Соч. И. Посошкова, Москва 1842 г. Томъ I, стр. 297—298.

иноземецъ, которому поручены будутъ какія-нибудь инженерныя работы, начнетъ дѣлать что-нибудь „къ шкодѣ или поврежденію Великаго Государя градовъ... тогда ты самъ, вѣденіемъ тѣхъ наукъ исполненъ... возможешь познати правду... и тѣмъ пріймешь отъ Великаго Государя и Монарха своего похвалу, отъ братіижъ своихъ честь, а такіе иноземцы, не право учиня, къ тебѣ будутъ имѣти страхъ“ [1]).

Замѣтное уже въ „Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ“ расположеніе къ служилымъ иноземцамъ должно было расти по мѣрѣ того, какъ усиливался притокъ ихъ въ Россію. Оно оставило свой слѣдъ въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія нашей общественной жизни и мысли.

Петровская реформа не только научила передовыхъ россійскихъ людей уважать науки и „інструменты“. Она открыла передъ ними новый міръ, прежде имъ почти совсѣмъ неизвѣстный. Жители Московскаго государства никогда не были большими домосѣдами; напротивъ, они охотно устремлялись на „новыя мѣста“,—такъ охотно, что приходилось привязывать ихъ къ мѣсту ихъ жительства. Но хотя нѣкоторые—служилые люди и крестьяне, жившіе недалеко отъ литовскаго рубежа—искали порой убѣжища на Западѣ, уходя на Литовскую Русь, однако, въ общемъ, они предпочитали двигаться на Востокъ. На Востокъ обращены были и ихъ умственные взоры. Читатель помнитъ, надѣюсь, какъ часто приводилъ въ примѣръ Турцію московскій публицистъ XVI в. І. Пересвѣтовъ. Авторъ „Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ“, желая сказать: въ иныхъ государствахъ, дѣлаетъ иногда характерный lapsus linguae, говоря: въ иныхъ ордахъ. Со времени Петровской реформы дѣло измѣнилось. Взоры передовыхъ россіянъ обратились на Западъ. Нашъ знакомецъ, россійскій матросъ Василій Коріотской родился „въ Россійскихъ Европіяхъ“. Послѣ своего путешествія въ Голландію, Англію и Францію, онъ, „поднявъ парусы“, возвращается опять-таки въ „Россійскую Европію“. Прекрасная королевна Флоренской земли Ираклія, разсказывая ему о своихъ злоключеніяхъ, сообщаетъ, какъ въ эту землю пришли „изъ Европіи кораблями россиіские купцы“. Такимъ образомъ, русская земля представляется какъ бы „Европіей“ по преимуществу [2]).

Василій тоже не упускаетъ случая довести до свѣдѣнія королевны, что онъ родомъ изъ „Россійской Европіи“. При чемъ его разсказъ о своихъ путешествіяхъ производитъ такое впечат-

---

[1]) Тамъ же, стр. 298.

[2]) В. В. Сиповскій, названн. соч., стр. 108, 110, 115.

лѣніе, какъ будто дворянинъ-матросъ превосходно чувствовалъ себя на Западѣ и ото всѣхъ получалъ одно „почтеніе“:

„Посланъ для наукъ въ Галандію и такъ (тамъ? *Г. П.*) былъ почтенъ отъ галанскаго купца, отъ котораго ходилъ съ товарами въ Англію и Францію на корабляхъ и оттуда возвратился, и великіи ему учинилъ прибытки, почтенъ былъ вмѣсто сына роднаго“ [1]).

Дѣйствующія лица новыхъ повѣстей, возникшихъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петровской реформы, по большей части, плохо знаютъ географію и жестоко искажаютъ названія западно-европейскихъ городовъ и странъ. Но это отнюдь не мѣшаетъ имъ пребывать въ той пріятной увѣренности, что вся Европа живо заинтересована ихъ подвигами. „Розсіиски ковалеръ“ Александръ,—обиженный англійскимъ „шаутбѣнахтомъ“ [2]), самоувѣренно говоритъ англійскому королю: „я надеюсь, и вы знали, что вся Европия за „ковалера гнева і побѣды“ востанетъ“ [3]). Это, конечно, смѣшно. Но и это заслуживаетъ вниманія, какъ знаменіе того переходнаго времени.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще двѣ черты характера выводимыхъ въ повѣстяхъ новыхъ людей.

Господа эти, усердно изучающіе любовную науку, часто приходящіе въ „изумленіе“, а еще чаще распѣвающіе чувствительныя аріи, выказываютъ при случаѣ большую жестокость. Уже много разъ упомянутый мною матросъ-дворянинъ г. Коріотской приказываетъ учинить „теранственное мученіе“ попавшему въ его руки флоренскому адмиралу, который когда-то пытался утопить его въ морѣ: онъ „повелѣ адмирала предъ войскомъ цесарскимъ вывесть и съ живого кожу снять“ [4]). Это во вкусѣ Ивана Васильевича Грознаго, но къ, сожалѣнію, это не очень далеко ушло и отъ привычекъ великаго преобразователя.

Во-вторыхъ, „ковалеры“ продолжаютъ постарому смотрѣть на отношеніе подданныхъ къ государю. Когда австрійскій цесарь пригласилъ матроса Василія къ своему столу, тотъ „съ почтеніемъ“ произнесъ:

„Пожалуй, государь великій царь, меня недостойнаго оставь, понеже я вашъ рабъ, и недостойно мнѣ съ вашею персоною сидѣть, а достойно мнѣ предъ вашимъ величествомъ стоять“.

На это цесарь возразилъ:

---

[1]) Тамъ же, стр. 116.

[2]) Тогдашнее названіе одного изъ высшихъ флотскихъ чиновъ.

[3]) Тамъ же, стр. 160. „Ковалеромъ гнѣва і побѣды“ и былъ нашъ дворянинъ „Олександръ“.

[4]) Сиповскій, назв. соч„ стр. 128.

Петръ Великій. Съ гравюры Кнеллера.

„Почто напрасно отговариваешься? Понеже я вижу васъ достойно разума, то васъ жалую своимъ сердцемъ искреннимъ; хотя бы мой которой и подданый рабъ, а я его жалую, велю садиться съ собою, и тотъ меня слушаетъ; а ты пріѣзжай ко мнѣ гость, изволте садиться".

Матросъ Василій выразилъ свое „почтеніе" къ австрійскому цесарю совсѣмъ по-старо-московски.

Аѳанасій Власьевъ, котораго Лжедимитрій послалъ въ Краковъ представлять особу царя при обрученіи съ Мариной Мнишекъ, будучи приглашенъ къ королевскому столу, отказывался ѣсть, потому что холопу неприлично принимать пищу при такихъ высокихъ особахъ, а довольно съ него чести смотрѣть, какъ онѣ кушаютъ. За обѣдомъ онъ, сидя рядомъ съ царской невѣстой, не переставалъ заботиться о томъ, чтобы его одежда какъ-нибудь не прикоснулась къ ея платью. Во время обряда обрученія онъ, прежде чѣмъ взять Марину за руку, счелъ нужнымъ обернуть свою собственную руку.

Согласитесь, что славный матросъ Василій похожъ на Аѳанасья Власьева. Въ разговорѣ съ цесаремъ онъ называетъ себя его рабомъ, простодушно полагая, что этого требуетъ отъ него долгъ вѣжливости по отношенію къ коронованнымъ особамъ. Онъ и не подозрѣваетъ, что иное дѣло рабъ, а иное дѣло подданный. Но мы знаемъ, что хотя Петръ и запретилъ россіянамъ подписываться въ обращеніяхъ къ нему уничижительными именами,— Ванька, Сенька и т. д.,—однако его подданные остались его рабами. Поэтому повѣсть о матросѣ Василіи и здѣсь вѣрна духу своей эпохи.

Петровская реформа не устранила основъ Московской „вотчинной монархіи". На довольно долгое время основы эти были еще болѣе расширены и упрочены ею. Поэтому отношеніе служилаго класса къ верховной власти не только сохранило свой старый характеръ, но еще болѣе выявило его. Однако примѣръ Запада и тутъ не остался совершенно безъ вліянія на умы служилыхъ людей, особенно наиболѣе „фамильныхъ" между ними. Это довольно ясно обнаружилось всего нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Петра Перваго. Но объ этомъ ниже.

IV.

Павловъ-Сильванскій справедливо замѣтилъ, что Петръ со своими ближайшими сотрудниками далеко не былъ такъ одинокъ, какъ это думали нѣкоторые, основываясь на словахъ И. Посошкова: „онъ (преобразователь) на гору аще самъ десять тянетъ, а

подъ гору милліоны тянуть, то какъ дѣло его споро будетъ?“ Теперь уже врядъ ли кто станетъ оспаривать это замѣчаніе Павлова-Сильванскаго. А тому, кто все-таки усомнился бы въ его справедливости, можно было бы указать, кромѣ другихъ источниковъ, на весьма обстоятельное сочиненіе только что названнаго мною покойнаго ученаго: „Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго“ (Спб. 1897). Въ немъ съ большой ясностью показано, что очень многіе преобразовательные планы Петра заимствованы были имъ отъ своихъ помощниковъ. Впрочемъ, еще раньше Павлова-Сильванскаго та же мысль была высказана и обоснована П. Н. Милюковымъ въ его названномъ мною выше изслѣдованіи: „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка и реформы Петра Великаго“. П. Н. Милюковъ утверждалъ, что въ Петровской реформѣ личный починъ государя сводился къ гораздо болѣе узкимъ рамкамъ, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ. „Вопросы ставила жизнь,—говоритъ онъ,—формулировали болѣе или менѣе знающіе люди; царь схватывалъ иногда главную мысль формулировки или—и, можетъ быть, чаще—ухватывался за ея прикладной выводъ; обсужденіе необходимыхъ при осуществленіи подробностей поставленной, формулированной и одобренной идеи представлялось царемъ правительству вмѣстѣ съ подавшими мысль совѣтчиками—и въ результатѣ получался указъ“ [1]). Этотъ выводъ очень важенъ какъ для историка, такъ и для соціолога [2]). Но все-таки интересно, что же собственно происходило въ эпоху реформы послѣ того, какъ „получался указъ“.

Петровскіе указы почти всегда требовали отъ населенія огромныхъ жертвъ [3]). Это обстоятельство вызывало въ немъ большое неудовольствіе. Кромѣ того, указы эти нарушали многія старыя привычки и затрагивали многіе укоренившіеся предразсудки. Этимъ еще болѣе усиливалось неудовольствіе, вызывавшееся Петровскими указами. Даже служилый классъ, менѣе другихъ классовъ московскаго населенія враждебный реформѣ, ропталъ и сопротивлялся. Правда, его сопротивленіе всегда оставалось пассивнымъ. Дворянство не бунтовало, какъ это дѣлали, напримѣръ, казаки. Но и пассивное сопротивленіе очень много вредило дѣлу реформы. Петръ и тѣ его современники, которые подсказывали ему преобразовательные планы или разрабатывали съ нимъ планы, имъ самимъ придуманные, всегда оставались въ меньшинствѣ. Посошковъ былъ не

---

[1]) Названное сочиненіе, стр. 514, 587 и 588.

[2]) Особенно для того, котораго интересуетъ вопросъ „о роли личности въ исторіи“.

[3]) Это убѣдительнѣе всѣхъ другихъ показалъ именно П. Н. Милюковъ.

совсѣмъ неправъ. Охотниковъ тянуть „подъ гору“ было несравненно больше, нежели тянувшихъ „на гору“ [1]). Положимъ, у Петра была безпредѣльная власть, и онъ очень охотно и крайне широко пользовался ею. Бунтовщиковъ онъ „весьма“ лишалъ живота; на пассивное сопротивленіе отвѣчалъ жестокими истязаніями и каторжными работами. Его указы испещрены угрозами. Одинъ иностранный писатель справедливо сказалъ, что они написаны кнутомъ. Но Государь и его помощники, несмотря на непоколебимую вѣру свою въ спасительную силу наказанія, сознавали, что для преобразованія Россіи недостаточно вѣшать бунтовщиковъ и терзать кнутомъ или ссылать въ Рогервикъ „нѣтчиковъ“. Они старались склонить на свою сторону общественное мнѣніе страны. Противники реформы не ограничивались устнымъ ропотомъ; они создали цѣлую литературу „подъметныхъ писемъ“ и другого рода письменныхъ протестовъ. Петръ не хотѣлъ оставаться въ литературномъ долгу у своихъ противниковъ. Поэтому его указы не только грозили лишеніемъ живота и нещаднымъ наказаніемъ; они старались, кромѣ того, убѣдить. Съ этой стороны они представляютъ собой любопытныя публицистическія произведенія.

Едва ли не любопытнѣе всѣхъ остальныхъ указъ 1702 года о вызовѣ иностранцевъ въ Россію. Въ него вошло цѣлое разсужденіе о смыслѣ и пользѣ реформы.

„Довольно извѣстно во всѣхъ земляхъ, которыя Всевышній нашему правленію подчинилъ,—говорится въ этомъ указѣ,—что со вступленія нашего на сей престолъ всѣ старанія и намѣренія наши клонились къ тому, какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобъ всѣ наши подданные, попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ, болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе; на сей конецъ мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствіе, защитить государство отъ внѣшняго нападенія и всячески улучшить и распространить торговлю. Для сей же цѣли мы побуждены были въ самомъ правленіи учинить нѣкоторыя нужныя и къ благу земли нашей служащія перемѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и

---

[1]) Самъ Павловъ-Сильванскій говорилъ, что даже ближайшіе помощники Петра далеко не всегда были такими энергичными сторонниками реформы, какимъ былъ онъ самъ. Послѣ его смерти новое правительство сохраняетъ всѣ важнѣйшія нововведенія, но для поддержанія многихъ изъ нихъ и дальнѣйшаго развитія у него не хватаетъ ни силъ, ни энергіи (ст. „Судъ надъ реформой Петра Великаго въ Верховномъ тайномъ совѣтѣ“, въ сборникѣ „О минувшемъ“, Спб. 1909, стр. 3; ср. его же статью: „Мнѣнія верховниковъ о реформахъ Петра Великаго“, сочиненія, т. II, стр. 373—401).

удобнѣе научаться понынѣ имъ неизвѣстнымъ показаніямъ и тѣмъ искуснѣе становиться во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ. Чего ради мы всѣ, наипаче къ споспѣшествованію торговли съ иностранцами необходимыя приказанія, распоряженія и учрежденія всемилостивѣйше учинили и впредь чинить намѣрены; поелику въ такомъ положеніи находятся, какъ бы мы того желали, и что наши подданные не могутъ еще въ совершенномъ спокойствіи насладиться плодами трудовъ нашихъ, того ради помышляли мы о другихъ еще способахъ, какъ бы обезопасить предѣлы наши отъ нападенія непріятельскаго и сохранить права и преимущества нашего государства и всеобщее спокойствіе въ христіанствѣ, какъ то христіанскому монарху слѣдуетъ. Для достиженія сихъ благихъ цѣлей, мы наипаче старались о наилучшемъ учрежденіи военнаго штата, яко опоры нашего государства, дабы войска наши не токмо состояли изъ хорошо обученныхъ людей, но и жили въ добромъ порядкѣ и дисциплинѣ; но дабы сіе тѣмъ болѣе усовершенствовать и побудить иноземцевъ, которые къ сей цѣли содѣйствовать и къ таковому улучшенію способствовать могутъ, купно съ прочими государству полезными художниками къ намъ пріѣзжать и какъ въ нашей службѣ, такъ и въ нашей землѣ оставаться, указали мы сей манифестъ съ нижеписанными пунктами повсюду объявить и, напечатавъ, по всей Европѣ обнародовать“ [1]).

Другой примѣръ. Издавая указъ о недѣлимости дворянскихъ имѣній,—такъ называемый, хотя и неправильно, указъ о маіоратѣ,—Петръ поясняетъ, какой пользы слѣдуетъ отъ него ждать.

„Если недвижимое будетъ всегда идти одному сыну, а прочимъ движимое, то государственные доходы будутъ оправнѣе, ибо съ большаго всегда господинъ довольнѣе будетъ, хотя по малу возьметъ, и одинъ домъ будетъ, а не пять, и можетъ лучше льготить подданныхъ, а не разорять. Вторая причина: фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы. Третья причина: прочіе (сыновья) не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. И то все, что они сдѣлаютъ вновь для своего пропитанія, государственная польза есть“ и т. д. [2]).

Или возьмемъ „Духовный регламентъ“. Это не только уставъ. Это—также произведеніе публициста, обнаруживающаго по временамъ несомнѣнное полемическое увлеченіе и дарованіе. Въ указѣ о монашествѣ и монастыряхъ, отчасти дополняющемъ со-

---

[1]) Приведено у Соловьева, „Исторія Россіи“, кн. III, стр. 1344.

[2]) Соловьевъ, тамъ же, кн. IV, стр. 151.

бою „Духовный регламентъ“, публицистическій элементъ становится преобладающимъ. Указъ заключаетъ въ себѣ цѣлый очеркъ исторіи монашества, начиная съ древнихъ евреевъ.

„Былъ чинъ еще у евреевъ чинъ, монашескому нѣчто подобный, нарицаемый назореи (кн. Чис., гл. VI),—повѣтствуетъ указъ,— но по обѣщанію на время, а не вѣчный, и ниже присягою обязанный“. О монашескомъ чинѣ у христіанъ сообщается, что онъ возникъ ради хорошихъ цѣлей, а потомъ сталъ приносить „убыль обществу“ и вызывать соблазнъ между инославными. Авторы указа говорятъ, что разумнымъ это явно, „а прочимъ здѣ покажемъ“. И они въ самомъ дѣлѣ очень старательно показываютъ это.

Петръ смотрѣлъ на монашество, какъ и на все прочее, съ точки зрѣнія государственной пользы. Но пользы отъ него онъ видѣлъ мало, а вреда очень много. И вотъ, Петръ ссылается на ту эпоху византійской исторіи, когда греческіе императоры, „покинувъ свое званіе, ханжить начали“ и подчинились вредному вліянію „нѣкоторыхъ плутовъ“. Избѣгая труда и стремясь питаться „трудами другихъ“, плуты довели дѣло до того, что „на одномъ каналѣ отъ Чернаго моря, даже до Царя-города, который не болѣе тридцати верстъ протягивается“, было до трехсотъ монастырей. Въ другихъ мѣстахъ они были еще многочисленнѣе, и „всѣ съ великими доходы“. Эта гангрена привела къ полному ослабленію военной силы Византійской имперіи: „И тако, какъ отъ прочаго несмотрѣнія, такъ и отъ сего, въ такое бѣдство пришли, что когда турки осадили Царь-городъ, ниже 6000 человѣкъ воиновъ сыскать могли“.

Если вѣрить авторамъ указа, то Россійскому государству монастыри приносятъ не больше пользы, чѣмъ приносили они Византіи: „Нынѣшнее житіе монаховъ точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ, не мало же и зла происходитъ, понеже большая часть тунеядцы суть, и понеже корень всему злу праздность и сколько забобоновъ [1]) раскольныхъ и возмутителей произошло, всѣмъ вѣдомо есть“.

Петру тѣмъ труднѣе было помириться съ тунеядствомъ и „забобонами“ монаховъ, что они у насъ были „почитай всѣ изъ поселянъ“, ну, а поселянинъ, конечно, долженъ работать, а не разсуждать. Когда поселянинъ поступаетъ въ монашеское званіе, онъ не отрекается отъ мірскихъ благъ; напротивъ, онъ получаетъ ихъ больше, чѣмъ прежде: „ибо дома былъ троеданникъ, то-есть дому своему, государству и помѣщику, а въ монахахъ все готовое; а гдѣ и сами трудятся, то токмо вольные поселяне суть,

[1]) Т.-е. суевѣрій.

ибо токмо одну долю отъ трехъ противъ поселянъ работаютъ". При этомъ они совсѣмъ не учатся и священныхъ книгъ не читаютъ. Выходитъ, что обществу нѣтъ отъ нихъ рѣшительно никакой „прибыли". „Воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ". При Петрѣ запрещено было постригать крѣпостныхъ крестьянъ, кромѣ тѣхъ, которые имѣли отъ помѣщика „отпускныя письма". Да и въ этомъ случаѣ предписано было смотрѣть, кто и какъ и каковыхъ лѣтъ и для чего освобожденъ отъ своего помѣщика, и умѣетъ ли „грамматѣ".—Неграмотные вовсе не принимались въ монахи [1]).

Указъ этотъ написанъ сообща Петромъ и Θеофаномъ Прокоповичемъ [2]). Мы видимъ отсюда, что Петръ не былъ одинокимъ и тогда, когда выступалъ въ роли публициста. Указъ 1714 года, такъ называемый указъ о маіоратѣ, выписки изъ котораго приведены мною выше, тоже опирался на доводы, не исключительно принадлежавшіе Петру. П. Н. Милюковъ какъ нельзя болѣе убѣдительно доказалъ, что главнѣйшіе изъ этихъ доводовъ заимствованы были Петромъ изъ одной работы Θеодора Салтыкова [3]). Наиболѣе дѣятельнымъ помощникомъ Петра по части публицистики былъ, безъ всякаго сомнѣнія, Θеофанъ Прокоповичъ, котораго можно назвать самымъ плодовитымъ и самымъ талантливымъ публицистомъ эпохи преобразованія.

Въ своихъ проповѣдяхъ Прокоповичъ неустанно защищалъ Петровскую реформу съ самыхъ различныхъ ея сторонъ. Вотъ, напримѣръ, неповоротливое московское мышленіе не могло помириться съ поѣздками за границу Петра и его служилыхъ людей. Поэтому Прокоповичъ нашелъ нужнымъ распространиться о пользѣ путешествій. Въ „Словѣ въ недѣлю осмую надесять (октября въ 23 день 1717 года)", онъ говорилъ: „Якоже бо рѣка далѣе и далѣе проводя теченіе свое, болѣе и болѣе растетъ, получая себѣ прибавленіе изъ припадающихъ потоковъ, и тако шествіемъ своимъ умножается, и великую пріемлетъ силу; тако и странствованіе человѣку благоразумному прибавляетъ много. Чего жъ много прибавляетъ? тѣлесныя ли силы? но ся подорожными неугодіями слабѣетъ. Богатства ли? кромѣ купцовъ единыхъ прочіимъ убыточно есть. Чегожъ инаго? того, еже и есть

---

[1]) „Духовный Регламентъ", Москва, Син. типографія, стр. 117.

[2]) Онъ цѣликомъ приведенъ въ одномъ изъ приложеній къ книгѣ П. Чистовича, „Θеофанъ Прокоповичъ и его время". Спб. 1868, стр. 709—718.

[3]) Доношеніе о нѣкоторыхъ состоятельныхъ, которыя прилежно выбраны изъ правленія уставовъ разныхъ, какъ аглинскихъ, французскихъ, германскихъ, такожде и прочихъ европскихъ присудствуемыхъ приличеству самодержавія. (См. „Государственное хозяйство Россіи при Петрѣ Великомъ", стр. 536.)

и собственному и общему добру основаніе, искусства. Не всуе бо славный оный стихотворецъ Еллинскій Омиръ въ началѣ книгъ своихъ Одіссеа нарицаемыхъ, хотя кратко похваливши Улисса вождя Греческаго, о которомъ повѣсть долгую поетъ, нарицаетъ его мужа многихъ людей обычаи и грады видювшаго. Сокращенная похвала, но великая; многія бо и великія пользы сокращенно содержитъ".

По словамъ Прокоповича, путешествія вообще развиваютъ умъ, а въ частности политическій смыслъ путешественниковъ: „Смѣло реку, есть тое лучшая и живая честныя политики школа". Но Ѳеофанъ не былъ бы сотрудникомъ Петра, если бы не взглянулъ на вопросъ о пользѣ путешествій также и съ точки зрѣнія военнаго дѣла. Съ этой точки зрѣнія они представлялись ему даже наиболѣе полезными.

„Особенно же дѣламъ военнымъ, изрещи трудно, какъ изрядно обучаетъ странствованіе... Кому же и легко сіе разсуждающему не явѣ есть, аще бо Географическія карты много къ походу военному пользуютъ, кольми паче свѣдаши самыя страны, и грады, и народы. Не видимъ на картѣ какая сія или оная крѣпость, въ чемъ оныя надежда и въ чемъ боязнь, каковое искусство людей, и каковыя сего и онаго народа сердца, не видимъ на картахъ, которыя угодныя, и которыя трудныя мѣста къ переходу, къ переправѣ, къ положенію стана, къ дѣйствію баталій и прочая симъ подобная. Странствованіе едино все тое какъ на дланѣ показуетъ и живую Географію въ памяти написуетъ, такъ, что человѣкъ не иначе свѣданныя страны въ мысли своей имѣетъ, аки бы на воздусѣ летая имѣлъ оныя предъ очима" [1]).

V.

Однимъ изъ наиболѣе дорогихъ нововведеній былъ флотъ, постройка котораго тоже вызывала сильный ропотъ. Прокоповичъ нашелъ нужнымъ выступить на защиту флота. Въ „Словѣ похвальномъ о флотѣ Россійскомъ, и о побѣдѣ галерами россійскими надъ кораблями шведскими Іуліа 27 дня полученной", произнесенной въ Петербургѣ 8 сентября 1720 года, онъ поднимаетъ вопросъ о мореплаваніи на высоту философіи-исторіи.

Вполнѣ согласно съ религіознымъ міросозерцаніемъ проповѣдника изображеніе мореплаванія въ видѣ одного изъ средствъ, избранныхъ Богомъ для культурнаго воспитанія человѣческаго рода.

„Премудрый міра Создатель, промышляя человѣкомъ взаимное друголюбіе, не благоволилъ всѣмъ странамъ земнымъ всякія

[1]) Ѳеофанъ Прокоповичъ. Слова и рѣчи поучительныя, похвальныя и поздравительныя, часть I, Спб., 1760 г., стр. 207—208.

плоды житію нашему потребныя произносити; ибо тогда сіи жители на оныхъ, а оніи на сихъ ниже посмотрѣли бы, единъ отъ другого помощи не требуя. Раздѣлилъ убо Творецъ земная своя благая различнымъ странамъ по части, дабы такъ едина отъ другой требуя взаимнаго пособія, лучше въ любовный союзъ сопрягашися могли. Но понеже не возможно было людемъ имѣти коммуникацію земнымъ путемъ отъ конецъ до конецъ міра сего, того ради великій промыслъ Божій проліялъ промежъ селенія человѣческая водное естество, взаимному всѣхъ странъ сообществу послужити могущее. А отъ сего видимъ, какая и коликая флота морскаго нужда, видимъ, что всякъ сего нелюбящій, не любитъ добра своего, и Божію о добрѣ нашемъ промыслу неблагодаренъ есть".

Впрочемъ, Прокоповичъ не считаетъ нужнымъ долго распространяться вообще о пользѣ флота, такъ какъ она очевидна всякому „благоразсудному". Онъ спѣшитъ перейти къ разсмотрѣнію пользы, приносимой флотомъ собственно Россійскому государству. Безчестно, по его словамъ, не имѣть флота въ такой странѣ, которая прилегаетъ ко многимъ морямъ: „Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а сами того не умѣемъ". Благодаря этому, наше море оказывается не нашимъ. Кромѣ того, страна, не имѣющая флота, не имѣетъ достаточной силы сопротивленія непріятелямъ.

„Трудно земнымъ при рѣкѣ Нілѣ животнымъ обходитися съ крокодилами.—Также то трудное было бы тебѣ, о Россіе, на поморіи твоемъ съ непріятелемъ обхожденіе, аще не бы милостивый промыслъ Божій предварилъ тебе благословеніемъ благостыннымъ, и не возбудилъ бы въ тебѣ тщаливаго духа къ устроенію флота" [1]). Такимъ образомъ, и постройка флота является, въ послѣднемъ счетѣ, дѣломъ Божественнаго промысла. Естественно поэтому, что Ѳеофанъ приглашаетъ своихъ слушателей возблагодарить Бога за возникновеніе русскаго флота и за побѣду русскихъ моряковъ:

„Прославимъ убо прославившаго насъ, благодаримъ обрадовавшему насъ: его дѣло есть флотъ Россійскій, его благословеніе есть толикая сила и толикія плоды флота Россійскаго. Онъ смотреніемъ своимъ навелъ очи Монаршія на презрѣнный ботикъ: онъ Царское сердце зажегъ ко Архітектурѣ корабельной; онъ предопредѣляя Россіи возвращеніе своихъ, и полученіе новыхъ поморскихъ странъ, предварилъ ю благословеніемъ своимъ, сильну же и дѣйственну на морѣ сотворилъ, вооруживъ флотомъ, и то-

---

[1]) Ѳеофанъ Прокоповичъ. Слова и рѣчи, часть II, стр. 52, 53, 54, 55.

ликими ущедривъ побѣдами. Благословенъ Богъ нашъ изволивый тако! Буди имя господне, благословенно отъ нынѣ и до вѣка!“ [1]).

Извѣстно, что на запросъ, сдѣланный имъ князю Д. М. Голицыну въ началѣ 1709 года: „нѣтъ ли въ монахахъ братскаго монастыря какого подозрѣнія?“ Петръ получилъ отвѣтъ: „Во всемъ Кіевѣ нашелъ я одного человѣка, именно изъ братскаго монастыря префекта, который къ намъ снисходителенъ“. Этимъ префектомъ былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Онъ былъ „снисходителенъ“ къ реформѣ еще прежде сближенія своего съ Петромъ. Характерно, что его школьная „трагедокомедія“, написанная въ 1705 году, имѣетъ предметомъ тоже реформу: введеніе христіанства въ Россію. Она называется „Владиміръ, Славяноросскійскихъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тмы въ свѣтъ евангельскій приведенній Духомъ Святымъ“. Впослѣдствіи было замѣчено Н. И. Гнѣдичемъ, что въ этой трагедокомедіи выражались такія мысли, какія въ тотъ вѣкъ и на ухо выражать страшились. И въ самомъ дѣлѣ, трагедокомедія многимъ казалась слишкомъ смѣлой и полной язвительныхъ выходокъ противъ духовенства. Послѣ смерти Петра, Маркеллъ Радышевскій доносилъ, что Ѳеофанъ „архіереевъ, іереевъ православныхъ жрецами и фарисеями называетъ... Священниковъ россійскихъ называетъ жериволами, лицемѣрами, идольскими жрецами, а чернцовъ—черными мужиками и чертями, и монашество и черницъ желаетъ искоренить“. Ѳеофану пришлось оправдываться, ссылаясь на то, что онъ осуждалъ не сплошь всѣхъ священниковъ, а только великую часть ихъ, которая непотребна и таковыхъ именъ и подобій достойна, не по званію своему, но по нраву и негодности [2]). При жизни Петра Прокоповичъ могъ не бояться доносовъ, такъ какъ первый русскій императоръ самъ не долюбливалъ „жериволовъ“, а сочувствіе къ реформѣ не могло не быть большой заслугой въ его глазахъ. Послѣ его смерти настали другія времена.

Не надо думать, однако, что, выступивъ на защиту Петровской реформы, Прокоповичъ явился исключеніемъ въ тогдашнемъ русскомъ духовенствѣ. Къ реформѣ были „снисходительны“ довольно многія духовныя лица малорусскаго происхожденія. Нѣкоторые изъ нихъ защищали реформу вообще и флотъ въ частности, такъ сказать, ex professo. Сошлюсь на Гавріила Бужинскаго, назначеннаго въ 1719 году оберъ-іеромонахомъ флота. Онъ доказывалъ въ своихъ проповѣдяхъ, что государство, лишенное

[1]) Тамъ же, стр. 59.

[2]) См. статью: „Трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича, Владиміръ“ въ сочиненіяхъ Н. С. Тихонравова, томъ II, стр. 152.

флота, подобно птицѣ, которая захотѣла бы летать съ однимъ крыломъ. Онъ усердно оттѣнялъ также „неизреченную“ пользу, приносимую государству купечествомъ. „Ни одно царство,—говорилъ онъ,—не можетъ быть довольнымъ собою безъ торговъ“. Другой іеромонахъ флота обличалъ главныхъ противниковъ Петровской реформы, раскольниковъ, и перевелъ на русскій языкъ „Увѣщанія и приклады политическіе, отъ различныхъ историковъ Юстомъ Липсіемъ на латинскомъ языкѣ собранные“ [1]).

Мѣстоблюститель Патріаршаго престола Стефанъ Яворскій не одобрялъ многихъ мѣръ Петра. Царевичъ Алексѣй не безъ основанія считалъ его своимъ сторонникомъ. Но духовная власть была тогда у насъ до такой степени подчинена свѣтской, что и Яворскій вынужденъ былъ, скрѣпя сердце и по своему, отстаивать „правду воли Монаршей“. Въ усердной защитѣ флота онъ мало уступалъ Прокоповичу. И тутъ онъ, кажется, не лицемѣрилъ.

Онъ сравнивалъ Петра съ Ноемъ, который оказывается у него первымъ мастеромъ и адмираломъ. Благодаря новому Ною, Россія заняла несравненно болѣе выгодное положеніе, чѣмъ прежде. Прежде „вѣстей никакихъ ни откуда Россіяне не имѣаху, поведеній нравовъ и обычаевъ въ иныхъ государствахъ политичныхъ отнюдь не знаяху, тѣмже и поношенія, и укоризны, и досады многія отъ прочихъ государствъ терпяху, аки дѣтища нѣкіе и отроки невѣжливые, которымъ развѣ то вѣдомо, что въ дому дѣется“. Теперь Богъ ключомъ Петровымъ отворилъ Россіи ворота, черезъ которыя она можетъ войти въ сношенія съ остальнымъ свѣтомъ. Флотъ полезенъ не только въ смыслѣ просвѣщенія, но также въ смыслѣ обогащенія: „Флотомъ морскимъ мощно звѣдати, что на свѣтѣ дѣется, мощно узрѣти различные государства, ихъ поведенія, политику, красоту градовъ, различіе нравовъ въ людехъ различныхъ, и премногіе иные прежде невиданные диковинки. Кораблями вскорѣ мощно обогатитися. Сей одинъ градъ (Петербургъ) всѣ убылѣ, въ нынѣшнемъ воѣнномъ времени бываемыя, кораблями и пристанью своею можетъ наверстати. А что твои караваны въ китайское царство? бездѣлица то есть: весь караванъ насилу съ единымъ караблемъ сравнитися можетъ. Да уже не надобѣ лошадей ни кормити, ни теряти, ни телѣгъ ломати, ни слугъ много имѣти“ [2])...

Точкой отправленія для всѣхъ этихъ правительственныхъ публицистовъ служилъ тотъ взглядъ, что надо приневолить

---

[1]) О немъ см. у Пекарскаго: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, томъ I, стр. 218, 219 и 492—494.

[2]) Цитировано у П. Морозова: „Θеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель“, стр. 86.

Россіянъ къ такимъ дѣйствіямъ, которыя необходимы для ихъ собственной пользы. Въ своихъ указахъ Петръ безпрестанно повторялъ этотъ взглядъ. Въ указѣ 1723 года онъ говорилъ: „Нашъ народъ, яко дѣти, не ученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ:—не все-ль неволею сдѣлано? и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ“ [1]).

Но приневолить можно только тѣхъ, которые подчиняются. И хотя Россіяне и безъ того не имѣли привычки отказывать верховной власти въ повиновеніи, но всѣ правительственные публицисты въ одинъ голосъ твердили имъ о вредѣ неповиновенія. У духовныхъ проповѣдниковъ указаніе на его вредъ неизмѣнно подкрѣпляется указаніемъ на то, что неповиновеніе земной власти настоятельно запрещается и немилосердно карается властью небесной. Тутъ нѣтъ и намека на оговорки, нерѣдко дѣлавшіяся католическими духовными въ ихъ разсужденіяхъ о подчиненіи свѣтской власти.

VI.

Убѣжденіе въ необходимости „приневоливанія“ часто высказывалось западно-европейскими теоретиками просвѣщеннаго деспотизми. Нашего Петра тоже называютъ просвѣщеннымъ деспотомъ. И это, конечно, справедливо. Но, говоря о просвѣщенномъ деспотизмѣ Петра, никогда не надо упускать изъ виду ту, уже много разъ отмѣченную мною, особенность, которая отличаетъ деспотизмъ восточныхъ монархій отъ абсолютизма западно-европейскихъ государствъ. Восточному деспоту принадлежитъ право по произволу распоряжаться имуществомъ своихъ подданныхъ. Въ западно-европейскихъ абсолютныхъ монархіяхъ государь могъ распоряжаться имуществомъ своихъ подданныхъ лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, установленныхъ закономъ или обычаемъ. Излишне повторять здѣсь, что разница эта вызвана была отнюдь не какими-нибудь нравственными преимуществами западныхъ монарховъ передъ восточными, а единственно только неодинаковымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ. Но фактъ остается фактомъ: совершая свою реформу, Петръ обладалъ безпредѣльной властью восточнаго деспота. И онъ широко пользовался этой безпредѣльной властью. Стремясь развить производительныя силы Россіи, онъ началъ съ того, что окончательно

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. IV, стр. 782—783.

закрѣпилъ государству всѣ тѣ ея силы, которыя уже находились налицо. Во время своего перваго заграничнаго путешествія онъ нанялъ много иностранныхъ горныхъ мастеровъ. По возвращеніи домой онъ продолжалъ усиленно заботиться о развитіи горнаго дѣла въ Европейской Россіи и Сибири. Чтобы обезпечить успѣхъ тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты имъ съ этой цѣлью, онъ уже въ 1700 году далъ каждому право сыскивать руды во всемъ государствѣ, независимо отъ воли землевладѣльца. Тѣ помѣщики, въ чьихъ земляхъ была бы открыта руда, получали право прежде всѣхъ другихъ просить о дозволеніи построить на нихъ заводы. Если бы они не захотѣли или не были въ состояніи воспользоваться этимъ правомъ, то оно предоставлялось всякому желающему завести новое дѣло и имѣющему необходимыя для этого средства: „дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не оставалось“. Кто утаивалъ руду или препятствовалъ другимъ въ устроеніи заводовъ, тотъ подвергался тѣлесному наказанію и смертной казни. Какъ ни велика была привычка жителей Московскаго государства къ безцеремонному обращенію верховной власти съ ихъ имуществомъ, но все-таки новыя нарушенія ихъ имущественныхъ правъ, вызванныя заботами Петра о развитіи горнаго дѣла, вызывали, по крайней мѣрѣ, пассивное сопротивленіе съ ихъ стороны. Не имѣя возможности открыто сопротивляться царскимъ распоряженіямъ, землевладѣльцы вымещали зло на пріискателяхъ. Петру „учинилось вѣдомо, что пріискателямъ въ пріискѣ рудъ и минераловъ чинятся великія обиды и помѣшательства“. И вотъ, въ 1722 году, Бергъ-Коллегіи предписано было произвести по этому поводу цѣлое слѣдствіе. Не менѣе характерны мѣры, принятыя Петромъ для развитія жемчужной ловли въ Россіи. Указъ 1716 года требовалъ, чтобы никто не чинилъ капитану Вельяшеву и людямъ, отъ него посылаемымъ, препятствій въ пріисканіи жемчуга. Вельяшевъ получалъ право нанимать для пріисканія жемчуга людей, знакомыхъ съ этимъ дѣломъ. Если же такіе люди не захотѣли бы наняться къ нему, то онъ могъ силой заставить ихъ работать, платя имъ въ мѣсяцъ по три рубля каждому и при этомъ смотря „накрѣпко“, чтобы они работали прилежно.

Нуждаясь въ хорошемъ деревѣ для постройки флота, Петръ de facto превратилъ лѣса въ государственное имущество. Тогда явилось много заповѣдныхъ лѣсовъ, неприкосновенныхъ даже для своихъ владѣльцевъ. За порубку корабельныхъ деревьевъ полагалась смертная казнь. Впослѣдствіи Петръ нашелъ, однако, нужнымъ смягчить это наказаніе. За порубку дубовыхъ деревьевъ

стали только... вырѣзывать ноздри и ссылать на каторгу. Наконецъ, и эта кара найдена была,—согласитесь, не безъ нѣкотораго основанія! — слишкомъ жестокой и замѣнена денежнымъ штрафомъ: за дубъ пятнадцать рублей; за остальныя деревья десять рублей. Однако вырѣзываніе ноздрей и каторга сохранены были для рецидивистовъ.

Во имя государственной пользы рыбныя ловли тоже отобраны были изъ частнаго владѣнія.

Въ маѣ 1722 года приказано было раздать многовотчиннымъ людямъ,—соразмѣрно числу ихъ деревень,—тонкорунныхъ овецъ, содержавшихся прежде на казенныхъ заводахъ. Принимать на свое попеченіе этихъ овецъ обязанъ былъ даже тотъ, „кто самъ и не хотѣлъ принять“. Другими словами, уходъ за тонкорунными овцами становился одной изъ натуральныхъ повинностей, возложенныхъ на обывателя съ цѣлью развитія производства суконъ.

Въ интересахъ этого дѣла, тѣсно связаннаго съ нуждами новосозданной арміи, многовотчиннымъ владѣльцамъ раздавались не только овцы, но и овчары. Овчаровъ не спрашивали, желаютъ ли они поступать въ услуженіе къ такимъ-то владѣльцамъ, совершенно такъ же, какъ не спрашивали ловцовъ жемчуга, желаютъ ли они наняться къ капитану Вельяшеву. Трудящееся населеніе страны разсматривалось какъ государственная собственность. Изученіе ремеслъ тоже сдѣлалось повинностью и тоже ради „государственной пользы“. Въ 1712 году приказано было во всѣхъ губерніяхъ выбрать 315 молодыхъ людей изъ кузнецовъ и столяровъ, лучшихъ въ своемъ мастерствѣ, и обучить ихъ выдѣлкѣ стволовъ, замковъ и ружейныхъ ложъ. Кромѣ того, въ каждой губерніи по два человѣка должны были обучаться сѣдельному мастерству, для полковъ. Люди, знавшіе тѣ или другія ремесла, должны были идти на государственныя работы по первому требованію правительства. Въ 1709 году выслано было въ Петербургъ, для городового строенія, сорокъ тысячъ человѣкъ, не считая каменщиковъ и кирпичниковъ. Въ 1711 году опять потребованы были изъ губерній мастеровые люди для адмиралтейскихъ работъ и т. д., и т. д.

Какъ смотрѣлъ Петръ на трудящееся населеніе, лучше всего видно изъ слѣдующаго. Въ сентябрѣ 1702 г. онъ предписалъ Шереметеву „купить изъ лифляндскихъ жителей земледѣльцевъ и прислать ихъ въ Россію для поселенія въ разныхъ нехлѣбородныхъ мѣстахъ, чтобъ такимъ образомъ, посредствомъ ихъ, научить русскихъ лучшему обрабатыванію полей“. Предпріятіе это получило неожиданно благопріятный оборотъ. При

наличности большого числа плѣнныхъ въ покупкѣ „чухны“ не оказалось надобности. Шереметевъ отвѣчалъ царю: „Указалъ ты, Государь, купя прислать Чухны и Латышей, а твоимъ Государевымъ счастьемъ и не купленныхъ пришлю. Можно бы и не одну тысячу послать, только трудно будетъ вести“. Однако, несмотря на трудность, въ Москву отправлено было 600 человѣкъ обоего пола [1]).

Европеизуя Россію, Петръ доводилъ до его крайняго логическаго конца то безправіе жителей по отношенію къ государству, которая характеризуетъ собою восточныя деспотіи. Не церемонясь съ трудящимся населеніемъ („съ государевыми сиротами“), царь-преобразователь не считалъ нужнымъ церемониться и со служилыми людьми („съ государевыми холопами“). Пріобрѣтеніе разнаго рода техническихъ знаній (изученіе „навигацкой“ науки и „інструментовъ“) тоже сдѣлалось однимъ изъ многочисленыхъ видовъ натуральной повинности: натуральной повинностью дворянства. Мы уже знаемъ, что дворянство плохо исполняло эту свою повинность, но все-таки въ извѣстной, хотя и незначительной, мѣрѣ исполняло. Въ свою очередь, глава государства дорожилъ дворянствомъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно исполняло свою обязанность служить и готовиться къ службѣ. Петръ неустанно твердилъ дворянству, что только посредствомъ службы оно дѣлается „благороднымъ“ и отличнымъ отъ „подлости“, т.-е. отъ простого народа. Но если только служба дѣлала дворянъ „благородными“, то было вполнѣ естественно давать дворянскія права всякому заслуженному человѣку. Петръ такъ и поступалъ. По указу 16 января 1721 г. всякій, дослужившійся до оберъ-офицерскаго чина, получалъ потомственное дворянство. Установляя въ январѣ слѣдующаго года знаменитую „Табель о рангахъ“, Петръ поясняетъ, что люди знатной породы не получатъ никакого ранга до тѣхъ поръ, пока они не покажутъ заслугъ государству и отечеству. Уже за нѣсколько лѣтъ до того,—въ февралѣ 1714 г.,—запрещено было производить въ офицеры тѣхъ служилыхъ людей „изъ дворянскихъ породъ“, которые сами не прошли солдатской службы въ гвардіи и „съ фундамента солдатскаго дѣла незнаютъ“. Согласно Воинскому Уставу 1716 г., „шляхетству Россійскому иной способъ не остается въ офицеры происходить, кромѣ, что служить въ гвардіи“. Вслѣдствіе этого гвардейскіе полки сдѣлались дворянскими по преимуществу. Въ гвардейскомъ

---

[1]) См. въ „Современникѣ“ (1847 г., книга VI) статью: „Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ“, стр. 90, 91. Оттуда же заимствованы и другіе, приведенные мною, примѣры этого рода.

полку [1]), который состоялъ исключительно изъ „шляхетскихъ дѣтей", числилось до трехсотъ рядовыхъ съ княжескимъ титуломъ. „Дворянинъ гвардеецъ,—говоритъ Ключевскій,—жилъ, какъ солдатъ, въ полковой казармѣ, получалъ солдатскій паекъ и исполнялъ всѣ работы рядового [2]). При этомъ сіятельный рядовой очень часто попадалъ подъ команду человѣка, выслужившагося „изъ самой подлости". Такимъ образомъ, порода отступала назадъ передъ чиномъ. Это было вполнѣ согласно съ тѣмъ ходомъ соціально-политическаго развитія Московскаго государства, который опредѣлился по меньшей мѣрѣ со временъ Ивана Грознаго: опричнина для того и учреждалась, чтобы заставить породу попятиться передъ выслугой. Европеизуя Россію, Петръ и здѣсь довелъ до крайности ту черту ея строя, которая сближала ее съ восточными деспотіями. По недоразумѣнію, указанная черта принималась иногда за признакъ демократизма. Въ такомъ видѣ выступаетъ она, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ историческихъ разсужденіяхъ М. П. Погодина и въ нѣкоторыхъ „художественныхъ" произведеніяхъ Н. Кукольника. На самомъ дѣлѣ она не имѣетъ съ демократизмомъ ровно ничего общаго. Строй, характеризуемый преобладаніемъ этой черты, прямо противоположенъ демократическому: въ немъ всѣ порабощены, кромѣ одного, между тѣмъ какъ въ демократіи всѣ свободны, по крайней мѣрѣ, de jure. Въ обширномъ промежуткѣ между этими двумя крайностями помѣщаются всѣ конституціи, характеризуемыя свободой болѣе или менѣе значительнаго числа привилегированныхъ.

Дѣлая гвардейскіе полки дворянскими по составу, Петръ тѣмъ самымъ сообщалъ служилому дворянству такую организацію, какой оно не имѣло прежде. По замѣчанію Ключевскаго, гвардейцы, бывшіе подъ сильной рукой слѣпымъ орудіемъ власти, подъ слабой рукой становились преторіанцами или янычарами. При преемникахъ Петра, гвардейцы, въ самомъ дѣлѣ, часто выступали въ роли янычаръ или преторіанцевъ. Но выступленіе въ этой роли не мѣшало имъ оставаться землевладѣльцами, эксплуатировавшими трудъ закрѣпощеннаго крестьянства. Въ качествѣ такихъ землевладѣльцевъ они предъявляли извѣстныя требованія, съ которыми не могли не считаться даже абсолютные монархи. Осуществленіе этихъ требованій въ извѣстной мѣрѣ и постепенно нарушало свойственное россійскимъ обыва-

[1]) Въ такъ называемомъ лейбъ-региментѣ, сформированномъ въ 1719 г. въ добавленіе къ двумъ пѣхотнымъ гвардейскимъ полкамъ и впослѣдствіи переименованномъ въ конно-гвардейскій.

[2]) Курсъ русской исторіи, часть IV, стр. 105, 106.

телямъ равенство безправія. Дворянство мало-по-малу остановилось привилегированнымъ сословіемъ. А такъ какъ гвардейская организація дворянства, несомнѣнно, содѣйствовала осуществленію его требованій, то мы приходимъ къ тому выводу, что своимъ переустройствомъ войска Петръ далъ толчокъ развитію сословныхъ преимуществъ служилаго класса. Не надо забывать также, что, при преемникахъ Петра, въ роли преторіанцевъ или янычаръ выступало то дворянство, которое самой центральной властью настоятельно побуждалось къ нѣкоторому сближенію съ западными европейцами. Неудивительно, что при воцареніи Анны Ивановны янычары, или преторіанцы, обнаружили такое знакомство съ политическими понятіями Запада, какимъ никогда не обладали служилые люди до-Петровской Руси.

Свѣдѣнія, пріобрѣтавшіяся дворянствомъ по царскому приказу, никогда не были обширны. Въ возрастѣ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ учившіеся должны были пройти „цифирь“, начальную геометрію и Законъ Божій. Послѣ пятнадцати лѣтъ обязательное ученіе прекращалось, и начиналась обязательная служба. Заботясь о томъ, чтобы служилые люди не уклонялись отъ ученія, правительство не меньше заботилось и о томъ, чтобы ученіе не мѣшало службѣ. Указъ 17 октября 1723 г. запретилъ людямъ свѣтскихъ чиновъ оставаться въ школахъ послѣ пятнадцатилѣтняго возраста, „дабы подъ именемъ той науки отъ смотровъ и опредѣленія въ службу не укрывались“. Впрочемъ, хотя тогдашнее дворянство и любило укрываться отъ службы, однако не въ его привычкахъ было укрываться отъ нея въ школахъ. Когда дѣло шло о томъ, чтобы учиться, его представители также охотно сказывались въ „нѣтяхъ“, какъ и тогда, когда ему надо было отправляться на службу.

Иногда они записывались въ одну школу для того, чтобы избѣжать поступленія въ другую, казавшуюся имъ болѣе трудной. Однажды случилось такъ, что много дворянъ, не желавшихъ поступить въ математическую школу, записалось въ духовное Заиконоспасское училище въ Москвѣ. „Петръ велѣлъ взять любителей богословія въ Петербургъ въ морскую школу и въ наказаніе заставилъ ихъ бить сваи на Мойкѣ“ [1]).

Иначе, разумѣется, и быть не могло. Откуда явилась бы сильная склонность къ просвѣщенію въ такой общественной средѣ, до которой просвѣщеніе раньше почти совсѣмъ не доходило? Хотя Петръ не былъ одинокъ въ современной ему Россіи, но тѣмъ

---

[1]) Ключевскій. Курсъ, IV, стр. 104.

не менѣе даже ко многимъ изъ его „птенцовъ“ вполнѣ приложимъ строгій отзывъ историка:

„Сотрудники реформы поневолѣ, эти люди не были въ душѣ ея искренними приверженцами, не столько поддерживали ее, сколько сами за нее держались, потому что она давала имъ выгодное положеніе... Служить Петру еще не значило служить Россіи. Идея отечества была для его слугъ слишкомъ высока, не по ихъ гражданскому росту. Ближайшіе къ Петру люди были не дѣятели реформы, а его личные дворовые слуги... Это были истыя дѣти воспитавшаго ихъ фискально-полицейскаго государства съ его произволомъ, его презрѣніемъ къ законности и человѣческой личности, съ притупленіемъ нравственнаго чувства...“ [1]).

Точнѣе было бы сказать, что въ московской вотчинной монархіи личность уважалась еще меньше, а законность презиралась еще больше, нежели въ фискально-полицейскихъ государствахъ Запада. Вотчинная монархія была почвой, совсѣмъ неблагопріятной для развитія просвѣщенія. Но если, несмотря на то, уже въ до-Петровскую эпоху мы встрѣтили въ Москвѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ людей, искренно увлекавшихся западными обычаями и западной наукой, то естественно ожидать, что при Петрѣ и послѣ него такіе люди, не переставая быть исключеніями, станутъ, однако, уже менѣе рѣдкими исключеніями. И мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ, что со времени Петровской реформы на Руси не переводятся искренніе приверженцы западнаго просвѣщенія. Въ средѣ этихъ людей и развивалась русская общественная мысль. Одинъ изъ ближайшихъ помощниковъ Петра, самъ принадлежавшій къ нимъ,—нѣсколько разъ цитированный мною выше Ѳеофанъ Прокоповичъ, — назвалъ ихъ ученой дружиной [2]).

Члены этой дружины во многихъ отношеніяхъ являются людьми интересными и даже прямо замѣчательными. Намъ пора поближе познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ.

---

[1]) Ключевскій, тамъ же, IV, стр. 333—336.

[2]) Въ одномъ изъ стихотворныхъ обращеній къ А. Кантемиру Прокоповичъ говорилъ:

А ты какъ началъ течи путь преславный,
Коимъ книжны текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ ученой дружины и т. д.

Глава II.

„Ученая дружина“ и самодержавіе.

Западниковъ до-Петровской эпохи,—Хворостинина, В. Ордина-Нащокина, даже Котошихина,—„тошнило“ въ Москвѣ. „Тошнота“—мучительное ощущеніе. Чтобы избавиться отъ нея, одни бѣжали за границу, другіе постригались въ монахи. Это были „einsame Geister“ въ полномъ смыслѣ слова. На сочувствіе со стороны окружавшихъ имъ приходилось оставить всякую надежду. Точно такъ же имъ и въ голову не могло придти, что наступитъ время, когда правительство потребуетъ отъ русскихъ людей усвоенія западныхъ обычаевъ и западныхъ знаній подъ страхомъ жестокаго наказанія. У нихъ не было основанія вѣрить въ просвѣтительныя намѣренія московскихъ государей. Поэтому у нихъ не было и стремленія служить государямъ „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“. Они мало думали о политическихъ вопросахъ и плохо разбирались въ нихъ. Но ихъ настроеніе не было и не могло быть настроеніемъ дѣятельныхъ сторонниковъ московскаго самодержавія. Читатель не забылъ, можетъ быть, что въ указѣ, „сказанномъ“ Хворостинину, его упрекали, между прочимъ, въ употребленіи слова деспотъ вмѣсто слова царь. Приведя эпизодъ съ этимъ указомъ, я замѣтилъ, что едва ли его авторы правильно объяснили, почему Хворостининъ назвалъ московскаго царя деспотомъ. Они думали,—или, по крайней мѣрѣ, снисходительно сдѣлали видъ, что думаютъ,—будто Хворостининъ выразился такъ вслѣдствіе простой неосвѣдомленности на счетъ значенія слова деспотъ. И они упрекнули его въ умаленіи царскаго титула. Но, вѣроятно, Хворостининъ употребилъ слово деспотъ затѣмъ, чтобы посредствомъ его выразить свое неодобрительное отношеніе къ полной неограниченности царской власти. Осуждалъ такую неограниченность и панславистъ Юрій Крижаничъ, принесшій съ собою въ Москву сложившееся у него на Западѣ убѣжденіе въ томъ, что иное дѣло подданный, а иное—холопъ. Крижаничъ горячо порицалъ установившееся въ Московскомъ государствѣ „крутое владаніе“. Но мы знаемъ,

что тотъ же Крижаничъ смотрѣлъ на обширную власть московскихъ государей, какъ на самое могучее изо всѣхъ возможныхъ средствъ преобразованія Руси. „О царю, ты въ рукахъ держишь чудотворный Моисеевъ Прутъ,—восклицалъ онъ,—и можешь нимъ творить дивна во владѣнію чудеса". Юрію Сербенину не суждено было увидать „дивна чудеса" въ Московской землѣ. Напротивъ, онъ самъ сдѣлался одной изъ жертвъ „крутого владанія". Но при Петрѣ въ извѣстной мѣрѣ осуществился завѣтъ Юрія Крижанича. Съ помощью „чудотворнаго Моисеева Прута" царь сталъ дѣлать одно „дивно чудо" за другимъ. Теперь навлечь на себя преслѣдованія рисковали не тѣ, которыхъ „тошнило" отъ старыхъ московскихъ порядковъ, а, наоборотъ, тѣ, которые испытывали „тошноту" при видѣ порядковъ и обычаевъ Западной Европы. Это значитъ, что теперь положеніе нашихъ западниковъ существенно измѣнилось. Имъ уже не надо было бѣжать за границу или искать убѣжища въ монастыряхъ: передъ ними открывалась возможность плодотворной практической дѣятельности въ родной сторонѣ. Россія перерождалась на ихъ глазахъ, сближаясь съ тѣмъ самымъ Западомъ, культура котораго такъ высоко цѣнилась ими. Мы знаемъ теперь, что процессъ преобразованія Россіи на долго оставилъ неприкосновенными, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже упрочилъ старыя основы ея соціально-политическаго строя. Мы знаемъ также, что европеизація Россіи долго оставалась весьма поверхностной. Но современникамъ Петра дѣло представлялось совершенно въ другомъ видѣ. Основныхъ вопросовъ общественно-политическаго быта никто изъ русскихъ людей тогда еще не поднималъ; что же касается второстепенныхъ, производныхъ чертъ общественной жизни, то какъ противники, такъ и сторонники реформы Петра находили ихъ измѣнившимися до неузнаваемости. И они относили эту перемѣну на счетъ государя. Неутомимый защитникъ преобразовательной дѣятельности Петра, Ѳеофанъ Прокоповичъ, ни мало не лицемѣрилъ, говоря, что Россія есть статуя Петра, и называя перваго русскаго императора виновникомъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, виновникомъ, воскресившимъ свою страну аки отъ мертвыхъ. Въ его знаменитомъ „Словѣ на погребеніе Петра", конечно, много риторики: наше духовное краснорѣчіе безъ нея никогда не обходилось и не обходится. Привычкѣ къ риторикѣ нужно приписать, напримѣръ, то утвержденіе Прокоповича, что Петръ одновременно былъ Самсономъ, Яфетомъ и Соломономъ Россіи, да къ тому же еще Давидомъ и Константиномъ россійской церкви. Привычкой къ риторикѣ объясняется и совсѣмъ неумѣстная при указанныхъ обстоятельствахъ игра

словъ въ родѣ той, что Петръ засталъ въ Россіи силу слабую, а оставилъ „по имени своему каменную, Адамантову“. Но когда проповѣдникъ развиваетъ свою риторически выраженную мысль, мы чувствуемъ, что онъ вполнѣ искренно восхищается величіемъ Петрова дѣла.

По его словамъ, Петръ „засталъ воинство въ дому вредное, въ полѣ не крѣпкое, отъ супостатъ ругаемое, и ввелъ отечеству полезное, врагомъ страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищалъ, купно и возвращеніемъ отъятыхъ земель дополнилъ и новыхъ провинцій пріобрѣтеніемъ умножилъ. Когда же востающыя на насъ разрушалъ, купно и зломыслящихъ намъ сломилъ и сокрушилъ духи, и заградивъ уста зависти славная проповѣдати о себѣ всему міру повелѣлъ“. Съ этимъ не могли не согласиться его слушатели.

Не могли не согласиться съ нимъ они,—по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые сочувствовали реформамъ Петра,—и тогда, когда онъ, оправдывая названіе покойнаго царя Соломономъ Россіи, говорилъ: „Недовольно ли о семъ свидѣтельствуютъ многообразная философская искусства, и его дѣйствіемъ показанная и многимъ подданнымъ вліянная, и заведенная различная, прежде намъ и неслыханная ученія, хитрости и мастерства: еще же и чины, и степени, и порядки гражданскіе, и честные образы житейскаго обхожденія, и благопріятныхъ обычаевъ и нравовъ правило: но и внѣшній видъ и наличіе краснопретворенное, яко уже отечество наше, и отъ внутрь и отъ внѣ, несравненно отъ прежнихъ лѣтъ лучшее, и весьма иное видимъ и удивляемся“ [1]).

Чтобы оцѣнить силу впечатлѣнія, произведеннаго на русскихъ людей нѣкоторыми изъ ближайшихъ послѣдствій Петровской реформы, надо вспомнить, какими глазами начинали смотрѣть на себя московскіе люди во второй половинѣ XVII столѣтія. Сравнивая силы своей страны съ силами западно-европейскихъ государствъ, они съ горькой насмѣшкой поговаривали, что трудно разсчитывать на побѣду московскому „плюгавству“. Нарва показала, насколько справедливо было это пренебрежительное мнѣніе московскихъ людей о самихъ себѣ. Но Полтава съ другими побѣдами, ей предшествовавшими и за ней слѣдовавшими, давала имъ пріятный поводъ думать, что время „плюгавства“ безвозвратно миновало, и что отнынѣ Россія можетъ успѣшно бороться съ любымъ изъ западно-европейскихъ государствъ. Сознаніе этой перемѣны поднимало въ нихъ чувство самоуваженія, льстило ихъ народной гордости.

---

[1]) Слова и Рѣчи, II, стр. 129 и 130.

Въ „Словѣ похвальномъ“, произнесенномъ въ день рожденія царевича Петра Петровича, Ѳеофанъ очень ярко выразилъ это переживаніе тогдашнихъ русскихъ западниковъ.

Онъ напоминалъ тамъ, оговариваясь, впрочемъ, что дѣлаетъ это „не въ срамоту, какъ смотрѣли на Россію прежде иноземные народы“: „Бѣхомъ у политическихъ мниміи варвары, у гордыхъ и величавыхъ презрѣнніи, у мудрящихся невѣжи, у хищныхъ желателная ловля, у всѣхъ нерадими, отъ всѣхъ поруганы“. Петръ заставилъ иноземцевъ уважать Россію: „Нынѣ же храбростію, любомудріемъ, правдолюбіемъ, исправленіемъ и обученіемъ отечества, не себѣ точію, но и всему Россійскому народу содѣла Пресвѣтлый нашъ Монархъ? То, что которыи насъ гнушалися яко грубыхъ, ищутъ усердно братства нашего, которыи безчестили, славятъ, которыи грозили, боятся и трепещутъ, которыи презирали, служити намъ не стыдятся“.

Въ своемъ упоеніи тою честью, которую оказываетъ Россіи измѣнившееся къ ней отношеніе иноземцевъ, Прокоповичъ обнаружилъ порядочную дозу наивности. Онъ сказалъ:

„Многіи въ Европѣ коронованныи главы не точію въ союзъ съ Петромъ Монархомъ нашимъ идутъ доброхотно; но и десная его Величеству давати не имѣютъ за безчестіе“.

Эта, почти непонятная теперь, наивность показываетъ, что хотя Прокоповичъ и очень гордился преобразованной Россіей,— восторженно называя ее „свѣтлой, красной, сильной, другомъ любимой, врагомъ страшной“ [1]), — но онъ продолжалъ ставить ее несравненно ниже просвѣщенныхъ странъ Запада.

Чтобы подняться на одинъ уровень съ ними, ей нужно было вполнѣ овладѣть ихъ просвѣщеніемъ. Ѳеофанъ и его друзья были убѣжденными просвѣтителями. А такъ какъ починъ распространенія просвѣщенія въ Россіи цѣликомъ приписывался ими Петру, то было весьма естественно, что они относились къ царю-преобразователю съ самымъ искреннимъ поклоненіемъ. Другой членъ „ученой дружины“, Б. Н. Татищевъ, утверждая, что „Петръ Великій открылъ своему народу путь къ просвѣщенію снисканіемъ способовъ пріобрѣсть оное внутрь предѣловъ своего отечества“, такъ говорилъ о самомъ себѣ:

„Все, что имѣю, чины, честь, имѣніе и главное надъ всѣмъ— разумъ, единственно все по милости Его Величества имѣю; ибо естьли бы онъ въ чужіе краи меня не посылалъ, къ дѣламъ знатнымъ не употреблялъ, а милостію не ободрялъ, то бы я не могъ ничего того получить, и хотя мое желаніе къ благодар-

---

[1]) Слова и Рѣчи, I, стр. 114—115.

ности, славы и чести Его Величества не болѣе умножить можетъ, какъ двѣ лепты въ сокровища храма Соломонова, или капля воды, кинутая въ море, но мое желаніе къ тому не измѣримо, и болѣ всего сокровища Соломона и многоводной рѣки Оби“ [1]).

Такъ же восторженно чтилъ Петра и „рогатый пророкъ“ „ученой дружины“, Антіохъ Кантемиръ, писавшій въ своей „Петрадѣ“:

„Петра, когда глаголю,—что не заключаю
Въ той самой Рѣчи? Мудрость, мужество къ случаю
Злу и благополучну, осторожность сильну,
Любовь, попеченіе, пріятность умильну,
Правдиваго судію, царя домостройна,
Друга вѣрна, воина, всѣхъ лавровъ достойна,
Словомъ: все, что либо звать совершеннымъ можно“.

Такъ относились къ Петру наши западники первой половины XVIII в. Впослѣдствіи мы убѣдимся, что такое отношеніе къ нему осталось неизмѣннымъ въ западномъ лагерѣ вплоть до очень недавняго времени. Запомнить это необходимо для выясненія себѣ хода развитія русской общественной мысли. Поэтому я теперь же приведу два-три примѣра изъ исторіи этой мысли въ XIX столѣтіи.

Въ письмѣ къ К. Д. Кавелину отъ 22 ноября 1847 г. Бѣлинскій говорилъ:

„Для меня Петръ—моя философія, моя религія, мое откровеніе во всемъ, что касается Россіи. Это примѣръ для великихъ и малыхъ, которые хотятъ что-нибудь дѣлать, быть чѣмъ-нибудь полезными“ [2]).

Почти наканунѣ своей смерти онъ,—какъ это видно изъ его письма къ П. В. Анненкову отъ 15 февраля 1848 г.,—доказывалъ своему „вѣрующему другу“ (М. А. Бакунину), что „для Россіи нуженъ новый Петръ Великій“ [3]),

Н. Г. Чернышевскій въ началѣ своей литературной дѣятельности цѣликомъ раздѣлялъ этотъ взглядъ Бѣлинскаго на Петра I. Въ четвертой статьѣ его „Очерковъ Гоголевскаго періода русской литературы“ мы находимъ слѣдующія многознаменательныя строки:

---

[1]) Исторія Россійская, книга I, часть I, Москва, 1768 г., стр. XVI (Предъизвѣщеніе).

[2]) Въ томъ же году, въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“, онъ высказалъ такой взглядъ на происхожденіе русской литературы: „Какъ и все, что ни есть въ современной Россіи живого, прекраснаго и разумнаго, наша литература есть результатъ реформы Петра Великаго“.

[3]) Бѣлинскій. Письма, томъ III, Спб., 1914, стр. 300 и 339.

„Для насъ идеалъ патріота—Петръ Великій; высочайшій патріотизмъ — страстное, безпредѣльное желаніе блага родинѣ, одушевлявшее всю жизнь, направлявшее всю дѣятельность этого великаго человѣка".

Возможно, что примѣръ Петра взятъ былъ Чернышевскимъ отчасти для успокоенія цензуры. Если бы не цензура, то онъ выбралъ бы, можетъ быть, другой примѣръ. Ему нужно было собственно сказать, что задача передовыхъ русскихъ людей до сихъ поръ заключается въ распространеніи у себя на родинѣ знаній, добытыхъ болѣе просвѣщенными народами, а не въ самостоятельномъ добываніи такихъ знаній. Но, во-первыхъ, никакая цензура не обязывала его отзываться о Петрѣ въ такихъ похвальныхъ выраженіяхъ, какія мы находимъ въ только что сдѣланной выпискѣ. Во-вторыхъ, очевидно, не для цензуры ставилъ онъ задачу современныхъ ему русскихъ просвѣтителей въ прямую и тѣсную связь съ реформой Петра: „Пока мы не станемъ по своему образованію наравнѣ съ наиболѣе успѣвшими націями, есть у каждаго изъ насъ другое дѣло (нежели работа области „чистой" науки. *Г. П.*), болѣе близкое къ сердцу—содѣйствіе, по мѣрѣ силъ, дальнѣйшему развитію того, что начато Петромъ Великимъ".

Увлеченіе Петромъ способствовало распространенію въ русскомъ западническомъ лагерѣ того взгляда, что у насъ великія преобразованія могутъ идти только сверху. Этотъ взглядъ раздѣлялъ еще Бѣлинскій, подъ его вліяніемъ склонявшійся къ признанію славянофильскаго ученія о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса. Мы увидимъ, что Бѣлинскому и его послѣдователямъ невозможно было соединить такія понятія въ одно стройное цѣлое съ другими ихъ общественными взглядами, заимствованными у передовыхъ писателей современной Европы. Эти понятія дѣлали противорѣчивымъ соціально-политическое credo нашихъ просвѣтителей XIX вѣка.

Не то было съ просвѣтителями первой половины XVIII столѣтія. Соціально-политическое credo „ученой дружины" было гораздо проще. Въ немъ не было такихъ элементовъ, которыхъ нельзя было бы логически согласить съ тѣмъ убѣжденіемъ, что у насъ все великое идетъ сверху. Поэтому они оставались вполнѣ вѣрными себѣ, когда не только безо всякихъ оговоровъ восторгались личностью и дѣятельностью Петра, но вообще упорно отстаивали идею самодержавія. Прокоповичъ, Татищевъ и Кантемиръ могутъ считаться первыми идеологами абсолютной монархіи въ Россіи.

I. Ѳ. Прокоповичъ.

Въ своемъ качествѣ духовнаго лица Прокоповичъ не скупился на тексты. Онъ ссылается на слова апостола Петра: „Повинитеся всякому человѣчу созданію Господа ради: аще Царю яко преобладающу: аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ, по отмщеніе убо злодѣемъ, похвалу же благотворцемъ. Яко тако есть воля Божія, благотворящымъ обуздовати безумныхъ человѣкъ невѣжество". Не забываетъ онъ, конечно, и знаменитыхъ словъ апостола Павла: („Учителя народовъ"): „Всяка душа властемъ предержащымъ да повинуется. Нѣсть бо власть аще не отъ Бога: сущыя же власти отъ Бога учинены суть" [1]).

Чтобы не было никакихъ сомнѣній относительно того, какого именно повиновенія властямъ требуетъ апостолъ, Прокоповичъ поясняетъ, что „не ради страха, но и за совѣсть повиноватися долженствуемъ". Затѣмъ онъ обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на то, какъ старательно отстаиваетъ апостолъ Павелъ царскую власть: „Рекль бы еси, что отъ самого Царя посланъ былъ Павелъ на сію проповѣдь, такъ прилѣжно и домогательно увѣщаваетъ аки млатомъ толчетъ, тожде паки и паки повторяетъ". Но христіане не должны думать, будто Павелъ хотѣлъ угодить предержащимъ властямъ: „не тождесловіе тщетное се, по данной бо себѣ премудрости учитъ, не ласкательство се; ни человѣкоугодникъ бо, но избранный сосудъ Христовъ глаголетъ; но да чувственныхъ и бодрыхъ христіанъ сотворитъ, и да не попуститъ ниже мало дремати всѣмъ, такъ подвижно долбетъ. И молю всякаго разсудить, чтобъ вящше моглъ рещи самый вѣрнѣйшій министръ царскій?" [2]).

Но оказывается, что вѣрнѣйшій министръ царскій могъ бы „рещи" и другое. Такъ думаетъ, повидимому, самъ Прокоповичъ, потому что, не довольствуясь доводами отъ писанія, онъ выдвигаетъ въ защиту царской власти еще доводы отъ естественнаго права. И замѣчательно, что наиболѣе выдающійся публицистъ эпохи Петра ссылается на естественное право раньше, нежели на писаніе; недаромъ ревнители православія считали его малонадежнымъ богословомъ.

„Вопросимъ первѣе, самаго естества нашего, что намъ скажетъ о семъ; ибо кромѣ писанія, есть въ самомъ естествѣ законъ

---

[1]) „Слово въ недѣлю цвѣтную о власти и чести царской, яко отъ самаго Бога въ мірѣ учинена есть, и како почитати Царей, и онымъ повиноватися людіе долженствуютъ; кто же суть, и колікій имѣетъ грѣхъ противляющійся имъ". (Слова и Рѣчи, I, стр. 249—250.)

[2]) Тамъ же, стр. 250—251.

отъ Бога положенный", говоритъ онъ. Естественные законы требуютъ отъ насъ, чтобы мы любили и боялись Бога, охраняли свою жизнь, не дѣлали другимъ, чего не желаемъ себѣ, почитали своихъ родителей и т. п. О существованіи этихъ законовъ свидѣтельствуетъ наша совѣсть. Но къ ихъ числу принадлежитъ и тотъ, который предписываетъ намъ подчиненіе предержащей власти. Больше того: это—самый главный изъ нихъ: „Ибо понеже съ стороны одной велитъ намъ естество любити себѣ, и другому не творити, что намъ не любо, а съ другой стороны злоба рода растлѣннаго разоряти законъ сей не сумнится: всегда и вездѣ желателенъ былъ стражъ и защитникъ, и силный поборникъ закона, и той есть державная власть" [1]).

Это не весьма убѣдительно, такъ какъ отъ желательности стража, защитника и сильнаго поборника закона, еще очень далеко до необходимости деспотизма, завѣщаннаго московскими царями первому всероссійскому императору и еще болѣе утвержденному этимъ послѣднимъ. Θеофанъ говоритъ, что если бы кто-нибудь былъ лишенъ защиты со стороны стража и поборника закона, то люди очень скоро дали бы ему понять, какъ худо жить безъ власти. На это можно опять возразить, что власть власти рознь, и что польза приносимая **властью** еще не доказываетъ **преимущества самовластія**. Какъ человѣкъ, несомнѣнно очень умный, Прокоповичъ, вѣроятно, и самъ болѣе или менѣе смутно сознавалъ слабость этого довода. Поэтому онъ нашелъ нужнымъ подкрѣпить его повѣстью о Вейдевутѣ, „первомъ прусскомъ и жмудскомъ властелинѣ". Страдая отъ внѣшнихъ враговъ и отъ собственныхъ междоусобій, народъ, еще не бывшій подъ властью Вейдевута, обратился къ нему за совѣтомъ, какъ быть. Вейдевутъ сказалъ: „вамъ жилось бы хорошо, если бы вы не были глупѣе своихъ пчелъ". Народъ, разумѣется, этого не понялъ, и тогда мудрецъ такъ пояснилъ свою мысль: „пчелы, малыя и безсловесныя мухи, имѣютъ Царя, вы же человѣцы не имѣете". Теперь все стало понятно, и мысль Вейдевута такъ понравилась народу, что тотъ немедленно сдѣлалъ его своимъ государемъ. Эта ребяческая повѣсть тоже совсѣмъ не убѣдительна. Но довольный ею краснорѣчивый проповѣдникъ не долго останавливается на ней; онъ спѣшитъ вернуться назадъ и повторяетъ, что весь міръ свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени нужна власть. Послѣ этого онъ считаетъ вопросъ окончательно исчерпаннымъ. „Извѣстно убо имамы,—возвѣщаетъ онъ,—яко власть верховная отъ самаго естества начало и вину пріемлетъ". Теперь

---

[1]) Тамъ же, стр. 245, 246.

ему остается только перейти отъ естественнаго права къ богословію. Переходъ изъ одной области въ другую совершается съ помощью того соображенія, что естественный законъ написанъ въ сердцахъ людей Богомъ, создателемъ естества. Воля Бога и поясняется ссылками на писанія, въ родѣ указанныхъ мною выше.

Приводя примѣры изъ исторіи церкви, Прокоповичъ указываетъ на то, что христіане считали себя обязанными повиноваться даже языческимъ царямъ. Тѣмъ болѣе обязательно повиновеніе царямъ христіанскимъ. Но свѣтскіе подданные Петра кажутся ему болѣе склонными къ повиновенію, нежели духовенство. И вотъ, онъ находитъ нужнымъ остановиться на вопросѣ объ отношеніи духовной власти къ свѣтской.

Есть люди,—и ихъ, по словамъ Прокоповича, много,—которые думаютъ, что священство и монашество не обязано подчиняться царю. Нашъ проповѣдникъ энергично возстаетъ противъ этого мнѣнія. Онъ восклицаетъ: „Се тернъ, или паче рещи, жало, но жало се зміино есть, Папѣжскій се духъ“ [1]).

Прокоповичъ утверждаетъ,—и это одна изъ самыхъ любимыхъ его мыслей,—что духовенство не должно составлять государства въ государствѣ. Оно имѣетъ свое особое дѣло, подобно тому, какъ имѣютъ его военные люди, гражданскіе чиновники, врачи, разнаго рода художники. Имѣя особое дѣло, духовенство составляетъ особый чинъ въ государствѣ. Но какъ и всѣ другіе чины, оно обязано покоряться „державнымъ властямъ“. Это ниже подтверждается ссылкой на писаніе: „устроевая Богъ Моисея вождемъ быти Ісраілю, егда посылаетъ его къ фараону и придаетъ въ помощь Аарона, на священство намѣреннаго, заповѣдуетъ Моисею, да будетъ въ Бога Аарону“; левиты всегда подчинялись израильскимъ царямъ; самъ Господь (т.-е. Іисусъ) „даде властямъ дань отъ себе“ и т. д. и т. д. [2]).

Въ своемъ огромномъ большинствѣ духовенство, особенно великорусское, было противъ Петровской реформы. Петръ и его единомышленники боялись, что оно станетъ толкать народъ на открытое сопротивленіе преобразованіямъ. Они еще не знали, до чего лишена была наша духовная власть всякой возможности, а оттого и всякой склонности вступать въ рѣшительную борьбу со свѣтской властью. Духовенство въ своей оппозиціи реформѣ не пошло дальше тѣхъ выходокъ, которыя иногда позволялъ себѣ въ своихъ проповѣдяхъ брюзгливый мѣстоблюститель патріаршаго престола. „Папежскаго“ взгляда на политическую власть

---

[1]) Тамъ же, стр. 257.

[2]) Тамъ же, стр. 258.

у нашего духовенства не было и быть не могло. Въ дѣйствительности оно уже давно составляло не болѣе, какъ особый чинъ въ государствѣ: чинъ „государевыхъ богомольцевъ“. Но такъ какъ въ дѣятельности Петра еще ярче, нежели въ дѣятельности его предшественниковъ, выразилось стремленіе русскихъ государей совершенно подчинить себѣ своихъ богомольцевъ, то естественно, что при немъ большее, чѣмъ прежде, число „большихъ бородъ“ (его собственное выраженіе) было недовольно. Съ недовольными легко справлялись не только въ царствованіе энергичнаго Петра, но и въ царствованіе его гораздо менѣе энергичныхъ преемниковъ: „ребелизантами“ они никогда не становились. Но для „ученой дружины“ очень характерно то обстоятельство, что она, не только въ лицѣ Прокоповича, безусловно осуждала всякую оппозицію „большихъ бородъ“.

„Ученость“ этой „дружины“ существенно отличалась отъ учености московскихъ столповъ церкви. Большія бороды въ лучшемъ случаѣ были свѣдущими начетчиками, т.-е. обладали извѣстнымъ запасомъ начитанности въ области религіозной литературы. О сколько-нибудь серьезномъ, научномъ или философскомъ образованіи этихъ благочестивыхъ людей не могло быть и рѣчи. Но люди, въ родѣ Прокоповича, Татищева, Кантемира, обладали значительнымъ образованіемъ. Извѣстно, что Прокоповичъ изучалъ въ Римѣ свѣтскую литературу, исторію и философію. Датскій путешественниковъ фонъ-Гавенъ, познакомившійся съ нимъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти, далъ о немъ слѣдующій интересный отзывъ:

„Этотъ превосходный человѣкъ по знаніямъ своимъ не имѣетъ себѣ почти никого равнаго, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословія и философіи, онъ имѣетъ глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанную охоту къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять, кромѣ русскаго,—и только въ крайнихъ случаяхъ объясняется на латинскомъ, въ которомъ не уступитъ любому академику. Онъ особенно вѣжливъ и услужливъ со всѣми иностранными литераторами и вообще съ иноземцами; со смертью его должно прекратиться множество въ высшей степени полезныхъ дѣлъ“ [1]).

Другой иностранецъ, Рибейра,—католическій монахъ и, стало быть, человѣкъ скорѣе предубѣжденный противъ Прокоповича,

[1]) Цит. у П. Морозова: „Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель“, стр. 392. (Сравни также И. Чистовича, назв. сочиненіе, стр. 627—628.) Г. П. Морозовъ поправляетъ свидѣтельство фонъ-Гавена, замѣчая, что изъ иностранныхъ языковъ Прокоповичъ зналъ только итальянскій и польскій.

не разъ рѣзко отзывавшагося о католикахъ въ своихъ проповѣдяхъ и книгахъ,—говоритъ: „Если его слѣдуетъ порицать за что-либо, такъ это за его религіозныя убѣжденія, если онъ ихъ вообще имѣетъ. Его библіотека, открытая для ученыхъ, значительно превосходитъ императорскую и библіотеку Троицкаго монастыря; по своему богатству она не имѣетъ себѣ равныхъ въ Россіи, странѣ, бѣдной книгами“ [1]).

Какъ видимъ, испанскій монахъ Рибейра не былъ увѣренъ, что у Прокоповича были какія-нибудь религіозныя убѣжденія. Русское же духовенство упрекало его въ непростительной слабости къ протестантизму. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно: міросозерцаніе Прокоповича въ значительной степени свободно было отъ византійской окраски, которая такъ высоко цѣнилась московскими начетчиками. Въ этомъ міросозерцаніи былъ силенъ тотъ свѣтскій элементъ, который и возбуждалъ неудовольствіе „большихъ бородъ“. Сохранился анекдотъ о томъ, какъ одинъ изъ архіереевъ хотѣлъ обличить передъ Петромъ Ѳеофана въ грѣховномъ пристрастіи къ музыкѣ.

Согласно доносу архіерея, Прокоповичъ не только самъ наслаждался музыкой, но и угощалъ ею иностранныхъ министровъ („нехристей“). Петръ сказалъ доносчику: „хорошо, поѣдемъ, батюшка, къ нему съ тобою и увидимъ, правда ли то“. Подъѣхавъ къ дому грѣшника, они дѣйствительно услышали звуки музыки. Дальше пусть разсказываетъ лицо, сохранившее этотъ анекдотъ.

„Государь съ архіереемъ вошли въ собраніе. Случилось такъ, что хозяинъ въ то самое время держалъ въ рукѣ кубокъ вина; но увидя Государя, далъ знать, чтобы музыка замолкла и, поднявъ руку, громогласно произнесъ: се женихъ грядетъ въ полунощи и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща, недостоинъ же, его же обрящетъ унывающа. Здравствуй, всемилостивѣйшій Государь! Въ ту же минуту подносится всѣмъ присутствующимъ по такому же бокалу вина, и всѣ пьютъ за здоровье его величества. Государь, обратившись къ сопровождавшему его архіерею, сказалъ: „ежели хотите, то можете остаться здѣсь; а буде не изволите, то имѣете волю ѣхать домой, а я побуду съ столь пріятной компаніей“ [2]).

Доносчикъ-архіерей, вѣроятно, имѣлъ очень жалкій видъ, когда возвращался домой, оставивъ Петра въ „пріятной компаніи“ Ѳеофана Прокоповича и его иностранныхъ гостей. Ѳеофанъ тоже дослужился до высокаго духовнаго сана: онъ былъ сна-

[1]) П. Морозовъ, тамъ же, стр. 393.

[2]) Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, т. XV, стр. 212; цит. у Чистовича, назв. соч., стр. 628—629.

чала псковскимъ, а потомъ новгородскимъ архіереемъ. Но, при своемъ образованіи и при своихъ привычкахъ, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, совсѣмъ неуютно чувствовалъ себя въ духовной средѣ. Уже одного этого было достаточно, чтобы побудить его принять сторону Петра въ его борьбѣ съ оппозиціей духовенства.

Во взглядахъ другихъ членовъ „ученой дружины“ свѣтскій элементъ былъ еще сильнѣе, нежели во взглядахъ Прокоповича. Какъ мы это скоро увидимъ, Татищевъ былъ сильно предубѣжденъ противъ духовенства. Нѣкоторые подозрѣвали его въ „аѳеизмѣ“. Самъ Ѳеофанъ, поддерживавшій съ нимъ пріятельскія отношенія, смущался подчасъ его „злорѣчіемъ“ по адресу нѣкоторыхъ священныхъ книгъ [1]). Весьма понятно, что при такомъ отношеніи къ духовенству, „ученая дружина“ не расположена была ставить его выше другихъ „чиновъ“ въ государствѣ.

Менѣе понятно то, что Прокоповичъ, при всемъ своемъ образованіи, сумѣлъ выставить въ пользу самодержавія лишь очень мало убѣдительные доводы. Не возвращаясь болѣе къ его „Слову о власти и чести царской“ и къ др. „Словамъ“, я отмѣчу здѣсь еще одно его соображеніе въ пользу абсолютизма, заключающее въ себѣ сущность всѣхъ остальныхъ.

Оно было высказано Прокоповичемъ уже по смерти Петра и сводится вотъ къ чему: „Русскій народъ таковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ, а если каковое нибудь иное владѣнія правило воспріиметъ, содержаться ему въ цѣлости и благости отнюдь не возможно“ [2]).

Соображеніе это такъ же бѣдно теоретическимъ содержаніемъ, какъ и доводы московскихъ людей, въ началѣ XVII в. отстаивавшихъ передъ полякомъ Маскѣвичемъ преимущество деспотизма. Однако оно поучительно именно крайней убогостью своего теоретическаго содержанія. Его убогость показываетъ, что не западная наука, а тогдашняя россійская дѣйствительность побуждала Прокоповича отстаивать самодержавіе. Дѣйствительность эта привела „ученую дружину“ къ тому убѣжденію, что самой надежной опорой ея просвѣтительныхъ стремленій является рука склоннаго

---

[1]) Одинъ изъ споровъ съ Татищевымъ далъ Ѳеофану поводъ написать разсужденіе: „О книгѣ Соломоновой, нарицаемой Пѣсни пѣсней“. (И. Чистовичъ, назв. сочин., стр. 613—614.)

[2]) Это соображеніе высказано Прокоповичемъ въ его описаніи „затѣйки“ верховниковъ. Мы еще вернемся къ этому описанію, когда будемъ говорить о „затѣйкѣ“. Оно напечатано въ приложеніи къ сдѣланному Д. Языковымъ переводу „Записокъ Дюка Лирійскаго и Бервикскаго“, Спб., 1845 г. Приводимое мною соображеніе Прокоповича находится на стр. 919.

къ просвѣщенію государя. Не въ интересахъ „ученой дружины“ было вырывать изъ этой руки чудотворный „Прутъ Моисея“.

Разумѣется, дѣло тутъ не въ однихъ просвѣтительныхъ стремленіяхъ. При Петрѣ I „порода“ давала дорогу выслугѣ („чину“). При Петрѣ II порода сдѣлала попытку вернуть хоть нѣкоторыя потерянныя ею позиціи. Положеніе „ученой дружины“ сдѣлалось тогда весьма затруднительнымъ. Къ этому времени относится полное грусти поэтическое,—т.-е., точнѣе, лишь болѣе или менѣе поэтическое,—произведеніе Ѳеофана: „Плачетъ пастушокъ въ долгомъ ненастіи“. Оно недурно выражаетъ тогдашнее настроеніе нашихъ просвѣтителей. Ѳеофанъ жалуется:

Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ?
Коли явится милость прещедра
Небесъ ясныхъ?
Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно,
Все ненастье,
Нѣтъ и надежды, многобѣдно [1]) мое счастье;
Хотя-жъ малую явитъ отраду
И поманитъ,
И будто нѣчто польготитъ стаду
Да обманетъ.

Находясь въ такомъ положеніи, оставалось уповать лишь на то, что со временемъ опять воцарится лицо, умѣющее надлежащимъ образомъ употреблять въ дѣло „Моисеевъ Прутъ“. Понятно, поэтому, что Прокоповичъ и его единомышленники всѣми силами должны были противиться всякимъ попыткамъ такъ или иначе укоротить чудотворный инструментъ.

На „Моисеевъ Прутъ“ возлагали большія надежды даже французскіе просвѣтители второй половины XVIII столѣтія, т.-е. люди, воспитавшіеся въ исторической обстановкѣ, мало похожей на русскую. Вѣра въ просвѣщенный деспотизмъ была сильна и широко распространена во все продолженіе того вѣка. Вольтеръ умѣлъ говорить прекрасные комплименты государямъ-„философамъ“. Говаривалъ ихъ и даже Дидро, не рожденный для роли друга царей.

---

[1]) Какъ малороссъ, Прокоповичъ произносилъ: многобидно. Выраженіе „пастушокъ“, какъ кажется, нерѣдко употреблялось тогда нашими духовными для обозначенія пастыря церкви. Пекарскій (Наука и литература, I, стр. 368, 370) приводитъ стихотвореніе, написанное въ честь Петра I валдайскимъ священникомъ Михаиломъ и подписанное: „Пастушокъ Михаилъ валдайскій“. Тотъ же изслѣдователь указываетъ, что въ своихъ письмахъ къ Петру Яворскій часто подписывался: „Стефанъ—пастушокъ рязанскій“.

Но мы уже знаемъ, что русскій абсолютизмъ значительно отличался отъ западно-европейскаго. Такъ какъ Петровская реформа не только не уничтожила отличительныхъ чертъ русскаго соціально-политическаго строя, а напротивъ, довела ихъ до крайности, то русскимъ сторонникамъ просвѣщеннаго деспотизма пришлось мириться съ такими пріемами управленія, которыя не имѣли ровно ничего общаго съ просвѣщеніемъ. Петру принадлежитъ выраженіе: „мы—новые люди во всемъ". Но въ управленіи онъ сохранилъ очень много стараго. И какого! Если страшный Ромодановскій, по его собственному выраженію, умывался кровью въ Преображенскомъ, то это было совершенно въ духѣ Петровскаго царствованія. Ѳеофанъ Прокоповичъ прекрасно зналъ о кровавыхъ расправахъ царя и... разрѣшалъ его,—какъ превосходно замѣтилъ г. П. Морозовъ,—„на вся". И не только съ кровавыми расправами надо было мириться русскимъ поклонникамъ „Моисеева Прута"; расправамъ предшествовали доносы; и новые доносы вырастали въ процессѣ расправъ. А такъ какъ всякое положеніе имѣетъ свою внутреннюю логику, то вождю „ученой дружины" пришлось самому упражняться въ доносахъ, разбиравшихся въ застѣнкѣ. Въ борьбѣ со старо-церковной партіей,—особенно въ мрачную эпоху Дирина,—нашъ „пастушокъ" показалъ, что онъ обладалъ не только весьма пушистымъ лисьимъ хвостомъ, но также и очень острыми волчьими зубами. „Священниковъ и монаховъ какъ мушекъ давили, казнили, разстригали,—говоритъ одинъ позднѣйшій проповѣдникъ, вспоминая объ этой эпохѣ,—непрестанныя почты водою и сухимъ путемъ—куды? зачѣмъ? священниковъ, монаховъ и благочестивыхъ въ Охотскъ, въ Камчатку, въ Оренбургъ отвозятъ... Была година темная". П. Морозовъ, у котораго я заимствую эти слова позднѣйшаго проповѣдника, прибавляетъ къ нимъ: „главнымъ дѣятелемъ этой темной годины былъ Ѳеофанъ" [1]). Отводя Ѳеофану первое мѣсто, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду сферу церковнаго управленія. Однако для характеристики вождя „ученой дружины" достаточно первенства въ дѣлѣ сыска и жестокихъ расправъ хотя бы и въ одной только сферѣ.

Конечно, „благочестивые люди", такъ сильно страдавшіе отъ просвѣщеннаго „пастушка", сами ровно ничего не имѣли ни противъ сыска, ни противъ застѣнка... если могли воспользоваться ими для своихъ цѣлей. И не только ничего не имѣли противъ нихъ, но и на самомъ дѣлѣ прибѣгали къ нимъ въ борьбѣ съ тѣмъ же Прокоповичемъ. Они, въ свою очередь, заставили его

---

[1]) Назв. соч., стр. 357.

пережить много тяжелыхъ минутъ. Но вѣдь то были сторонники застоя, а Прокоповичъ, вмѣстѣ со всей „ученой дружиной“, стремился впередъ, хотѣлъ распространять просвѣщеніе!

Г. П. Морозовъ превосходно выяснилъ, что отвратительные поступки Прокоповича подсказывались ему строгой логикой его положенія.

„Признавая дальнѣйшее развитіе Россіи возможнымъ только въ томъ направленіи, какому онъ былъ всецѣло преданъ, и какое было дано Петромъ, слѣдовательно, исходило отъ правительства, Ѳеофанъ является безусловнымъ сторонникомъ правительства, хотя бы даже бироновскаго. Во всѣхъ его разсужденіяхъ этого времени видно развитіе силлогизма: мѣропріятія Петра Великаго имѣли цѣлью народное благосостояніе; эти мѣры не отмѣнены, а напротивъ, охраняются правительствомъ; слѣдовательно, Россія благоденствуетъ; утверждать противное могутъ только „свербоязычные буесловцы“, которыхъ слѣдуетъ уничтожить, какъ враговъ государства. Роль офиціальнаго публициста, взятая на себя Прокоповичемъ,—роль, которой онъ не покидалъ до конца своей жизни, не допускала иной линіи разсужденій. Достаточно вспомнить, что въ самую блестящую эпоху его дѣятельности ни одного печатнаго листа не выходило безъ высочайшаго повелѣнія, ни о какой гласности, кромѣ офиціальной, не было и рѣчи, а „обмѣнъ мыслей“ происходилъ только въ Преображенскомъ приказѣ,—достаточно вспомнить все это, чтобы понять, почему Ѳеофанъ Прокоповичъ не могъ разсуждать иначе“ [1]).

Теперь я попрошу читателя вникнуть въ слѣдующій отрывокъ изъ проповѣди противника Прокоповича, Степана Яворскаго, произнесенной еще въ 1708 г.

Выше мнѣ уже приходилось ссылаться на эту проповѣдь. Яворскій тоже выступалъ въ ней защитникомъ Петровской реформы. Но здѣсь для насъ интересно то, что и Яворскій, не одобрявшій многихъ дѣйствій Петра, настойчиво и по-своему образно предостерегалъ Россію отъ всякой мысли о сопротивленіи власти государя.

„Нагружай корабли различными товарами и въ различныхъ государствахъ куплю дѣйствуй, продавай, купуй, богатися,—гремитъ онъ, обращаясь къ Россіи,—только блюдися, мати моя, блюдися, раю мой прекрасный, ползущихъ зміевъ, то-есть бунтовщиковъ, которыи по подобію змія райскаго на зло подущаютъ и шепчутъ въ уши неосторожныхъ, глаголюще: никакоже умрете,

[1]) Назв. сочин., стр. 360.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

но будете яко бози, точію пожелайте высочайшія власти. Таковыхъ ты зміевъ и скорпіевъ вселютѣйшихъ блюдися, раю прекрасный, и бѣсовскимъ словесамъ не вѣруй, что глаголютъ. Ложь есть ложь. Погибнутъ и зміе прелщающіи, погибнутъ и прелщенныи и въ яму юже сдѣлаша впадутъ, а тебе, раю мой, аще имъ уха приклониши, великаго бѣдства набявятъ. Не тако бо бѣдствіямъ вредъ наносятъ, врази посторонніи, яко врази домашніи“ [1]).

Какъ по формѣ, такъ и по содержанію этотъ отрывокъ вполнѣ равноцѣненъ съ нападками Прокоповича на противниковъ царской власти и на критиковъ Петровыхъ дѣйствій, „свербоязычныхъ буесловцевъ“. А это значитъ, что въ политическомъ отношеніи вождь ученой дружины ни на шагъ не подвинулся дальше той точки, на которой стоялъ его непримиримый противникъ Яворскій, склонный къ консерватизму и лишь съ большими оговорками одобрявшій реформу.

Скажу больше. Нашъ просвѣщенный западникъ въ политическомъ отношеніи ни на шагъ не подвинулся дальше Іванца Пересвѣтова, тоже бывшаго, какъ помнитъ читатель, убѣжденнымъ сторонникомъ монархизма въ его восточной безпредѣльности. Но Пересвѣтовъ выдвигалъ вопросъ объ освобожденіи кабальныхъ холоповъ. Онъ разсказывалъ, что въ Византіи, при царѣ Константинѣ, лучшіе люди порабощены были въ неволю, вслѣдствіе чего противъ недруга крѣпкаго бою не держали и съ бою утекали, а когда получили свободу, сдѣлались храбрыми воинами. Передъ Прокоповичемъ никогда не вставали подобные соціальные вопросы. Положеніе народной массы, невѣроятно дорого заплатившей за преобразованіе Россіи, интересовало его, какъ видно, меньше, чѣмъ нѣкоторыхъ современныхъ ему прожектеровъ или членовъ Верховнаго Тайнаго совѣта, которыхъ крайняя бѣдность крестьянства безпокоила хотя бы по той причинѣ, что „когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата“.

II. В. Н. Татищевъ [2]).

Несмотря на свои пріятельскія отношенія къ Татищеву, Прокоповичъ былъ довольно сильно раздраженъ его рѣзкимъ и смѣлымъ сужденіемъ о книгѣ „Пѣснь Пѣсней“ [3]). Написанное „дивнымъ“

[1]) Цитир. у Морозова, назв. соч., стр. 86—87.

[2]) Родился въ 1686 г., умеръ въ 1750 г.

[3]) Оно состояло въ томъ, что Соломонъ написалъ названную книгу, „распалясь похотью къ невѣстѣ своей, царевнѣ египетской“, и что поэтому въ ней говорится исключительно о „плотскихъ любезностяхъ“.

„первосвященникомъ“ разсужденіе объ этой книгѣ направлено было противъ „неискусныхъ и малоразсудныхъ мудрецовъ, легко о книгѣ сей разсуждающихъ“ (собственныя слова Прокоповича). Это сердито, но, какъ отзывъ о Василіи Никитичѣ Татищевѣ, совершенно несправедливо.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ богословіи Василій Никитичъ былъ „неискусенъ“. Но „малоразсуднымъ“ онъ не являлся никогда и нигдѣ. „Разсудность“ составляетъ главную отличительную черту его мышленія. Въ ней заключается какъ сильная, такъ и слабая его сторона. Къ тому же онъ, подобно Прокоповичу, былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ русскихъ людей своего времени. Въ составъ его обширной библіотеки входили: „Гобезіевъ“ Левіаѳанъ, книга Локка „О правленіи гражданскомъ“, сочиненія Маккіавелли, Декарта, Ньютона, Галилея и т. п. [1]). Онъ былъ знакомъ съ сочиненіями Бейля [2]). Въ русской исторіи, географіи и въ исторіи русскаго права онъ выступилъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ. Вообще ему была недурно извѣстна философская и политическая литература того времени [3]). И именно потому, что онъ былъ, вѣроятно, „неискусенъ“ въ богословіи, его міросозерцаніе имѣло передъ міросозерцаніемъ Прокоповича то огромное преимущество, что было совсѣмъ свободно отъ схоластическаго сора и отличалось совершенно свѣтскимъ характеромъ.

Эта сторона его взглядовъ дѣлаетъ его однимъ изъ самыхъ интересныхъ представителей того типа русскихъ людей, который сложился подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петровской реформы.

Въ Московской Руси образованіе имѣло „духовный“ характеръ и, за самыми рѣдкими исключеніями, составляло монополію духовенства, учившагося рѣдко, мало и неохотно [4]). Петров-

---

[1]) Н. Поповъ. Татищевъ и его время. Спб., 1861, стр. 433.

[2]) Тамъ же, стр. 464.

[3]) Правда, Татищевъ говоритъ о себѣ, что онъ „въ философіи неученъ“. Но это, безъ сомнѣнія, излишняя скромность. Между философами едва ли не наибольшимъ его уваженіемъ пользовался Христіанъ Вольфъ. Вольфу же слѣдовалъ онъ и въ томъ, что касается „до начала сообществъ, порядковъ, правительствъ и должности правителей и подданныхъ“. Къ политическимъ ученіямъ Маккіавелли, „Гоббезія“ и Локка онъ относился отрицательно.

[4]) „Старинную до-петровскую нашу образованность можно весьма вѣрно опредѣлить тѣмъ же словомъ, которымъ она сама себя опредѣлила: книжность—книжность именно въ томъ частномъ смыслѣ, въ какомъ она означаетъ только начитанность. Главный характерь этой книжности былъ духовный, церковный, потому что и самое слово книга означало въ древнее время единственно только священное писаніе и книги церковныя вообще. Съ теченіемъ времени, особенно къ концу XVII столѣтія, въ эту

ская реформа такъ или иначе отдала въ ученье новый общественный классъ и, заставивъ его пріобрѣтать знанія, относящіяся къ земной, а не къ небесной жизни, привила своимъ лучшимъ дѣятелямъ твердое убѣжденіе въ томъ, что учиться надо постоянно, много и усердно. „Ученая дружина“ съ жаромъ отстаивала это убѣжденіе, преимущественно налегая на свѣтскія науки. Въ этомъ отношеніи сходились между собой всѣ сторонники реформы, ознакомившіеся съ западнымъ просвѣщеніемъ. Еще Ѳ. Салтыковъ совѣтовалъ Петру замѣнить, при обученіи грамотѣ, духовныя книги „гисторіями универсальными и партикулярными“, которыя слѣдовало для этой цѣли перевести на русскій языкъ [1]).

Въ своемъ „Разговорѣ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ“, написанномъ въ 1733 г. и потомъ подвергавшемся дальнѣйшей обработкѣ, Татищевъ исходитъ изъ того положенія, что „истинное увеселеніе въ дѣтяхъ есть разумъ“, а чтобы ребенокъ разуменъ былъ, надобно ему прежде учиться. Мы находимъ въ „Разговорѣ“ цѣлую и притомъ широкую программу тѣхъ свѣдѣній, пріобрѣтеніе которыхъ настоятельно рекомендуется Татищевымъ. И хотя, въ своемъ качествѣ „птенца Петрова“, Татищевъ смотритъ на науку преимущественно,—чтобы не сказать исключительно,—съ точки зрѣнія пользы [2]), однако предлагаемая имъ программа уже одной своей широтою даетъ понять, какъ велико было разстояніе, отдѣлившее образованныхъ людей Петровской эпохи отъ начетчиковъ Московской Руси. Въ такой же мѣрѣ замѣчательна

книжность вошли нѣкоторые посторонніе предметы, сочиненія историческія (хронографы), географическія (космографіи), средневѣковые повѣсти, романы; но они, по существу своему, не въ силахъ были измѣнить общаго направленія книжности, ибо это не была наука, а были отрывочныя, безсвязныя свѣдѣнія, исполненныя средневѣковыхъ басенъ“. И. Забѣлинъ, Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи. „Отечественныя Записки“, 1856 г., кн. 2, стр. 12—18.

1) Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ, стр. 24.

2) Зачѣмъ нужно изучать географію? „Землеописаніе или географія показуетъ не токмо положеніе мѣстъ, дабы въ случаѣ войны и другихъ приключеній знать всѣ онаго (государства *Г. П.*) во укрѣпленіяхъ и проходахъ способности и невозможности, притомъ нравы людей, природное состояніе воздуха и земли, довольство плодовъ и богатствъ, избытчество и недостатки во всякихъ вещахъ, наипаче же собственнаго отечества, потомъ пограничныхъ, съ которыми часто нѣкоторыя дѣла, яко надежду къ помощи и опасность отъ ихъ нападенія имѣемъ, весьма обстоятельно знать, дабы въ государственномъ правленіи и совѣтахъ, будучи о всемъ со благоразуміемъ, а не яко слѣпой о краскахъ разсуждать мочь“.—Слѣдуетъ ли знать физику? Слѣдуетъ: „весьма полезно знать свойства вещей по естеству, что изъ чего состоитъ, по которому разсуждать можно, что изъ того происходитъ и приключается, а черезъ то многія будущія обстоятельства разсудить и себя отъ вреда предостерегать удобно“ и т. д. и т. д. („Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ“, съ предисловіемъ и указателями Нила Попова. Москва, 1887 г., стр. 81—82.)

эта программа тѣмъ, что въ ней какъ нельзя болѣе ясно обнаруживается чисто свѣтскій взглядъ ея составителя на науки и просвѣщеніе. Примѣръ Татищева показываетъ, что Петровская реформа положила конецъ преобладанію теологическаго элемента въ міросозерцаніи наиболѣе образованныхъ людей Россіи.

Не мѣшаетъ отмѣтить, что Татищевъ былъ вообще мало расположенъ къ духовенству. Вліяніе этого сословія на ходъ общественнаго развитія представлялось ему скорѣе вреднымъ, нежели полезнымъ. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что на Руси уже со времени распространенія христіанства существовали многія училища, въ которыхъ изучались даже греческій и латинскій языки. Но татарское иго, ослабившее власть государей, увеличило значеніе духовныхъ, а этимъ послѣднимъ „для пріобрѣтенія большихъ доходовъ и власти полезнѣе явилось народъ въ темнотѣ невѣдѣнія и суевѣрія содержать; для того все ученіе въ училищахъ и въ церквахъ пресѣкли и оставили“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ, оспаривая то мнѣніе, что наука подрываетъ вѣру, говоритъ, что защищать его могутъ только „невѣжды и невѣдующіе, въ чемъ истинная философія состоитъ“, или же „злоковарные нѣкоторые церковнослужители“, въ интересахъ своего сословія стремящіеся къ тому, „чтобы народъ былъ неученый и ни о коей истинѣ разсуждать имущей (т.-е. могущій. *Г. П.*), но слѣпо бы и раболѣпно ихъ разсказамъ и повелѣніямъ вѣрили“ [2]). Тутъ Татищевъ прибавляетъ, можетъ быть, отчасти по соображеніямъ осторожности, что особенно сильно враждовало съ просвѣщеніемъ римско-католическое духовенство: „наиболѣе же всѣхъ архіепископы римскіе въ томъ себя показали и большой трудъ къ приведенію и содержанію народовъ въ темнотѣ и суевѣріи прилагали“ [3]).

Эти упреки духовенству заслуживаютъ большого вниманія. Уже Московская Русь знала, какъ мы видѣли въ первомъ томѣ, антагонизмъ между служилыми людьми, съ одной стороны, и духовенствомъ, съ другой. Источникомъ этого антагонизма служилъ земельный вопросъ, бывшій важнѣйшимъ экономическимъ, а потому и самымъ жгучимъ политическимъ вопросомъ въ тогдашнемъ Московскомъ государствѣ. Духовенство старалось сохранить и расширить свои земельныя имущества. Служилые люди были, наоборотъ, сильно заинтересованы въ томъ, чтобы имущества эти перешли въ распоряженіе государя, награждавшаго

[1]) Н. Поповъ, назв. соч., стр. 514.
[2]) „Разговоръ“, стр. 58.
[3]) „Разговоръ“, стр. 58.

своихъ „холоповъ“ помѣстьями. Антагонизмъ этотъ перешелъ и въ Петровскую Русь. Его легко подмѣтить въ той готовности, съ какой служилые люди этой Руси поддерживали всѣ мѣропріятія правительства, направленныя къ ограниченію политическаго вліянія, а особенно имущественныхъ правъ церкви. Но ярче всего обнаружился онъ въ настроеніи „птенцовъ Петровыхъ“.

Нашего автора очень интересовалъ вопросъ объ употребленіи монастырскихъ доходовъ. Онъ съ большой похвалой отзывается о тѣхъ указахъ Петра, которыми повелѣвалось по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ заводить училища и содержать ихъ на счетъ монастырей. По его словамъ, у монастырей немало „излишнихъ сверхъ необходимо нужныхъ на церкви“ доходовъ. Ихъ будетъ достаточно для содержанія училищъ, а „Богу пріятно, что такіе туне гиблющіе доходы не на что иное, какъ въ честь Богу и пользу всего государства употреблять“ [1]).

Еще Ивану III нравилась та мысль, что Богу будетъ пріятно, если монастырскія земли окажутся отписанными на Московскаго государя. Ему не удалось осуществить эту благочестивую мысль. Въ его лицѣ государство принужденно было вступить въ сдѣлку съ духовенствомъ. Оно на время отказалось отъ своего намѣренія наложить руку на монастырскія имѣнія, довольно щедро вознаградивъ себя за такой отказъ планомѣрнымъ и все болѣе дѣятельнымъ вмѣшательствомъ въ имущественныя дѣла церкви. При Петрѣ и послѣ него вмѣшательство центральной власти въ эти дѣла сдѣлалось прямо-таки угрожающимъ. Но и при немъ до окончательной развязки было еще далеко. Хотя Петръ тоже очень не прочь былъ „въ честь Богу“ экспропріировать духовенство, однако это оказалось возможнымъ только при Екатеринѣ II. Духовенство было слишкомъ полезнымъ орудіемъ центральной власти, чтобы даже такіе деспотическіе представители ея, какъ Петръ I, могли совершенно пренебрегать его интересами и его настроеніемъ. Дворянство тоже не хотѣло полнаго разрыва съ нимъ. На такой разрывъ способна была,—и то въ теченіе очень непродолжительнаго времени,—только революціонная буржуазія Франціи. Поэтому даже наименѣе расположенные къ духовенству представители образованнаго русскаго дворянства не шли,—пока держались своей сословной точки зрѣнія,—дальше протестантскаго взгляда на отношеніе государства къ церкви. Протестантскій взглядъ встрѣчаемъ мы и у Татищева.

Татищевъ вполнѣ признаетъ „безсумнѣнныя утвержденія

---

[1]) „Разговоръ“, стр. 154, ср. также 243, примѣчаніе на вторую книгу „Исторіи Россійской“, стр. 425.

письма святого". Онъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ „свойствъ", т.-е. изъ души и тѣла. Опираясь на ученіе о природѣ души, онъ доказываетъ ея безсмертіе: „свойство души есть духъ, не имущій никакого тѣла или частей, слѣдовательно, нераздѣльна, а когда нераздѣльна, то и безсмертна" [1]). Впослѣдствіи мы увидимъ, что къ этому самому доводу прибѣгалъ Радищевъ, стараясь отговориться отъ крайнихъ выводовъ освободительной французской философіи XVIII вѣка. Вплоть до конца XVIII в. доводъ этотъ считали неопровержимымъ всѣ мыслители, склонные къ компромиссу съ богословами, а такихъ было большинство, особенно въ Германіи.

Неумѣстно было бы опредѣлять здѣсь теоретическую цѣнность указаннаго довода. Но для характеристики міросозерцанія Татищева нужно замѣтить, что соображеніе о двухъ „свойствахъ" человѣка служитъ у него основой одной изъ двухъ, одинаково принимаемыхъ имъ, классификацій наукъ. Онъ говоритъ: „Науки раздѣляются у философовъ по объявленнымъ свойствамъ сугубо: душевное Богословія и тѣлесное философія" [2]). Такимъ образомъ, „Богословія" имѣетъ свою особую область. Татищевъ заботливо избѣгаетъ вторгаться въ нее. Но зато тѣмъ старательнѣе оберегаетъ онъ „тѣлесную" область „философіи" отъ богословскихъ вторженій. Даже ученіе о нравственности опирается у него не на предписанія религіи, а на „законъ естественный, который намъ при сотвореніи Адама всѣмъ въ сердцахъ нашихъ вкоренъ" [3]). Естественный законъ „во всемъ, паче же въ главнѣйшемъ", согласенъ съ „писменнымъ" закономъ, который былъ Богомъ черезъ пророковъ возвѣщенъ, а потомъ возобновленъ и изъясненъ Спасителемъ [4]). Для доказательства этого Татищевъ сопоставляетъ основное положеніе естественнаго закона съ основнымъ положеніемъ „писменнаго". „Основаніе естественнаго закона: еже любить себѣ самаго съ разумомъ, съ основаніемъ писменнаго весьма согласно,—говоритъ онъ,—ибо изъ любви разумной къ себѣ всѣ добродѣтели происходятъ, отъ любви же неразумной или самолюбія всѣ злодѣянія рождаются" [5]). Въ этой попыткѣ обосновать все ученіе о нравственности на разумной любви къ себѣ Татищевъ выступаетъ передъ нами типичнымъ „просвѣтителемъ" XVIII столѣтія — Aufklärer, какъ говорятъ нѣмцы. Впрочемъ, съ этой стороны просвѣтители XVIII столѣтія

---

[1]) „Разговоръ", стр. 7.
[2]) Тамъ же, стр. 76.
[3]) Тамъ же, стр. 20.
[4]) Тамъ же, стр. 20—21.
[5]) Тамъ же, стр. 22.

ничѣмъ не отличаются отъ просвѣтителей другихъ эпохъ. Сократъ, какъ его изображаетъ Ксенофонтъ, тоже основывалъ нравственность на разумномъ эгоизмѣ. И такъ же поступали наши просвѣтители шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка: Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ.

У Татищева выходитъ, что мы и Бога должны любить по разумно-эгоистическимъ соображеніямъ. „Я хотя самою малою вещію въ мірѣ почитаюсь,—говоритъ онъ,—однако жъ то признать долженъ, что я Имъ сотворенъ и что имѣю все отъ него, то долженъ, яко отца и первѣйшаго благодѣтеля, любить возмѣрно. Еще же какъ я желаю благополучіе мое всегда пріумножить, а вѣдая, что ни отъ кого болѣе какъ отъ него получить могу, и для того отъ любви разумной къ себѣ долженъ и заимодательно (sic!) или предварительно Бога любить“ [1]).

Надо признаться: это почти смѣшно. Но правильное обоснованіе ученія о нравственности можетъ дать только соціологія, а просвѣтители очень рѣдко умѣли освѣтить ея свѣтомъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между людьми. Не будемъ упрекать Татищева въ томъ, что онъ не былъ соціологомъ, и обратимъ вниманіе на сильную сторону его взглядовъ.

Стараясь защитить область „тѣлесной“ философіи отъ богословскихъ вторженій, онъ искренно возмущается тѣми преслѣдованіями, съ которыми религіозные невѣжды издавна обрушивались на людей науки и мысли. Сократъ былъ „злочестіями и безбожествомъ оклеветанъ и на смерть осужденъ, но потомъ не токмо отъ язычниковъ за премудрѣйшаго во всей Греціи почтенъ, но и христіанскіе учители... его хвалили и о спасеніи его не сумнѣвались“ [2]). Еще болѣе возмущаютъ его такія обвиненія и преслѣдованія, когда они исходятъ отъ христіанъ. „Паче же ужасно видѣть,—пишетъ онъ,—что подобнаго тому въ христіанствѣ послѣдовало, видимъ бо высокаго ума и науки людей невинно тѣмъ оклеветанныхъ и проклятію отъ папъ преданныхъ, какъ-то Виргилій епископъ за ученіе, что земля шаровидна, Коперникусъ за то, что написалъ: земля около солнца, а мѣсяцъ около земли ходитъ; Картезій за опроверженіе аристотелической философіи и за ученіе, чтобы все сущими доказательствы, а не пустыми силлогизмы доводить; Пуфендорфъ за изъясненіе естественнаго права, которымъ нѣсколько непристойные папежскіе законы или юсъ каноникусъ нарушались, прокляты, аѳеистами

---

[1]) „Разговоръ“, стр. 22,—*курсивъ мой*.

[2]) Тамъ же, стр. 48.

оглашенны и книги ихъ употреблять запрещены были, но потомъ нехотя сами папы все оное не токмо за полезно но и правильно признали“ [1]).

Татищевъ—рѣшительный сторонникъ вѣротерпимости. Онъ рѣзко осуждаетъ преслѣдованіе раскольниковъ, хотя и считаетъ ихъ „безумными“. Вѣрный своему утилитарному взгляду на вопросы знанія и общежитія, онъ доказываетъ, что религіозныя распри приносятъ большой вредъ государствамъ, и ставитъ на видъ, что онѣ происходятъ собственно отъ корыстолюбивыхъ поповъ и отъ суевѣрныхъ ханжей, а „между же людьми умными произойти не могутъ, понеже умному до вѣры другого ничто касается и ему равно Лютеръ ли Кальвинъ ли или язычникъ съ нимъ въ одномъ городѣ живетъ, или съ нимъ торгуется, ибо не смотритъ на вѣру, но смотритъ на его товаръ, на его поступки и нравъ“ [2]).

Это хоть бы и Вольтеру въ пору! Впрочемъ, удивляться тутъ нечему. Татищевъ не даромъ читалъ сочиненія Пьера Бейля, этого настойчиваго и умнаго проповѣдника терпимости. Какъ извѣстно, Бейль доказывалъ, что государству не только не вредно, но даже выгодно, если его жители держатся неодинаковыхъ религіозныхъ взглядовъ, и что общество можетъ существовать даже вовсе безъ религіи (общество атеистовъ). Съ этимъ послѣднимъ положеніемъ Татищевъ, можетъ быть, и не согласился бы: въ своей „Духовной“ онъ выступаетъ передъ нами вѣрующимъ христіаниномъ, а вѣрующему христіанину надо быть Бейлемъ, чтобы не имѣть предубѣжденія противъ атеистовъ. Но мы только что видѣли, какъ далекъ былъ Татищевъ отъ мысли о необходимости единства религіозныхъ вѣрованій.

Въ эпоху Татищева великой задачей человѣчества являлось—какъ говоритъ Фейербахъ—пониманіе независимости этики отъ религіи [3]). И нельзя не признать, что Татищевъ былъ очень недурно подготовленъ для пониманія этой независимости. Но тутъ надо замѣтить слѣдующее.

Изъ самого „Разговора“ видно, что не одни „суевѣрные ханжи“ клевещутъ на распространителей новыхъ ученій. „Епикуръ, который жилъ до Христа за 450 лѣтъ,—читаемъ мы тамъ,—за то, что поклоненіе идоломъ и на нихъ надежду отвергалъ, и сотвореніе свѣта не тѣмъ богомъ, которымъ протчіе приписывали,

---

[1]) „Разговоръ“, стр. 49.

[2]) Тамъ же, стр. 71.

[3]) L. Feuerbach's sämmtliche Werke. Fünfter Band (Pierre Bayle). Stuttgart 1905 S. 910. См. также стр. 319: „Bayle's Bedeutung für die Philosophie liegt hauptsächlich in seinem negativen Verhältnis zur Theologie“.

но невидимой силѣ или разумной причинѣ присвоялъ, угожденію душевному черезъ воздержаніе телѣсное училъ отъ стоиковъ [1]) многими неистовствы оклеветанъ, якобы тварь самобытну училъ, и за то атеистомъ именованъ" [2]).

Татищевъ впалъ въ ошибку относительно времени жизни Эпикура, родившагося въ 342 или 341 и умершаго въ 272 или 270 году до нашей эры. Кромѣ того, хотя Эпикуръ и не былъ „атеистомъ", но богамъ, въ самомъ дѣлѣ, отвелъ ничтожную роль въ своей системѣ міра и въ извѣстномъ смыслѣ „училъ тварь самобытну". Но эти неточности не имѣютъ здѣсь значенія. Совершенно вѣрно то, что на Эпикура много клеветали даже образованные и, по-своему, чуждые суевѣрій люди. Писатели, занимавшіеся исторіей философской мысли, въ большинствѣ случаевъ были такъ же несправедливы къ нему, какъ и къ другимъ матеріалистамъ. И нельзя не похвалить Татищева за то, что онъ, хотя самъ и не былъ матеріалистомъ, нашелъ, однако, нужнымъ сказать слово въ защиту Эпикура. Это достойное похвалы безпристрастіе объясняется, пожалуй, тѣмъ, что,—homo novus въ дѣлѣ европейскаго просвѣщенія,—онъ не успѣлъ еще научиться уважать условную ложь цивилизованнаго міра. Нынѣшніе наши противники матеріализма относятся къ этой лжи съ достодолжнымъ почтеніемъ.

Интересно, что, проповѣдуя вѣротерпимость, Татищевъ настоятельно совѣтуетъ правительству принимать крутыя мѣры противъ людей, тратящихъ свое время на пустыя занятія. Дѣло въ томъ, что, кромѣ раздѣленія знаній сообразно двумъ областямъ—„душевной" и „тѣлесной"—онъ распредѣляетъ всѣ науки на слѣдующіе пять отдѣловъ: 1) нужныя, 2) полезныя, 3) щегольскія, или увеселяющія, 4) любопытныя, или тщетныя, 5) вредительныя. Ко вредительнымъ наукамъ онъ относитъ „разныхъ качествъ" волхвованіе: 1) некромантію, 2) аеромантію, 3) пиромантію, 4) гидромантію и т. п. Болѣе извѣстными въ Россіи „качествами" волхвованія онъ называетъ заговоры и приговоры, толкованіе сновъ, „чернокнижество", ворожбу и проч. И вотъ, по поводу этихъ-то „вредительныхъ" наукъ онъ пишетъ:

„Хотя сіи науки зломудрія ничего совершеннаго въ себѣ не имѣютъ и по разсужденію многихъ философовъ смертью ихъ (т.-е. людей, предающихся имъ. *Г. П.*), яко умоизступленныхъ, казнить не безгрѣшно, но за то, что оставя полезное, въ безпут-

---

[1]) Въ другомъ спискѣ: „Отъ историковъ".

[2]) „Разговоръ", стр. 48.

ствѣ время тратятъ и другихъ обманываютъ, тѣлесное наказаніе неизбѣжно понести должны“ [1]).

Тѣлесное наказаніе за „безпутную“ трату времени! Въ этомъ требованіи хорошо виденъ вѣрный ученикъ Петра, желавшаго, чтобы даже монахини, спасая свою душу, занимались въ то же время какимъ-нибудь рукодѣльемъ.

Татищевъ считалъ обманщиками кликуновъ и кликушъ, по народному вѣрованію одержимыхъ бѣсами. Онъ злорадно ссылается на того же Петра, который „жестокими на тѣлѣ наказаніи всѣхъ оныхъ бѣсовъ повыгналъ такъ, что нынѣ почитай уже не слышно, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ благоразсудный начальникъ случится“ [2]).

„Разговоръ“ Татищева даетъ гораздо больше, нежели обѣщаетъ его заглавіе. Это чуть не цѣлая энциклопедія. Въ немъ излагается все міросозерцаніе этого замѣчательнаго человѣка. Но все-таки весьма значительная часть „Разговора“ посвящена доказательству той, казалось бы слишкомъ простой и очевидной, истины, что учиться нужно и полезно. Порой скучновато теперь перечитывать это длинное доказательство. Однако несправедливо было бы упрекать за это Татищева. Ему, какъ и всей „ученой дружинѣ“, приходилось вести ожесточенную войну съ упрямыми стародумами, на разные голоса кричавшими о вредѣ науки. Вѣдь и А. Кантемиру пришлось въ первой же своей сатирѣ бичевать „хулящихъ ученіе“.

Стародумы выставляли противъ науки всевозможные доводы и, между прочимъ, тотъ, что она подрываетъ уваженіе не только къ духовной, но и къ политической власти. По совершенно понятной причинѣ, Татищевъ считаетъ нужнымъ внимательно разобрать доводъ отъ политики.

„Никогда никаковъ бунтъ,—утверждаетъ онъ,—отъ благоразумныхъ людей начинанія не имѣлъ, но, равномѣрно ересямъ, отъ коварныхъ плутовъ съ прикрытіемъ лицемѣрнаго благочестія начинается, которой междо подлостью разсѣявъ производятъ“. Въ подтвержденіе онъ ссылается на то, что наши русскіе бунтовщики, въ родѣ Болотникова, Разина, стрѣльцовъ и „черни“, всѣ

---

[1]) „Разговоръ“, стр. 85.

[2]) Тамъ же, та же страница. Извѣстно, что кликуны и кликуши не переводились у насъ, несмотря на усердіе „благоразсудныхъ начальниковъ“. Еще Карамзинъ послалъ своему бурмистру такое распоряженіе: „Кликушамъ объявить моимъ господскимъ именемъ, чтобы онѣ унялись и перестали кликать; если же не уймутся, то приказываю тебѣ высѣчь ихъ розгами: ибо это обманъ и притворство“. (П. Смирновскій. Исторія русской литературы девятнадцатаго вѣка, выпускъ II, Спб., 1899 г., стр. 90.)

принадлежали къ „самой подлости“ и были невѣжественны. Правда, за границей мы видимъ въ числѣ бунтовщиковъ Кромвеля, который былъ ученымъ человѣкомъ, но и онъ принялъ на себя „образъ сущія простоты и благочестія“, а когда добился власти, всѣ училища разорилъ, учителей и учениковъ разогналъ, „дабы внѣ ученыхъ удобнѣе коварство свое скрыть могъ“. Благоразумные государи заботятся о просвѣщеніи своихъ подданныхъ именно потому, что бунты неизвѣстны тамъ, гдѣ процвѣтаютъ науки [1]).

Первая англійская революція облекла соціально-политическія требованія непривилегированной массы въ религіозную форму. Этого было достаточно, чтобы просвѣтители XVIII в. относили ее къ числу такихъ движеній, которыя могутъ быть опасны для ихъ дѣла. Такъ смотрѣли на нее, напримѣръ, французскіе просвѣтители, собиравшіеся у Гольбаха и служившіе выразителями революціонныхъ требованій третьяго сословія. Это свойственное очень многимъ просвѣтителямъ недовѣріе къ общественнымъ движеніямъ, совершавшимся подъ знаменемъ религіи, дополнялось у Татищева твердымъ убѣжденіемъ во вредѣ всякихъ вообще революціонныхъ движеній. Неудивительно, что Кромвель представлялся ему настоящимъ злодѣемъ. „Ученая дружина“ была безраздѣльно предана абсолютной монархіи. И мы имѣемъ полное право назвать Татищева главнымъ теоретикомъ, выдвинутымъ ею на защиту абсолютизма.

На вопросъ, какое правленіе надо признать самымъ лучшимъ, онъ отвѣчаетъ, что это зависитъ отъ обстоятельствъ. „Малые“ и не подвергающіеся непріятельскимъ нападеніямъ народы съ удобствомъ могутъ усвоить себѣ демократическій строй („править общенародно“). Народы „великіе“, но безопасные отъ нападеній со стороны другихъ народовъ, могутъ принять аристократическое правленіе. „Великія же и отъ сосѣдей не безопасныя государства безъ самовластнаго государя быть и въ цѣлости сохраняться не могутъ“ [2]).

Россія обязана монархіи всѣми своими успѣхами. Она только тогда и процвѣтала, когда въ ней было „единовластительство“. Когда наступили въ ней времена удѣловъ, усилившія значеніе аристократіи, она была покорена татарами и литовцами. Ея положеніе улучшилось только благодаря Ивану III, „основавшему монархію“, а также его сыну и внуку. Но въ смутное время бояре предписали Шуйскому „законы нѣкоторые, государству вредительные“, а когда онъ лишился престола, то установилось „по-

---

[1]) „Разговоръ“, стр. 65—66.

[2]) „Разговоръ“, стр. 137—138. См. также Нилъ Поповъ, назв. соч., стр. 116—117.

читай общенародное правленіе". Это привело Россію къ разоренію „паче татарскаго нападенія". Только выборомъ самовластнаго и наслѣдственнаго государя положенъ былъ конецъ этому „безпутству" и возстановленъ „надлежащій прежній порядокъ" [1]).

Ѳеофанъ Прокоповичъ то же говорилъ: „Русскій народъ таковъ есть отъ природы своей, только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ, а если каковое нибудь иное владѣнія правило воспріиметъ, содержаться ему въ цѣлости и благости не возможно" [2]). Мнѣ еще придется говорить о томъ, какъ энергично возстала „ученая дружина" противъ попытки верховниковъ ограничить власть Анны Ивановны. Она видѣла въ неограниченной власти монарховъ вѣрнѣйшій залогъ успѣшнаго хода русскаго просвѣщенія и потому была сознательной и послѣдовательной ея сторонницей. Полной искренностью вѣетъ отъ совѣта, съ которымъ Татищевъ обращается къ своему сыну: „Власть и честь государя до послѣдней капли крови защищай, а съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуй, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ" [3]).

Итакъ, въ политикѣ Татищевъ совершенно чуждъ какихъ-нибудь „разрушительныхъ" стремленій. Также рѣшительно чуждался онъ ихъ и въ области соціальныхъ отношеній. Онъ былъ помѣщикомъ и, въ качествѣ человѣка, прошедшаго суровую школу Петра Перваго, какъ видно, крутенько расправлялся съ тѣми своими крѣпостными, которыхъ почему-либо находилъ виноватыми. „Для винныхъ людей имѣть тюрьму", писалъ онъ своимъ приказчикамъ. Требовалъ онъ еще,—этимъ также напоминая намъ о своемъ качествѣ „птенца Петрова",—чтобы его крестьяне не теряли даромъ времени. Такъ какъ зимой они не были заняты полевыми работами, то онъ предписывалъ обучать ихъ разнымъ „художествамъ": „кузнечному, колесному, бочарному, овчарному, горшечному, коневальному, шерсть бить, войлоки валять, портному, сапожному и всему тому подобному, что крестьянину необходимо имѣть надлежитъ" [4]). Подкрѣплялъ онъ это свое предписаніе тѣмъ со-

---

[1]) „Разговоръ", стр. 138—139. Н. Поповъ, назв. соч., стр. 118.

[2]) Смотри его описаніе „затѣйки" верховниковъ, напечатанное въ приложеніи къ „Запискамъ Дюка Лирійскаго и Бервикскаго". Переводъ съ французскаго Д. Языкова. Спб., 1845 г.

[3]) См. „Духовную В. Н. Татищева", изданную подъ наблюденіемъ члена Казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи Андрея Островскаго. Казань, 1885, стр. 15.

[4]) См. его „Краткія экономическія до деревни относящіяся записки", сообщенныя С. Серебряковымъ и напечанныя во „Временникѣ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ", книга 12. Москва, 1852 г.

ображеніемъ, что, обучившись „художествамъ“, его крестьяне будутъ въ состояніи „особливо зимою безъ тяжкой работы получить свои интересы“. Однако само собою понятно, что при этомъ не былъ забытъ имъ и свой собственный помѣщичій интересъ. Крестьянскихъ ребятъ,—замѣтьте, о б о е г о п о л а,—онъ приказывалъ обучать, въ возрастѣ отъ 5 до 10 лѣтъ, письму и чтенію. Вообще онъ стоялъ за распространеніе знаній въ народѣ, указывая на государственныя, преимущественно военныя, нужды. Въ этихъ его указаніяхъ очень много ума. Относящіяся сюда страницы „Разговора“ и теперь полезно было бы перечитывать почаще нашимъ обскурантамъ. Но тутъ онъ остается, какъ былъ, „шляхтичемъ“. Онъ непремѣнно хочетъ, чтобы учащееся „шляхетство“ было „особно отъ подлости отдѣлено“. Общеніе дворянскихъ дѣтей съ прислугой и съ „рабскими дѣтьми“ кажется ему очень вреднымъ въ нравственномъ отношеніи [1]).

Одна изъ причинъ, въ силу которыхъ основанная Петромъ Академія наукъ показала себя мало „способной“ къ „наученію“ шляхетскихъ дѣтей, состояла, по его словамъ, въ томъ, что дворянскія дѣти смѣшивались въ ней съ дѣтьми „подлыхъ“ людей: „Имѣя съ подлостью безъ призрѣнія родительскаго обхожденіе, могутъ скорѣе пристойность и благонравіе погубить“. Осуждалъ онъ и то, что въ академіи „многихъ шляхетскихъ нужныхъ наукъ не опредѣлено, яко на шпагѣ биться, на лошадяхъ ѣздить, тонцовать, знаменованіе (т.-е. рисованіе. *Г. П.*) и пр. тому подобнаго“. Поэтому онъ думалъ, что „надлежитъ инаго училища для дѣтей шляхетскихъ искать и болѣе одобрялъ основанное при Аннѣ „Кадетское училище“ [2]).

Въ „Разсужденіи о ревизіи поголовной“ Татищевъ жаловался, что у насъ между шляхтичемъ и „подлымъ“ нѣтъ никакой „разности“. Вслѣдствіе отсутствія закона, который опредѣлялъ бы права и преимущества высшаго сословія, „почитаются всѣ имѣющіе деревни, подьячіе, поповичи, посадскіе, холопи, имѣющіе отчины, купленныя или инымъ случаемъ полученныя, за шляхетство, гербы себѣ берутъ, кто какой самъ вымыслитъ, и почитаются по богатству, чего нигдѣ не ведется“. Это ведетъ, по мнѣнію Татищева, къ печальнымъ для общественной нравственности послѣдствіямъ: „Видя, что у насъ единственно богатство и великолѣпіе почитаемо, всякъ о томъ токмо прилежитъ, какимъ-нибудь способомъ богатство пріобрѣсти, а когда оное получитъ, то чины,

---

[1]) См. „Разговоръ“, стр. 154 и 109. Какъ мы увидимъ, наша интеллигенція XIX вѣка находила въ такомъ общеніи, наоборотъ, много хорошаго (Герценъ, Боборыкинъ и другіе).

[2]) „Разговоръ“, стр. 112.

чести и доходы купить уже нетрудно, великолѣпнымъ чванствомъ единъ другого тщася преуспѣть, не разумѣетъ, что тѣмъ себя и отечество раззоряютъ, что всякому довольно видимо“ [1]).

Татищевъ говоритъ, что Петръ Первый собирался положить предѣлъ такимъ злоупотребленіямъ и даже издалъ нѣкоторые законы, дававшіе дворянству извѣстныя преимущества по службѣ, но послѣ него „невѣжество, или злость, или собственныя пользы тѣхъ, кому то производить и наблюдать надлежало, все въ забвеніи оставили“.

Это весьма знаменательно. Въ своей борьбѣ съ боярствомъ дворянство выступало противъ породы и склонялось къ той мысли, что положеніе служилаго человѣка въ общественной іерархіи должно опредѣляться только его заслугой. Петръ Первый безусловно одобрялъ эту склонность дворянства. Онъ по-своему поддерживалъ ее, заставляя породу отступать передъ чиномъ. Не могли не сочувствовать этой склонности дворянства и птенцы Петровы. Ниже мы увидимъ, что ихъ сочувствіе къ ней нашло себѣ выраженіе даже въ изящной литературѣ (именно во второй сатирѣ Кантемира). Но поскольку дворянство само становилось привилегированнымъ сословіемъ, постольку въ немъ должна была пробуждаться и дѣйствительно пробуждалась противоположная склонность къ тому, чтобы добиться изданія законовъ, устанавливающихъ „разность“ между „шляхетствомъ“ и „подлостью“. Поскольку птенцы Петровы принадлежали къ дворянству, они не были свободны также и отъ этой склонности своего класса. Отсюда—двойственность въ понятіяхъ и разсужденіяхъ, весьма замѣтная у Татищева.

Нашъ убѣжденный просвѣтитель оставался не менѣе убѣжденнымъ идеологомъ „шляхетства“. А между тѣмъ теоріи, которыя легли въ основу его міросозерцанія и которыя были теоріями западно-европейскихъ просвѣтителей, выражали собою освободительныя стремленія третьяго сословія и, слѣдовательно, были въ большей или меньшей степени враждебны „старому порядку“. Одной изъ нихъ была теорія естественнаго права и естественной религіи,—вообще „естественнаго закона“,—за которую крѣпко держался, какъ мы видѣли, нашъ авторъ. Какъ же разрѣшить это противорѣчіе? Надо принять въ соображеніе, что указанныя теоріи лишь постепенно доведены были до своихъ крайнихъ логическихъ—на практикѣ революціонныхъ—выводовъ. Поэтому и на Западѣ ихъ сплошь да рядомъ усваивали себѣ и распространяли люди, не имѣвшіе ровно никакихъ ре-

[1]) Н. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 771—772.

волюціонныхъ стремленій. Такихъ людей было особенно много въ Германіи, сильно отставшей тогда отъ Франціи и Англіи. Такъ, напримѣръ, С. Пуффендорфъ, у котораго такъ много заимствовалъ Татищевъ, былъ настроенъ скорѣе консервативно. Абсолютизмъ имѣлъ въ немъ твердаго приверженца. Этимъ онъ, вѣроятно, и нравился Петру. Правда, даже французскіе просвѣтители второй половины XVIII столѣтія охотно возлагали свои надежды на государей („les princes éclairés"). Однако Пуффендорфъ былъ не только приверженцемъ абсолютизма. Онъ готовъ былъ мириться даже съ такими учрежденіями, которыя рѣзко осуждались французскими просвѣтителями и которыхъ въ самомъ дѣлѣ никакъ нельзя было оправдать ссылкою на естественное право. Укажу на рабство. Пуффендорфъ выводилъ его изъ договора: „nam perpetua illa obligatio compensatur perpetua alimantorum certitudine". На это послѣдовательный сторонникъ „естественнаго закона" возразилъ бы, что если даже допустить, что одинъ человѣкъ можетъ навсегда отдать другому свою собственную свободу, то онъ рѣшительно не имѣетъ права жертвовать свободой своего потомства. И съ такимъ возраженіемъ Пуффендорфу никакъ нельзя было бы справиться, пока онъ не покинулъ бы точки зрѣнія естественнаго права.

Но какъ бы тамъ ни было съ Пуффендорфомъ, несомнѣнно, что именно подобные ему непослѣдовательные сторонники просвѣтительныхъ теорій и годились въ учителя идеологамъ нашего европеизованнаго дворянства: послѣдовательные слишкомъ скоро и ясно обнаружили бы, до какой степени не соотвѣтствовалъ соціально-политическій строй Россіи требованіямъ „естественнаго закона", возникшимъ на Западѣ въ процессѣ борьбы противъ „стараго порядка".

Во Франціи освободительное движеніе третьяго сословія было несравненно сильнѣе, нежели въ Германіи. Поэтому французскіе просвѣтители были гораздо смѣлѣе и гораздо послѣдовательнѣе германскихъ; русскіе же просвѣтители шли за тѣми или другими, смотря по своему отношенію къ россійской дѣйствительности, какъ стали выражаться у насъ въ XIX столѣтіи. Поскольку они мирились съ ея основами, они болѣе склонялись къ нѣмцамъ, а поскольку возставали противъ нея, у нихъ начиналось тяготѣніе къ французамъ. Кажущіяся исключенія изъ этого правила только подтверждаютъ его (исторія вліянія Вольтера на болѣе или менѣе просвѣщенныхъ русскихъ людей). Даже нѣкоторыя отдѣльныя личности (Радищевъ, Бѣлинскій) склонялись къ французамъ въ тѣ періоды своей жизни, когда были настроены радикально, а къ нѣмцамъ, когда мирились съ „дѣйствитель-

ностью“ (Бѣлинскій) или, по крайней мѣрѣ, начинали уставать въ борьбѣ съ нею (Радищевъ). Но объ этомъ потомъ.

Посмотримъ же, какъ обращается съ ученіемъ о „естественномъ законѣ“ Татищевъ.

Онъ разсуждаетъ такъ: „Воля по естеству только нужна и полезна, что ни едино благополучіе ей сравниться не можетъ“. Это звучитъ почти какъ революціонный призывъ. Но это почти революціонное положеніе сопровождается у него важными оговорками. Воля приноситъ людямъ пользу только тогда, когда они разумно пользуются ею. А на это способны не всѣ. Ребенокъ для своей собственной пользы долженъ быть подчиненъ родителямъ. Изъ власти отца вытекаетъ власть монарха, которому должны подчиняться его подданные. Наконецъ слуга тоже носитъ узду неволи: онъ подчиняется своему господину. Но если власть отца и власть монарха создается самой природой, то власть господина надъ слугой обязана своимъ происхожденіемъ договору: „Напримѣръ, единъ самъ себѣ пропитанія, одежды и жилища промыслить или отъ непріятеля защититься не способенъ, а другой тѣмъ изобилуетъ... Тогда они согласятся, что сей обѣщаетъ сему служить и его волѣ повиноваться; противно же (т.-е. сообразно. *Г. П.*) тому, оной обѣщается пищею, одеждою и жилищемъ снабдить и отъ обиды защитить, чрезъ что тотъ, отдавшійся въ волю другого, своей воли не имѣетъ“ [1]).

Здѣсь Татищевъ мѣстами чрезвычайно близокъ къ Пуффендорфу. Однако онъ расходится съ нимъ во взглядѣ на происхожденіе власти монарха. У нѣмецкаго писателя она выводится изъ договора, между тѣмъ какъ русскій авторъ объявляетъ ее учрежденіемъ, созданнымъ, подобно родительской власти, самой природой. Откуда эта разница? Какъ видно, Татищевъ находилъ, что теорія договора не можетъ служить надежной теоретической основой власти русскихъ государей. И нельзя не согласиться съ тѣмъ, что теорія эта была въ данномъ случаѣ ненадежна: вѣдь она носила въ себѣ самые крайніе выводы, сдѣланные впослѣдствіи французскими революціонерами. Но не болѣе годилась эта теорія и для оправданія,—съ точки зрѣнія „естественнаго закона“,—наслѣдственной зависимости слуги отъ господина. Однако Татищевъ воспользовался ею именно съ этой цѣлью. Набросавъ схему договора, по которому „сей“ обязывается служить, а „оный“— кормить и защищать за это „сего“, нашъ авторъ прибавляетъ: „изъ сего договора возникаетъ неволя холопа или слуги“. Исторически онъ правъ. Кабальное холопство основывалось на семъ

[1]) „Разговоръ“, стр. 139—141.

Василій Никитичъ Татищевъ.

„договорѣ“. Но въ томъ-то и дѣло, что просвѣтитель, оставаясь послѣдовательнымъ, не могъ довольствоваться историческимъ объясненіемъ даннаго рода зависимости, а долженъ былъ или осудить ее или найти для нея оправданіе въ выводахъ разума.

Въ высшей степени замѣчательно, что, распространяясь въ своемъ „Разговорѣ“ о необходимости „узды неволи“, Татищевъ ни однимъ словомъ не коснулся крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Онъ какъ будто сознавалъ, что даже историческое ея происхожденіе не можетъ быть вполнѣ объяснено договоромъ. Но это еще не все. Онъ вообще отрицалъ,—повторяю, въ „Разговорѣ“,—правомѣрность „рабства или невольничества“, хотя и называлъ дѣтей крѣпостной прислуги „рабскими дѣтьми“ (см. выше). Рабство или невольничество есть плодъ насилія, а насиліе права не создаетъ: „Понеже человѣкъ по естеству въ защищеніи и охраненіи себя имѣетъ свободу,—разсуждалъ Татищевъ,—того ради онъ такое лишеніе своея воли терпѣть болѣе не долженъ, какъ до возможнаго къ освобожденію случая“ [1]). Отсюда логически слѣдуетъ, что если низшій классъ общества насильственно удерживается въ неволѣ высшимъ, то онъ имѣетъ естественное право подняться противъ своихъ поработителей. Правда, Татищевъ и тутъ оговаривается: „Но и сіе съ разумомъ; ибо если бы я былъ (бывъ? *Г. П.*) въ неволѣ у разбойниковъ или въ пленѣ у непріятеля, дерзнулъ несравненною моею малою силою имъ отмщить и себя освободить, тобъ я самъ своей погибели причиною былъ“. И это, конечно, справедливо. Но вопросъ, насъ интересующій, состоитъ не въ томъ, при какихъ условіяхъ было бы цѣлесообразно возстаніе порабощенныхъ противъ своихъ поработителей, а въ томъ, слѣдуетъ ли признать его правомѣрнымъ, а на этотъ вопросъ Татищевъ уже далъ намъ категорическій отвѣтъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Не думайте, что онъ хотя бы въ теоріи былъ противъ крѣпостного права. Въ другомъ мѣстѣ онъ категорически высказался за него. Но не умѣя оправдать его съ помощью „естественнаго закона“, онъ перенесъ дѣло въ другую инстанцію. Онъ апеллировалъ къ политикѣ. „Вольность“ крестьянъ и холопей полезна въ другихъ государствахъ, говоритъ онъ. Возможно, что она приносила пользу и у насъ во времена Грознаго, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда „безпутные отчинники“ утѣсняли своихъ людей. Но „оное (т.-е. она. *Г. П.*) съ нашею формою правле-

[1]) „Разговоръ“, стр. 141.

нія монархическаго не согласуетъ и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить не безопасно".

Примѣръ Татищева показываетъ намъ, какимъ образомъ просвѣщенные шляхтичи, созданные въ Великороссіи Петровской реформой и недурно освѣдомленные насчетъ соціально-политическихъ порядковъ западныхъ странъ, объединяли въ теоріи свои помѣщичьи интересы съ интересами самодержавія.

Но хотя ихъ ссылка на государственную безопасность долго казалась убѣдительной какъ имъ самимъ, такъ и представителямъ центральной власти, однако она все-таки не давала логической возможности оправдать крѣпостное право съ точки зрѣнія „естественнаго закона". Затрудненіе, о которое запнулся Татищевъ, оставалось неустраненнымъ. Да и не одно это затрудненіе.

Европеизованнымъ идеологамъ русскаго дворянства приходилось объяснять и оправдывать привилегированное положеніе своего сословія съ помощью ученій, неудобныхъ для этой цѣли по своему оппозиціонному происхожденію. Можно сказать, разумѣется, что вѣдь были же на Западѣ и болѣе консервативныя теоріи, нежели, напримѣръ, теорія „естественнаго закона". Но, во-первыхъ, слишкомъ слабы были консервативныя теоріи Запада въ сравненіи съ теоріями, возникшими въ процессѣ освободительнаго движенія. Во-вторыхъ,—и это главное,—было одно важное соціально-политическое условіе, помѣшавшее птенцамъ Петровымъ усвоить себѣ ученіе западно-европейскихъ консерваторовъ. Оно состояло въ томъ, что консерваторы эти защищали такія политическія требованія высшихъ классовъ, о какихъ и слышать не хотѣла русская центральная власть, особенно въ лицѣ такихъ своихъ представителей, какъ Иванъ IV или Петръ I. Такъ какъ западно-европейская буржуазія, борясь со свѣтской и духовной аристократіей, въ теченіе нѣкотораго времени поддерживала абсолютизмъ, то и теоріи, выдвинутыя ея идеологами, казались болѣе соотвѣтствующими политическому строю Россіи, пока французская революція не обнаружила грозныхъ выводовъ, таившихся въ нѣдрахъ этихъ теорій.

Но если до поры до времени онѣ могли казаться болѣе подходящими къ русскимъ политическимъ условіямъ, то все-таки изъ нихъ никакими усиліями невозможно было выжать сколько-нибудь серьезные логическіе доводы въ пользу „самобытныхъ" учрежденій въ родѣ нашего крѣпостного права. А это значитъ, что позиція просвѣщенныхъ идеологовъ нашего дворянства была, въ концѣ концовъ, все-таки очень невыгодна. Вотъ почему они такъ неудачно боролись впослѣдствіи съ тѣми русскими людьми, которые

выступали,—хотя нерѣдко только въ молодости,—сознательными сторонниками революціонныхъ ученій Запада.

Вернемся къ Татищеву. Характеристика его, какъ идеолога русскаго дворянства, осталась бы неполной, если бы не была отмѣчена его заботливость о крестьянахъ, выражавшаяся почти на каждой страницѣ его „Экономическихъ Записокъ". Онъ предписывалъ заводить для своихъ людей не только тюрьмы, но также школы и бани [1]). Его приказчикъ и староста должны были строго наблюдать за тѣмъ, чтобы „каждой крестьянинъ, мужъ съ женой имѣлъ у себя лошадей работныхъ двухъ, быковъ кладеныхъ (воловъ. *Г. Д.*) двухъ, барановъ 5, овецъ 10, свиней 2, гусей старыхъ двѣ пары, куръ старыхъ 10; а кто пожелаетъ имѣть больше, дозволяется, а меньше вышеписаннаго положенія отнюдь не имѣть". Для старыхъ и больныхъ крестьянъ учреждена была имъ богадѣльня, въ которой они содержались „боярскимъ коштомъ". Заботливое вниманіе помѣщика распространялось даже на домашнюю утварь его крестьянъ. Каждый изъ нихъ обязанъ былъ имѣть „блюды, тарелки, ножи, вилки, оловянныя ложки, солонки, стаканы, скатерти, полотенцы, шкафы, или поставцы, желѣзные половники и ковши". Крестьянъ, по нерадѣнію своему не имѣвшихъ всего этого, ожидала суровая кара: ихъ отдавали въ батраки къ исправнымъ домохозяевамъ, которые получали право безплатно пользоваться ихъ трудомъ и землею, внося за нихъ подати. „Лѣнивцы" оставались въ такомъ положеніи, пока не заслуживали „хорошей похвалы".

Нечего и говорить: въ этой заботливости Татищева о своихъ крестьянахъ виденъ „шляхтичъ"—рабовладѣлецъ, знающій цѣну „крещеной собственности" и умѣющій пользоваться ея трудомъ. Онъ строго приказываетъ старостѣ слѣдить, „дабы лѣтомъ во время работы не малой лѣности и дальнаго покою крестьянамъ происходить не могло" [2]). Но онъ, по крайней мѣрѣ, обезпечивалъ своимъ „душамъ" экономическое довольство, чего не дѣлали многіе и многіе другіе рабовладѣльцы.

Но что всего замѣчательнѣе, такъ это отношеніе Татищева къ женщинѣ. Особенность этого отношенія обнаруживается отчасти уже въ его заботливости о томъ, чтобы грамотѣ обучались его крѣпостные о б о е г о пола. А всего ярче сказывается оно въ слѣдующемъ совѣтѣ Василія Никитича своему сыну: „Паче же имѣй то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощ-

---

[1]) „Двѣ бани большихъ мускую и женскую, которыя топить каждую субботу послѣ обѣда по очередѣ". „Временникъ", стр. 20.

[2]) „Временникъ", стр. 20.

ница во всемъ и другомъ должна быть нелицемѣрнымъ; такъ и тебѣ къ ней должно быть“ [1])...

Усердно неся государственную службу, Татищевъ не хотѣлъ, однако, „прислуживаться“ и съ большимъ недовѣріемъ смотрѣлъ на придворныхъ. Онъ не совѣтуетъ своему сыну искать „придворной услуги“, такъ какъ „тутъ лицемѣрство, коварство, лесть, зависть и ненависть едва не всѣмъ ли добродѣтелямъ предходятъ, а нѣкоторые ушничествомъ ищутъ свое благополучіе пріобрѣсти, несмотря на то, что губя невинныхъ, сами вскорѣ судомъ божескимъ погибнутъ“ [2]).

Бояринъ Берсень Беклемишевъ говорилъ Максиму Греку: „Которая земля переставляетъ обычаи свои, та земля недолго стоитъ“. Такъ смотрѣла Московская Русь. „Птенцы Петровы“ выработали себѣ другой взглядъ. Оставаясь консерваторами въ томъ, что касалось основъ русской общественно-политической жизни, они одобряли „перестановку“ родныхъ обычаевъ. У Татищева есть даже цѣлая теорія прогресса. Если онъ и не ждалъ въ будущемъ золотого вѣка, то, навѣрно, согласился бы съ Сэнъ-Симономъ въ томъ, что нѣтъ никакого основанія помѣщать этотъ вѣкъ позади насъ. „Что касается до наукъ и разума прежнихъ народовъ,—говоритъ онъ,—то мы, взирая на извѣстныя намъ древнія дѣйствія, равно можемъ о нихъ сказать, какъ о единственномъ человѣкѣ, что со младенчества ничего, въ юности же мало что полезное показали; но приходя въ станъ мужескій едва что полезное показывать стали“ [3]).

Французскіе просвѣтители XVIII вѣка часто судили о ходѣ общественнаго развитія по аналогіи съ ходомъ развитія „единственнаго человѣка“. Отъ нихъ этотъ аналогическій методъ перешелъ къ соціалистамъ-утопистамъ первой половины XIX столѣтія. Къ нему любилъ прибѣгать Сенъ-Симонъ, пытавшійся обосновать посредствомъ его свой законъ трехъ фазисовъ умственнаго развитія человѣчества [4]). Такимъ образомъ, по пріемамъ своего мышленія Татищевъ здѣсь, какъ и въ разсужденіяхъ своихъ о „естественномъ законѣ“, выступаетъ передъ нами просвѣтителемъ [5]).

Наконецъ, просвѣтителемъ же является онъ и въ своемъ общемъ взглядѣ на главную причину историческаго движенія.

---

[1]) „Духовная“, стр. 13.

[2]) „Духовная“, стр. 20.

[3]) „Разговоръ“, стр. 38.

[4]) Подробнѣе объ этомъ см. въ III главѣ моей книги: „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“.

[5]) Хронологически первымъ русскимъ просвѣтителемъ.

Движеніе это объясняется у него „просвѣщеніемъ ума“. Но что такое просвѣщеніе ума? Накопленіе и распространеніе знаній. А что такое знаніе? На этотъ вопросъ русскій просвѣтитель первой половины XVIII вѣка отвѣчалъ не вполнѣ такъ, какъ отвѣчали на него французскіе просвѣтители, особенно во второй половинѣ того же столѣтія.

Французскіе просвѣтители относились къ религіи отрицательно. Поэтому религіозныя представленія не имѣли въ ихъ глазахъ ничего общаго съ научными понятіями. Успѣхи просвѣщенія должны были, по ихъ словамъ, расшатывать религіозную вѣру и суживать ея область. Не такъ смотрѣлъ Татищевъ. Мы уже видѣли, что онъ уважалъ права религіи. Въ его философіи исторіи отводится широкое мѣсто развитію религіозныхъ представленій, какъ средству просвѣщенія. „Первое просвѣщеніе ума,—говоритъ онъ,—подавало обрѣтеніе письма, другое великое примѣненіе учинило пришествіе и ученіе Христово; третье обрѣтеніе тисненія книгъ“ [1]). Написавъ эти строки, Татищевъ какъ будто вспомнилъ ученіе церкви объ отношеніи Новаго Завѣта къ Ветхому и поспѣшилъ прибавить: „И такъ мнится, что удобно можемъ сравнять до обрѣтенія письма и закона Моисеева со временемъ младенчества человѣка“ [2]).

По свидѣтельству доктора Лерха, Татищевъ имѣлъ особыя мнѣнія насчетъ религіи, вслѣдствіе чего многіе не считали его православнымъ [3]). Въ своей „Духовной“ нашъ авторъ презрительно отталкиваетъ отъ себя обвиненіе въ безбожіи и въ ереси. Выше я сказалъ, что рѣшительное преобладаніе въ его взглядахъ свѣтскаго элемента дѣлало ихъ очень непохожими на міросозерцаніе русскихъ начетчиковъ до-Петровскаго времени, но что все-таки онъ не разрывалъ съ религіей. Теперь мы видимъ, что Татищевъ былъ склоненъ къ компромиссу съ нею также и въ

---

[1]) Сравни у него же „Предизвѣщеніе“ къ „Исторіи Россійской“, книга первая, часть первая, Москва, 1768 г. „Способы всемірнаго умопросвѣщенія разумѣю три величайшія. Яко первое обрѣтенія буквъ, чрезъ которыя возъимѣли способъ вѣчно написанное въ память сохранить, и далеко отлучнымъ наше мнѣніе изъявить.—Второе Христа Спасителя на землю пришествіе, которымъ совершенно открылось познаніе Творца и должность твари къ Богу, себѣ и ближнему. Третіе чрезъ обрѣтеніе тисненія книгъ и вольное всѣмъ употребленіе, черезъ которое весьма великое просвѣщеніе міръ получилъ, ибо и чрезъ то науки вольныя возрасли, и число книгъ полезныхъ умножилось“ (стр. XXVII).

[2]) „Разговоръ“, стр. 38. См. статью Бестужева-Рюмина, „Василій Никитичъ Татищевъ“, въ „Древней и новой Россіи“, 1875 г., II, стр. 261. Всѣхъ возрастовъ или „становъ“ человѣчества, по Татищеву, четыре: четвертый простирается отъ обрѣтенія тисненія книгъ до новѣйшаго времени включительно.

[3]) Древняя и новая Россія, II, стр. 261.

своей философіи исторіи. Нашъ просвѣщенный идеологъ дворянства шелъ въ этой области за умѣренными нѣмецкими просвѣтителями, видѣвшими въ религіи божественное средство „воспитанія человѣческаго рода“, а не за крайними французскими просвѣтителями, смотрѣвшими на нее какъ на одно изъ важнѣйшихъ препятствій успѣхамъ человѣческаго разума.

Впрочемъ, разница между тѣми и другими давала себя чувствовать только тамъ, гдѣ рѣчь шла объ откровенныхъ религіяхъ. Во взглядѣ же на происхожденіе языческихъ религій умѣренные просвѣтители XVIII в. сближались съ крайними. Вотъ, напримѣръ, касаясь ученія Пиѳагора о переселеніи душъ, Татищевъ выражается такъ, что съ нимъ безъ труда согласился бы самъ Дидро. Онъ говоритъ: „Пиѳагоръ для воздержанія людей отъ злодѣянія и для наставленія къ благонравію и благочестному житію, вымыслилъ прехожденіе душъ изъ одного въ другое животное по дѣламъ каждаго“ [1]). Религіозные догматы измышляются вліятельными личностями чаще всего съ цѣлью эксплуатаціи, но иногда и для „воздержанія“ своихъ соплеменниковъ. Сущность этого взгляда усвоена была отъ просвѣтителей XVIII в. даже нѣкоторыми выдающимися соціалистами-утопистами XIX столѣтія. Отъ него получили свое происхожденіе „новое христіанство“ Сэнъ-Симона и „истинное христіанство“ Кабэ.

„Обрѣтеніе Моисеева закона“ и „пришествіе Христово“ представляютъ собою, во всякомъ случаѣ, явленія чудесныя, т.-е. исключительныя. А при нормальномъ ходѣ историческаго процесса главную роль играетъ накопленіе и распространеніе знаній. Въ процессѣ ихъ накопленія и распространенія очень многое зависитъ отъ „прилежности“ народовъ, а также,—Татищевъ не былъ бы просвѣтителемъ XVIII вѣка, если бы думалъ иначе,—отъ заботливости правителей. „Ибо какъ человѣкъ и кромѣ природныхъ невозможностей за лѣность и нерадѣніемъ собственнымъ, паче же родительскимъ несмотрѣніемъ того благо лишится, такъ прилежностью и снисканіемъ единъ болѣе другого пріобрѣсти можетъ; равно сему и въ общественномъ единъ народъ или государство предъ другимъ прилежаніемъ собственнымъ и случаями отъ властей учрежденныхъ училищъ болѣе успѣваютъ“. Такъ, въ Англіи науки умножались „черезъ труды и прилежаніе“ Генриха VIII и Елизаветы, а во Франціи—Генриха IV и Людовика XIV [2]).

---

[1]) „Исторія Россійская“, книга вторая, стр. 383. Тутъ онъ руководствуется философскимъ лексикономъ Вальха.

[2]) „Разговоръ“, стр. 121. Въ другомъ мѣстѣ Татищевъ категорически говоритъ, что „всѣ дѣянія отъ ума или глупости происходятъ“. Но онъ прибавляетъ: нельзя

По методу своего мышленія,—прошу читателя замѣтить: по методу мышленія, а не по отдѣльнымъ взглядамъ,— Татищевъ является какъ бы главою многочисленнаго рода просвѣтителей, очень долго игравшаго вліятельную и плодотворную роль въ нашей литературѣ. Если онъ былъ первымъ выдающимся представителемъ этого рода, то Чернышевскій и Добролюбовъ были самыми передовыми, крупными и блестящими его представителями. Послѣ нихъ онъ началъ быстро мельчать и клониться къ упадку.

Что касается спеціальныхъ работъ Татищева, то оцѣнка ихъ давно уже сдѣлана авторитетнымъ спеціалистомъ С. М. Соловьевымъ. Вотъ что говоритъ этотъ послѣдній о Татищевѣ, какъ объ историкѣ:

„Заслуга Татищева состоитъ въ томъ, что онъ первый началъ дѣло такъ, какъ слѣдовало начать: собралъ матеріалы, подвергъ ихъ критикѣ, свелъ лѣтописныя извѣстія, снабдилъ ихъ примѣчаніями географическими, этнографическими и хронологическими, указалъ на многіе важные вопросы, послужившіе темами для позднѣйшихъ изслѣдованій, собралъ извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о древнѣйшемъ состояніи страны, получившей послѣ названіе Россіи, однимъ словомъ, указалъ путь и далъ средства своимъ соотечественникамъ заниматься русскою исторіею... Не говорю уже о томъ, что мы обязаны Татищеву сохраненіемъ извѣстій изъ такихъ списковъ лѣтописей, которые, быть можетъ, навсегда для насъ потеряны; важность же этихъ извѣстій для науки становится день ото дня ощутительнѣе“ [1]).

Немало сдѣлалъ Татищевъ также для исторіи русскаго права. По мнѣнію С. М. Соловьева, онъ и здѣсь является первымъ издателемъ памятниковъ и первымъ ихъ истолкователемъ. Онъ при-

---

считать глупость „за особое существо (sic!), но сное слово токмо недостатокъ или оскудѣніе ума, властно какъ стужа, оскудѣніе теплоты, а не есть особое существо или матерія“. Татищевъ называетъ умъ „главнымъ природнымъ дѣйствомъ, или силой души“. Просвѣщенный умъ называется у него *разумомъ*. „Освященіе же ума,—продолжаетъ Татищевъ,—равно какъ свѣтъ видимый отъ огня небеснаго или земного происходящій, освѣщаетъ всѣ тѣлеса и видимы намъ творитъ, тако ученіе и прилѣжное вещей испытаніе намъ всѣ въ мысляхъ воображенныя свойства къ понятію и разсужденію мысленнымъ очамъ просвѣщаетъ“ („Исторія Россійская“, книга первая, часть первая. Предъизвещеніе, стр. XXVI—XXVII). О „дѣяніяхъ“ рѣчь идетъ здѣсь потому, что слово исторія „то самое значитъ, что у насъ дѣи или дѣянія“ (тамъ же, стр. I).

[1]) „Писатели русской исторіи XVIII вѣка“ въ Собр. Соч. С. М. Соловьева, стр. 1346—1347. Ср. „Главныя теченія русской исторической мысли“ П. Н. Милюкова, Москва, 1897, стр. 15—23.

готовилъ къ изданію русскую Правду и Судебникъ царя Ивана съ дополнительными статьями. Въ примѣчаніяхъ Татищева къ Судебнику С. М. Соловьевъ видѣлъ первую попытку объяснить наши древніе юридическіе термины.

Наконецъ, этотъ же замѣчательный человѣкъ былъ авторомъ первыхъ трудовъ и по русской географіи [1]).

Въ виду всего этого С. М. Соловьевъ правильно отводилъ Татищеву, рядомъ съ Ломоносовымъ, „самое почетное мѣсто въ исторіи русской науки въ эпоху начальныхъ трудовъ“ [2]).

Какъ и всѣ птенцы Петровы, В. Н. Татищевъ выступалъ въ самыхъ различныхъ областяхъ практической дѣятельности: онъ былъ и горнымъ инженеромъ, и артиллеристомъ, и администраторомъ. Служилъ онъ умно и усердно, но, какъ сказано выше, не любилъ прислуживаться. Въ царствованіе Анны онъ, не угодный Бирону, попалъ подъ судъ и страдалъ отъ судебной волокиты чуть не до самой смерти своей. Не наше дѣло разбирать, былъ ли онъ такъ безупреченъ въ своей служебной дѣятельности, какъ это ему казалось. Въ то время передовые люди смотрѣли на практическую дѣятельность совсѣмъ другими глазами, нежели теперь...

III. А. Д. Кантемиръ.

Кромѣ очень многаго другого, отъ вниманія Татищева не ушелъ и вопросъ о чистотѣ русскаго языка. Татищевъ понималъ, что никакъ нельзя было обойтись безъ заимствованій изъ другихъ языковъ. „Однакожъ,—предостерегалъ онъ,—между пріятыми изъ чужихъ много такихъ словъ, что таковы жъ на нашемъ имѣемъ и лучше разумѣемъ, и для того оныхъ вносить въ употребленіе весьма не полезно“ [3]). Это—святая истина, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ слишкомъ часто забываемая русскими писателями, даже тѣми, которые принадлежатъ къ демократическому лагерю и которымъ слѣдовало бы помнить, что у насъ, какъ и во всемъ мірѣ, трудящаяся масса иностранныхъ языковъ не изучаетъ.

Но литература собственно такъ называемая мало влекла къ себѣ Татищева. Въ „ученой дружинѣ“ спеціалистомъ по части литературы былъ князь А. Д. Кантемиръ.

---

[1]) По замѣчанію А. Н. Пыпина, Татищевъ первый нашелъ необходимымъ изучать, для цѣлей исторіографіи, „народную жизнь съ ея бытовыми особенностями, нравами, обычаями и преданіями“ („Исторія русской литературы“, т. III, стр. 366).

[2]) Тамъ же, стр. 1350.

[3]) „Разговоръ“, стр. 95—96.

Его сатиры могутъ быть названы классическими въ томъ смыслѣ, что мы знакомимся съ ними еще въ школѣ. Но онъ писалъ не только сатиры. Онъ сочинялъ также „пѣсни“, „письма“, разнаго рода мелкія стихотворенія, а иногда грѣшилъ даже такими произведеніями, какъ цитованная мною выше „Петрида“ и „рѣчь Благочестивѣйшей Государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской“ [1]). Кромѣ всего этого, онъ усердно занимался переводами въ стихахъ (Анакреонъ, Горацій) и въ прозѣ (Фонтенель, Монтескье). Наконецъ, до насъ дошло, правда, въ весьма плохомъ спискѣ, одиннадцать философскихъ писемъ его о природѣ и человѣкѣ. Для исторіи русской общественной мысли во всемъ этомъ находится много очень интереснаго матеріала.

Начать съ того, что подобно Татищеву Кантемиръ не только писалъ, но и служилъ. Такъ и долго послѣ него дѣлали почти всѣ русскіе писатели: не даромъ они были выходцами изъ служилаго сословія. Какъ человѣкъ, относившійся къ литературѣ съ огромнымъ интересомъ, Кантемиръ, можетъ быть, съ гораздо большимъ увлеченіемъ писалъ свои тяжелые стихи или переводилъ иностранныхъ авторовъ, нежели составлялъ дѣловыя бумаги. Но если это въ самомъ дѣлѣ было такъ, то онъ, вѣроятно, не одинъ разъ самъ осуждалъ мысленно свою слабость. Въ глазахъ этихъ служилыхъ людей, посвящавшихъ свои досуги „сочинительству“, служба была важнѣе литературы. Кантемиръ, не обинуясь, высказываетъ такой взглядъ въ „письмѣ“, озаглавленномъ: „Къ стихамъ моимъ“, и написанномъ въ 1743 г., когда онъ готовилъ къ печати свои поэтическіе опыты. Предупреждая нападки людей, которые упрекнутъ его въ томъ, что онъ „упражнялся“ въ трудѣ, неприличномъ ни чину его, ни лѣтамъ, нашъ чиновный сатирикъ говоритъ (повторяю, онъ обращается при этомъ къ своимъ стихамъ):

...Станете напрасно
Вы внушать, и доводить слогомъ своимъ ясно,
Что молодыхъ лѣтъ плоды вы не ущербили
Ни малой мнѣ къ дѣламъ часъ важнѣйшимъ и нужнымъ;
Что должность моя всегда нашла мя досужнымъ...

Кантемиръ, въ самомъ дѣлѣ, напрасно внушалъ и доводилъ это настоящимъ служакамъ, не вкушавшимъ отъ плодовъ познанія литературнаго добра и зла. Всѣ русскіе писатели, тянувшіе служебную лямку, постоянно должны были чувствовать себя въ

[1]) Увы! тоже стихотворная!

неловкомъ положеніи людей, приставленныхъ къ серьезному дѣлу, но время отъ времени забывающихъ объ его интересахъ ради пустой забавы. Начальство не упускало случаевъ дать имъ понять, что они какъ бы злоупотребляютъ его довѣріемъ, и подчасъ предлагало имъ выбирать между службой и „сочинительствомъ“. Къ счастью для русской литературы и для русскаго общественнаго развитія, въ душѣ наиболѣе даровитыхъ изъ этихъ людей слабость къ литературѣ не безъ успѣха сопротивлялась ихъ же собственной чиновничьей солидности. Порой она приводила ихъ даже къ совсѣмъ иному взгляду на литературу. Это мы увидимъ уже у Кантемира.

Извѣстно, что онъ не былъ „русакомъ“ по своему происхожденію. Кромѣ того, онъ оставилъ Россію совсѣмъ молодымъ человѣкомъ,—22 лѣтъ,—и умеръ за границей, въ общественной обстановкѣ, мало походившей на тогдашнюю русскую. Но—такова сила раннихъ впечатлѣній!—онъ все-таки цѣликомъ усвоилъ себѣ и сохранилъ понятія тогдашняго русскаго дворянства,—разумѣется, какъ они сложились въ самой просвѣщенной части этого сословія. Вотъ, напримѣръ, дорогое Кантемиру западно просвѣщеніе не заронило въ его душу ни тѣни сомнѣнія относительно правомѣрности крѣпостной зависимости крестьянъ. Зависимость эта представлялась ему чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ. Иногда онъ пытался даже взглянуть на нее черезъ очки пасторали.

Отвѣчая Ѳ. Прокоповичу на его стихотвореніе: „Плачетъ пастушокъ въ долгомъ ненастіи“, онъ такъ изображаетъ свои собственныя потери:

У меня было мало козлятокъ,
Ты извѣстенъ,
Сей былъ мой паствы начатокъ
Некорыстенъ,
Но и сихъ Егоръ и его други
Отогнали [1]).

Егоръ это—ростовскій архіепископъ Георгій Дашковъ, принадлежавшій къ враждебной Прокоповичу и Кантемиру партіи, а козлятки—крѣпостные крестьяне. Они были „отогнаны“ отъ нашего поэта собственно не Дашковымъ, а Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, постановившимъ, что тѣ имѣнія, которыя остались послѣ стараго князя Дмитрія Кантемира, должны принадлежать его среднему сыну Константину [2]).

---

[1]) „Epodos consolatoria“.

[2]) Тогда еще былъ въ силѣ такъ называемый (неправильно) законъ о маіоратахъ. Кн. Дмитрій Кантемиръ предоставилъ правительству рѣшить, какой именно изъ его сыновей долженъ владѣть его имѣніями.

Конечно, съ точки зрѣнія положительнаго права крѣпостная зависимость „козлятокъ“ была вполнѣ правомѣрна. Но вѣдь молодой Антіохъ Кантемиръ имѣлъ очень ясное понятіе о „естественномъ законѣ“. Въ одномъ изъ примѣчаній къ своей первой сатирѣ онъ говоритъ: „Законъ естественный есть правило отъ самой натуры намъ предписанное, которое всегда непремѣнно и безъ котораго никакое сообщество устоять не можетъ“. Казалось бы, что вопросъ о крѣпостной зависимости „козлятокъ“ слѣдовало разсмотрѣть съ точки зрѣнія именно этого „самой натурой намъ предписаннаго“ и „всегда непремѣннаго правила“. Однако въ сочиненіяхъ А. Кантемира незамѣтно сколько-нибудь глубокихъ слѣдовъ подобнаго пересмотра. Въ этомъ отношеніи міросозерцаніе его осталось почти незатронутымъ критикой. Говорю: „почти незатронутымъ“, потому что нѣкоторое вліяніе критики все-таки обнаруживается и въ его сочиненіяхъ. Во второй своей сатирѣ („на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“) онъ возстаетъ противъ жестокаго обращенія съ прислугой и говоритъ даже: „плоть въ слугѣ твоей однолична“. Однако сознаніе „одноличности“ крѣпостной плоти съ дворянскою не вызываетъ у Кантемира сомнѣнія въ нравственной правомѣрности крѣпостной неволи. Онъ мирится даже съ тѣлесными наказаніями слугъ господами, требуя только, чтобы наказанія эти были заслуженными и „беззлобными“. „Должно бы и къ виновнымъ поступать съ милостью,—говоритъ онъ въ примѣчаніи къ 290-му стиху названной сатиры—а когда и нужда настанетъ къ наказанію, наказывать беззлобно и въ одномъ намѣреніи, чтобъ наказуемаго исправить, и его примѣромъ другихъ отъ злочинства удержать, а не для насыщенія склонности своей къ озлобленію человѣка, который обороны противъ насъ не имѣетъ“.

Разумѣется, писатель, совѣтовавшій наказывать *такимъ образомъ*, былъ гуманнѣе огромнѣйшаго большинста владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ. Но съ фактомъ владѣнія крѣпостными душами вполнѣ мирился даже и этотъ гуманный писатель. Онъ не возставалъ противъ *безчеловѣчной основы* тѣхъ нравовъ, въ которые онъ хотѣлъ ввести струю *человѣчности*.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ отношеніи Кантемира къ „козляткамъ“, прибавляю, что тамъ, гдѣ онъ не находилъ нужнымъ писать языкомъ пасторали, онъ всегда изображалъ ихъ существами очень грубыми и тупыми. Въ одномъ изъ своихъ писемъ о природѣ и человѣкѣ онъ, распространяясь о власти ума надъ тѣломъ, замѣчаетъ, между прочимъ, что власть эта „не точію господственна“, но и слѣпа, такъ какъ „мужикъ

простой и безсмысленный" (sic!) умѣетъ ворочать своимъ тѣломъ не хуже философа, искуснаго въ анатоміи [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что возникшая въ народной средѣ латинская комедія первоначально „столько же груба и гнусна была, каковы суть наши деревенскія игрища" [2]). И онъ такъ поясняетъ, почему она не могла не быть гнусной и грубой: „Не трудно судить, каковой грубости были тѣ стихи, которые голое движеніе природы производило въ мужикахъ, всякаго искусства лишаемыхъ, безъ всякаго предыдущаго размышленія" [3]).

Покойный В. Стоюнинъ отказывался признать Кантемира исключительнымъ сторонникомъ той или другой партіи. „Его мы можемъ назвать сторонникомъ только науки,—писалъ онъ,—въ чемъ и видимъ тѣсную его связь съ эпохою Петра Великаго" [4]). Это неправильно. Даже по своимъ политическимъ воззрѣніямъ Кантемиръ, вмѣстѣ со всей „ученой дружиной", примыкалъ къ совершенно опредѣленной партіи: онъ не былъ бы связанъ съ эпохой Петра, если бы это было иначе. Но, оставляя въ сторонѣ его политическіе взгляды, надо имѣть въ виду, что какъ бы ни дорожилъ данный писатель интересами науки, его міросозерцаніе всегда носитъ на себѣ глубокіе слѣды свойственныхъ его времени соціальныхъ отношеній. Кантемиръ въ самомъ дѣлѣ очень дорожилъ интересами просвѣщенія. Этотъ важный дипломатъ [5]), печатно соглашавшійся съ тѣмъ, что серьезному человѣку прилично заниматься литературной только „промежду дѣла", потерялъ интересъ къ книгамъ лишь за два — три дня до своей смерти, а потерявъ этотъ интересъ, вполнѣ основательно рѣшилъ, что пора готовиться къ смерти. И при всемъ томъ онъ,—

---

[1]) Сочиненія, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира, изд. и ред. П. А. Ефремовымъ, Спб. 1868, т. II, стр. 61.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 529, примѣчаніе.

[3]) Тамъ же, т. I, стр. 528. Тутъ онъ прибавляетъ, что „мы и сами много такихъ стиховъ имѣемъ, которые суть вымыслъ простолюднаго нашего народа". Для примѣра онъ приводитъ начало одной изъ народныхъ пѣсенъ объ Иванѣ I:

Какъ въ годы-то старые
Во времена было прежныя,
При старомъ при славномъ царѣ,
При Иванѣ Васильевичѣ;
Соизволилъ да царь-государь
Соизволилъ жениться—ста... и т. д.

Читатель согласится, можетъ быть, что „пѣсни" Кантемира были бы болѣе удобочитаемы и отличались бы болѣе „пріятнымъ звономъ", если бы походили на подобные „вымыслы простолюднаго нашего народа".

[4]) См. его вступительную статью къ соч. Кантемира, стр. XLV перваго тома.

[5]) Онъ умеръ,—31 марта 1744 г., 35 лѣтъ,—тайнымъ совѣтникомъ.

подобно Татищеву,—до конца своихъ дней былъ идеологомъ европеизованнаго русскаго дворянства. Именно потому его міросозерцаніе и представляетъ интересъ для историка русской общественной мысли. Примѣръ, Кантемира, можетъ быть, еще съ большею ясностью, чѣмъ примѣръ Татищева, показываетъ, какимъ образомъ просвѣщенные представители русскаго привилегированнаго сословія приспособляли къ нашему домашнему употребленію идеи, постепенно вырабатывавшіяся въ процессѣ борьбы непривилегированнаго населенія Запада съ тамошней духовной и свѣтской аристократіей.

Говоря о Татищевѣ, я уже обращалъ вниманіе читателя на то, что во взглядахъ этого замѣчательнаго дѣятеля пореформеннаго времени свѣтскій элементъ рѣшительно преобладалъ надъ богословскимъ. То же приходится сказать и о Кантемирѣ. Онъ чрезвычайно охотно распространялся о морали. Но, распространяясь о ней, онъ апеллировалъ не къ житіямъ святыхъ, какъ это дѣлали моралисты Московской Руси, а къ такимъ свѣтскимъ, — и даже языческимъ, — писателямъ, какимъ былъ, напримѣръ, Горацій. Но сильно и нелѣпо ошибались тѣ его современники, которые, видя преобладаніе въ его взглядахъ свѣтскаго элемента надъ богословскимъ, подозрѣвали его въ безбожіи. „Аѳеистомъ“ онъ былъ еще гораздо меньше, нежели Татищевъ. Уже въ юности имъ, какъ видно, владѣло религіозное настроеніе: первымъ печатнымъ его трудомъ явилась (въ 1727 г.) „Симфонія на псалтырь“. И до гробовой доски его не переставали занимать основные вопросы религіи. Его письма о природѣ и человѣкѣ представляютъ собою попытку отстоять религіозныя вѣрованія, которыя начали тогда сильно колебаться на Западѣ подъ вліяніемъ просвѣтительной философіи [1]). Дѣло только въ томъ, что и здѣсь, какъ въ области морали, онъ обращался не къ духовнымъ, а къ свѣтскимъ писателямъ. Упорно отстаивая свои религіозныя вѣрованія, онъ апеллировалъ не къ теологіи и не къ священному писанію, а къ философіи.

---

1) Кстати, письма эти написаны Кантемиромъ, во время уединеннаго пребыванія на минеральныхъ водахъ, для какой-то русской дамы. Излагая свои философскіе взгляды, русскіе писатели и впослѣдствіи любили обращаться къ женщинамъ.

Статья безвременно умершаго Д. Веневитинова о философіи озаглавлена „Письмо къ графинѣ N. N“. Къ дамѣ же обращался и Чаадаевъ въ своихъ „философическихъ письмахъ“. Положимъ, что тутъ не обошлось безъ подражанія, по крайней мѣрѣ, у Кантемира: „Разговоры о множествѣ міровъ господина Фонтенелла, парижской академіи секретаря“, которые нашъ авторъ „перевелъ и потребными примѣчаніями изъяснилъ“ еще въ 1730 г., выводятъ на сцену „жену“, не обладающую никакой научной подготовкой („николи ничего не слыхивала о такихъ дѣлахъ“, какъ читаемъ мы въ Кантемировомъ переводѣ), но одаренную

Какъ трудно было въ тогдашней Россіи писать о философскихъ вопросахъ, хорошо видно уже изъ предисловія и изъ примѣчаній Кантемира къ книгѣ Фонтенеля. „Мы до сихъ поръ недостаточны въ книгахъ философскихъ,—говоритъ онъ,—потому и въ рѣчахъ, которыя требуются къ изъясненію тѣхъ наукъ“. Онъ имѣлъ полное право выразиться сильнѣе: у насъ не было даже сколько-нибудь выработанной и понятной читателямъ философской терминологіи. Кантемиръ долженъ былъ начать съ объясненія того, что же собственно называется философіей. И онъ терпѣливо и добросовѣстно исполнялъ трудъ просвѣтителя, вынужденнаго начинать буквально съ азовъ.

„Философія,—толковалъ онъ,—слово греческое, по-русски—любомудріе. Симъ генеральнымъ именемъ разумѣется основательное и ясное знаніе дѣлъ естественныхъ и преестественныхъ, которое достается прилежнымъ разсужденіемъ о тѣхъ дѣлахъ“. Затѣмъ слѣдуетъ сообщеніе о томъ, что философія раздѣляется на логику, нравоученіе, фисику (sic) и метафисику. Сообщеніе это, какъ и слѣдовало ожидать, сопровождается новыми поясненіями:

„Логика, или словесница, учитъ право о вещахъ разсуждать и извѣстныя истины другому правильно доказывать“.

„Нравоученіе, или ифика, учитъ добрымъ нравамъ, т.-е. даетъ знать худыя и добрыя дѣла и представляетъ правила, по которымъ доставать себѣ добродѣтели и отбѣгать злонравій“.

Фисика, или естественница, учитъ познавать причину и обстоятельства всѣхъ естественныхъ дѣйствъ и вещей“.

„Метафисика, или преестественница, даетъ намъ знаніе сущаго въ обществѣ (? *Г. П.*) и о сущихъ безплотныхъ, каковы суть душа, духи и Богъ“ [1]).

В. Стоюнинъ замѣтилъ, что переводъ книги Фонтенеля можно считать первымъ шагомъ въ развитіи нашего философскаго язы-

---

яснымъ природнымъ умомъ. Однако и подражаніе представляетъ здѣсь собою довольно характерное явленіе. Просвѣщенные идеологи европеизованнаго слоя русскаго дворянства подражали не педантическому тону ученыхъ нѣмецкихъ семинаристовъ, а свѣтскому тону французскихъ искателей, усвоивавшихъ лоскъ дворянской культуры Франціи. Старый Бальзакъ *(т.-е. Жанъ-Луи Бальзакъ)* поставилъ себѣ задачей „de civiliser la doctrine en la depaysant des colleges et la delivrant des mains des Pédants“. Логика положенія рано поставила ту же задачу и передъ идеологами русскаго дворянства XVIII и XIX столѣтій. Но первый шагъ всегда труденъ. Даже европеизованные русскіе дворяне много уступали французскимъ въ изяществѣ. Это отразилось и въ литературѣ У Фонтенеля ученый собесѣдникъ любознательной, но неученой дамы говоритъ ей, разумѣется, вы, а въ переводѣ Кантемира онъ обращается къ ней на ты.

[1]) Сочиненія, т. II, стр. 392—393 Подчеркнуто у Кантемира. Въ общемъ, языкъ Кантемира лучше въ прозаическихъ его сочиненіяхъ, нежели въ стихахъ.

ка. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что,—какъ указалъ тотъ же изслѣдователь,—Кантемиръ подчасъ весьма удачно справлялся съ терминологическими трудностями. Онъ сталъ употреблять такія выраженія, какъ начало (элементъ) и средоточіе („средняя точка, центръ", пояснялъ онъ). Греческое слово идея онъ называлъ по-русски понятіемъ и т. д. Бѣдный Кантемиръ! Ему приходилось доводить до свѣдѣнія своихъ читателей не только то, что значитъ слово система или слово матерія, но также и то, что Парижъ—столица Франціи, а „ѳеатръ" есть слово греческое, означающее „то мѣсто, гдѣ комедіанты стоя изображаютъ дѣйство свое". Читатели, нуждавшіеся въ подобныхъ разъясненіяхъ, еще болѣе нуждались, разумѣется, въ такихъ примѣчаніяхъ, изъ которыхъ они узнавали, напримѣръ, что Пиѳагоръ, „начальникъ секты италіанской, былъ философъ греческой, въ царствованіе Тарквинія, послѣдняго короля римскаго, 586 лѣтъ прежде Христа", между тѣмъ какъ Аристотель былъ „начальникомъ" перипатетической секты и родился въ Стагирѣ, городѣ македонскомъ, въ 384 г. „прежде Христа". Для насъ теперь нѣкоторыя изъ этихъ примѣчаній цѣнны въ качествѣ указаній на собственныя философскія воззрѣнія Кантемира. Нынѣшнему читателю интересно будетъ услышать отъ него такой отзывъ о философіи Пиѳагора: „она была гораздо сумятна, для того что онъ склоненъ былъ къ суевѣрію волшебства, къ которому, какъ и къ нѣкоей непонятной ариѳметическихъ числъ силѣ, причину многихъ дѣйствъ естественныхъ приписывалъ". Изъ древнихъ греческихъ философовъ нашъ авторъ одобрялъ, какъ видно, больше всѣхъ другихъ Аристотеля, который, по его словамъ, такъ въ философіи „предуспѣлъ", что первый „науку сію въ порядочное расположеніе привелъ, расположивъ ея основаніе и различивъ ея части". Слѣдуя за Фонтенелемъ, Кантемиръ отмѣчалъ и слабую сторону метода Аристотеля: „Со всѣмъ тѣмъ невозможно будучи одному всѣхъ вещей силу и дѣйства вызнать, когда причину чего уразумѣть не зналъ, говаривалъ, что дѣлается сокровенною силою".

Между мыслителями новаго времени онъ съ особенной похвалой называетъ въ одномъ изъ примѣчаній Декарта, который „древнюю аристотельскую философію столько исправилъ, что его и ему потомъ слѣдовавшихъ трудами стали мы яснѣе разумѣть тварь всю". Наибольшую заслугу Декарта составляетъ, по Кантемиру, то, что онъ „въ философіи своей доказательства употребляетъ математическія, т.-е. вѣроятныя, и толкуетъ всякія вещей дѣйства ясно, или признаетъ, что ихъ причину не разумѣетъ" [1]).

---

[1]) Сочиненія, т. II, стр. 405.

Такъ говорится въ примѣчаніи. Но въ одномъ изъ писемъ Кантемира къ „командиру“ академіи наукъ барону Корфу находится просьба исправить ошибку, закравшуюся въ примѣчаніе 36-ое къ переводу Фонтенеля: „L'Article „Декартъ“ il faut ôter la description de sa philosophie, car elle convient plus à M-r Newton [1]). Баронъ Корфъ, должно быть, не исполнилъ просьбы Кантемира, потому что „статья“ о Декартѣ безо всякихъ оговорокъ напечатана, по крайней мѣрѣ, въ изданіи П. А. Ефремова.

Что Кантемиръ могъ написать о философіи Декарта отзывъ, по его же словамъ болѣе подходящій къ философіи Ньютона, какъ будто показываетъ, что въ ту пору, когда онъ дѣлалъ свои примѣчанія къ Фонтенелю, взглядъ его на исторію философскихъ идей и методовъ не былъ вполнѣ выработаннымъ и яснымъ. Этому, впрочемъ, нельзя и удивляться, такъ какъ его свѣдѣнія въ области философіи были гораздо менѣе обширны, нежели его литературныя знанія. По всему видно, что философскія ученія были знакомы ему лишь изъ вторыхъ рукъ. Но Кантемиръ и не выдавалъ себя за спеціалиста по части философіи. И хотя „статья“ о Декартѣ подходитъ болѣе къ г. Ньютону, но отъ этого она не перестаетъ быть интересной. Очень характерно для просвѣтителя, какимъ былъ Кантемиръ, требованіе, предъявляемое имъ къ философамъ: ясно толковать всякихъ вещей дѣйства, или же прямо признавать, что причина данныхъ дѣйствъ неизвѣстна.

А всего замѣчательнѣе то, что самъ же Кантемиръ совершенно забывалъ объ этомъ требованіи тамъ, гдѣ рѣчь шла о тѣхъ теоретическихъ соображеніяхъ, съ помощью которыхъ онъ пытался отстоять свои религіозныя вѣрованія. Тутъ онъ безпрестанно прибѣгалъ къ тому пріему, который, по его же словамъ, составлялъ слабую сторону метода Аристотеля: „Когда причину чего разумѣть не зналъ, говаривалъ, что дѣлится сокровенною силою“.

Въ сущности ничего другого, кромѣ ссылокъ на особаго рода „сокровенную силу“, и не заключаютъ въ себѣ его письма о природѣ и человѣкѣ. Однако и это понятно. Даже между передовыми французскими просвѣтителями второй половины XVIII вѣка,—и даже между дѣятелями великой революціи,—очень немного было людей достаточно смѣлыхъ духомъ для того, чтобы совсѣмъ не оставить мѣста „сокровенной силѣ“ въ своемъ представленіи о вселенной. Совершенно несправедливо было бы требо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 327.—Письмо написано по-французски. (Русскій переводъ: „Статья „Декартъ“, надо удалить описаніе его философіи, потому что оно больше подходитъ къ г. Ньютону“.)

вать подобной смѣлости отъ русскаго просвѣтителя первой половины этого столѣтія.

Извѣстно, что Ньютонъ, такъ хорошо умѣвшій обращаться съ математическими доказательствами и такъ рѣшительно отказывавшійся прибѣгать къ гипотезамъ въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, до конца своей жизни оставался религіознымъ человѣкомъ. Въ своемъ міропониманіи онъ не сумѣлъ обойтись безъ „гипотезы Бога". И Кантемиръ отнюдь не расположенъ былъ ставить это въ вину великому англійскому естествоиспытателю. Напротивъ! Онъ вѣрилъ въ бога и, видя, что вѣра въ него стала колебаться въ средѣ наиболѣе просвѣщенныхъ людей наиболѣе просвѣщенныхъ странъ Европы, особенно дорожилъ философскими доводами въ защиту бытія божія. Наиболѣе убѣдительнымъ казался ему едва ли не самый слабый между ними: такъ называемый физико-теологическій доводъ. Кантемиръ не перестаетъ на всевозможные лады излагать и повторять его въ своихъ философскихъ письмахъ [1]).

Чтобы дать понятіе о ходѣ его мыслей, я сдѣлаю довольно длинныя цитаты изъ его десятаго письма.

Онъ говоритъ тамъ, подводя итогъ всѣмъ своимъ предыдущимъ разсужденіямъ:

„И тако мы довольно видѣли слѣды божественные или, такъ сказать, печать живаго Бога во всемъ томъ, что называютъ твореніе натуры; когда же всѣ тонкости лишнія оставимъ, то первымъ взоромъ увидимъ руку, которая держитъ всѣ части свѣта,

---

[1]) Впрочемъ, говоря о физико-теологическомъ доказательствѣ бытія Божія, надо помнить, что ему вообще очень посчастливилось въ XVIII в., и что на это была своя причина. „Оно, казалось, съ высшей точки зрѣнія примиряло самыя строгія требованія науки относительно причиннаго взгляда на природу съ потребностями религіознаго чувства", говоритъ Виндельбандъ („Исторія новой философіи", т. I, Спб., 1908, стр. 248). И онъ справедливо прибавляетъ: „Это воззрѣніе было пригоднѣе всѣхъ остальныхъ, чтобы поставить на мѣсто историческаго откровенія естественное и такимъ образомъ отстранить вѣроисповѣданія доводомъ научнаго разума" (тамъ же). Съ точки зрѣнія старыхъ понятій даже и этотъ половинчатый взглядъ долженъ былъ представляться чудовищнымъ. И мы знаемъ, что Кантемира подозрѣвали въ невѣріи. Въ 1757 г. императрицѣ Елизаветѣ представленъ былъ „Докладъ о книгахъ противныхъ вѣрѣ и нравственности", въ которомъ Синодъ просилъ запретить указомъ „дабы никто отнюдь ничего писать и печатать, какъ о множествѣ міровъ, такъ и о всемъ другомъ, вѣрѣ святой противномъ и съ честными нравами несогласномъ, подъ жесточайшимъ за преступленіе наказаніемъ, не отваживался, а находящуюся бы нынѣ во многихъ рукахъ книгу о множествѣ міровъ, Фонтенеля, переведенную... княземъ Кантемиромъ... указать вездѣ отобрать и прислать въ Синодъ" (соч. Кантемира, т. II, стр. 446). Бывшій сторонникъ Петровской реформы, М. П. Аврамовъ, ставилъ Кантемиру въ большую вину признаніе имъ системы Коперника (Чистовичъ, назв. соч., стр. 692).

небо и землю, звѣзды, растущее, живущее, наше тѣло, нашъ умъ; все являетъ порядокъ, точную мѣру, премудрость, искусство, духъ вышній и владычествующій надъ нами, Который такъ какъ душа цѣлаго свѣта и который все ведетъ къ своему концу отъ начала своего тихо, нечувствительно, но притомъ всемогущій“ [1]).

Далѣе Кантемиръ утверждаетъ, что премудрость, которая есть въ каждой твари, очевидна даже „всякому несмысленному человѣку“. Она сдѣлалась бы еще поразительнѣе, если бы „мы вступили во всѣ изобрѣтенія и доказательства физики, сбирая самыя сокровенныя части во всякомъ существѣ и во всякомъ звѣрѣ, разсматривая крайнее искусство механики совершенной“. Но въ этомъ нѣтъ надобности, такъ какъ намъ и безъ того ясно, что „Богъ единъ, всемогущъ и властенъ надъ нами, и отъ него единаго человѣческое зависитъ счастіе, и для того мнѣ съ моей стороны повиноваться волѣ его должно и почитать божественное его опредѣленіе въ моей жизни“ [2]).

Нашъ авторъ, — замѣтьте это,—очень хорошо знаетъ, что именно можно возразить противъ „доказательствъ“ этого рода. „Прежде были философы и нынѣ можетъ быть есть ихъ подражатели, которые мнѣ на сіе мое доказательство скажутъ,—говоритъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ,—что всѣ сіи разговоры о искусствѣ и премудрости видимой въ натурѣ не что иное какъ софизмъ, неправильное заключеніе разума... вся натура, они мнѣ скажутъ въ пользу человѣку, но ты худо заключилъ, что она сдѣлана съ нарочнымъ искусствомъ ради человѣка, развѣ хощешь, самъ себя обманывая, искать и находить то, чего не бывало“ [3]).

Но Кантемиръ не вдумывается въ это возраженіе. Онъ только отмахивается отъ него, повторяя все тотъ же физико-теологическій доводъ. „Что скажутъ,—спрашиваетъ онъ,—о такомъ человѣкѣ, который самую субтильную философію знать чаетъ и хочетъ слыть философомъ, но войдя въ домъ, увѣрять и спорить станетъ, что онъ единою нечаянностью построенъ и что искусство и прилежность ничего не прибавили для покою и пространства жителямъ“ и т. д. [4]).

Тутъ очень нетрудно было бы уличить его въ „софизмѣ, неправильномъ заключеніи разума“. Въ самомъ дѣлѣ, для доказательства правильности физико-теологическаго довода Канте-

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 81.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 81—82.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 82.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 83.

миръ заранѣе предполагаетъ его правильнымъ [1]). Но моя задача состоитъ здѣсь не въ томъ, чтобы спорить съ Кантемиромъ, который во всякомъ случаѣ имѣлъ ту заслугу, что былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ по времени русскихъ писателей, вплотную подходившихъ къ философскимъ вопросамъ, а въ томъ, чтобы дать читателю возможность составить себѣ правильное представленіе о его философскихъ взглядахъ. Поэтому я буду не критиковать, а только излагать.

Само собою разумѣется, что идею о Богѣ нашъ авторъ считаетъ врожденною человѣку. „Сія идея, — говоритъ онъ, — всегда со мною присносущна, и дѣйствительно со мною родилась“ [2]). Какъ нельзя болѣе понятно и то, что онъ признавалъ наличность въ человѣкѣ двухъ „естествъ“, и что самая эта наличность служила ему новымъ доказательствомъ бытія Божія: „Натура души моей совсѣмъ отмѣнна отъ тѣла. Кто такія разныя существа совокупилъ вмѣстѣ и во всѣхъ операціяхъ держитъ въ согласіи? Сіе соединеніе не можетъ быть такъ, какъ отъ существа всевышняго, которое два рода совершенства соединило въ свое безконечное совершенство“ [3]).

Это плохо изложено [4]), но разсужденіе ведется здѣсь, какъ видно, въ духѣ Декарта, философія котораго оставила глубокій слѣдъ въ умѣ Кантемира.

У Декарта же заимствовалъ Кантемиръ и свое ученіе о свободѣ воли. „Моя воля такъ отъ меня зависитъ, — писалъ онъ, — что въ томъ ни на комъ взыскивать кромѣ меня не можно, если я не захочу того, что надобно хотѣти; когда я къ чему имѣю волю, я воленъ не имѣть; когда же не имѣю, я воленъ имѣть; я въ моей волѣ свободенъ... Я чувствую волю размышляющую, которая къ согласному или противному еще обратиться можетъ, къ

---

[1]) Кромѣ того, уже Спиноза обнаружилъ слабость физико-теологическаго довода. Люди находятъ въ природѣ много вещей, помогающихъ имъ достигать ихъ цѣлей. Поэтому они смотрятъ на природу съ точки зрѣнія своей пользы. „Принявши вещи за средства, они не могли думать, чтобы эти вещи сдѣлались сами собою; но по средствамъ, какія они имѣютъ обыкновеніе приготовлять сами для себя, они должны были прійти къ заключенію, что есть одинъ или нѣсколько правителей природы, одаренныхъ свободой, которые обо всемъ для нихъ позаботились и все сдѣлали для ихъ пользы“. („Этика“, переводъ В. И. Модестова, стр. 45.) Неизвѣстно, слышалъ ли когда-нибудь Кантемиръ объ этомъ соображеніи Спинозы. Впрочемъ, если и слышалъ, то долженъ былъ оттолкнуть его отъ себя, какъ совершенно несоотвѣтствовавшее тому, чего самъ онъ искалъ въ философіи.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 76.

[3]) Соч., т. II, стр. 79.

[4]) Не забудемъ, что философскія письма Кантемира дошли до насъ въ очень плохомъ спискѣ.

тому или другому объекту; а иной причины той моей воли не знаю, какъ та же самая воля“ [1]).

При такомъ пониманіи свободы воли вопросъ объ отвѣтственности людей за ихъ поступки рѣшается до послѣдней степени просто. „Сія власть въ дѣлахъ моихъ,—разсуждаетъ Кантемиръ,—чинитъ меня виннымъ и недостойнымъ прощенія, когда я хочу худаго, а напротивъ хвалою вѣнчаетъ, когда я добрую имѣю волю. Сіе есть самое основаніе достоинства и недостоинства; сіе учиняетъ правильнымъ наказаніе или награжденіе; отъ сего побуждаютъ, постигаютъ, грозятъ и обѣщаютъ; сіе есть истинное основаніе прямого порядка и наставленія во нравахъ и нашей жизни“ [2]).

Около ста двадцати лѣтъ послѣ того, какъ написаны были эти строки однимъ изъ первыхъ идеологовъ русскаго дворянства, одинъ изъ первыхъ идеологовъ русскаго пролетаріата, Чернышевскій, внушалъ своимъ читателямъ, что когда человѣкъ поступаетъ дурно, то, внимательно всмотрѣвшись въ обстоятельства его жизни, мы увидимъ въ его дурныхъ поступкахъ не вину его, а бѣду его. И съ нимъ согласны были всѣ наши просвѣтители шестидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія. Ученіе Чернышевскаго и его единомышленниковъ было гораздо гуманнѣе, нежели ученіе Кантемира Но всему свое время. Странно было бы ожидать отъ птенца Петрова такихъ взглядовъ, которые какъ будто грозятъ поколебать „основаніе прямого порядка“. Да и на Западѣ подобные взгляды въ эпоху Кантемира только еще подготовлялись ходомъ развитія общественной жизни въ наиболѣе передовыхъ странахъ.

Въ одномъ изъ писемъ о природѣ и человѣкѣ (именно въ четвертомъ) есть очень толковое изображеніе того, что Молешоттъ назвалъ впослѣдствіи круговоротомъ жизни. „Пища, будучи бездушна, животворитъ звѣря,—читаемъ мы тамъ,—и потомъ сама бываетъ звѣремъ; части прежнія тѣла его исчезли нечувствительно въ непрестанной премѣнѣ; что было за четыре года лошадь, уже прахъ и гадъ одинъ остался, а что овесъ было и сѣно, то стало самая сильная лошадь“ [3]). Но если „бездушная“ пища животворитъ звѣря, если овесъ и сѣно превращаются въ

---

[1]) Тамъ же, та же стр. Спиноза говорилъ: „люди воображаютъ себя свободными потому, что сознаютъ свои желанія и свои стремленія, тогда какъ о причинахъ, которыя располагаютъ ихъ къ желаніямъ и стремленіямъ, поелику онѣ имъ неизвѣстны, они и во снѣ не думаютъ“. („Этика“, стр. 44.) Какъ видимъ, Кантемиръ тоже „и во снѣ“ не думалъ объ этихъ причинахъ.

[2]) Тамъ же, стр. 80.

[3]) Тамъ же, т. II, стр. 46.

лошадь, а лошадь съ теченіемъ времени становится „прахомъ и гадомъ", то это значитъ, что между организмомъ, обладающимъ чувствительностью, и „бездушной" матеріей нѣтъ той пропасти, которую придумали дуалисты. Правда, послѣдователь Декарта сказалъ бы намъ, что лошадь, какъ и всякое другое животное, не обладаетъ чувствительностью. Однако въ глазахъ Кантемира это выраженіе было бы неосновательнымъ. Онъ утверждаетъ, что „скотъ, хотя во многомъ несмысленъ, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ очень (т.-е. имѣетъ очень большой смыслъ. *Г. П.*) и для того нельзя почитать, чтобъ въ сей машинѣ не было резону" [1]). Но вѣдь изъ этого слѣдуетъ, что въ лошадиной машинѣ „резонъ" является продуктомъ поглощенія ею „бездушной пищи". Какъ же согласить это съ поколебимымъ дуализмомъ Кантемира?

Затрудненіе опять обходится у него съ помощью гипотезы творца: „Всякое движеніе, которое отнимаетъ силу, требуетъ подкрѣпленія, и для того находимъ покой въ забвеніи или снѣ... Кто опредѣлилъ сіе междучасіе и кто уставилъ время, котораго для покою необходимо требуютъ утомленные члены" [2]), и т. д.

Матерія,—г н у с н а я матерія, какъ называетъ ее Кантемиръ,—сама по себѣ инертна. Только воля божества приводитъ ее въ движеніе. Кантемиръ твердо убѣжденъ также въ томъ, что „матерія не можетъ думать" [3]). Однако онъ допускаетъ на минуту, что это для нея возможно, и опять выдвигаетъ доводъ отъ „междучасія": „Надобно, чтобы была нѣкоторая степень, въ которыхъ оная матерія не помышляетъ о томъ (т.-е. не обладаетъ сознаніемъ. *Г. П.*); другіе наступаютъ (т.-е. достигается другая „степень" движенія. *Г. П.*), въ которыхъ (на которой. *Г. П.*) она вдругъ станетъ познавать себя и разсуждать. Кто избралъ точную степень ихъ движеній, кто нашелъ линію, по которой части въ движеніи приходятъ, кто нашелъ мѣры точности, величину и фигуру, которыя всякая часть пріемлетъ и имѣть нужно, чтобы въ своемъ обращеніи не потерять препорціи между собою?" [4]).

Къ матеріализму Кантемиръ относится, конечно, съ полнымъ пренебреженіемъ. „Всѣ философы эпикуровой секты такъ слабы въ своихъ смятеніяхъ,—пишетъ онъ,—что они ни съ которой (стороны) яснымъ доказательствомъ утвердить не могутъ, признаютъ атомы вѣчные, отчего не знаютъ". Вообще „эпикуры сами своими принципіями себя въ неправости изобличаютъ" [5]). Кромѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 48—49. Ср. также стр. 58.
[2]) Тамъ же, стр. 46.
[3]) Тамъ же, стр. 58.
[4]) Тамъ же, стр. 49.
[5]) Тамъ же, т. II, стр. 88.

„эпикуровъ“, онъ, повидимому, не имѣлъ представленія ни о какихъ другихъ матеріалистахъ. Да и насчетъ „эпикуровъ“ у него встрѣчаются отзывы, рѣзко противорѣчащіе одинъ другому. Въ своемъ примѣчаніи къ тому мѣсту одного изъ переведенныхъ имъ писемъ Горація, гдѣ упоминается іонійскій поэтъ „Мимнермусъ“, Кантемиръ, сообщивъ, кто былъ и когда жилъ Мимнермъ, прибавляетъ: „Сей стихотворецъ крайнее блаженство поставлялъ въ сластолюбіи... однимъ словомъ въ насыщеніи всякой похоти; которое мнѣніе съ 300 лѣтъ послѣ него болѣе основалъ Эпикуръ философъ, начальникъ секты эпикурской“ [1]). Невозможно высказать болѣе отрицательное (и болѣе несправедливое) сужденіе о системѣ Эпикура. Но Горацій тоже причислялъ себя къ „стаду Эпикурову“, а Кантемиръ очень высоко ставилъ Горація. И вотъ, когда любимый его латинскій поэтъ, въ первомъ посланіи къ Меценату, даетъ понять, что слѣдовать Аристиппу,—ученіе котораго онъ отожествляетъ здѣсь съ ученіемъ Эпикура,—значитъ вещи себѣ, а не себя вещамъ подчинять, Кантемиръ спѣшитъ сдѣлать примѣчаніе, въ которомъ читаемъ: „И правда, секта аристипова и эпикурская то всего лучшее въ себѣ имѣла, что можно было по ихъ наукѣ все употреблять, но ничему надъ собою власть не дая“ [2]). Онъ не замѣчаетъ, что подобная „наука“ чрезвычайно далека отъ совѣта предаваться „сластолюбію и всякой похоти“.

Еще разъ: Кантемиръ лишь очень поверхностно зналъ исторію философіи и далеко не всегда сводилъ концы съ концами въ своихъ сужденіяхъ объ отдѣльныхъ философахъ. Татищевъ мыслилъ логичнѣе и основательнѣе [3]). Но какъ ни слабы доводы, выдвигаемые Кантемиромъ въ своихъ философскихъ письмахъ, они заслуживаютъ нашего вниманія не только потому, что являются первыми плодами работы европеизованной русской мысли въ области „любомудрія“ и „преестественницы“, но еще и потому, что очень многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которые стремился, хотя

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 434—435. Ср. примѣчаніе на стр. 394 того же тома.

[2]) Соч., т. I, стр. 394—395.

[3]) Въ бытность свою въ Парижѣ Кантемиръ очень дружилъ съ Пьеромъ Моро де-Мопертюи. Но Мопертюи (1698—1759), много писавшій о философскихъ предметахъ, подходилъ къ нимъ съ несравненно большей силой мысли, нежели Кантемиръ (Вольтеръ напрасно насмѣхался надъ нимъ). Приходится прямо удивляться тому, что бесѣды съ Мопертюи оказали такъ мало вліянія на философскія понятія Кантемира. Ничтожные размѣры этого вліянія могутъ быть объяснены только тѣмъ, что умъ нашего просвѣтителя былъ мало открытъ для дѣйствительно глубокихъ вопросовъ философіи. Права, главныя сочиненія Мопертюи появились уже послѣ смерти Кантемира. Но вѣдь не вдругъ же дошелъ ихъ авторъ до заключающихся въ нихъ важныхъ философскихъ теорій.

и безъ успѣха, рѣшить Кантемиръ, не переставали занимать русскихъ просвѣтителей до Чернышевскаго и Добролюбова включительно. Таковъ былъ, напримѣръ, вопросъ о свободѣ воли и о теоретической основѣ права наказанія. Скажу больше: Чернышевскій и Добролюбовъ,—самые выдающіеся и самые благородные образцы типа русскихъ просвѣтителей,—тоже не мало говорили о матеріализмѣ. Конечно, они были знакомы съ нимъ несравненно основательнѣе, нежели Кантемиръ, и, кромѣ того, въ противоположность Кантемиру, относились къ матеріалистической „сектѣ",—особенно въ лицѣ современнаго имъ „начальника" ея, Фейербаха,—съ безраздѣльнымъ сочувствіемъ. Но эта разница была вызвана обстоятельствами, выясненіе которыхъ и составитъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ моей дальнѣйшей работы.

Нравственныя понятія Кантемира навлекли на него впослѣдствіи упрекъ въ недостаткѣ строгости и въ эклектизмѣ. Такъ, по мнѣнію А. Д. Галахова, у него не было положительныхъ, безусловныхъ требованій суровой добродѣтели,—такихъ требованій, при которыхъ становятся смѣшны всѣ полудобродѣтельные поступки... Философія Кантемира стыдлива и не смѣла, какъ его характеръ: она проповѣдываетъ добро, боясь, поражаетъ порокъ, краснѣя. Характеризуя эту нравственную философію, Галаховъ сравнивалъ ее съ эпикурейской моралью Горація, какъ извѣстно, принадлежавшаго къ числу любимыхъ авторовъ Кантемира. Вся практическая философія Горація сжимается въ двѣ или три идеи, въ два или три желанія: „Покой, пріятная умѣренность, беззаботность о будущемъ днѣ—вотъ что ему нужно... Такой философъ, какъ Горацій, конечно, не будетъ преслѣдовать общественные недостатки: онъ только посмѣется надъ ними. Тонъ его сатиръ будетъ ровный, какъ и у Кантемира. Вотъ почему такъ ясно сходство между ними".

Сходство между ними дѣйствительно ясно. Но это чисто поверхностное сходство. Тутъ едва ли не больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, нужно помнить, что когда двое говорятъ одно и то же, это не одно и то же. „Златая умѣренность" Горація явилась плодомъ общественнаго индиферентизма, распространившагося въ Римѣ вслѣдствіе упадка республики. Это—„у п а д о ч н а я" мораль. „Златая умѣренность" Кантемира произошла совсѣмъ изъ другого источника. Она свидѣтельствовала не объ у п а д к ѣ даннаго строя, а только о нѣкоторыхъ, правда, очень тяжелыхъ, особенностяхъ положенія той н о в о й общественной группы, которая явилась плодомъ Петровской реформы и которой суждено было расти и подниматься вверхъ, хотя и съ мучительными для ея членовъ остановками.

Птенцы гнѣзда Петрова явились родоначальниками русской интеллигенціи. Послѣ смерти царя-реформатора, къ дѣятельности котораго пріурочивались, какъ извѣстно, всѣ ихъ упованія, птенцы почувствовали себя въ довольно затруднительномъ положеніи, которое начало казаться почти безнадежнымъ въ царствованіе Петра II. Въ своей первой сатирѣ, написанной въ 1729 г., двадцатилѣтній А. Кантемиръ горько жаловался, вспоминая время преобразованій, представлявшееся ему какимъ-то золотымъ вѣкомъ:

Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы она раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
Златой вѣкъ до нашего не дотянулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ уже посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ!
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.

Что оставалось дѣлать молодому просвѣтителю въ эту безотрадную эпоху? Ожидать лучшаго будущаго, а въ ожиданіи его помнить, что удалиться отъ зла иногда значитъ сотворить благо. Кантемиръ, въ самомъ дѣлѣ, нашелъ, что только это ему и оставалось. Сообразно съ этимъ онъ и рѣшилъ устроить свою жизнь:

Таковы слыша слова, и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своему углу молчаливъ таится,
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

Тутъ вся тайна той „златой умѣренности“, правиламъ которой слѣдовалъ нашъ авторъ. Тогдашній россійскій „шляхтичъ“ обязанъ былъ служить. Но, выступая на обязательную служебную арену, можно было захватить съ собою большій или меньшій запасъ честолюбія. Кто стремился достичь степеней извѣстныхъ, тому прежде всего нужно было не стѣсняться въ выборѣ средствъ. А кто былъ разборчивъ въ этомъ выборѣ, тому приходилось „сидѣть въ незнатности“. А „не скучать“, сидя въ ней, могъ

только тотъ, кто былъ, по выраженію того же Кантемира, малымъ доволенъ.

И для чего нужно было, по Кантемиру, довольствоваться малымъ? Для того, чтобы остаться хоть относительно свободнымъ? А для чего нужна свобода? Для того, чтобы тайно веселить себя усвоеніемъ всеблагой мудрости и разсужденіемъ о пользѣ наукъ. Будемъ справедливы и скажемъ, что только выдающійся въ нравственномъ отношеніи человѣкъ могъ „веселить“ себя *такимъ образомъ*.

Кантемиръ серьезно собирался слѣдовать тому совѣту, который онъ давалъ „уму своему“. Онъ самъ говоритъ, что первая его сатира была написана имъ для одного только „провожденія времени“, безъ всякаго намѣренія ее „обнародить“. Тогда онъ чувствовалъ себя почти совсѣмъ одинокимъ. „Но,—продолжаетъ онъ,—по случаю одинъ изъ его пріятелей, выпросивъ ее прочесть, сообщилъ Ѳеофану, архіепископу новгородскому, который ее вездѣ съ похвалами стихотворцу разсказалъ, и тѣмъ недоволенъ, возвращая ее, приложилъ похвальные сочинителю стихи (уже знакомые намъ стихи „Не знаю кто ты пророче рогатый“ и т. д. *Г. П.*) и въ даръ къ нему прислалъ книгу: „*Геральдія о богахъ и стихотворцахъ*. Тому архіепастору слѣдуя, архимандритъ Кромекъ многіе въ похвалу творцу стихи надписалъ... [1]), чѣмъ онъ ободренъ, сталъ далѣе прилежать къ сочиненію сатиръ“. Убѣдившись въ томъ, что его литературная дѣятельность можетъ встрѣтить сочувствіе, Кантемиръ пересталъ ограничиваться тайнымъ увеселеніемъ самого себя посредствомъ усвоенія всеблагой мудрости и выступилъ на тотъ „путь преславный, коимъ,—по выраженію Прокоповича,—книжные текли исполины“.

Прокоповичъ, обладавшій не только волчьимъ ртомъ и лисьимъ хвостомъ, но также большимъ умомъ и широкимъ образованіемъ, отлично зналъ, что „течи“ по этому пути не весьма было удобно въ тогдашней Россіи. Но онъ утверждалъ, что кого „объемлетъ“ Аполлонъ (тогда у насъ писали: *Аполлінъ*), не долженъ бояться „сильныхъ глупцовъ“:

Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ трикраты.
Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый
Ты и безъ счастья довольно счастливый.

---

[1]) Латинскіе стихи:

Ars est celebris stultitae genus... и т. д.

См. сочиненія *Кантемира*, изданіе Ефремова, томъ I, стр. 23—24.

Это сказано превосходно. Но я поставлю читателю на видъ, что быть счастливымъ безъ счастья можно было тогда именно, только держась дорогой Кантемиру умѣренности.

При Аннѣ положеніе „ученой дружины“ нѣсколько улучшилось. Но и при ней оно было далеко не изъ легкихъ. А главное, и при ней достигать степеней извѣстныхъ можно было только съ помощью всякаго рода интригъ и происковъ. Какъ прекрасно сказалъ Чистовичъ, вліятельные дѣятели того времени въ смутахъ и интригахъ низвергали одинъ другого, чтобы въ свою очередь и себѣ ожидать такой же участи. Вспомнимъ сыскные подвиги „дивнаго первосвященника“ Ѳ. Прокоповича. При такомъ положеніи дѣлъ „златая умѣренность“ Кантемира являлась единственнымъ средствомъ обезпечить себѣ нѣкоторую долю благородной независимости.

Любознательность Кантемира распространялась также и на политику. Иностранный его біографъ, аббатъ Венути, сообщаетъ, что онъ очень увлекался сочиненіемъ Боссюэ „Politque sacrée“. Это сочиненіе, очевидно, есть не что иное, какъ „La politique tirée des propres paroles de l'écriture sainte“. По словамъ того же біографа, „собственная политика русскаго посла вытекала болѣе изъ философіи священнаго писанія и интересовъ человѣчества, чѣмъ изъ книги Макіавелли и придворныхъ хитростей. Въ политикѣ, по его мнѣнію, должна быть одна цѣль—забота о счастіи людей, а имя отца народа должно опредѣлять обязанности государя; интересы государя и народа всегда должны идти рука объ руку, и если государи и могутъ покупать себѣ безопасность и спокойствіе цѣною народной крови, то проливать ее только для удовлетворенія своего честолюбія значило бы нарушить законы природы и правленія“ [1]). Кантемиръ думалъ, что счастливыми могутъ быть только тѣ народы, у которыхъ правила эти лежатъ въ основѣ государственнаго управленія. Наконецъ, отъ того же біографа мы узнаемъ, что однажды Кантемиръ сказалъ, выходя изъ театра, гдѣ онъ встрѣтился съ однимъ министромъ: „Я не понимаю, какъ можно спокойно отправиться въ театръ, подписавъ смертный приговоръ сотнямъ тысячъ человѣкъ“. Тогда только что была объявлена война [2]).

Это замѣчаніе рисуетъ Кантемира съ очень привлекательной стороны. А что сказать о его увлеченіи политикой Боссюэ?

Кантемиръ, живя въ Россіи, какъ и всѣ птенцы Петровы, былъ убѣжденнымъ сторонникомъ абсолютизма и, какъ увидимъ ниже,

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. XCVIII (вступительная статья В. Стоюнина).

[2]) Тамъ же, стр. XCIX. Повидимому, рѣчь идетъ о войнѣ за испанское наслѣдство. Но аббатъ Флёри, которымъ, вѣроятно, и было подписано постановленіе объ участіи Франціи въ этой войнѣ, какъ кажется, не одобрялъ его.

принималъ довольно дѣятельное участіе въ дворянской реакціи противъ попытки верховниковъ ограничить власть императрицы Анны. Когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ (въ сентябрѣ 1738 г.), тамошніе просвѣтители уже вели энергичную атаку противъ „стараго порядка". Политическій вопросъ еще не ставился тогда въ рѣзкой формѣ; однако оппозиціонное настроеніе передовыхъ умовъ довольно ясно сказывалось въ большомъ ихъ сочувствіи къ англійскимъ пріемамъ управленія и въ требованіи гражданскаго равенства. Монтескье, посѣтившій Англію въ 1729 г., писалъ оттуда: „A Londres, liberté et egalité" (въ Лондонѣ—свобода и равенство), а десять лѣтъ спустя маркизъ д'Аржансонъ доказывалъ необходимость уничтоженія дворянскихъ привилегій: „les nobles ressemblent à ce que sont les frelons aux ruches" (благородные похожи на трутней въ ульѣ), говорилъ онъ. Что нашъ членъ „ученой дружины" не остался равнодушнымъ къ тому, что происходило тогда въ передовыхъ литературныхъ кругахъ Франціи, доказывается сдѣланнымъ имъ переводомъ вышедшихъ еще въ 1721 г. „Lettres persannes" Монтескье [1]). Да и Фонтенель, тоже переведенный Кантемиромъ, можетъ считаться однимъ изъ раннихъ дѣятелей просвѣтительной литературы во Франціи [2]). Но мы знаемъ, что своихъ религіозныхъ вѣрованій Кантемиръ не утратилъ. Уцѣлѣла какъ будто и его преданность самодержавію: увлекаться „Политикой" Боссюэ могъ только сторонникъ неограниченной монархіи.

Однако тутъ необходима существенная оговорка. Боссюэ былъ въ своей „Политикѣ" идеологомъ французской абсолютной монархіи, а не русскаго царизма. Поэтому, энергично настаивая на томъ, что не можетъ быть такой человѣческой власти, которая стояла бы выше самодержавнаго государя, онъ тщательно различалъ самодержавное правленіе отъ произвольнаго (gouvernement que l'on appelle arbitraire). И въ этомъ различеніи онъ вполнѣ сходился съ Бодэномъ.

Произвольное правленіе характеризуется у него четырьмя признаками.

Во-первыхъ, подчиненные монарху народы находятся въ рабской зависимости отъ него, они его крѣпостные (sont nés esclaves, c'est-à-dire vraiment serfs). Свободныхъ людей между ними не существуетъ [3]).

---

[1]) Переводъ не сохранился.

[2]) По поводу его книги „Histoire des oracles" (1687) Г. Лансонъ говоритъ: „Tous les arguments purement philosophiques dont on battra la religion, sont en principe dans le livre de Fontenelle".

[3]) Oeuvres complètes, vol. XXIV, Paris, 1885, pp. 104 et 105.

Вторымъ признакомъ, отличающимъ произвольное правленіе отъ самодержавнаго, считается у Боссюэ отсутствіе собственности въ государствахъ, подчиненныхъ произвольной власти монарха: все принадлежитъ государю (tout le fond appartient au prince).

Въ-третьихъ, такія государства имѣютъ ту особенность, что въ нихъ монархъ можетъ располагать по своему произволу не только имуществомъ, но и жизнью своихъ подданныхъ, обращаясь съ ними какъ съ рабами.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, государства, управляемыя произволомъ государей, не знаютъ другого закона, кромѣ этого произвола.

Боссюэ называетъ такую форму правленія варварской и гнусной (barbare et odieuse). По его словамъ, она очень далека отъ французскихъ нравовъ и потому не имѣетъ мѣста во Франціи, управляемой самодержавными государями [1]).

Въ самодержавныхъ государствахъ подданные сохраняютъ право собственности и свободу. Поэтому Боссюэ называетъ такую форму правленія также законной (legitime) [2]).

Эту характеристику цѣликомъ принялъ бы не только Бодэнъ, но и Юрій Крижаничъ. Интересно, что Боссюэ ссылается на тотъ же библейскій разсказъ, о которомъ вспоминаетъ Крижаничъ, описывая, съ своей стороны, признаки произвольнаго („людодерскаго“) правленія: разсказъ о томъ, какъ „отписанъ“ былъ на израильскаго государя виноградникъ несчастнаго Навуѳея (Набока, какъ называлъ его, слѣдуя латинскому произношенію, Крижаничъ), побитаго камнями за то, что осмѣлился не желать разстаться съ наслѣдствомъ отцовъ своихъ. По мнѣнію знаменитаго французскаго прелата, Богъ строго наказалъ Ахава и Іезавель именно за то, что они захотѣли произвольно распоряжаться имуществомъ, честью и жизнью своего подданнаго [3]). И опять нельзя не пожалѣть, что у насъ нѣтъ данныхъ, которыя указывали бы на то, какое впечатлѣніе производили подобные взгляды Боссюэ на Кантемира, знакомаго не только съ французской „законной“ монархіей...

Когда Кантемиръ говорилъ, что интересы государя и народа всегда должны идти рука объ руку, онъ повторялъ одно изъ основныхъ положеній (propositions) „Политики“ Боссюэ. Въ подлинникѣ положеніе это гласитъ такъ: „il n'y a que les ennemis publics qui séparent l'intérêt du prince de l'intérêt de l'Etat“ (только враги общества могутъ отдѣлять интересъ государя отъ интереса

[1]) Bossuet. Oeuvres, t. XXIV, p. 105.

[2]) Тамъ же, стр. 105—106.

[3]) Тамъ же, стр. 109. Такъ же думалъ и Крижаничъ.

государства) [1]). Но отсюда еще нельзя заключить, что русскій сатирикъ и дипломатъ много задумывался о преимуществахъ „законной“ формы правленія передъ произвольною.

Въ іюнѣ 1732 г., отвѣчая на письмо Остермана, который требовалъ отъ него извѣстія о томъ, кто былъ авторомъ одной англійской статьи, предосудительной для русскаго двора, онъ писалъ: „Трудно знать все, что въ семъ городѣ повседневно печатается... Да и то, сіятельный графъ... дерзаю сказать, что... не знаю, будетъ ли гораздо полезно, потому что здѣшній народъ воленъ... и убѣждается гораздо болѣе о томъ говорить, что говорить запрещено“. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ въ письмѣ къ императрицѣ опять указываетъ на привязанность англичанъ къ свободѣ печати: „И подлинно англичане свободное печатаніе почитаютъ за фундаментъ своей вольности“ [2]). Но если Монтескье, попавши въ Англію, завидовалъ свободѣ англійскаго народа, то кажется, что Кантемиръ оставался къ ней равнодушнымъ. Въ его перепискѣ совсѣмъ незамѣтно сочувствія къ свободѣ.

Въ виду этого невольно вспоминаешь то равнодушіе, съ какимъ относились къ литовской вольности московскіе иноки, попадавшіе въ зарубежные православные монастыри и слышавшіе тамъ, что „на Литвѣ“ можно свободно переходить изъ одной религіи въ другую. Они повторяли ссылки на эту вольность, но у нихъ совсѣмъ не возникало желанія перенести ее въ Московское государство. И опять невольно возникаетъ вопросъ: неужели же нашъ просвѣтитель былъ похожъ на этихъ иноковъ?

Имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ для его біографіи даетъ намъ,—оставаясь, правда, не совсѣмъ яснымъ,—пріятную возможность отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Аббатъ Венути говоритъ, что „его восхищала Англія, гдѣ парламентъ сдерживаетъ власть монарха въ опредѣленныхъ предѣлахъ и не позволяетъ ей стать выше законовъ, ограждая подданныхъ отъ печальныхъ послѣдствій самовластія“ [3]).

Неясность этого свидѣтельства состоитъ въ томъ, что нелегко согласить восторгъ передъ англійской конституціей съ увлеченіемъ „Политикой“ теоретика французскаго абсолютизма Боссюэ.

Неизвѣстно, какъ разрѣшалось это противорѣчіе въ умѣ Кантемира. Аббату Венути нашъ сатирикъ говорилъ, что уже и въ

---

[1]) Bossuet. Oeuvres, t. XXIV, p. 104.

[2]) Кантемиръ, соч., т. II, стр. 97 и 99.

[3]) В. Стоюнинъ. Вступительная статья къ сочиненіямъ Кантемира (изд. 1867 г.), стр. LVI. Написанная Венути біографія Кантемира приложена къ французскому переводу сатиръ Кантемира. Къ сожалѣнію, я не могъ найти этого перевода въ парижской Bibliothèque Nationale.

1730 г. онъ умѣлъ цѣнить выгоды политической свободы, но находилъ, что при „настоящихъ условіяхъ лучше было удержать существующій порядокъ“. Этимъ будто бы и объяснялось его противодѣйствіе попыткѣ верховниковъ ограничить власть императрицы Анны. Врядъ ли это было дѣйствительно такъ. Вѣрнѣе, что въ то время Кантемиръ, подобно Ѳ. Прокоповичу, являлся безусловнымъ сторонникомъ русскаго самодержавія, а впослѣдствіи, когда онъ пожилъ за границей, у него открылись глаза на преимущества западно-европейскихъ политическихъ учрежденій, и тогда онъ, желая успокоить свою совѣсть, додумался до оппортюнистическаго соображенія о „настоящихъ условіяхъ“. Но и тогда его политическіе взгляды оставались очень неопредѣленными, вслѣдствіе чего онъ могъ распространять свое сочувствіе и на французскую неограниченную монархію и на англійскую конституцію. Опредѣленной сдѣлалась тогда только неудовлетворенность собственно русскимъ монархизмомъ. Но все это, конечно, лишь предположенія. Тутъ, повторяю, много неяснаго.

Много утомительныхъ и безплодныхъ хлопотъ причиняли бѣдному русскому просвѣтителю-дипломату иностранные писатели, непочтительно отзывавшіеся о нашихъ порядкахъ. Въ началѣ 1738 г. онъ долго возился съ нѣкимъ Локателли, котораго считали авторомъ книги „Lettres moscovites“, предсказывавшей скорое паденіе власти нѣмцевъ въ Россіи. „Я у искусныхъ здѣсь юрисконсультовъ постороннимъ образомъ довѣдывался, можно ли бы его арестовать и наказать за сочиненіе помянутой книги“, писалъ онъ въ Петербургъ. Выходило, что никакъ нельзя. Помимо всего прочаго, помѣхой опять служила „вольность“ англійскаго народа. Досадуя на это вѣчное препятствіе, а можетъ быть, желая утѣшить петербургское правительство, Кантемиръ увѣрялъ даже, что англійскій народъ „на всякій день въ безстыдныхъ пасквиляхъ противъ самого короля и министровъ показывается“. Не видя другихъ способовъ наказать Локателли, онъ предлагалъ „своевольнымъ судомъ чрезъ тайно посланныхъ гораздо побить его“. Если бы государыня „изволила опробовать“ этотъ неоспоримо „своевольный“ способъ, то Кантемиръ готовъ былъ произвести его „въ дѣйство“, находя нужнымъ, правда, принять новыя мѣры къ тому, чтобы вполнѣ убѣдиться въ виновности предполагаемаго автора „Московскихъ писемъ“ [1]).

Итакъ, очень похоже на то, что Кантемиръ оставался въ неясности насчетъ разницы между „законной“ монархіей, съ одной стороны, и „произвольной“, съ другой. Но для историка русской

---

[1]) Сочиненія, т. II, стр. 101—102.

общественной мысли важно уже то обстоятельство, что, знакомясь съ политической литературой Запада, русскіе люди даже отъ консерваторовъ въ родѣ Боссюэ могли заимствовать такія понятія, которыя въ Россіи должны были представляться совершенно „завиральными“.

Но если Кантемиръ и сохранилъ свою политическую невинность, то не надо думать, что ему, какъ писателю, нечего было сказать своимъ современникамъ. Между нимъ и большинствомъ его читателей все-таки была огромная разница, почти пропасть, въ смыслѣ образованія и умственнаго развитія. Въ этомъ насъ убѣждаютъ уже знакомыя намъ отчасти примѣчанія его къ своимъ переводамъ иностранныхъ авторовъ. А еще больше убѣдимся мы въ этомъ, внимательно разсмотрѣвши, въ другой связи, довольно разнообразное содержаніе его сатиръ.

Хотя онъ не считалъ литературу, а особенно поэзію, занятіемъ, достойнымъ пожилого человѣка, достигшаго болѣе или менѣе извѣстныхъ степеней, тѣмъ не менѣе его влекло къ ней, между прочимъ, также и сознаніе своей обязанности передъ родиной. Онъ хотѣлъ приносить пользу Россіи своей литературной дѣятельностью. По всей вѣроятности, не безъ колебаній взялся онъ за переводъ произведеній Анакреона, такъ какъ они не заключаютъ въ себѣ ничего нравоучительнаго. Во всякомъ случаѣ, онъ оговорился заранѣе: „Хотя изъ помянутыхъ пѣсней должно бы признать, что Анакреонтъ былъ пьяница и прохладнаго житья, однакожъ противное изъ многихъ писателей старинныхъ усматриваемъ, почему нужно думать, что веселой его нравъ къ такимъ сочиненіямъ причину подалъ“ [1]). Переведенныя имъ посланія Горація очень нравились ему именно своимъ нравоучительнымъ содержаніемъ. „Почти всякая строка,—говоритъ онъ о нихъ,—содержитъ какое-либо правило, полезное къ учрежденію житія“ [2]). Свои собственныя „малыя творенійца“ онъ тоже писалъ потому, что ждалъ отъ нихъ пользы къ такому „учрежденію“. Онъ говорилъ: „Все, что я пишу, пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ“. Но такую же цѣль совѣтовалъ „рогатому пророку“ преслѣдовать въ своей литературной дѣятельности „дивный первосвященникъ“ и указывалъ ему Ѳеофанъ Прокоповичъ:

А ты какъ началъ течи путь преславный,
Коимъ книжные текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный,

---

1) Тамъ же, т. I, стр. 342.
2) Тамъ же, т. I. стр. 385.

На нелюбящихъ ученой дружины,
И разрушай всякъ обычай злокровный,
Желая доброй въ людяхъ перемѣны...
Кой плодъ ученій не единъ искуситъ,
А дураковъ злость языкъ свой прикуситъ,

Этого благороднаго взгляда на задачи литературной дѣятельности держались просвѣтители всѣхъ странъ [1]). Наши просвѣтители шестидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія съ такимъ благороднымъ увлеченіемъ предававшіеся литературной дѣятельности,—Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ и другіе,—тоже хотѣли преподать своимъ соотечественникамъ рядъ истинъ, полезныхъ „къ учрежденію житія". Возможная тутъ разница вся сводится къ содержанію этого ряда истинъ: Чернышевскій и Добролюбовъ смотрѣли на вещи совсѣмъ не такъ, какъ Кантемиръ и Татищевъ.

Взглядъ, согласно которому литература не есть дѣло, достойное солиднаго человѣка, совершенно не согласимъ со взглядомъ на нее, какъ на орудіе устроенія человѣческаго „житія". А между тѣмъ оба эти взгляда уживались въ головѣ Кантемира, да и не одного Кантемира. Сначала это кажется страннымъ. Но странность исчезаетъ, если принять во вниманіе, что, усваивая, себѣ ученія западно-европейскихъ просвѣтителей, Кантемиръ, какъ и Татищевъ, не переставалъ быть идеологомъ служилаго класса. Въ качествѣ такого идеолога онъ, опять подобно Татищеву, могъ лишь въ извѣстной, довольно ограниченной мѣрѣ, проникаться названными ученіями. Весьма естественно, что далеко не всегда удавалось ему избѣгать очень замѣтныхъ теперь для насъ противорѣчій какъ въ своей жизни и дѣятельности, такъ и въ своихъ понятіяхъ.

---

[1]) О томъ, до какой степени господствовалъ этотъ взглядъ въ средѣ французскихъ просвѣтителей XVIII вѣка, было писано очень много. Какъ на одно изъ недавнихъ сочиненій, укажу на книгу Ф. Гэффа, „Le Drame en France au XVIII siècle", Paris 1910. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ ней третья часть, посвященная разностороннему выясненію вліянія, оказаннаго просвѣтительными идеями на изящную,—преимущественно драматическую,—французскую литературу.

Глава III.

Непосредственное вліяніе Петровской реформы на ходъ развитія общественной мысли.

Всѣмъ извѣстно теперь, какой дорогой цѣной пришлось заплатить русскому народу за реформу Петра Перваго. Ниже намъ еще придется говорить о протестѣ народной массы противъ новыхъ тягостей, наложенныхъ на нее суровымъ преобразователемъ. Но реформа была вызвана общественной потребностью, назрѣвавшей хотя медленно, но неуклонно. Поэтому народъ не могъ видѣть однѣ только отрицательныя стороны ея. Извѣстные, правда, весьма и весьма немногочисленные, представители его рано замѣтили тѣ выгоды, которыя она должна была принести Россіи, и отнеслись къ ней съ сочувствіемъ, иногда довольно сдержаннымъ, а иногда доходившимъ до безпредѣльнаго восторга. Пока достаточно будетъ указать на Посошкова и Ломоносова. Потомъ намъ нужно будетъ познакомиться еще съ интересной семьей Каржавиныхъ.

1. И. Т. Посошковъ.

Самое замѣчательное сочиненіе Ивана Тихоновича Посошкова — „Книга о скудости и богатствѣ“ — было напечатано въ 1842 г. М. П. Погодинымъ. Когда Погодинъ ознакомился съ его содержаніемъ, то пришелъ къ тому заключенію, что ему посчастливилось открыть русскаго самородка, который [1]), „родясь лѣтъ за пятьдесятъ до Политической Экономіи въ Европѣ, посчиталъ живо ея правила“ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ предшественникомъ Адама Смита [2]).

Такой взглядъ на Посошкова какъ на экономиста былъ, если не во всей полнотѣ, то отчасти принятъ другими послѣдовате-

---

[1]) Род. въ 1652 или 1653 г., умеръ 1-го февраля 1726 г.

[2]) Предисловіе М. П. Погодина къ первому тому сочиненій Посошкова. Москва, 1842 г., стр. VIII; см. статью того же историка въ „Москвитянинѣ“ за 1842 г., кн. 3, стр. 101.

лями, напримѣръ, Брикнеромъ. Къ этому надо прибавить, что въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка нѣкоторые практическіе планы Посошкова представлялись такими неслыханно-смѣлыми, что книга могла быть напечатана лишь съ разрѣшенія Николая I. Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ умеръ въ Петропавловской крѣпости, куда попалъ, по всей вѣроятности, за свою книгу. Въ виду всего этого, онъ пріобрѣлъ репутацію не только крупнаго теоретика, но и смѣлаго новатора. Такимъ считалъ его даже Н. П. Павловъ-Сильванскій, едва ли не наиболѣе вдумчивый изо всѣхъ тѣхъ, которые о немъ писали.

Однако, на самомъ дѣлѣ, Посошковъ былъ новаторомъ не въ большей мѣрѣ, нежели консерваторомъ. Притомъ, съ точки зрѣнія теоріи, цѣнность его взглядовъ далеко не такъ велика, какъ думали Погодинъ, Брикнеръ, Миклашевскій и Павловъ-Сильванскій. Но все это не уменьшаетъ, а скорѣе увеличиваетъ значеніе литературной дѣятельности его въ глазахъ историка русской общественной мысли.

По словамъ Павлова-Сильванскаго, Посошковъ былъ типичнымъ московскимъ прогрессистомъ, въ противоположность западникамъ — Петру и его ближайшимъ сотрудникамъ [1]). Что же означаетъ выраженіе „московскій прогрессистъ“? Разберемся въ этомъ.

Павловъ-Сильванскій называетъ міровоззрѣніе Посошкова старо-церковнымъ, прибавляя, что оно было тѣсно связано съ крайнимъ суевѣріемъ“ [2]). И онъ вполнѣ правъ, какъ въ этомъ твердо убѣдится всякій, кто прочтетъ такія сочиненія Посошкова какъ „Зеркало, спрѣчь изъявленіе очевидное и извѣстное на суемудріа раскольнича“ и проч. (закончено въ 1708 г.) и „Завѣщаніе отеческое“ (закончено въ 1719 или въ 1720 г.).

Извѣстный ростовскій епископъ Дмитрій, считавшійся авторитетомъ по части полемики съ раскольниками, находилъ, что „Зеркало“ Посошкова представляетъ собою „великое раскольниковъ обличеніе и постыженіе.“ Съ его точки зрѣнія это, можетъ быть, и вѣрно. Тѣмъ не менѣе „благопотребная книжица“ Посошкова является плодомъ такой же ограниченности кругозора, которая обнаруживается въ раскольничьей проповѣди и которая могла бы служить однимъ изъ самыхъ сильныхъ доводовъ противъ старыхъ московскихъ порядковъ. Ограниченность круго-

---

[1]) Н. П. Павловъ-Сильванскій. Сочиненія, т. II, стр. 61, статья „Иванъ Тихоновичъ Посошковъ“.

[2]) Тамъ же, стр. 54.

зора дополняется у Посошкова фанатической нетерпимостью. Онъ прямо говоритъ, что „Никонъ Патріархъ добрѣ учини, еже развращающихъ церковь повелѣ огнемъ пожигати“ [1]). Обращаясь къ приверженцамъ господствующей церкви, онъ ставитъ имъ на видъ, что Іоаннъ Златоустъ „никакова содружія не повелѣваетъ имѣти“ съ врагами офиціальнаго православія: „а аще кто съ ними будетъ безъ боязни вмѣстѣ пити и ясти, или и иное какое содружіе имѣти, о таковыхъ Златоустый рече, яко пострадутъ отъ Бога паче того истаго врага Божія. И сего ради для Господа Бога гнушайтеся всѣхъ лжеучительствующихъ и возглаголющихъ хулу на каковыя святыни, и далече отъ нихъ бѣгите, понеже вси сіи врази и суть Христовы, други же Антихристовы: вси бо лжепророцы и хулницы изъидоша отъ діавола и отъ сына его Антихриста“ [2]). Въ томъ же духѣ высказывается Посошковъ и въ „Завѣщаніи отеческомъ“. „И о семъ ты, сыне мой, не сумняйся, — говоритъ онъ тамъ, — еже Божіихъ противниковъ и отъ истинные вѣры развратниковъ смерти предавати: Самъ бо Господь повелѣлъ древо, не творящее плода добра, посѣкати и во огнь въметати“. Московскій „прогрессистъ“ не довольствуется совѣтомъ жечь раскольниковъ. Онъ облекаетъ свой дикій совѣтъ въ самую отвратительную форму. „Буде кости ихъ останутца (послѣ сожженія еретиковъ. *Г. П.*), то, разбивъ ихъ, паки изжечь, — настаиваетъ онъ, — чтобы въ пепелъ претворились; и тотъ пепелъ въ пометъ человѣчь въмѣсить, или въ непреходимое болото разъвѣять, чтобы ученикамъ ихъ собрать и во святыя мощи причести имъ было невозможно“ [3]).

Читатель видитъ, какъ неизмѣримо далекъ Посошковъ отъ той вѣротерпимости, къ которой склоняется, по крайней мѣрѣ въ теоріи, западникъ В. Н. Татищевъ. Но при этомъ необходимо замѣтить, что отъ природы Посошковъ вовсе не былъ жестокимъ человѣкомъ. Онъ совѣтовалъ своему сыну мягко обращаться не только съ людьми, но даже съ животными. „И аще ты, сыне мой, поѣдеши на кони, — пишетъ онъ въ своемъ „Завѣщаніи,“ — блюдись того, дабы ти какова человѣка, богата или убогаго, конемъ своимъ не потѣснити и з дороги бы пѣшеходные не стиснути въ грязь... И не токмо человѣки люби, но и скоты милуй. Аще и курицу на пути наѣдеши, въ песцѣ рыющуюся, не потѣс-

---

[1]) Сочиненія Посошкова, т. II, стр. 233. Москва, 1863 г. Въ правописаніи я вездѣ слѣдую печатному подлиннику, оставляя за издателями отвѣтственность за поправки, внесенныя ими въ рукописяхъ Посошкова.

[2]) Тамъ же, стр. 236.

[3]) „Завѣщаніе отеческое“, изд. подъ редакціей и со вступительной статьей Е. М. Прилежаева. СПБ., 1893, стр. 280, 194—195, 295 и др.

ни ее... понеже и она тварь есть Божія“ [1]). Да и это еще не все. Посошковъ совѣтуетъ, по возможности, щадить жизнь даже въ растеніяхъ: „Подобно же тому чини, сыне мой, и въ лѣсѣ. Егда бо внидеши въ него, отнюдь древа ни великаго, ни малаго безъ потребы не съсѣцы: понеже Богъ насадилъ древеса на потребу человѣческую, а не на поруганіе, ни на играніе“. При другихъ обстоятельствахъ этотъ человѣкъ могъ бы доразвиться до любовнаго сознанія своего субстанціальнаго родства со всей природой и до соотвѣтственныхъ такому сознанію правилъ поведенія, а въ Москвѣ изъ него вышелъ... авторъ „Зеркала“ и „Завѣщанія“.

Легко догадаться, что Посошковъ былъ монархистомъ: въ Московскомъ государствѣ республиканцевъ не бывало. Но трудно представить себѣ, какъ сильно пропитаны были его взгляды — не только политическіе — духомъ вотчинной монархіи. По его словамъ, у иноземцевъ короли такой власти не имѣютъ, какъ народъ. „И того ради короли ихъ не могутъ по своей волѣ что сотворити, но самовластны у нихъ подданные ихъ, а паче купецкіе люди“. Не то въ Россіи. „У насъ самый властительный и всецѣлый монархъ, и не аристократъ, ниже демократъ.“ Русскій государь можетъ дѣлать все, что захочетъ: „яко Богъ всѣмъ свѣтомъ владѣетъ, такъ и царь въ своей державѣ имѣетъ власть“ [2]). Изъ этой политической теоріи немедленно дѣлается экономическій выводъ, что царь можетъ по произволу опредѣлять стоимость денегъ. Уже отсюда хорошо видно, что сильно ошибались изслѣдователи, считавшіе Посошкова глубокимъ теоретикомъ и полагавшіе, что онъ предупредилъ нѣкоторыя открытія западно-европейскихъ экономистовъ. Ходъ идей соотвѣтствуетъ ходу вещей. Такъ какъ Московское государство очень сильно отстало отъ передовыхъ странъ Западной Европы въ области экономики, то естественно, что и его „первый экономистъ“ весьма значительно отсталъ отъ западно-европейскихъ.

Во Франціи, соціально-политическое развитіе которой неизмѣнно направлялось, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, въ сторону абсолютизма, публицисты все болѣе и болѣе склонялись къ признанію права государя на вмѣшательство въ самыя различныя стороны народной жизни. Но постепенно складывавшаяся

---

[1]) „Завѣщаніе“. Стр. 13.

[2]) Сочиненія, т. I, стр. 231 и 254. Въ другой главѣ того же сочиненія (О скудости и богатствѣ) онъ пишетъ: „Царю неслично на людяхъ своихъ судомъ искать; но аще кто виненъ будетъ, то вся можетъ имѣнія его взять“ (тамъ же, стр. 73—74). Убѣжденный сторонникъ французскаго монархизма, Боссюэ, ни за что не согласился бы съ этимъ, какъ не согласился бы Бодэнъ.

тамъ абсолютная монархія не имѣла „вотчиннаго“ характера [1]), вслѣдствіе чего взгляды обрѣли черты, рѣзко отличающія ихъ отъ взглядовъ московскихъ теоретиковъ. Мы видѣли Бодэна и Боссюэ. Что касается собственно экономическихъ ученій, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что Франція уже въ XIV вѣкѣ выдвинула писателей, имѣвшихъ гораздо болѣе правильное понятіе о деньгахъ, нежели Посошковъ. Такими были Буриданъ и, въ особенности, Николя Орезмъ [2]). Буриданъ доказывалъ, что, хотя государь иногда не только можетъ, но бываетъ обязанъ измѣнить вѣсъ или названіе монеты,—напримѣръ, когда начинаетъ дѣлать ее изъ болѣе дорогого, чѣмъ прежде, металла, — однако онъ не можетъ произвольно опредѣлять ея стоимость. Ученикъ Буридана Николя Орезмъ еще рѣшительнѣе возставалъ противъ королевскаго произвола въ области монетнаго дѣла. Согласно его ученію, монета не составляетъ собственности государя, хотя и носитъ на себѣ его изображеніе. Она принадлежитъ всей странѣ, составляя частную собственность ея жителей. Произвольно измѣнять ея вѣсъ значитъ нарушать ихъ интересы и, слѣдовательно, совершать преступныя дѣянія. И эти преступныя дѣянія обрушаются во вредъ тому, кто ихъ совершаетъ, такъ какъ страна, въ которой появляется дурная монета, скоро лишается хорошей [3]). Такое соображеніе и въ голову не приходило Посошкову. Не лишенъ здѣсь для насъ интереса вотъ какой доводъ Орезма противъ порчи монеты королями. По его мнѣнію, она подорвала бы ихъ власть и потому, — заявляетъ онъ, — что никогда весьма благородные французскіе короли не склонялись къ тираніи и галликанскій (sic) народъ не привыкъ къ рабскому подчиненію, такъ что, если бы короли Франціи измѣнили своей прежней добродѣтели, то, безъ всякаго сомнѣнія, потеряли бы свое королевство...“ Подобныя соображенія тоже никогда не приходили въ голову Посошкову, да и не могли придти по той вполнѣ достаточной причинѣ, что онъ родился, жилъ и мыслилъ не въ „галликанскомъ“ королествѣ, а въ русской вотчинной монархіи.

Онъ рѣшительно осуждаетъ западныхъ купцовъ, которые, по его словамъ, пользуясь своимъ вліяніемъ въ государствѣ, „товары въ деньгахъ числятъ, а королевскую персону полагаютъ на нихъ

---

[1]) Здѣсь опять прошу читателя вспомнить терминологію Бодэна.

[2]) Или Орэмъ; по-французски пишется Oresme. Онъ родился въ 1320 или 1325 г. и умеръ въ 1381. Его экономическое сочиненіе въ латинскомъ подлинникѣ называлось „De origine natura, jure et mutationibus monetarum“. Онъ самъ перевелъ его на французскій языкъ подъ названіемъ: „Tractie de la invention des monnoies“.

[3]) Справедливо было замѣчено, что эта мысль Орезма выражена была впослѣдствіи въ знаменитомъ законѣ Грэшема.

вмѣсто свидѣтеля, что та цата (?) имѣетъ въ себѣ только товару, за что она идетъ". Русь не Западъ, и „по нашему простому разумѣнію, то стало быть королю безчестье, а не честь, что не по имени его деньги въ себѣ силу имѣютъ, но по купеческой цѣнѣ". При столь простомъ разумѣніи странно было бы и ожидать отъ Посошкова какихъ-нибудь открытій въ области экономической теоріи.

Еще Ганиль справедливо сказалъ, что Италія всегда была страной, имѣвшей самую дурную монету и самыя лучшія сочиненія о монетѣ. Если въ XIV в. она не выдвинула такихъ писателей по экономическимъ вопросамъ, какимъ былъ французъ Николай Орезмъ, то уже въ XV столѣтіи въ ней является, въ лицѣ Діомеде Карафы, замѣчательный финансистъ. Его сочиненіе „De regis et boni principis officio" [1]) основано на той мысли, что богатство государя обусловливается богатствомъ его подданныхъ: „Subditorum facultates potentiae regiae fundamentum existimari oportet". Это какъ разъ та мысль, которую развивалъ Посошковъ въ началѣ XVIII вѣка. Карафа указывалъ также, какъ необходимо правосудіе для экономическаго преуспѣянія государствъ: „Ubi aequum vigeat imperium, ibi florere urbes; contra ubi vi agatur, ibi omnia in deterius ruere ac celeriter evanescere". Посошковъ отстаивалъ тотъ же взглядъ въ своей „Книгѣ о скудости и богатствѣ". Но книга эта закончена была въ 1724 г., а Д. Карафа умеръ въ 1487.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи Италія дала выдающихся экономистовъ — Гаспара Скаруффи и Бернардо Даванцати. Графъ Скаруффи, написавшій въ 1579 и напечатавшій въ 1582 г. важное сочиненіе „Discorso sopra le monete e della vera proporzione fra l'oro e l'argento," выступилъ съ проектомъ монеты общей для всѣхъ государствъ тогдашняго цивилизованнаго міра (zecca universale). Въ началѣ XVII столѣтія (въ 1613 г.) вышло замѣчательное сочиненіе Антоніо Серры „Breve Trattato delle cause che possono far abbondare i regni d'oro e d'argento" (Краткое изслѣдованіе о причинахъ, могущихъ вызвать въ государствахъ изобиліе золота и серебра). А. Серру нѣкоторые итальянскіе писатели называютъ основателемъ политической экономіи [2]). Это, безъ сомнѣнія, преувеличено. Но, во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что

---

[1]) О немъ см. у Джа Рика-Салерно, „Storia delle dottrine Finanziarie in Italia". Palermo, 1896, p. p. 47—56. Названное въ текстѣ латинское сочиненіе Карафы, представляетъ собою переводъ затерянаго впослѣдствіи итальянскаго труда его, сдѣланный и изданный по приказанію неаполитанской принцессы Элеоноры.

[2]) Смотри „Storia della Economia publica in Italia di Giuseppe Pecchio". Torino, 1852, p. 52.

этотъ итальянскій экономистъ начала семнадцатаго вѣка ровно ничему не научился бы у Посошкова по части теоріи.

Наконецъ, если мы сравнимъ экономическіе взгляды, изложенные въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“, со взглядами такихъ англійскихъ писателей, какъ Уильямъ Петти и Дедлей Норсъ, то мы опять увидимъ, до какой степени ходъ идей зависитъ отъ хода вещей. Англія, далеко опередившая Россію на пути экономическаго прогресса, уже въ XVII вѣкѣ имѣла писателей, ставившихъ и правильно рѣшавшихъ такіе важные экономическіе вопросы, самаго существованія которыхъ не подозрѣвалъ да и не могъ подозрѣвать Посошковъ. Къ числу такихъ вопросовъ надо, прежде всего, отнести вопросъ о мѣновой стоимости товаровъ [1]).

Павловъ-Сильванскій ставитъ Посошкову едва ли не въ особенную заслугу разъясненіе того, что истинное государственное богатство состоитъ не въ полнотѣ казны, а въ благосостояніи народа. Но, во-первыхъ, и у насъ мысль эта была высказана гораздо раньше Посошкова Ю. Крижаничемъ. Во-вторыхъ, высказавъ ее, Крижаничъ уже не былъ новаторомъ, потому что въ западно-европейской экономической литературѣ она не разъ повторялась раньше, нежели Юрій Сербининъ нашелъ нужнымъ напомнить о ней московскому царю. Чтобы не заходить очень далеко назадъ, скажу, что въ XV вѣкѣ ее отстаивали англичанинъ Джонъ Фортескью и неаполитанецъ Діомеде Карафа. Въ 1613 г. французъ Монкрэтьенъ, въ своемъ „Traicté d'Economie politique“, посвященномъ молодому Людовику XIII и королевѣ-матери, говорилъ: „la richesse de vos sujets est votre“ (богатство вашихъ подданныхъ — ваше богатство). Благородный Вобанъ писалъ, что король относится къ своему государству, какъ голова къ тѣлу, и потому существенно заинтересованъ въ томъ, чтобы подати не отнимали у населенія средствъ, необходимыхъ для его существованія [2]). Въ томъ же смыслѣ высказывался и Буагильбэръ въ своихъ сочиненіяхъ „Le Détail de la France“ 1695 г. и „Factum de la France“ (около 1706). „La richesse des sujets est l'unique base de la richesse des princes“, утверждалъ онъ [3]).

Но хотя для Буагильбэра, Вобана и многихъ предшествен-

---

[1]) Павловъ-Сильванскій, вслѣдъ за А. Миклашевскимъ, утверждаетъ, что книга Посошкова, по языку и по идейному содержанію, богаче произведеній нѣмецкихъ меркантилистовъ. Но тогдашняя экономическая литература Германіи была до такой степени отсталой, что гораздо лучше оставить ее въ сторонѣ и вспомнить литературу Франціи, Италіи и Англіи.

[2]) Книга Вобана „La dixme royale“ была напечатана въ 1707 г., но написана не позже 1699 г.

[3]) „Economistes-Financiers du XVIII siècle“. Paris, 1843 (éd. Guillaumin), p. 272.

никовъ ихъ было совершенно ясно, что, заботясь о благосостояніи своихъ подданныхъ, король тѣмъ самымъ ограждаетъ интересы государственной казны, однако, высказывая эту истину, никто изъ нихъ не пытался подкрѣпить ее тѣмъ доводомъ, что король владѣетъ трудящимся населеніемъ своей страны подобно тому, какъ средневѣковый феодалъ—своими крѣпостными. Подъ ихъ перомъ подобный доводъ не имѣлъ бы смысла, потому что не соотвѣтствовалъ бы „галликанскимъ“ соціально-политическимъ отношеніямъ. Правда, въ одномъ изъ своихъ сочиненій Буагильбэръ приглашалъ короля вообразить, что ему, „какъ въ Турціи, принадлежитъ вся земля, а земледѣльцы не больше, какъ его фермеры [1]). Но это приглашеніе вовсе не означало, что Буагильбэръ думалъ, будто Франція, въ самомъ дѣлѣ, похожа на Турцію, а только то, что ему нуженъ былъ какой-нибудь наглядный примѣръ. Онъ зналъ, что въ дѣйствительности французскій король не владѣетъ населеніемъ своего королевства, а только получаетъ отъ него средства, необходимыя для управленія страною и для ея защиты. Это еще яснѣе видно у Вобана, который утверждалъ, что государство не будетъ въ состояніи существовать (se soutenir), если подданные не будутъ его поддерживать, а для того, чтобы поддерживать его, они должны обладать извѣстной степенью зажиточности. Между тѣмъ, когда Посошковъ ищетъ доводовъ въ пользу той своей мысли, что и крестьянское богатство — богатство царственное“, онъ прежде всего ссылается на то, что крестьяне принадлежатъ государю.

„Крестьяномъ помѣщики невѣковые владѣльцы, — говоритъ онъ, — того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ Владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять“ [2]). И у него эта ссылка была вполнѣ умѣстна, такъ какъ соотвѣтствовала соціальному строю московской вотчинной монархіи.

Посошковъ прибавляетъ, что крестьянъ слѣдуетъ охранять царскимъ указомъ, чтобы они „крестьянами были прямыми, а не нищими“ [3]). Это опять совершенно въ духѣ старыхъ московскихъ порядковъ.

Вспомнимъ приведенныя мною въ первомъ томѣ слова Котошихина: „А какъ тѣмъ бояромъ и инымъ вышеписаннымъ чиномъ даются помѣстья и вотчины: и имъ пишутъ въ жалованныхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 243.

[2]) Сочиненія, т. I, стр. 183.

[3]) Тамъ же, та же стр.

грамотахъ, что имъ... подати съ нихъ (съ крестьянъ своихъ) имати посилѣ, съ кого что мочно взяти, а не черезъ силу, чтобъ тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и изъ вотчинъ не разогнать и въ нищіе не привесть". „Привесть" крестьянъ въ нищіе значило нарушить интересъ царской казны. Если вѣрить Котошихину, то у „разорителей" отбирались ихъ вотчины и помѣстья и отдавались ихъ родственникамъ, „добрымъ людямъ" [1]). Мы не знаемъ, часто ли это случалось: слѣдуетъ думать, что, наоборотъ,— рѣдко. Но, прекрасный знатокъ старой московской жизни, Посошковъ не могъ не слышать о томъ, что не далѣе, какъ въ царствованіе Петрова отца правительство обнаруживало извѣстную заботливость о крестьянахъ. Не могъ онъ не понимать и того, что заботливость эта была, въ своей сущности, лишь заботливостью объ интересахъ государевой казны. Вотъ почему, предлагая Петру ограничить эксплуатацію крестьянъ помѣщиками, онъ немало не измѣнялъ своему охранительному образу мыслей. Его планъ не противорѣчилъ духу старой московской практики. И вотъ почему, выступая съ этимъ планомъ, онъ поспѣшилъ напомнить, что „крестьянское богатство—царственное богатство".

Московское правительство наказывало крестьянскихъ „разорителей" только тогда, когда они слишкомъ явно нарушали его собственный интересъ. Экономическая теорія была тутъ, разумѣется, не при чемъ.

Но старая московская практика была дѣломъ служилаго класса. Такъ какъ крестьянскими „разорителями" сплошь да рядомъ являлись тѣ же самые люди, которые, въ интересахъ казны, кое-когда принимали мѣры къ защитѣ крестьянъ отъ разоренія, то нисколько не удивительно, что мѣры эти не отличались рѣшительностью и не достигали цѣли. Посошковъ не принадлежалъ къ числу „государевыхъ холоповъ". По своему происхожденію онъ былъ „государевымъ сиротою", а по своему классовому положенію—„купецкимъ человѣкомъ" [2]). Поэтому онъ могъ требовать болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Тамъ, гдѣ старая московская практика ограничивалась довольно неопредѣленной, рѣдко исполнявшейся угрозой, онъ настаивалъ на необходимости опредѣленныхъ нормъ.

Чтобы помѣщики не опустошили царства, Посошковъ предлагалъ „учинить расположеніе указное, по чему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и инаго какого сдѣлья дѣлать, чтобы

---

[1]) См. I томъ, стр. 237.

[2]) Такъ называется онъ въ одномъ официальномъ документѣ.

имъ сносно было Государеву подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды“ [1]).

Суды должны наблюдать за исполненіемъ указа, опредѣляющаго размѣры крестьянскихъ податей и повинностей. Никакой помѣщикъ не имѣетъ права взыскивать что бы то ни было со своихъ крестьянъ „сверхъ уреченнаго числа“. Но владѣлецъ сохраняетъ право наблюдать за поведеніемъ своего крестьянина, „чтобы онъ даромъ не гулялъ, но какую мочно къ прокормленію своему работу бы работалъ“ [2]). Если крестьяне начнутъ лѣниться, то „не токмо помѣщикамъ иль прикащикамъ, но и сотскимъ надлежитъ за ними смотрить и жестоко наказывать“ [3]).

Жестоко наказывать! Если Посошковъ заботился объ огражденіи экономическихъ интересовъ крестьянъ, то онъ врядъ ли когда-либо задумывался о томъ, что не мѣшало бы также оградить крестьянскую спину отъ побоевъ. Даже въ наиболѣе доброжелательныхъ для крестьянства проектахъ своихъ, онъ щедрой рукой прописываетъ ему жестокія тѣлесныя наказанія. Вотъ, напримѣръ, онъ указываетъ на то, какъ много терпятъ крестьяне отъ разбоевъ. Разбойники „многія деревни и села великія разбиваютъ, и людей до смерти запытываютъ“. Крестьяне были такъ напуганы разбойниками, что не смѣли помогать другъ другу въ борьбѣ съ ними: „сосѣды все слышатъ и видятъ, а изъ дворовъ своихъ не выдутъ, и сосѣда своего отъ разбойниковъ не выручаютъ“. Какъ же быть? Надо предписать, чтобы сосѣди выручали одинъ другого. Если же не станутъ выручать, то бить ихъ кнутомъ, „а что пограбятъ разбойники за ихъ невыручкою, то править на ихъ сосѣдяхъ сугубо“ [4]).

Вотъ, другой примѣръ, еще болѣе выразительный и тѣсно связанный съ вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ. Настаивая на необходимости указнаго опредѣленія размѣровъ крестьянскихъ податей и повинностей, Посошковъ прибавляетъ: „а которые крестьяне вѣдали, что помѣщикъ ихъ беретъ съ нихъ излишніе поборы, а умолчатъ (т.-е. не донесутъ на помѣщика. *Г. П.*), то тѣхъ крестьянъ бить кнутомъ, колико ударовъ уложено будетъ [5]). Это опять совершенно въ духѣ старой московской практики.

Посошковъ былъ противъ подушной подати, такъ какъ душа— „вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны неимущая“.

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 183.
[2]) Тамъ же, стр. 185.
[3]) Тамъ же, та же стр.
[4]) Тамъ же, стр. 174.
[5]) Тамъ же, стр. 188.

Облагать слѣдуетъ, по его выраженію, вещи грунтованныя [1]). А такъ какъ въ деревнѣ самой „грунтованной“ вещью является земля, то землевладѣніе и должно служить основой для обложенія: „По здравому разсужденію надлежитъ крестьянскому двору положить разсмотрѣніе... по владѣнію земли и по засѣву хлѣба на томъ его владѣніи“ [2]).

Чтобы оцѣнить значеніе этого предложенія Посошкова, надо принять во вниманіе, что подушному окладу предшествовала у насъ дворовая подать, которая подала поводъ къ злоупотребленію, выпукло изображенному нашимъ авторомъ. При переписяхъ число дворовъ опредѣлялось числомъ воротъ. Поэтому помѣщики стали сводить въ одинъ дворъ по нѣскольку крестьянскихъ дворовъ: „Одними воротами ходятъ, а прочія ворота заборомъ забираютъ“ [3]). Отсюда возникла неравномѣрность податного обложенія, рѣзко осужденная Посошковымъ. „А у крестьянъ писцы... ворота числятъ дворомъ, хотя одна изба на дворѣ, хотя и съ пять-шесть или съ десять, а пишутъ дворомъ же. И то стало быть не разумъ, но самое безумство и всесовершенная неправда, и убогимъ и маломочнымъ обида и разореніе“ [4]).

Зная это, Посошковъ и высказывался за обложеніе „по владѣнію земли“. Но, какъ справедливо замѣтилъ г. А. Лаппо-Данилевскій, обложеніе дворовъ согласно ихъ хозяйственнымъ средствамъ—т.-е. прежде всего по размѣрамъ обрабатывавшейся ими земли—могло породить стремленіе къ уравненію подворныхъ участковъ [5]). И это стремленіе какъ будто проглядываетъ въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“. „По моему мнѣнію,—говоритъ тамъ Посошковъ,—аще у коего крестьянина цѣлой дворъ, то надобно ему земли дать мѣрою толикою, чтобы ему мочно было на всякій годъ высѣять ржи четыре четверти, а яроваго осьмъ четвертей, а сѣна накосить ему про себя двадцать копенъ“ [6]). Невозможно было бы осуществить эту мысль, не производя передѣла земли, по крайней мѣрѣ между тѣми крестьянами, которые владѣли „цѣлыми дворами“, т.-е., стало быть, располагали извѣстнымъ количествомъ средствъ производства. И если Посошковъ намекалъ на такой передѣлъ, то онъ является первымъ русскимъ писателемъ, высказавшимъ то практичное требованіе, которое, найдя себѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 185.
[2]) Тамъ же, стр. 186—187.
[3]) Тамъ же, стр. 186.
[4]) Тамъ же, стр. 186.
[5]) Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 260.
[6]) Тамъ же, стр. 187.

извѣстное теоретическое обоснованіе въ ученіяхъ французскаго утопическаго соціализма и будучи значительно расширено, заняло весьма почетное мѣсто въ программахъ многихъ русскихъ публицистовъ XIX вѣка. Однако мысль о земельномъ равненіи не получила у Посошкова дальнѣйшаго развитія. Онъ, повидимому, готовъ былъ удовольствоваться послѣдовательнымъ проведеніемъ принципа обложенія дворовъ согласно размѣрамъ ихъ земельныхъ участковъ. „Буде коему крестьянину отведено земли, что и четверти ржи на ней не высѣетъ,—говоритъ онъ,—то того двора не надлежитъ написать (цѣлымъ дворомъ. *Г. П.*), но развѣ шестою долею двора“ и т. д. [1]). Это лишь равненіе податной тягости, но не земельныхъ надѣловъ.

Посошковъ настоятельно совѣтовалъ произвести всеобщее межеваніе и даже додумался до Кадастра.

Все это показываетъ, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ очень уменъ и хорошо зналъ тогдашнюю русскую жизнь. Хорошо зная русскую жизнь, этотъ очень умный человѣкъ не забылъ о нѣкоторыхъ не безвыгодныхъ для народа сторонахъ старой московской системы управленія и, самъ принадлежа къ числу „государевыхъ сиротъ“, находилъ, что слѣдовало бы сохранить и расширить эти стороны. Такъ какъ крѣпостной крестьянинъ былъ на Руси еще болѣе безправнымъ въ эпоху М. П. Погодина, чѣмъ былъ онъ во времена Посошкова, то неудивительно, что „Книга о скудости и богатствѣ“ перепугала очень многихъ „порядочныхъ людей“ въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка. Но отсюда еще нельзя заключить, что Посошковъ былъ смѣлымъ новаторомъ. А если и называть его прогрессистомъ, то надо всегда прибавлять, что онъ былъ именно московскимъ прогрессистомъ, т.-е. что, выставляя нѣкоторыя дѣйствительно полезныя для народа и въ этомъ смыслѣ прогрессивныя требованія, онъ оборачивался лицомъ не къ будущему, а къ прошедшему. Мы уже знаемъ, что такъ было не съ однимъ Посошковымъ, и что это объясняется не чѣмъ инымъ, какъ неразвитостью нашихъ тогдашнихъ соціально-политическихъ отношеній.

До какой степени пропитанъ былъ Посошковъ старымъ московскимъ духомъ, видно, между прочимъ, изъ его наставленій сыну о томъ, какъ надо вести себя въ церкви. Онъ и небесное царство воображалъ въ видѣ восточной деспотіи. „А и образовъ святыхъ не почитай всѣхъ за едино равенство“, совѣтуетъ онъ. „Но Божіему образу отмѣнную и честь отдавай, и свѣщу бо́лшую, нежели рабовъ Его образамъ, поставляй. И образу Пресвятыя

[1]) Тамъ же, стр. 187.

Богородицы поставн свѣщу таковую же, или мало чимъ и помнѣе. А образамъ святыхъ угодниковъ Божіихъ свѣщи подавай меншее Спасителевыхъ и Богородичныхъ свѣщь. И аще кой и празднуемый святый, обаче не моги болши или лучши Спасителевы свѣщи подати, но, праздника ради, постави развѣе равную; а того не моги учинити, еже бы тебѣ предъ образъ раба Божія поставить свѣща вящшая, нежели Спасителеву образу“ [1]).

Поклоны тоже должны быть разные „Божію образу вящшую и честь твори,—поучаетъ Посошковъ,—образу же раба Божія поклонъ твори со уятіемъ при Спасителеве или і Богородичнымъ образомъ“.

Наконецъ, не ко всѣмъ образамъ слѣдуетъ одинаково прикладываться: „Спасителевъ образъ цѣлуй въ нозѣ, прочіихъ же святыхъ цѣлуй руцѣ, а не нозѣ“ [2]). Въ простомъ народѣ многіе образу Божію кланяются въ поясъ, а образу Николая Чудотворца—до земли. Посошковъ рѣзко осуждалъ это во имя принципа небесной вотчинной монархіи: „И то они творятъ отъ самаго своего несмыслія, и что творятъ, того и сами не вѣдаютъ: какой ихъ разумъ, еже рабу паче Господни отдаютъ честь? [3]).

Современникъ Посошкова, гр. Матвѣевъ съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтилъ, что тамъ дѣти „отъ добраго и отъ остраго наказанія словеснаго паче нежели отъ побоевъ, въ прямой [воли и смѣлости воспитываются“ [4]). Но гр. Матвѣевъ еще въ Москвѣ испыталъ на себѣ смягчающее вліяніе Западной Европы. Въ качествѣ московскаго прогрессиста Посошковъ мыслилъ по старинѣ. Онъ утверждалъ, что „древніи святіи, соблюдая людей отъ погибели, повелѣвали дѣтей своихъ бить нещадно“ [5]). Оно, пожалуй, такъ и было. Въ „Книгѣ премудрости Іисуса сына Сирахова“ говорится:

„Лелѣй дитя, и оно устрашитъ тебя; играй съ нимъ, и оно опечалитъ тебя. Не смѣйся съ нимъ, чтобы не горевать съ нимъ, и послѣ не скрежетать зубами своими. Не давай ему воли въ юности и сокрушай ребра его, доколѣ оно молодо, дабы, сдѣлавшись упорнымъ, оно не вышло изъ повиновенія тебѣ“ [6]).

Посошковъ безъ критики принимаетъ эти „премудрыя“ педагогическія правила и даже отъ себя прибавляетъ къ нимъ еще немножко суровости. Онъ думалъ, что отцы грѣшатъ непозволи-

---

[1]) „Завѣщаніе отеческое“. Стр. 89.
[2]) Тамъ же, стр. 90. (ср. 95).
[3]) Тамъ же, стр. 95.
[4]) Современникъ, 1856, т. LVII, стр. 25.
[5]) „Завѣщаніе отеческое“. Стр. 44.
[6]) Назв. кн., глава 30, стр. 8—12.

тельной слабостью, позволяя себѣ ласкать дѣтей. „Надобно дѣтей учить не оплошно и держать ихъ въ великой грозѣ“, говоритъ онъ: „первое, чтобы предъ Богомъ трепетенъ былъ; другое, чтобъ и васъ боялся. Такъ ведите, чтобы и възгляду вашего боялись. И аще въ Божіемъ и вашемъ страхѣ возрастутъ, то они добрые люди будутъ; а есть ли же въ ласканіи, и во всякой потачке, и въ негѣ возрастите, то уже въ томъ пути не будетъ: либо будетъ пьяница, либо блудникъ, либо озорникъ, либо и самый воръ“ [1]). Онъ убѣжденъ, что у насъ въ Россіи большая часть народа погибаетъ отъ „неученія младенческаго, то-есть отъ потачки“.

Если его ученіе о деньгахъ показываетъ, какъ наивны были его экономическія понятія, то его попытка объяснить преступность „потачкой“, которая у него отождествляется съ московскимъ обращеніемъ родителей со своими дѣтьми, свидѣтельствуетъ о неменьшей наивности его соціологическихъ воззрѣній. То правда, что въ эпоху Посошкова соціологіи, какъ таковой, вовсе не существовало. Ну уже въ Библіи есть мѣста, указывающія на то, что преступленія порождаются не только „потачкой“. Достойно замѣчанія, что тотъ самый „Лютеръ“, о которомъ Посошковъ отзывается съ такимъ злобнымъ презрѣніемъ несравненно шире смотрѣлъ на причины преступности [2]). Я уже не говорю о Томасѣ Морѣ, въ „Утопіи“ котораго высказанъ, въ общемъ, правильный взглядъ на происхожденіе преступности. Но Посошковъ запоминалъ преимущественно тѣ мѣста Библіи, которыя, соотвѣтствовали его старо-московскимъ взглядамъ на общественную жизнь, а въ этихъ взглядахъ отводилось слишкомъ много мѣста „батожью“, кнуту или даже висѣлицѣ, какъ средствамъ удержанія людей на стезѣ добродѣтели.

Эта характеристика взглядовъ Посошкова осталась бы неполной, если бы я не упомянулъ объ его нелюбви къ иноземцамъ. Уже въ запискѣ о „ратномъ дѣлѣ“, поданной имъ боярину Θ. А. Головину въ 1701 г. и написанной подъ впечатлѣніемъ нарвскаго пораженія, онъ говорилъ:

„Я истинно, Государь, не помалу дивлюся и недоумѣваюся, что сказываются Нѣмцы люди мудры и правдивы, а учатъ все насъ неправдою... Вѣрить имъ вельми опасно: не прямые они

---

[1]) „Завѣщаніе“. Стр. 43.

[2]) Wenn es einem wohl geht,—говоритъ онъ,—so fürchtet er Gott nicht... Wiederum wenn's übel geht, so kann Fleisch und Blut nichts weniger denn boese Tage leiden... dann versucht der Mensch Gott den Herren (цит. у ф.-К а н а: Les causes économiques de criminalité. Paris—Lyon, 1913, p. p. 28 и 38). Это почти буквальное повтореніе только что приведенныхъ и также указанныхъ ф.-Каномъ мѣстъ изъ притчей Соломоновыхъ.

намъ доброхоты, того ради и ученью ихъ не вельми надобно вѣрить. Мню, что во всякомъ дѣлѣ насъ обманываютъ и ставятъ насъ въ совершенные дураки“ [1]).

Въ „Завѣщаніи отеческомъ“ мы встрѣчаемъ тотъ же, полный недовѣрія, отзывъ объ иноземцахъ: „на немецъ намъ смотрить нечего: они насъ обманываютъ, да денги у насъ выманіваютъ, а самые правды никогда намъ не скажутъ“ [2]).

Такъ же недовѣрчиво относится Посошковъ къ иноземцамъ и въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“. Другими словами, недовѣрчивое и непріязненное отношеніе къ нимъ не покидало нашего автора въ теченіе всей его сознательной жизни. Каждому изъ насъ приходилось читать, а, можетъ быть, и говорить объ „Окнѣ въ Европу“, прорубленномъ Петромъ Первымъ. У Посошкова мы находимъ другое выраженіе. Въ своей запискѣ „О ратномъ поведеніи“ онъ жалуется на то, что нѣмцы „прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли диру“, которая позволяетъ имъ ясно видѣть „вся наша государственная и промышленная дѣла“ [3]). Дырою представлялась ему... почта. „Диражъ сія: здѣлали почту, а что въ ней Великому Государю прибыли, про то Богъ вѣсть, а колько гибели отъ той почты во все царство чинитца, того и исчислить не возможно“ [4]). Посошковъ увѣряетъ боярина Ѳ. А. Головина, что слѣдовало бы уничтожить почту: мнѣ Государь, мнитця, что лучшибъ та дира загородить накрѣпко; а крѣпче того не льзя, что почта, буде мочно, то отставить ее вовсе, а не худо, чаю, чтобъ и ѣздакомъ заповѣдь положить крѣпкая, чтобы грамотокъ въ иныя земли безъ приказнаго свидѣтельства отнюдь не возили [5]).

Это очень похоже на „Ксенеласію“ Ю. Крижанича. Но „Ксенеласія“ не помѣшала Юрію Сербянину настаивать на преобразованіяхъ. Не помѣшало и Посошкову перейти на сторону Петра его недовѣрчивое и непріятное отношеніе къ иноземцамъ. Не помѣшало, потому что онъ сумѣлъ подмѣтить главную причину ихъ превосходства надъ русскими.

Посошковъ родился въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ, которое потомъ вошло въ составъ столицы. Близость этого села къ Москвѣ повела за собою то, что очень многіе изъ тамошнихъ крестьянъ вовсе не занимались земледѣліемъ, находя себѣ заработокъ частью въ загородномъ царскомъ дворцѣ, а частью въ

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 272—273.

[2]) „Завѣщаніе“. Стр. 47.

[3]) Сочиненія, I т., стр. 273.—Курсивъ мой.

[4]) Тамъ же, стр. 233.

Москвѣ и, между прочимъ, тоже во дворцѣ государя. Въ 1680—1681 гг. село Покровское было „вѣдомо“ въ мастерской Палатѣ. Это обстоятельство, вѣроятно, не осталось безъ вліянія на богато одареннаго природой Посошкова. Въ годы его дѣтства дворцовыя мастерскія были преобразованы и расширены подъ руководствомъ иностранцевъ, и г. Прилежаевъ не безъ основанія предполагаетъ, что Иванъ Посошковъ еще мальчикомъ, сопровождая своего отца, уходившаго работать на московскій государевъ дворъ, забѣгалъ въ эти рабочія палаты и присматривался къ мастерому дѣлу [1]). Во всякомъ случаѣ, онъ всегда любилъ это дѣло, — которое называлось у него художествомъ, — и самъ зналъ нѣсколько ремеслъ. Руководимыя иностранными техниками, царскія дворцовыя мастерскія могли научить смышленнаго юношу многому изъ того, что было самою свѣжею новостью въ до-Петровской Обломовкѣ.

Въ сочиненіяхъ Посошкова, посвященныхъ свѣтскимъ вопросамъ, обнаруживается большая и вполнѣ осмысленная заботливость о развитіи производительныхъ силъ Россіи и огромное уваженіе къ техническимъ занятіямъ. Это, вѣроятно, плодъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ дворцовыхъ мастерскихъ. У него замѣтна сильная нелюбовь къ праздности — черта характера, сложившаяся, можетъ быть, подъ вліяніемъ тѣхъ же впечатлѣній: западные люди умѣли дорожить временемъ. Но что же нужно дѣлать для того, чтобы развить производительныя силы Россіи и научить ея жителей чуждаться праздности? Нужно учиться у иностранцевъ, этого миновать нельзя. И вотъ, Посошковъ, несмотря на свое недовѣріе къ иностранцамъ и на свою нелюбовь къ нимъ, пишетъ, что надо оказывать хорошій пріемъ мастерамъ, пріѣзжающимъ въ Россію изъ-за границы. „А буде кто иноземецъ пріѣдетъ въ Русь художникъ добрый, мастерства именитаго и у насъ въ Россіи небывалаго, — говоритъ онъ въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“, — и такому надлежитъ дать домъ, и отдать ему въ ученіе человѣкъ десятокъ-мѣста или больше, и учинить съ нимъ договоръ крѣпкой, чтобы онъ тѣхъ учениковъ училъ прилежно и нескрытно. И буде станетъ учить съ прилежаніемъ, и буде выучитъ противъ себя, то надлежитъ ему плата договорная дать и съ награжденіемъ за то, что онъ нескрытно училъ и скоро выучилъ, и отпустить его за море съ честію, что бы на то воздояніе зря и иные мастеровые люди выѣзжали, и всякія бы мастерства въ Руси размножали“ [2]). Петръ,

---

[1]) „Завѣщаніе отеческое“, вступительная статья, стр. XXXV—XXXVI.

[2]) Сочиненія, томъ I, стр. 145.

именно, старался размножить мастерства на Руси. Поэтому нашъ авторъ не могъ не сочувствовать его начинаніямъ. Но экономическій бытъ Московскаго государства не развилъ въ его жителяхъ ни сознанія важности техническихъ знаній, ни склонности дорожить временемъ. Московскій человѣкъ неохотно шелъ въ ученье къ иностранцамъ. Въ виду этого Петръ находитъ, что этого человѣка надо заставить учиться. И точно такъ же, очевидно, на основаніи тѣхъ же самыхъ наблюденій, то же самое говоритъ Посошковъ. По его мнѣнію, нельзя безъ того, чтобы не „приневолить".

Но Петръ былъ государемъ, а Посошковъ только „государевымъ сиротою". Въ качествѣ сироты онъ очень хорошо зналъ, сколько злоключеній выпадало на долю простого русскаго человѣка, который поступалъ, — точнѣе, котораго отдавали, — въ науку къ иноземцамъ. Не удивительно, что въ той же „Книгѣ о скудости и богатствѣ" вслѣдъ за совѣтомъ о привлеченіи въ Россію иностранныхъ мастеровъ, идетъ горькая жалоба на то, что начальство слишкомъ плохо обращается съ русскими „художниками". Въ интересахъ страны имъ слѣдовало бы учинить „кормъ довольный", а между тѣмъ они терпятъ крайнюю нужду. „Въ Россійскихъ нашихъ правителяхъ есть разсужденіе на сіе дѣло самое нездравое,—сообщаетъ писатель изъ крестьянской среды,—ибо русскаго человѣка ни во что ставятъ, и накормить его не хощутъ, чтобы онъ доволенъ былъ безъ нужды, и тѣмъ стѣсненіемъ вынуждаютъ ихъ къ кражѣ и ко всякой неправдѣ и въ мастерствѣ къ нерадѣнію" [1]).

Это наблюденіе, — что россійскіе правители ни во что ставятъ русскаго человѣка вообще, а русскаго человѣка податного сословія въ особенности, — вѣроятно, было сдѣлано Посошковымъ еще въ юности, при посѣщеніи мастерскихъ, работавшихъ „подъ руководствомъ нѣмцевъ" на государя. И само собою понятно, что оно не могло способствовать развитію у него добрыхъ чувствъ по отношенію къ иностранцамъ, которые съ своей стороны не церемонились въ обращеніи съ государственными сиротами, такъ или иначе попадавшими въ зависимость отъ нихъ. Въ первомъ томѣ я уже обращалъ вниманіе читателя на то, что поворотъ къ Западу Московскаго государства сопровождался усиленіемъ нелюбви къ иностранцамъ въ значительной части его жителей. Примѣръ Посошкова какъ нельзя лучше подтверждаетъ правильность этого указанія. Онъ понялъ, что надо учиться у иностранцевъ; но онъ видѣлъ, что иноземцы имѣютъ мало рас-

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 145.

положенія къ русскимъ и всѣми способами эксплуатируютъ ихъ. Поэтому, чѣмъ выше ставитъ онъ ихъ науку, тѣмъ меньше любитъ ихъ и тѣмъ меньше довѣряетъ имъ. Въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“ мы читаемъ: „Нѣмцы никогда насъ не поучатъ на то, чтобы мы бережно жили, и ничего бъ напрасно не теряли, — говоритъ онъ, разсуждая о торговой политикѣ, — только то выхваляютъ, отъ чего бъ пожитокъ какой имъ припалъ, а не намъ. Они не токмо себя, но и прочихъ свою братію всякими вымыслы богатятъ, а насъ больше въ скудость пригоняютъ; и того ради надобно намъ разумѣя разумѣть о всякихъ ихъ дѣлахъ яко купецкихъ, такъ и о военныхъ и о художныхъ дѣлахъ: не тутъ то у нихъ правда, что на словахъ ладогозятъ; надобно смотрить ихъ на дѣлахъ, а не на словахъ, и смотрить прозрительнымъ [1]) окомъ“ [2]).

Московскій начетчикъ добраго стараго времени съ особеннымъ жаромъ осуждалъ въ жителяхъ Западной Европы ихъ „латынскую ересь“. Но когда Посошковъ нападаетъ на „нѣмцевъ“, онъ, какъ послѣдній и наиболѣе возвышенный доводъ противъ нихъ, выдвигаетъ ихъ приверженность къ ученію Лютера. Въ его глазахъ Лютеръ—„еретикъ еретиковъ.“ Московскій прогрессистъ увѣряетъ своего сына, что „Мартинъ Люторъ ученикамъ своимъ на вся разрѣшилъ и отъ грѣховъ всѣхъ свободилъ“, т.-е. проповѣдывалъ безнравственность [3]). Едва ли можно указать хоть одинъ грѣхъ, въ которомъ Посошковъ не упрекалъ бы „всесквернаго блуднаго разстригу Мартина Лютора“. Эти ожесточенныя нападки Посошкова на лютеранство пріобрѣтаютъ особый интересъ въ виду того, что птенцы Петровы, вышедшіе изъ среды служилаго класса, за весьма рѣдкими исключеніями, охотнѣе сближались съ протестантами, нежели съ католиками. Но эти птенцы меньше страдали отъ той бѣды, которая постоянно заботила Посошкова. „Люторы“ сдѣлали русскихъ людей — и, разумѣется, преимущественно простыхъ русскихъ,—предметомъ своей экономической эксплуатаціи. Это особенно возмущаетъ Посошкова. „Они того и въ грѣхъ не вмѣняютъ, еже насъ обманываютъ и деньги выманиваютъ“. Посошковъ такъ негодуетъ на нихъ за это, что предпочитаетъ имъ татаръ, хотя тѣ „и магометанскую вѣру держатъ“. Да что татары! „Люторы“ хуже скота, „понеже скотъ аще и безсловесенъ, обаче помнитъ, кто его кормитъ, а они подобны токмо волкамъ: волка колико не корми,

---

[1]) Въ другомъ спискѣ: пронзительномъ.

[2]) Сочиненія, т. I, стр. 126—127, ср. стр. 212.

[3]) „Завѣщаніе отеческое“. Стр. 124.

а онъ къ лѣсу смотритъ". Само собою разумѣется, что католики не меньше протестантовъ склонны были эксплуатировать русскаго человѣка, попадавшаго въ экономическую зависимость отъ нихъ, но протестанты занимали гораздо болѣе вліятельное положеніе и ихъ было больше между иноземцами, нахлынувшими на Русь во время Петровской реформы и даже въ эпоху, ей непосредственно предшествовавшую. Поэтому идеологъ Посошковъ гремитъ именно противъ „люторовъ", почти забывая о томъ, что существуютъ на свѣтѣ также и „римляне".

Нападки на „люторовъ" обнаруживаютъ еще одну весьма достойную замѣчанія черту взглядовъ Посошкова. Упрекая иноземцевъ въ стремленіи эксплуатировать русскаго человѣка, онъ почти всегда разсуждаетъ, держась точки зрѣнія купца, а не точки зрѣнія „земледѣльца", какимъ онъ называетъ себя однажды. Это объясняется тѣмъ, что по своему классовому положенію онъ совсѣмъ не былъ пашеннымъ крестьяниномъ. Онъ занимался разными „художествами" (т.-е. ремеслами) и въ разное время, а иногда одновременно, стоялъ во главѣ нѣсколькихъ торгово-промышленныхъ предпріятій. У него былъ домъ въ Петербургѣ и два двора въ Новгородѣ. А не позже 1718 г. онъ сталъ землевладѣльцемъ, купивъ на свое имя деревню Матвѣева и полдеревни Закарасенье. Въ 1719 г. къ этимъ имѣніямъ присоединилось сельцо Марьино, а въ 1724 г. нѣсколько пустошей, купленныхъ у дворянина Унскаго. Какъ видитъ читатель, Посошковъ былъ далекъ отъ „мизирности" (его собственное выраженіе), хотя онъ и совѣтовалъ Петру ограничить указомъ крестьянскіе оброки и повинности, однако мы не видимъ у него большого сочувствія къ крестьянамъ: онъ утверждаетъ, что они бѣдствуютъ, главнымъ образомъ, отъ своей лѣни. Да и не могъ очень сильно сочувствовать земледѣльцу „купецкій человѣкъ", у котораго были свои собственные бѣглые крестьяне. Самое полное и искреннее сочувствіе его на сторонѣ купечества. „Царство воинствомъ разширяется, а купечествомъ украшается", заявляетъ онъ [1]). Въ виду этого его надо признать идеологомъ не крестьянства, а торгово-промышленнаго класса. Его жалобы на эксплуатацію русскихъ людей иноземцами коренятся, главнымъ образомъ, въ торгово-промышленномъ засильѣ этихъ послѣднихъ. Въ этомъ очень легко убѣдиться. Такъ, совѣтуя загородить „диру", Посошковъ говоритъ (не забудьте: въ запискѣ „о ратномъ поведеніи!"): „И почты ради иноземцы (освѣдомленные о положеніи русскаго рынка. *Г. П.*) торгуютъ издѣваючись, а Рус-

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 112.

скіе люди жилы изъ себя изрываючи". Въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ" онъ возмущается тѣмъ, что иностранные купцы, пріѣзжая къ намъ „съ своими бездѣлками", устанавливаютъ на нихъ высокую цѣну („двойную, а инымъ товарамъ и выше двойныя цѣны"), слишкомъ низко расцѣнивая въ то же время наши „матерьяльные" товары. Вопросъ о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять, чтобы измѣнить къ выгодѣ русскихъ торговцевъ отношенія, установившіяся между ними и иностранными купцами, является главнѣйшимъ изо всѣхъ занимавшихъ собою Посошкова. Въ тѣсной связи съ нимъ стоятъ и тѣ мѣропріятія, которыя онъ всего настойчивѣе подсказываетъ Петру. Мало того, сочувствуя Петровой реформѣ, онъ собственно высказываетъ сочувствіе дѣлу царя, умѣющаго дорожить интересами купечества. До Петра иноземцы, пріѣзжавшіе къ намъ подносили подарки боярамъ и, затративъ на это сотню-другую рублей, наживали огромную прибыль: „бояре неставили купечества ни въ яичную скорлупку; бывало на грошъ все купечество промѣняютъ". Но теперь прошли тѣ печальныя времена, „когда наши монархи въ купеческія дѣла не вступали, а управляли бояре". Петръ „вся сія разсмотрѣлъ", и теперь иностраннымъ торговцамъ уже нельзя „подлѣзть" къ боярамъ съ цѣлью эксплуатаціи русскихъ людей.

Мы имѣемъ здѣсь передъ собою одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ случаевъ, въ которыхъ антагонизмъ между государевыми холопами и государевыми сиротами шелъ на пользу центральной власти, которая, надѣялись сироты, исправитъ, наконецъ, положеніе дѣлъ, такъ сильно испорченное нерадѣніемъ и корыстолюбіемъ служилаго класса[1]). Мы видимъ также одно изъ тѣхъ побужденій, благодаря которымъ узкій націоналистъ Посошковъ сочувствовалъ преобразованію, шедшему въ разрѣзъ со стремленіями огромнаго большинства московскихъ націоналистовъ. Далѣе Посошковъ, опять возвращаясь къ той мысли, что у насъ въ Россіи стоимость денегъ должна опредѣляться волею царя, прибавляетъ, что „у насъ воленъ нашъ Монархъ, а по его Монаршеской волѣ и мы имѣемъ нѣкую часть воли" (стр. 123). Податныя сословія потому и отстаивали безпредѣльность царской воли, что черезъ нее надѣялись и сами получить часть воли въ борьбѣ съ служилымъ классомъ. Однако этимъ еще не исчерпываются побужденія, вызвавшія въ Посошковѣ сочувствіе Петру.

Посошковъ былъ лѣтъ на двадцать старше Петра. Его воз-

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 122.

зрѣнія уже сложились къ тому времени, когда Петръ началъ свою преобразовательную дѣятельность. Тѣмъ важнѣе для насъ тотъ фактъ, что, несмотря на господство консерватизма въ этихъ воззрѣніяхъ, въ нихъ съ разныхъ сторонъ проникало сознаніе негодности существовавшаго тогда порядка. Это видно изъ любопытнѣйшаго „Доношенія о исправленіи всѣхъ неисправъ", написаннаго Посошковымъ ранѣе 1704 года.

„Аще кто восхощет умныма очима воззрѣти на житіе наше православно россійское и на вся поведѣнія и дѣла наша, то не узрит ни во единой какой любо вещи здраваго дѣла,—говорится тамъ... — Ни во церквах прямого порядка не обрящеши, ниже во чтеніи и пѣніи, ниже во гражданском, ниже в посѣлянском, ни в воинском, ни в судейском, ни в купецком, ни в художном... и не вѣм таковаго дѣла или вещи какой, еже б пороку в ней не было. Нѣсть в нас в цѣлости от главы даже и до ногу, и живем мы всѣм окрестным государствам в смѣх и в поношеніе. Въмѣняют они нас вмѣсто мордвы, а и чють что и неправда их, понеже вездѣ у нас худо и непорядошно".

Когда человѣкъ пришелъ къ тому печальному убѣжденію, что въ его странѣ все худо и непорядочно, то у него, естественно, возникаетъ вопросъ, можно ли поправить положеніе дѣлъ или же оно совершенно безнадежно. Посошковъ былъ убѣжденъ, что все и вполнѣ поправимо. „А за помощію Божіею вся б неисправы исправити было возможно, — утверждаетъ онъ. — И такъ намъ Русь свою мочно исправити во утвержденіи вѣры, что никакіе воды не поколеблют ее, ниже лвы, а не то что волченята вредити могут; и во благочиніи духовном, и дѣлех воиских, и во гражданских, и в посѣлянских, и вся яже суть нынѣ в нас кривины исправити и насадити правду, что всѣм во удивленіе будет" [1]).

Пренебрежительное отношеніе иноземцевъ къ русскимъ вызывало въ Посошковѣ сильное недовѣріе и нерасположеніе къ нимъ. Но въ то же самое время оно пробуждало въ немъ такое сознаніе своего національнаго достоинства, которое уже не было похоже на свойственное варварамъ самомнѣніе. Убѣжденіе въ томъ, что все у насъ худо и непорядочно, между тѣмъ какъ иноземцы живутъ по сравненію съ нами очень хорошо, не оставляло мѣста для такого самомнѣнія, а только властно подсказывало желаніе поскорѣе догнать опередившія насъ чужія страны. „Много Нѣмцы насъ умнѣе науками, а наши остротою, по бла-

---

1) „Доношеніе" Посошкова перепечатано у Павлова-Сильванскаго, соч., т. II, стр. 77—79.

годати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно". Посошковъ говоритъ это въ запискѣ о ратномъ поведеніи, поданной имъ Головину еще въ 1701 г. и заключающей въ себѣ указанную много выше жалобу на то, что нѣмцы посредствомъ почты прорубили „диру" въ Европу. Онъ самъ долженъ былъ признать, что безъ „диры" того или другого вида не обойдешься.

Характерна для „московскаго прогрессиста" послѣдовательность, въ которой разсматриваются у него желательныя преобразованія. Прежде всего нужны такія реформы, которыя утвердили бы вѣру. Участившіяся сношенія съ иноземцами показали, что московскіе люди не имѣютъ никакой возможности защитить православіе съ помощью духовнаго оружія. Посошковъ признаетъ это безъ оговорокъ: „Хотя малой ребенокъ вопроситъ насъ о вѣре, и мы, и въ лѣтех сущіе, отвѣту дать не знаем, и въ чемъ их вѣру уличить, того и на мысль нашу не нахаживало, понеже не знаем их ересей". Ясно поэтому, что надо учиться. Но когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы отстоять свою вѣру, учиться надо тому, что поможетъ разобраться въ религіозныхъ вопросахъ. И вотъ, съ первыхъ же строкъ своего „Завѣщанія" Посошковъ даетъ такой совѣтъ своему сыну: „Въ началѣ отрочества своего, сыне мой, паче всѣхъ наукъ прилѣжи книжному наученію, не токмо славенъскому одному, но и греческому, или латинъскому, или хотя полскому, понеже и на полскомъ языцѣ много таковыхъ книгъ есть, кои у насъ на славенъскомъ языцѣ не обрѣтаются; а ихъ къ наукѣ полской языкъ иныхъ языковъ поемнѣе". Петръ и его птенцы нашли, что „нѣмецкіе" языки гораздо нужнѣе для насъ, нежели польскій и древніе. Но они судили, держась свѣтской точки зрѣнія, а Посошковъ подходилъ къ „наукѣ" съ тѣми требованіями, которыми опредѣлилась программа Греко-латино-славянской академіи: ему важнѣе всего было отстоять православіе.

Однако иноземцы показали свое превосходство надъ русскими не только въ области преній о предметахъ вѣры. Въ ноябрѣ 1700 г. Карлъ XII наголову разбилъ русскихъ подъ Нарвою. Какъ уже сказано выше, печальный для насъ исходъ Нарвской битвы произвелъ сильное впечатлѣніе на Посошкова. Въ „Доношеніи о исправленіи всѣхъ неисправъ" находится прямое указаніе на непорядки въ воинскомъ дѣлѣ. А въ запискѣ „О ратномъ поведеніи", относящейся къ 1701 г., т.-е., стало быть, написанной послѣ Нарвской битвы, содержится горькая жалоба на то, что мы терпимъ пораженія даже тогда, когда превосходимъ непріятеля численностью. „Я истинно... сего не могу разумѣть, что въ томъ силы или похвалы, что многочисленны наши полки на брань

изходятъ, а непріятель малыми людьми побиваетъ и въ полонъ береть. И сіе... не безчестіель наше, что во множествѣ нашемъ отъ малыхъ людей стоять не можемъ“ [1]). При глубокомъ недовѣріи Посошкова къ иностранцамъ, ему, естественно, приходитъ мысль о недобросовѣстности тѣхъ изъ нихъ, которые обучали русскихъ военному искусству. Въ тѣсной связи съ этой мыслью и находится совѣтъ закрыть „диру“ въ Европу, пробитую нѣмецкимъ зломышленіемъ. Но въ томъ-то и дѣло, что Посошковъ не ограничивается этимъ реакціоннымъ совѣтомъ. Онъ желаетъ преобразованій и вѣритъ, что русскіе могутъ успѣшно бороться съ иноземцами. „У нашихъ... Русскихъ людей руки есть такія жъ, что и у иноземцевъ,... и иноземцы не отъ небеси пришли, но такіе жъ люди, яко и мы: всему тому навычка, да добрая расправа...“ [2]).

Распространяясь о „привычкѣ“, Посошковъ указываетъ на неумѣнье русскихъ стрѣлять въ цѣль и по этому поводу дѣлаетъ, однако, важное замѣчаніе. „По моему мнѣнію,—говоритъ онъ,—дружная стрѣльба (т.-е. стрѣльба залпами. *Г. П.*) только что красиво смотрѣть, а непріятелю нестрашна она; а цѣльная стрѣльба (стрѣльба въ цѣль. *Г. П.*) хотя некрасива стрѣльбою, только непріятелю страшна будетъ“ [3]). Болѣе полутораста лѣтъ спустя, одинъ изъ нашихъ военныхъ писателей такъ опредѣлилъ теоретическую правильность этого замѣчанія:

„Онъ, вопреки мнѣнію лучшихъ тактиковъ того времени, возстаетъ противъ безсознательныхъ дѣйствій, точно сомкнутаго строя и высказываетъ мысль объ одиночномъ развитіи солдата, мысль, которую стали осуществлять не только у насъ, но и во всей Европѣ еще въ слишкомъ недавнее время“ [4]).

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ входить здѣсь въ разсмотрѣніе того, въ чемъ состоялъ жизненный опытъ, позволявшій „купецкому“ человѣку Посошкову взглянуть на одинъ изъ вопросовъ военнаго дѣла болѣе правильно, нежели смотрѣли на него иные спеціалисты по тактикѣ. Вынужденный итти дальше, я поэтому попрошу читателя принять въ соображеніе, что для стрѣльбы нужны были ружья, а для приготовленія хорошихъ ружей необходимо было упражненіе въ „художествахъ“, знакомыхъ иноземцамъ гораздо больше, чѣмъ русскимъ. Ясно поэтому, что какъ ни безпокоила Посошкова „дира“ въ Европу, а все-таки и онъ долженъ былъ одобрить призывъ иностранныхъ „художниковъ“

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 278.

[2]) Тамъ же, стр. 282.

[3]) Тамъ же, стр. 267.

[4]) „Военный сборникъ“ 1859 г., № 4, стр. 365. (Цит. во вступ. статьѣ Е. М. Прилежаева къ „Завѣщанію“, стр. XLV).

въ Россію. Ходъ его мыслей очевиденъ въ разсужденіи о пушечной стрѣльбѣ: „А буде... въ Руси такова человѣка не изыщется, кой бы могъ пушечную стрѣльбу устроить, чтобъ даромъ пули не пропадали, инъ хотябъ великою цѣною изъ тѣхъ земель мастеровъ добыть, въ коихъ таковые обрѣтаются“ [1]).

Итакъ, безъ иностранцевъ не обойдешься. Но смогутъ ли они исправить всѣ наши неисправы? Уже записка о ратномъ поведеніи показываетъ, что Посошковъ не считалъ возможнымъ удовольствоваться призывомъ иностранныхъ мастеровъ.

Защита Россіи отъ непріятеля составляла обязанность государевыхъ холоповъ, изъ которыхъ составлялась многочисленная конница. Недостатки этого войска были уже въ XVII вѣкѣ очевидны для нѣкоторыхъ дворянъ, очень неблагопріятно отзывавшихся, какъ помнитъ читатель, о московскомъ военномъ „плюгавствѣ“. Но у дворянъ было много поводовъ снисходительно смотрѣть на плохую службу ихъ собственной „братьи“. У Посошкова такихъ поводовъ не было. И онъ неустанно твердитъ, что дворяне изъ рукъ вонъ плохо исполняютъ свою служебную обязанность. Они заботятся не о томъ, чтобы непріятеля убить, а о томъ, чтобы поскорѣе вернуться домой. Да и на полѣ битвы они далеко не показываютъ себя героями: „И на службѣ того и смотрятъ, чтобы гдѣ во время бою за кустомъ притулиться; а иные такіе прокураты живутъ, что и цѣлыми ротами притуляются въ лѣсъ или въ долу, да того и смотрятъ, какъ пойдутъ ратные люди съ бою, и они такожде будто съ бою въ таборъ пріѣдутъ“ [2]).

Въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“ содержится много такихъ обвиненій противъ служилаго класса. Ознакомившись съ ними, мы видимъ, что хотя Посошковъ и очень крѣпко держится стараго московскаго образа мыслей, однако, не могъ не привѣтствовать тѣхъ мѣръ Петра, которыя устранили старый способъ отбыванія дворянами своей военной повинности.

Въ военномъ дѣлѣ нужна „навычка да добрая расправа“. Добрая расправа предполагаетъ предъявленіе дворянству такихъ требованій, съ которыми оно не привыкло считаться. Кто же предъявляетъ ихъ ему? При московскомъ соціально-политическомъ порядкѣ это могъ сдѣлать только представитель центральной власти. Посошковъ прямо высказываетъ это. Для исправленія всѣхъ неисправъ „надобна воля со желаніемъ великаго государя“. И чѣмъ рѣшительнѣе обнаруживалъ Петръ такую волю,

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 269.

[2]) Тамъ же, стр. 287.

тѣмъ болѣе сочувствовалъ его мѣропріятіямъ нашъ „купецкій человѣкъ“.

Дворянство не только защищало Россію, оно и управляло ею. Посошковъ вѣрилъ, что защищало оно ее весьма плохо. Онъ видѣлъ также, и что управляло оно ею не очень хорошо. Въ роли правящаго класса оно обнаруживало жестокій произволъ. Посошковъ на себѣ испыталъ это.

„На что бодряе и разумнѣе господина князь Дмитрія Михайловича, — пишетъ онъ.—Въ прошломъ 719 году подалъ я ему челобитную, чтобъ мнѣ заводъ построить винокурной и водку взять на подрядъ; и невѣдомо чего ради велѣлъ меня за караулъ посадить; и я сидѣлъ цѣлую недѣлю, и стало мнѣ скучно быть, что сижу долго, а за что сижу, не знаю“. Ну, еще бы не скучно. Освободился Посошковъ благодаря все тому же произволу. Онъ уговорилъ урядника замолвить о немъ слово передъ княземъ. Выслушавъ урядника, Голицынъ сейчасъ же приказалъ освободить его [1]). Но освобожденіе, конечно, не избавило его отъ опасности стать жертвой новыхъ притѣсненій. Въ 1721 г. капитанъ Невельской опечаталъ его имѣнье и выгналъ его изъ дому. Жена Посошкова была такъ напугана при этомъ, что „по чужимъ дворамъ больше дву недѣль скиталась“. Въ томъ же году полковникъ Порецкой бранилъ его „скверной бранью“, называлъ воромъ, и „похвалялся посадить на шпагу“. Посошковъ жаловался на него въ судъ, но полковникъ не призналъ компетенціи обыкновеннаго суда: „Я де судимъ въ военной коллегіи“ [2]). Обращаясь такъ съ „купецкими людьми“, дворяне налагали на своихъ крестьянъ „обремена неудобоносимая“, а что они позволяли себѣ съ духовенствомъ, видно изъ слѣдующихъ словъ нашего автора: „Дворяня презвитеровъ сѣльскихъ ни во что ставятъ и хуже холопей своихъ ихъ ведутъ; и тыи презвитери, боящеся ихъ, служатъ у нихъ и всякую работу рабью на нихъ работаютъ, паче послѣдняго челединца“. Посошковъ разсказываетъ, какъ дворянинъ Хоныковъ билъ священника по лицу „и крестъ святый изъ рукъ у него вышибъ, и съ крылца его спехнувъ, почалъ его во всемъ облаченіи съ людми своими бить, и по грязѣ волочить, и топтать, и чуть жива его оставилъ, и бьючи приговаривалъ: „ты де меня промѣнялъ на Посошкова“. Вина священника состояла въ томъ, что онъ на Пасху раньше, нежели къ помѣщику, зашелъ съ образами къ Посошкову, жившему ближе къ церкви. Жестоко избитый служитель алтаря не осмѣлился жаловаться на

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 48—49.

[2]) Тамъ же, стр. 34—35.

Хонькова [1]). Короче, отъ „государственныхъ холоповъ“ очень худо приходилось всѣмъ тѣмъ, которые не принадлежали къ ихъ сословію. Не удивительно, что когда нѣсколько расшевеленная поворотомъ къ Западу податная Русь выставила въ лицѣ Посошкова своего идеолога, онъ потребовалъ „правды“. Планы преобразованія, выработанные имъ, не заключали въ себѣ ровно ничего революціоннаго или радикальнаго. Но даже одно то обстоятельство, что Посошковъ придумывалъ ихъ, между прочимъ, для того, чтобы положить хоть нѣкоторый предѣлъ своеволію „государевыхъ холоповъ“, дѣлало его опаснымъ въ ихъ глазахъ. Да и самъ онъ понималъ, что его проекты не могутъ понравиться служилому классу. Его „Книга о скудости и богатствѣ“ была не публицистическимъ произведеніемъ, предназначеннымъ для болѣе или менѣе широкой публики, а тайнымъ докладомъ царю о разныхъ „неисправахъ“ въ его царствѣ. Въ обращеніи къ Петру, сопровождающемъ этотъ докладъ, Посошковъ просилъ: „Да не явится мое имя ненавистнымъ и завистливымъ людямъ: паче же ябедникамъ и завистникамъ и любителямъ неправды. Понеже не послѣдуя имъ писахъ, а еще увѣрятъ о моей мизирности, то не попустятъ меня на свѣтѣ ни малаго времени жити, но прекратятъ животъ мой“. Такъ оно и вышло. „Книга о скудости и богатствѣ“ помѣчена 24 февраля 1724 г., а 29 августа слѣдующаго года онъ былъ арестованъ будто бы потому, что „явился въ важной криминальной винѣ“. Составъ „криминальной вины“ его виденъ изъ того, что тайная канцелярія спрашивала подьячаго Шишкина, замѣшаннаго въ дѣлѣ архіепископа Ѳеодосія, не было ли у этого послѣдняго „Книги зовомой скудость съ богатствомъ“ [2]). Въ тюрьмѣ Посошковъ и умеръ (1 февр. 1726 г.) [3]).

Посошковъ больше всего сочувствовалъ купечеству. Но, какъ мы видѣли выше, онъ осуждалъ порядки тѣхъ государствъ Запада, гдѣ „самовластны подданные, а паче купецкіе люди“. Онъ хочетъ, чтобы власть государя была такъ же неограниченна, какъ власть Бога. Онъ возмущается поведеніемъ дворянства и даже говоритъ, что „Царю паче помѣщиковъ надлежитъ крестьянство беречи“. Но изъ дальнѣйшаго развитія этой мысли видно, что и она была въ сущности очень скромна.

Посошковъ былъ далекъ отъ требованія, высказаннаго идео-

---

[1]) „Завѣщаніе отеческое“. Стр. 283—284.

[2]) С. М. Прилежаевъ, назв. соч., стр. LXII.

[3]) Странно, что А. А. Кизеветтеръ ставитъ арестъ Посошкова въ вину Петру: вѣдь Петръ умеръ 28 января 1725 г., т.-е. семь мѣсяцевъ до этого ареста. Идеологъ податной Россіи палъ жертвой Петровыхъ птенцовъ изъ среды служилаго класса.

логами французской буржуазіи: чтобы она сдѣлалась „всѣмъ". „Царю яко великородныхъ и военныхъ тако и купечество и крестьянство блюсти,—говоритъ онъ,—дабы никто въ убожество не входилъ, но всѣ бы по своей мѣрности изобильны были" [1]). Блюсти крестьянъ значило опредѣлить указомъ ихъ оброки и повинности. А что касается купечества, то Посошковъ напоминаетъ Петру, какъ берегутъ людей,—„а наипаче купецкихъ людей",—въ нѣмецкихъ земляхъ, и жалуется на то, что „наши судьи нимало людей не берегутъ" [2]). И это недовольство нашими „судьями" опредѣляетъ собою значительную часть его программы. Онъ требуетъ правосудія и, сообразно характеру своего міросозерцанія, подкрѣпляетъ это требованіе доводомъ отъ религіи: „Богъ правда; правду онъ любитъ". Но какъ добиться правды въ судахъ? „Ради общежительства любовнаго,—отвѣчаетъ Посошковъ,—аще Великій нашъ Монархъ повелитъ судъ устроити единъ, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, таковъ и солдату, такожъ и офицеру, ничимъ же отмѣненъ, и полковнику и генералу,—и чтобъ и судъ учинить близостной, чтобы и всякому и низкочинному человѣку легко бы его доступать, како на простолюдина, токо и на служиваго" [3]). Говорится это, положимъ, по поводу обидъ, которыя наносились жителямъ военными, стоявшими у нихъ на „квартирахъ". Но, по убѣжденію Посошкова, равный судъ долженъ быть примѣняемъ отнюдь не только къ случаямъ столкновеній обывателей съ ихъ военными постояльцами. Посошковъ считаетъ нужнымъ выставить на защиту этого требованія также и доводъ отъ вотчинной монархіи: „Царь—судья и подобенъ онъ Богу... и въ судѣ у Царя, яко у Бога, нѣтъ лица ни богату, ни убогу, ни сильну, ни маломочну—всѣмъ судъ единъ" [4]). Очень достойно замѣчанія, что Посошковъ доходитъ до идеи мирового суда [5]).

Новый, для всѣхъ равный, судъ, предполагаетъ и новыя юридическія нормы. Посошковъ доказываетъ, что надо составить новое уложеніе, такъ какъ уставы всѣ обветшали, и отъ неправыхъ судей всѣ исказились. Для составленія новаго уложенія надо созвать выборныхъ ото всѣхъ чиновъ. „А мнится мнѣ,—прибавляетъ онъ,—не худо бы выбрать изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали". Чтобы оправдать эту свою мысль, онъ говоритъ: „Я видалъ, что и въ Мордвѣ разумные

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 189.
[2]) Тамъ же, стр. 71.
[3]) Тамъ же, стр. 42.
[4]) Тамъ же, стр. 257.
[5]) „Завѣщаніе отеческое". Стр. 184—185.

люди есть, то како во крестьянехъ не быть людемъ разумнымъ“ [1]). У Татищева и у Кантемира мы встрѣтили гораздо болѣе презрительный взглядъ на „безсмысленныхъ мужиковъ“.

Когда новое уложеніе будетъ написано, слѣдуетъ его „всѣмъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ..., дабы въ томъ изложеніи какъ высокороднымъ такъ и нискороднымъ, и какъ богатымъ, такъ и убогимъ... и самымъ земледѣльцамъ, обиды бы и утѣсненія... не было“ [2]).

Написавъ это, Посошковъ чувствуетъ страхъ и оговаривается: „Не надо думать, что, рекомендуя прибѣгнуть къ „народосовѣтію“, онъ „снижаетъ“ царскую власть. Народосовѣтіе нужно единственно только ради самыя истинныя правды, а не для ограниченія „Его Величества самодержавія“. И совершенно ясно, что онъ остается вполнѣ искреннимъ въ этой своей оговоркѣ. Мысль о народосовѣтіи была у этого „московскаго прогрессиста“ простымъ воспоминаніемъ о старинѣ, т.-е. о земскихъ соборахъ [3]). Къ тому же „народосовѣтіе“ отнюдь не отнимаетъ у центральной власти права рѣшать дѣло въ послѣднемъ счетѣ по своему усмотрѣнію. Поэтому огромную и странную ошибку сдѣлалъ Брикнеръ, когда вообразилъ, что, заговоривъ о народосовѣтіи, Посошковъ выставилъ политическое требованіе, подобное тому, которое выставлено было потомъ во Франціи Монтескье и другими просвѣтителями. Посошковъ и тутъ остался „московскимъ прогрессистомъ“, т.-е., вырабатывая планъ преобразованія, онъ смотрѣлъ не впередъ, а назадъ, въ прошлое, все болѣе и болѣе отжившее, благодаря внутренней логикѣ общественныхъ отношеній въ московской вотчинной монархіи.

Что „правители“ изъ служилаго класса возлагали „бремена неудоботносимыя“ на всю податную Русь, это легко было замѣтить всякому, кто не былъ ослѣпленъ интересами и предразсудками этого класса [4]). Бѣда въ томъ, что замѣтить зло еще не

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 76.

[2]) Тамъ же, та же стр.

[3]) Объ участіи выборныхъ въ составленіи уложенія 1648 г. см. у В. Н. Латкина, „Земскіе соборы древней Руси“. Спб., 1885 г., гл. IV.

[4]) Что соціально-политическіе порядки, установившіеся въ Россіи, сильно затрудняютъ ея экономическое развитіе, это видѣлъ не одинъ Посошковъ. Кильбургеръ писалъ, что русскіе не извлекаютъ и десятой доли той пользы, которую они могли бы извлечь изъ удобнаго положенія своей страны и изъ своей склонности къ торговлѣ. И онъ сравнивалъ торговую дѣятельность съ птицей, зажатой въ человѣческой рукѣ: „Если сдавить ее слишкомъ сильно, то птица непремѣнно умретъ, а если разжать руку, то она улетитъ, что опять-таки принесетъ убытокъ ея обладателю. Но, по его словамъ, русскимъ никогда еще не давали черезчуръ большой свободы, и слишкомъ часто давили ихъ („Kurzer unterricht“ и проч., въ „Büching's Magazin für die neue Historie und Geographie“, dritter Theil, Hamburg 1769, S. 249).

значитъ указать средства къ его устраненію. Предположимъ, что „народосовѣтіе“ подарило бы русское государство новымъ уложеніемъ. Но вѣдь „правители“ попрежнему выбирались бы изъ служилаго класса, а онъ крѣпко сжился съ неправдой. Кто и что помѣшаетъ ему возстановить старыя злоупотребленія? Въ старой московской практикѣ нельзя было найти отвѣта на этотъ вопросъ. Поэтому Посошковъ отвѣчаетъ на него неудовлетворительно. Прежде всего онъ совѣтуетъ судьямъ усердно молиться Богу. Затѣмъ онъ, подобно Пересвѣтову, рекомендуетъ жестокость. „А прямо рещи—и невозможно правому суду установитися, аще сто другое судей не падетъ: понеже у насъ на Руси неправда вельми застарѣла“ [1]). Однако вѣдь карать неправедныхъ судей будетъ тотъ же служилый классъ, изъ котораго они назначаются. Захочетъ ли онъ строго отнестись къ нимъ? Посошковъ сильно сомнѣвается въ этомъ и, чтобы хоть нѣсколько помочь бѣдѣ, совѣтуетъ назначать низкородныхъ, а не высокородныхъ судей: у высокородныхъ больше связей, способныхъ обезпечить имъ безнаказанность.

Извѣстно, что наше крапивное сѣмя никогда не отличалось высотою породы. Но извѣстно также, что, несмотря на это, оно всегда умѣло „наступать на законы“. Основной причиной „неправды“ въ Московскомъ государствѣ было полное безправіе его жителей, а именно этой-то причины Посошковъ и не касается въ своихъ разсужденіяхъ о правосудіи. Въ тѣхъ преданіяхъ, которыми руководствовался онъ, предлагая свои реформаторскіе планы, и не было ничего похожаго на понятіе о сколько-нибудь опредѣленныхъ правахъ обывателей. Оставалось молиться Богу да проповѣдывать жестокость по отношенію къ неправеднымъ судьямъ.

Посошковъ хотѣлъ бы, чтобы истцы и отвѣтчики сами защищали свои интересы. Онъ — большой врагъ „наемныхъ ябедниковъ“, которые своимъ многословіемъ правду затираютъ и вводятъ въ заблужденіе судей. Но такъ какъ онъ требуетъ устнаго судопроизводства, то судьямъ ставится у него въ обязанность приходить на помощь „безсловеснымъ“ истцамъ.

„Правители“ имѣютъ возможность притѣснять трудящееся населеніе еще и потому, что оно безграмотно. Посошковъ совѣтуетъ учить грамотѣ крестьянскихъ дѣтей. Это, несомнѣнно, прогрессивная мѣра. Но, кажется, впадаютъ въ преувеличеніе тѣ, которые приписываютъ ему требованіе всеобщаго обученія крестьянскихъ дѣтей. Онъ говоритъ: „Не худобы было такъ

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 85—86.

учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безъ грамотнаго человѣка“ [1]). По точному смыслу этихъ словъ выходитъ, что даже въ малой деревнѣ долженъ быть хоть одинъ грамотный человѣкъ. Это еще не всеобщее обученіе. Правда, Посошковъ не всегда точно выражаетъ свои мысли. Къ тому же покойный Погодинъ счелъ нужнымъ измѣнить его правописаніе, чѣмъ создалъ серьезное препятствіе для изслѣдователей, лишенныхъ возможности ознакомиться съ рукописью Посошкова. Но какъ бы тамъ ни было, мы знаемъ, что общественно-политическіе порядки, господствовавшіе въ восточныхъ деспотіяхъ, далеко не всегда исключали заботу о распространеніи грамотности въ трудящейся массѣ.

Отъ грамотности перейдемъ къ вопросу, вовсе не имѣющему прямого отношенія къ ней, но довольно сильно занимавшему Посошкова и послужившему для него поводомъ къ выработкѣ очень характернаго законопроекта.

Въ цѣляхъ развитія производительныхъ силъ Россіи онъ совѣтуетъ учинить указъ, „чтобы нищихъ, по улицамъ скитающихся,... хватать“ и, обучивъ ткацкому и прядильному дѣлу, отдавать на казенныя фабрики. Частнымъ предпринимателямъ тоже слѣдовало, по мнѣнію Посошкова, предоставить право „гулящихъ робятъ мужеска пола и женска имать и учить, и научa, владѣти ими вѣчно, чьи бы они до поимки ни были“ [2]).

Это пожеланіе напоминаетъ западно-европейскія постановленія о бродягахъ и нищихъ. Въ Англіи, по закону 1530 г., здоровыхъ бродягъ наказывали плетьми и заставляли присягать, что они примутся за работу. Законъ 1547 года предписывалъ отдавать праздношатающагося въ рабство тому, кто на него донесетъ. Хозяинъ могъ принуждать такого раба къ самымъ отвратительнымъ работамъ. Во Франціи, согласно ордонансу 1777 г., всякій здоровый мужчина былъ осуждаемъ на каторжныя работы, если не имѣлъ ни опредѣленной профессіи, ни средствъ существованія. Сходное содержаніе имѣютъ статьи Карла V для Нидерландовъ (1537 г.), первый эдиктъ Голландскихъ штатовъ и городовъ, плакатъ соединенныхъ провинцій 25 іюня 1649 г. и т. д. [3]).

Въ этомъ случаѣ желаніе Посошкова совпало съ тѣмъ, что было на Западѣ. Ни о какомъ *упрежденіи* мысли западноевропейскихъ законодателей здѣсь, конечно, тоже нельзя и зан-

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 175—176.

[2]) Тамъ же, стр. 151.

[3]) Карлъ Марксъ. Капиталъ. Т. I, изд. О. Н. Поповой, стр. 693—694.

каться, такъ какъ въ Англіи XVI вѣка уже было дѣйствительностью то, къ чему стремился Посошковъ въ началѣ XVIII. Но любопытно, что здѣсь Посошковъ отступилъ отъ стараго московскаго взгляда, согласно которому нищіе были „красою церковною, христовою братіею, богомольцами за міръ“ и т. д. [1]), и что къ отступленію отъ этого взгляда его побудила забота о развитіи производительныхъ силъ [2]). Эту заботу не всегда можно было согласить со старыми московскими понятіями.

Не слѣдуетъ думать, однако, что она способна была далеко завести Посошкова въ дѣлѣ критики ветхозавѣтнаго московскаго міросозерцанія. Какъ человѣкъ, проникнутый исключительно практическими стремленіями, онъ, не мудрствуя лукаво, задумывался только о ближайшихъ экономическихъ нуждахъ Россіи. А средства, которыми располагало правительство для удовлетворенія этихъ нуждъ, были тѣ же, которыя находились въ распоряженіи русскихъ царей XVII вѣка. Посошковъ находилъ, что государство обязано методически вмѣшиваться въ хозяйственную дѣятельность народа ради его воспитанія. Въ этомъ онъ вполнѣ сходился съ меркантилистами Запада. Но въ его проектахъ государственное вмѣшательство сразу получаетъ старо-московскій отпечатокъ. Вотъ, напримѣръ, въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“ онъ совѣтуетъ правительству настаивать на томъ, чтобы купцы брали за свои товары настоящую цѣну. Возникаетъ вопросъ: какъ поступать съ купцами, не исполняющими этого требованія? Отвѣтъ подсказывается старой московской привычкой: „А буде взялъ цѣну не противо настоящія цѣны излишнюю, то за всякую излишнюю копѣйку взять на немъ штрафу по гривнѣ или по двѣ, и высѣчь батоги или плетьми, чтобы впредь такъ не дѣлалъ“ [3]).

За купцами надзираютъ десятскіе, пятидесятскіе и сотскіе. Если это начальство начнетъ мирволить купцамъ, такъ или иначе обманывающимъ своихъ покупателей, то „взять штрафъ на десятскомъ въ десять мѣръ, а на пятидесятскомъ пятьдесятъ мѣръ, а на сотскомъ во 100 мѣръ и наказаніе чинить кнутомъ, по колику ударовъ уложено будетъ“ [4]).

Такъ какъ „европейскіе жители“, пользуясь отсутствіемъ солидарности между нашими торговцами, прижимали ихъ, то По-

---

[1]) См. И. Прыжовъ. Нищіе на святой Руси. Москва, 1869, стр. 58.

[2]) Въ „Завѣщаніи отеческомъ“ Посошковъ высказываетъ (стр. 169) старый московскій взглядъ на нищенство. „Кто есть Богъ, иже владѣетъ небомъ и землею, и иже есть, вся суть Его, а на земли въ нищетѣ велицѣй пребывалъ“ и т. д.

[3]) Сочиненія, томъ I, стр. 117—118.

[4]) Тамъ же, стр. 118.

сошковъ хотѣлъ, чтобы русскіе продавали свои товары иноземцамъ не иначе, какъ по цѣнѣ, установленной съ ихъ общаго согласія, а также съ одобренія начальства. Мысль, по своему, весьма практичная. Нѣчто подобное придумалъ и пытался осуществить А. А. Ординъ-Нащокинъ, когда былъ воеводой въ Псковѣ [1]). Но и она пришла въ голову Посошкову въ сопровожденіи кнута: „а буде кто хотя на одинъ рубль дерзнетъ пріѣзжимъ иноземцамъ продать какого нибудь товару безъ воли вышняго своего коммандира, то взять съ него штрафъ сторично... и наказаніе учинить кнутомъ“ [2]).

Во взглядѣ на кнутъ, какъ на самаго надежнаго помощника правительства въ дѣлѣ просвѣщенія русскаго народа, Посошковъ совершенно сходился съ Петромъ и его птенцами изъ среды служилаго класса.

Онъ былъ убѣжденъ, что иностранцы такіе же люди, какъ и мы, но у нихъ лучше „гражданство“. И онъ задумался надъ лучшимъ устройствомъ „гражданства“ въ русскомъ государствѣ. Нѣкоторыя изъ предложенныхъ имъ мѣропріятій заслуживаютъ очень большого вниманія. Но даже и эти мѣропріятія написаны кнутовищемъ, подобно просвѣтительнымъ указамъ Петра. Старая Москва неизмѣнно накладывала свой отпечатокъ даже на тѣхъ, которые стремились преобразовать ее.

Ставя передъ собой задачу развитія производительныхъ силъ Россіи, Посошковъ держался того убѣжденія, что мы можемъ обойтись безъ иностранныхъ товаровъ, между тѣмъ какъ иностранцы не будутъ въ состояніи и десяти лѣтъ прожить безъ нашихъ. „И того ради, — говоритъ онъ, — подобаетъ намъ надъ ними господствовать, и имъ рабствовать предъ нами, и во всемъ упадокъ передъ нами держать, а не гордость“ [3]). Но онъ самъ очень хорошо понималъ, что въ дѣйствительности русскимъ еще далеко до экономическаго господства надъ иноземцами. Поэтому въ своихъ проектахъ онъ предлагалъ только такія мѣры, которыя ослабили бы нашу зависимость отъ нѣмцевъ, ушедшихъ дальше насъ „науками“. Что касается торговли, то онъ совѣтуетъ своимъ землякамъ держаться дружно и принимать чужіе товары, „по разсмотрѣнію и по согласію общему, и съ воли командира своего“. Кромѣ того, онъ рекомендуетъ вовсе запретить привозъ къ намъ предметовъ роскоши [4]). А если полное запрещеніе невоз-

---

[1]) Ключевскій, курсъ, III, стр. 449—450.

[2]) Сочиненія, т. I, стр. 119.

[3]) Тамъ же, стр. 121—122.

[4]) „Намъ надобно не парчами себя украшать, но надлежитъ добрымъ нравомъ и школьнымъ ученіемъ, и христіанскою правдою“. Сочиненіе, т. I, стр. 127.

можно, то надо, чтобы покупать эти товары имѣли право только высокопоставленныя лица [1]). Точно такъ же не слѣдуетъ покупать у иноземцевъ такихъ товаровъ, „кои у насъ въ Россіи обрѣтаются: соль, желѣзо, иглы, стеклянная посуда, скипидаръ, дѣтскія игрушки и пр. Главное дѣло въ томъ, что бы нѣмецкія затейки и прихоти... пріостановить, дабы напрасно изъ Руси богатства не тащили". Въ этомъ отношеніи Посошковъ опять сходился съ западными меркантилистами, гораздо раньше его выдвинувшими тотъ же самый принципъ. Но чтобы иностранцы „не тащили" денегъ изъ данной страны, она должна по возможности сама производить тѣ товары, которые ввозятся изъ-за границы. Еще болѣе нужно ей позаботиться о производствѣ у себя товаровъ, выдѣлываемыхъ за границей изъ ея же собственнаго сырья. Посошковъ вполнѣ сознательно защищаетъ это правило. Онъ пишетъ: „О семъ же всячески надлежитъ потщиться, чтобы завести въ Руси дѣлати тѣ дѣла, кои дѣлаются изъ льну и изъ пеньки, то-есть трипы, бумазеи, рубки, миткали, камордки и порусиныя полотна и прочія дѣла, кои изъ Русскихъ матеріаловъ дѣлаются: сіе бо вельми нужно, еже кои матеріалы гдѣ родятся, тамо бы они и въ дѣло происходили" [2]). И Посошковъ опять задумывается о завоеваніи иностранныхъ рынковъ: „Я чаю, что мочно намъ на всю Европу полотенъ наготовить, и предъ ихъ нынѣшнею цѣною гораздо уступнѣе продавать имъ мочно" [3]). И опять дѣйствительность напоминаетъ ему, что сначала надо научиться ходить на собственныхъ ногахъ. „Трудно намъ тѣ заводы завести", признается онъ. Но если трудно, то правительство должно взять на себя починъ. „И ради царственнаго обогащенія,—говоритъ Посошковъ,—надлежитъ на такія дѣла въ началѣ состроить домы изъ Царскія казны на пространныхъ мѣстѣхъ въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ хлѣбъ и харчъ дешевле... и наложить на нихъ оброкъ, чтобы люди богатились, а Царская казна множилась" [4]). Само собою разумѣется, что не слѣдуетъ отказывать въ поддержкѣ и частнымъ предпринимателямъ. Маломочныхъ надо ссужать деньгами „изъ ратуши или откуды Его Императорское Величество повелитъ, дабы всякія дѣла разширялись" [5]). Наконецъ, надо

---

[1]) Посошковъ стоитъ за то, чтобы всякій чинъ свое опредѣленіе имѣлъ. Даже внутри каждаго сословія, напримѣръ, купеческаго, проектируются имъ особые „чины", которые, смотря по степени своей зажиточности, могутъ позволять себѣ болѣе или менѣе роскошный образъ жизни.

[2]) Сочиненія, т. I, стр. 148—149.

[3]) Тамъ же, стр. 150.

[4]) Тамъ же, та же стр.

[5]) Тамъ же, стр. 150—151.

какъ можно старательнѣе изслѣдовать естественныя богатства Россіи, которыя Посошковъ считаетъ очень большими: „Я не знаю, чего бы у насъ на Руси не сыскать; да мы не знаемъ, потому что за моремъ не бывали и въ таковыхъ мѣстахъ, что обрѣтается не видали и не слыхали, а иноземцы, кои и знаютъ, да не хотятъ намъ объявить“ [1]).

Короче, Посошковъ выработалъ цѣлую программу экономической политики. Программа эта заключаетъ въ себѣ всѣ главныя требованія меркантилизма, приспособленныя къ русской соціально-политической обстановкѣ того времени. Весьма знаменательно, что программа эта была выставлена „купецкимъ человѣкомъ“. Конечно, меркантилистами были тогда всѣ русскіе люди, интересовавшіеся экономической политикой: самъ Петръ былъ убѣжденнымъ меркантилистомъ. Но врядъ ли кто-нибудь изъ помощниковъ Петра имѣлъ такую стройную экономическую программу, какъ Посошковъ. Брикнеръ замѣтилъ, что никто изъ птенцовъ Петра не былъ писателемъ-экономистомъ, какимъ можно назвать Посошкова [2]). И это справедливо. Ошибка Брикнера заключается лишь въ томъ, что онъ приписалъ Посошкову такіе передовые взгляды, до какихъ онъ рѣшительно не могъ додуматься при данныхъ общественно-политическихъ условіяхъ. Посошковъ не сдѣлалъ ровно никакихъ открытій въ экономической теоріи, а что касается экономической практики, т.-е. экономической политики, то онъ выставилъ только рядъ такихъ требованій, которыя гораздо раньше его формулированы были западно-европейскими меркантилистами, причемъ облекъ ихъ въ форму, соотвѣтствовавшую соціально-политической обстановкѣ русской вотчинной монархіи. Когда Брикнеръ говоритъ, что ни Виніусъ, ни Курбатовъ, ни Геннингъ, ни Кирилловъ, ни Татищевъ не могъ бы написать такое сочиненіе, какъ „Книга о скудости и богатствѣ“, онъ опять правъ. Но правъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ думаетъ.

Такой человѣкъ, какъ Татищевъ, навѣрно, обнаружилъ бы больше способности къ обращенію съ экономическими понятіями, нежели Посошковъ, если бы захотѣлъ внимательно вдумываться въ нихъ. Силой мысли онъ, несомнѣнно, превосходилъ Посошкова (объ образованіи, разумѣется, нечего и говорить). Но касательно „правды“, т.-е. управленія и правосудія, которой посвящена значительная часть „Книги о скудости и богатствѣ“, точка зрѣнія „шляхтича“ помѣшала бы Татищеву замѣтить очень многое-

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 152—153.

[2]) Иванъ Посошковъ.— Часть I, Посошковъ, какъ экономистъ. Спб. 1876, стр. 67.

изъ того, что замѣтилъ „купецкій человѣкъ“ Посошковъ. Самыя сильныя стороны книги Посошкова обязаны своимъ существованіемъ именно тому, что онъ по самому положенію своему не расположенъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на „бремена неудоносимыя“, наложенныя служилымъ классомъ на работавшую и торговавшую Русь. Взглянувъ на наши тогдашніе порядки съ точки зрѣнія этой Руси, нашъ московскій прогрессистъ, т.-е., значитъ, консерваторъ по преимуществу, сдѣлалъ такія наблюденія, за которыя его посадили въ казематъ, и которыя казались нашимъ бюрократамъ опаснымъ вплоть до эпохи реформъ Александра II.

Мы уже знаемъ, что Посошковъ никакихъ основъ не потрясалъ, а только хотѣлъ утвердить,—правда, расширивъ ихъ со стороны полезной трудящемуся населенію,—старыя основы Московскаго государства. Но тотъ фактъ, что онъ принадлежалъ не къ числу „государевыхъ холоповъ“, а къ числу „государевыхъ сиротъ“, оказалъ очень большое отрицательное вліяніе какъ на ходъ его умственнаго развитія, такъ и на судьбу его проектовъ. Его общественное положеніе помѣшало ему усвоить себѣ европейскія знанія, хотя бы въ томъ объемѣ, въ какомъ усвоивали ихъ птенцы Петровы. Онъ на всю жизнь остался самоучкой стараго московскаго типа. И когда этотъ самоучка придумывалъ какую-нибудь мѣру полезную, по его мнѣнію, для всего государства, ему надо было преодолѣть невѣроятное множество препятствій только для того, чтобы довести о ней до свѣдѣнія власть имущихъ. Еще М. П. Погодинъ отмѣтилъ разсказъ Посошкова о томъ, какъ тщетно пытался онъ добиться свиданія съ кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ. „Въ 718 году,—повѣствуетъ Посошковъ,—написалъ я доношеніе Е. И. В. о новоначинающихся деньгахъ... И для поданія приходилъ къ Господину Алексѣю Васильевичу Макарову, и за жестокими караульщики не могъ получить, ежебы то доношеніе его милости вручить, и поѣхалъ онъ къ лекарственнымъ водамъ. И тако то доношеніе мое и осталось у меня, и я послѣди того времени отдалъ его кучеру Куріеву [1]), Егору Сергѣеву, который въ домѣ его Алексѣя Васильевича пребываетъ, и просилъ его, дабы по времени вручилъ ему. И вручилъ ли онъ то мое доношеніе... или нѣтъ, про то не вѣмъ“ [2]).

По этому поводу покойный историкъ воскликнулъ: „Курьеръ Макарова былъ вожделѣннымъ меценатомъ для нашего политика!“ Это было въ самомъ дѣлѣ такъ. И это показываетъ, какъ трудно было прійти на помощь къ Петру тѣмъ сторонникамъ его

---

[1]) По предположенію издателя, курьеру.

[2]) Сочиненія, т. I, стр. 251.

реформы, которые не были „шляхтичами“. Если Петръ желалъ, какъ я напомнилъ объ этомъ выше, чтобы „порода“ уступила дорогу „чину“, „выслугѣ“, то практическое значеніе желаніе это могло имѣть только въ предѣлахъ служилаго класса, для лицъ же другихъ классовъ пути къ выслугѣ были почти совершенно закрыты.

Реформа Петра совершилась силами дворянства. Въ лицѣ Посошкова мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, сочувствовавшимъ этой реформѣ, но лишеннымъ возможности принять дѣятельное участіе въ ней. Это вынужденное положеніе сочувствовавшаго наблюдателя, а не дѣятельнаго участника преобразовательныхъ усилій позволяло ему судить объ ихъ результатахъ, не вдаваясь ни въ какія преувеличенія на ихъ счетъ. И надо признать, что было много-много пессимизма въ его отзывахъ объ этихъ результатахъ.

„Видимъ мы вси, какъ Великій нашъ Монархъ... трудитъ себя, да ничего неуспѣетъ,—писалъ Посошковъ,—потому что пособниковъ по его желанію не много: Онъ на гору аще и самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; то како дѣло его споро будетъ?“ [1]).

Надо замѣтить, что этотъ такъ часто цитируемый отзывъ, относится у Посошкова собственно къ стараніямъ Петра водворить правосудіе въ Россіи. Но даже введенный въ эти сравнительно узкіе предѣлы, онъ лишній разъ напоминаетъ о томъ, что далеко не все обстояло благополучно въ „обновленной“ Россіи. И тѣмъ самымъ онъ выгодно отличаетъ Посошкова отъ тѣхъ безусловныхъ панегиристовъ, къ числу которыхъ, къ сожалѣнію, принадлежалъ даже Ломоносовъ.

2. М. В. Ломоносовъ.

То обстоятельство, что Россія была самодержавно-шляхетскимъ государствомъ, опредѣлило, между прочимъ, какъ ходъ просвѣщенія въ нашей странѣ, такъ и степень его доступности для различныхъ общественныхъ классовъ. „Шляхетство“, особенно въ лицѣ тѣхъ своихъ представителей, которые „тѣснились у трона“, имѣло сравнительно легкую возможность удовлетворить потребность въ знаніи, разъ она возникала у него. Въ Россіи XVIII вѣка оно даже обязано было учиться и подвергалось отвѣтственности за неисполненіе этого своего долга [2]). Наоборотъ, тяглая

---

[1]) Сочиненія. т. I, стр. 95.

[2]) Кто по той или по другой причинѣ стоялъ близко къ трону, имѣлъ возможность не только просвѣщать самого себя, но и „командовать“ просвѣщеніемъ. Кириллъ Разумовскій въ 18 лѣтъ былъ назначенъ президентомъ Академіи Наукъ.

Русь обязана была доставлять средства для дворянскаго просвѣщенія, пребывая въ той же темнотѣ, въ какой прозябала она до петровской реформы. Правда, правительство вынуждено было привлекать въ школы не только шляхетскихъ дѣтей: образованныхъ „шляхтичей“ не хватало для служенія многочисленнымъ нуждамъ государства. Но даже на школьной скамьѣ разночинцы не смѣшивались съ дворянами. Когда въ Москвѣ возникъ университетъ, тамъ же основано было для подготовки слушателей двѣ гимназіи: одна для дворянъ, а другая для разночинцевъ. Въ Петербургѣ, гдѣ была одна только гимназія при Академіи Наукъ, правилами 1750 года предписывалось „обучающимся въ гимназіи изъ шляхетства и другихъ знатныхъ чиновъ людей дѣтямъ сидѣть за особеннымъ столомъ, а которые не знатныхъ отцовъ дѣти, тѣхъ отдѣлять особо [1]). По всему видно, что дворянство очень дорожило этими отличіями. Мы знаемъ, какъ заботился просвѣщенный Татищевъ о томъ, чтобы, въ дѣлѣ ученья, шляхетство „отъ подлости отдѣлено было“.

Наконецъ, необходимо помнить, что къ числу счастливцевъ, имѣвшихъ хотя бы и очень нелегкій доступъ въ среднюю и высшую школу, не принадлежали дѣти многочисленныхъ крѣпостныхъ людей.

Выходитъ, что Некрасовъ слишкомъ оптимистически представлялъ себѣ положеніе дѣлъ на нашей родинѣ, когда писалъ въ своемъ стихотвореніи „Школьникъ“:

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ, то и знай...

Что русская „природа“ отнюдь не бездарна, объ этомъ нечего и говорить. Но, къ сожалѣнію, даровитые люди изъ русской народной среды слишкомъ часто лишены были возможности развить свои духовныя силы и сдѣлаться „славными“. Общественно-политическій строй загораживалъ русской народной массѣ дорогу къ знанію. Это до такой степени вѣрно, что возникло преданіе, согласно которому „архангельскій мужикъ“, упоминаемый въ томъ же стихотвореніи Некрасова, отворилъ себѣ дверь въ школу только посредствомъ обмана.

Разсказываютъ, что, стремясь попасть въ Славяно-Греко-Латинскую Академію, Ломоносовъ выдалъ себя за сына священника

---

[1]) В. В. Каллашъ. Очерки по исторіи школы и просвѣщенія. Москва, 1902, стр. 96.

(по другому извѣстію дворянина), такъ какъ туда принимали учениковъ только изъ среды дворянства и духовенства. Потомъ, опасаясь наказанія за эту ложь, онъ будто бы открылся Ѳеофану Прокоповичу, который сказалъ ему: „Не бойся ничего; хотя бы со звономъ въ большой колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ, я твой защитникъ".

Съ фактической стороны этотъ разсказъ сомнителенъ. Однако se e non e vero, e ben trovato. Въ немъ есть своя правда. Вѣрно то, что „ученая дружина", къ которой принадлежалъ Прокоповичъ, больше, нежели кто-нибудь, должна была сочувствовать успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи. Въ разсказѣ позабыто одно: эта дружина тоже совсѣмъ не чужда была сословныхъ предразсудковъ. И уже совсѣмъ вѣрно изображено въ разсказѣ крайне затруднительное положеніе даровитыхъ молодыхъ людей, рвавшихся къ свѣту, но не имѣвшихъ счастія принадлежать къ сословіямъ болѣе или менѣе привилегированнымъ. Въ виду этого крайне затруднительнаго положенія возникаетъ вопросъ: какъ же все-таки вышло, что крестьянское происхожденіе не помѣшало молодому Михаилу Ломоносову сдѣлаться наиболѣе выдающимся русскимъ ученымъ XVIII столѣтія?

Само собою разумѣется, что ему помогла „природа", одарившая его огромными способностями. Однако однѣхъ способностей было мало: необходимо было добиться возможности примѣнить ихъ къ дѣлу. Откуда вырвалъ ее даровитый крестьянскій юноша?

Тутъ, прежде всего, надо вспомнить ту „благородную упрямку", о которой не безъ гордости говорилъ впослѣдствіи самъ Ломоносовъ, и которая дѣйствительно была ему въ высшей степени свойственна. Въ письмѣ къ И. И. Шувалову онъ такъ разсказывалъ о своей жизни въ „Спасскихъ школахъ" (т.-е. въ названной выше московской Академіи).

„Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ... Съ другой стороны, несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ за денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны, пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня отдадутъ, которые и въ мою бытность предлагали; съ другой стороны, школьники малые

ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латынѣ учиться".

Что и говорить! Много „благородной упрямки" обнаружилъ тогда юный „архангельскій мужикъ". Но и она ничего не объясняетъ. Остается непонятнымъ, какъ же могъ попасть въ школу хотя бы и очень даровитый крестьянскій сынъ при тогдашнемъ положеніи крестьянской массы.

Чтобы понять это, мы должны принять въ соображеніе, что Ломоносовъ родился на сѣверѣ, гдѣ крестьянство издавна жило не совсѣмъ такъ, какъ въ другихъ частяхъ русскаго государства. Нельзя сказать, чтобы тамъ совсѣмъ не было крупнаго землевладѣнія: сѣверъ имѣлъ немало монастырей, владѣвшихъ землею и располагавшихъ рабочей силой подчиненныхъ имъ крестьянъ. Но это было только полбѣды. Другая, горшая половина, отсутствовала: тамъ не было помѣстнаго землевладѣнія. Это не могло не оказать благотворнаго вліянія на характеръ и привычки мѣстнаго населенія, которое, кромѣ того, еще отъ временъ „господина Великаго Новгорода" вело очень подвижный образъ жизни и отличалось болѣе независимымъ характеромъ, чѣмъ жители коренныхъ московскихъ областей. Независимость характера сопровождалась болѣе высокой культурой. Ломоносовъ научился читать еще у себя на родинѣ. Правда, его мать была дочерью дьякона, однако учился онъ не у нея, потому что она умерла слишкомъ рано. Правда и то, что, подстрекаемый мачехой, отецъ часто журилъ его за „пустую" трату времени на книги. Но не всѣ его односельцы относились къ ученью такъ пренебрежительно. Есть извѣстіе о томъ, что грамотѣ выучилъ его крестьянинъ Шубный, который будто бы и внушилъ ему мысль объ отходѣ въ Москву. У другого крестьянина той же деревни, Христофора Дудина, Ломоносовъ досталъ сдѣланное Симеономъ Полоцкимъ стихотворное переложеніе псалтыри, грамматику Смотрицкаго и ариѳметику Магницкаго. Подмосковный крестьянинъ Посошковъ мечталъ о томъ, чтобы не было ни одной деревни безъ грамотнаго человѣка. Въ Денисовкѣ эта мечта была дѣйствительностью. И то, что она была тамъ дѣйствительностью, значительно облегчило первый шагъ геніальнаго крестьянина-мальчика на его пути къ свѣту—знанію.

Но еще прежде, нежели научиться читать, юный Ломоносовъ научился путешествовать и выносить лишенія, всегда связанныя съ тѣмъ родомъ путешествій, который выпадалъ на долю трудящагося народа. Отецъ его занимался морскими рыбными промыслами и, уѣзжая изъ дому, часто бралъ сына съ собою. Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что величественныя явленія сѣверной

природы впервые заронили въ душу геніальнаго юноши нерѣдко повторявшуюся имъ впослѣдствіи мысль о Божьемъ могуществѣ. Это, конечно, возможно, хотя, какъ увидимъ ниже, мысль эта могла имѣть другое происхожденіе. Но что кажется неоспоримымъ, такъ это то, что раннія, богатыя трудностями и приключеніями путешествія Ломоносова закаляли его характеръ и сообщали ему „благородную упрямку". Еще болѣе вѣроятнымъ считаю я то соображеніе, что, родись Ломоносовъ въ какой-нибудь помѣщичьей деревнѣ центральной Россіи, ему, пожалуй, не пришлось бы сопровождать своего отца дальше, какъ до господской усадьбы и до господской пашни, и тогда отходъ изъ дому въ Москву,— если бы Ломоносовъ и сталъ задумываться о немъ,—показался бы ему слишкомъ затруднительнымъ или даже прямо несбыточнымъ. Наконецъ, если бы онъ все-таки ушелъ, то правило, запрещавшее принимать въ школы крѣпостныхъ дѣтей, явилось бы, можетъ быть, самымъ большимъ препятствіемъ на его пути къ свѣту.

Мы видимъ отсюда, что архангельскій мужикъ сталъ разуменъ и великъ не только по своей и Божьей волѣ.

Ему чрезвычайно помогло то обстоятельство, что онъ былъ, именно, архангельскимъ мужикомъ, мужикомъ-поморцемъ, не носившимъ крѣпостного ошейника.

Теперь взглянемъ на дѣло съ другой стороны. Тамъ, гдѣ отсутствовалъ служилый классъ, не могло быть и борьбы съ нимъ, а слѣдовательно—не могло быть и настроенія, создаваемаго классовой борьбою. Въ смутное время, когда Болотниковъ поднималъ крѣпостныхъ крестьянъ и холоповъ, поморцы не только не пошли за нимъ, но, напротивъ, поддержали московское правительство царя Василія. Да и потомъ ихъ усилія способствовали возстановленію стараго, расшатаннаго смутой, соціальнаго строя Московскаго государства. Въ одушевлявшемъ ихъ духѣ независимости не было ничего бунтовского, ничего, толкающаго на „потрясеніе" какихъ-либо „основъ".

Ровно ничего похожаго на склонность къ потрясенію какихъ-либо основъ не замѣтно и во взглядахъ Ломоносова. Юношескіе годы, проведенные имъ на родинѣ, оставили въ его душѣ богатый запасъ впечатлѣній. Но впечатлѣнія эти порождены были преимущественно картинами природы и борьбою съ нею за существованіе. Взаимныя отношенія людей въ обществѣ, т.-е. взаимныя отношенія общественныхъ классовъ, никогда не возбуждали въ немъ такого интереса, съ какимъ относился къ нимъ Посошковъ. Въ высокой степени свойственная Ломоносову „благородная упрямка" сдѣлали изъ него человѣка, умѣвшаго охра-

нять свое достоинство въ то печальное время, когда образованные разночинцы,—вспомнимъ несчастнаго Третьяковскаго,—покорно гнули шею передъ разнаго рода „милостивцами“. Правда, и Ломоносову приходилось искать покровительства Ив. Ив. Шувалова: безъ покровителей тогда нельзя было обойтись. Но ища покровительства, онъ умѣлъ охранять свою гордую независимость. „Не только у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтителей дуракомъ быть не хочу, — писалъ онъ тому же Шувалову, заподозривъ его въ желаніи поиздѣваться надъ нимъ, — но ниже у самаго Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ“ [1]). Можно ли не согласиться съ тѣмъ, что „упрямка“, подсказавшая эти слова, была поистинѣ благородной упрямкой? Но духъ личной независимости очень хорошо уживался у Ломоносова съ почти полнымъ — чтобы не сказать просто полнымъ — равнодушіемъ къ основнымъ вопросамъ общественнаго устройства. Н. Буличъ замѣтилъ, что Ломоносовъ не видѣлъ темныхъ сторонъ петровской реформы. Онъ могъ бы сказать больше того: Ломоносовъ не видѣлъ также и темныхъ сторонъ современнаго ему русскаго общественнаго порядка. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно даровитый и разносторонне ученый поморецъ далеко отсталъ отъ подмосковнаго „купецкаго человѣка“, самоучки Посошкова, такъ страстно искавшаго доступной его уму „правды“ въ соціальныхъ отношеніяхъ.

Казалось бы, что запрещеніе принимать въ школы крѣпостныхъ дѣтей должно было вызывать со стороны Ломоносова самое рѣшительное осужденіе. Вѣдь онъ по собственному опыту зналъ, какъ трудно было попадать на школьную скамью дѣтямъ тяглой Руси. Прекрасно зналъ онъ и то, что на Западѣ тогда не существовало сословныхъ перегородокъ въ дѣлѣ образованія. „Другія европейскія государства, — писалъ онъ, разбирая академическій регламентъ 1747 года, — наполнены людьми учеными всякого званія, однако ни единому человѣку не запрещено въ университетахъ учиться, хтобы онъ ни былъ, и въ университетѣ тотъ студентъ почтеннѣе, кто больше научился; а чей онъ сынъ, въ томъ нѣтъ нужды. Здѣсь въ россійскомъ государствѣ ученыхъ людей мало; дворянамъ для безпорядку ранговъ нѣтъ ободренія; въ подушный окладъ положеннымъ запрещено въ Академіи учиться. Можетъ быть, сочинитель думалъ, что государству великая тягость, ежели оно 40 алтынъ (подушной подати. *Г. П.*) въ годъ потеряетъ для полученія ученаго россіянина“... Но, критикуя

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные академ. Билярскимъ, стр. 487.

„сочинителя“ регламента, Ломоносовъ не говоритъ, — какъ навѣрно, сказалъ бы Посошковъ,—что надо позволить „положеннымъ въ подлинный окладъ“ учиться, гдѣ они пожелаютъ. Онъ не идетъ такъ далеко, онъ хотѣлъ бы только добиться извѣстныхъ послабленій для болѣе зажиточныхъ слоевъ народа. Онъ спрашиваетъ: „Чѣмъ тѣ виноваты, которые, состоя въ подушномъ окладѣ, имѣютъ такой достатокъ, что на своемъ коштѣ дѣтей своихъ въ науку отдать могутъ? И для чего выключены всѣ глухо, не различивъ хорошихъ (sic) людей посадскихъ отъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ?“

Что это значитъ? То ли, что Ломоносовъ, не надѣясь добиться всего, предпочиталъ получить отъ начальства хоть что-нибудь? Или же то, что „хорошіе люди посадскіе“ были ближе сердцу гордаго поморца, нежели помѣщичьи крѣпостные крестьяне? Очень можетъ быть и то и другое.

Г. Сухоплюевъ писалъ недавно, что въ своей извѣстной запискѣ „О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“ Ломоносовъ „по существу требовалъ ограниченія правъ дворянъ надъ ихъ крѣпостными“ [1]). Какой характеръ имѣло это требованіе, показываетъ то мѣсто названной записки, гдѣ говорится о крестьянскихъ побѣгахъ.

Изъ пограничныхъ областей крѣпостные уходили за границу и тѣмъ самымъ переставали существовать для государства, превращаясь для него въ живыхъ покойниковъ, по образному выраженію Ломоносова. Правительство множило караулы на русскомъ рубежѣ. Ломоносовъ находитъ, что эта мѣра цѣли не достигаетъ, такъ какъ, — опять по его же образному выраженію, — столь великой скважины силою не запрешь. Остается только прибѣгнуть къ мѣрамъ кротости.

„Побѣги бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отяготѣній и отъ солдатскихъ наборовъ, — говоритъ Ломоносовъ. — И такъ, мнѣ кажется, лучше пограничныхъ съ Польшею жителей облегчить податьми и снять солдатскіе наборы, расположивъ ихъ по всему государству“ [2]).

Во всей запискѣ это единственное мѣсто, гдѣ нашъ авторъ касается положенія крѣпостныхъ крестьянъ. Но касается онъ его, какъ видимъ, не „по существу“, а единственно по тому побочному поводу, что крестьянскіе побѣги уменьшаютъ населеніе

---

[1]) „Взгляды Ломоносова на политику народонаселенія“ въ „Ломоносовскомъ сборникѣ“, 1911 г., стр. 193.

[2]) См. третій выпускъ „Бесѣдъ въ Обществѣ любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ“, стр. 85—86. Москва, 1871 г.

государства. Но замѣчательно, что Ломоносовъ не рѣшается выступить съ проектомъ какихъ-нибудь ограниченій помѣщичьихъ правъ, хотя бы только въ пограничныхъ мѣстностяхъ. Онъ только совѣтуетъ облегчить тамъ гнетъ податей и тяжесть солдатскихъ наборовъ. Это какъ нельзя болѣе осторожно. Правда, онъ обѣщаетъ предложить еще другіе „способы“ въ запискѣ о просвѣщеніи и объ исправленіи народныхъ нравовъ. Записка эта до насъ не дошла. Однако нѣтъ никакого основанія предполагать, что Ломоносовъ высказывалъ въ ней болѣе широкій взглядъ на задачи государства по отношенію къ крѣпостному крестьянству.

Редакція „Москвитянина“, еще въ началѣ сороковыхъ годовъ напечатавшая записку о размноженіи россійскаго народа, тогда же замѣтила отъ себя: „Великій ученый и литераторъ не оставлялъ ни одного государственнаго и народнаго вопроса безъ вниманія! Обо всемъ думалъ и обо всемъ имѣлъ собственныя мысли и предположенія“ [1]). Это вѣрно. Нельзя не удивляться широтѣ умственныхъ интересовъ Ломоносова. Въ письмѣ къ И. И. Шувалову, сопровождавшемъ записку о народномъ размноженіи, онъ говорилъ, что у него есть еще много замѣтокъ, „простирающихся къ приращенію общей пользы“, и что онѣ могутъ быть распредѣлены по такимъ отдѣламъ:

1) о размноженіи и пр. (уже извѣстная намъ записка);

2) о истребленіи праздности;

3) о исправленіи нравовъ и о большемъ народа просвѣщеніи;

4) о исправленіи земледѣлія;

5) о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ;

6) о лучшихъ пользахъ купечества;

7) о лучшей государственной экономіи;

8) о сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира.

Когда онъ находилъ время думать обо всѣхъ этихъ вопросахъ? Хорошо выразился Пушкинъ, назвавъ его нашимъ первымъ университетомъ. Однако не всѣ факультеты этого университета работали съ одинаковымъ прилежаніемъ и съ равнымъ успѣхомъ. Призваніемъ Ломоносова являлось естествознаніе. Тутъ онъ былъ глубокъ и оригиналенъ. Наоборотъ, въ общественныхъ вопросахъ онъ разбирался не очень хорошо, и потому „мысли, простирающіяся къ приращенію общей пользы“, не были ни глубоки ни оригинальны.

---

[1]) „Москвитянинъ“, 1842 г., кн. 1. Матеріалы для исторіи россійской словесности, стр. 126, примѣчаніе. Записка Ломоносова напечатана тамъ съ пропусками.

Кто внимательно прочтетъ записку о народномъ размноженіи, тотъ съ увѣренностью скажетъ, что въ этого рода замѣткахъ Ломоносова вообще не могло быть критическихъ взглядовъ на основы нашего общественнаго строя. Мы уже видѣли, какъ поверхностно рѣшалъ онъ вопросъ о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ порубежныхъ губерніяхъ Россіи. Теперь обратимъ вниманіе на нѣчто еще болѣе замѣчательное.

Предложенное имъ рѣшеніе крестьянскаго вопроса сопровождается такой фразой: „Для расколу много уходитъ россійскихъ людей на Вѣтку; находящихся тамъ бѣглецовъ не можно ли возвратить при нынѣшнемъ военномъ случаѣ?“ [1]).

Очень похоже на то, что Ломоносовъ совѣтовалъ правительству воспользоваться „военнымъ случаемъ“ для насильственнаго возвращенія нашихъ бѣглецовъ, поселившихся на Вѣткѣ. Надо сознаться, что „по существу“ это было бы не весьма умной мѣрой борьбы съ побѣгами раскольниковъ. Отъ Ломоносова можно было бы ожидать другого. Но въ томъ-то и дѣло, что въ вопросахъ этого рода онъ разбирался весьма плохо [2]).

Дѣлая оцѣнку соображеній, заключающихся въ запискѣ Ломоносова, г. Сухоплюевъ говоритъ, между прочимъ, что ея авторъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ эвдаймонистической философіи, будто бы впервые систематизированной Хр. Вольфомъ. „Содѣйствовать достиженію общаго счастья, доставлять благосостояніе всѣми полицейскими мѣропріятіями во имя естественнаго права составляетъ обязанность и право государственной власти,— поясняетъ г. Сухоплюевъ,—таково было убѣжденіе Хр. Вольфа. Подобно Вольфу, Ломоносовъ стремится къ достиженію общаго счастья, убѣжденъ въ незыблемости велѣній естественнаго права, возлагаетъ преувеличенныя надежды на всемогущество правительственной дѣятельности“ [3]).

На основаніи этихъ словъ г. Сухоплюева можно подумать, что эвдаймонизмъ, будучи приведенъ въ систему, непремѣнно

---

[1]) „Бесѣда“, вып. III, стр. 85. Записка помѣчена первымъ ноября 1761 г., т.-е. относится ко времени Семилѣтней войны.

[2]) „Московскій Сборникъ“, стр. 209.

[3]) Ломоносовъ намекалъ на средство, уже испытанное нашей администраціей. Въ 1733—1734 гг. русскихъ крестьянъ, бѣжавшихъ въ Польшу, силой возвращали оттуда, пользуясь пребываніемъ на польской территоріи нашихъ войскъ, поддерживавшихъ кандидатуру Августа III вопреки явно выраженной волѣ огромнѣйшаго числа законныхъ избирателей. Мысль о нѣкоторомъ облегченіи участи крестьянъ пограничныхъ мѣстностей тоже высказывалась раньше, нежели къ ней пришелъ Ломоносовъ. Въ 1735 г. смоленскій губернаторъ А. Бутурлинъ предложилъ ее правительству, придавъ ей поистинѣ комическую форму (Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. IV, стр. 1435).

долженъ держаться точки зрѣнія полицейскаго государства. Это огромное и даже весьма комичное заблужденіе [1]). Но вѣрно то, что Вольфъ былъ сторонникомъ полицейскаго государства, и что въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Ломоносовъ шелъ за нимъ. Если бы это было иначе, то нашъ великій ученый не далъ бы совѣта возвращать домой бѣглыхъ раскольниковъ съ помощью военной силы. И если бы его общественные взгляды проникали за предѣлы полицейскаго государства, то онъ и на положеніе крестьянъ взглянулъ бы не только подъ угломъ казеннаго интереса.

Какъ и для Вольфа, идеаломъ для Ломоносова являлось полицейское государство, руководимое просвѣщеннымъ абсолютнымъ монархомъ. Въ проектахъ тѣхъ мѣропріятій, которыя рекомендуетъ Ломоносовъ для сохраненія и размноженія народа, видна непоколебимая вѣра во всемогущество попечительнаго и просвѣщеннаго начальства. Вѣра эта подкрѣплялась у Ломоносова примѣромъ недавняго царствованія Петра Перваго.

Онъ признаетъ, что много препятствій стоитъ на пути къ исправленію указанныхъ имъ недостатковъ, но не надо этимъ смущаться. Препятствія эти „не больше опасны, какъ заставить брить бороды, носить нѣмецкое платье, сообщаться обходительствомъ съ иновѣрными, уничтожить боярство, патріаршество и стрѣльцовъ, и вмѣсто ихъ учредить Правительствующій сенатъ, Святѣйшій синодъ, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое мѣсто и новый годъ въ другой мѣсяцъ! Россійскій народъ гибокъ!“ [2]).

Интересенъ ближайшій поводъ, по которому онъ выражаетъ свою увѣренность въ гибкости нашего народа. Ломоносовъ находилъ, что наши посты и сопровождающія ихъ разговѣнья приносятъ большой вредъ народному здоровью: „Бѣдный желудокъ, привыкнувъ чрезъ долгое время къ пищамъ малопитательнымъ, вдругъ принужденъ принимать тучныя и сальныя брашна въ сжавшіеся и ослабѣвшіе проходы, и не имѣя требуемаго довольства жизненныхъ соковъ, несваренныя яденія по жиламъ посылаетъ: онѣ спираются, пресѣкается теченіе крови, и душа изъ тѣсноты тѣла прямо улетаетъ“. Въ доказательство онъ ссылается на церковныя записи, изъ которыхъ можно, по его словамъ, узнать, въ какое время года у поповъ выходитъ всего больше меда на кутью. Обычай поститься возникъ въ тепломъ кли-

---

[1]) Надо еще прибавить, что Вольфъ не былъ такимъ безусловнымъ сторонникомъ эвдаймонизма, какъ это думаетъ г. Сухомлиновъ.

[2]) „Записка“, стр. 81.

матѣ, дѣлавшемъ извѣстное воздержаніе отъ пищи безвреднымъ для здоровья. Нашъ климатъ — совсѣмъ другой. Кромѣ того, мы должны помнить, что Богу пріятнѣе, „когда имѣемъ въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цынготную рыбу“, и что злой человѣкъ, обижающій своихъ ближнихъ, не получитъ прощенія отъ Бога, „хотя бы онъ вмѣсто обыкновенной постной пищи въ семь недѣль ѣлъ щепы, кирпичъ, мочало, глину и уголье, и большую бы часть того времени простоялъ на головѣ вмѣсто земныхъ поклоновъ“ [1]). Это разсужденіе вполнѣ одобрили бы всѣ просвѣтители.

Просвѣтителемъ является передъ нами Ломоносовъ и въ остальныхъ частяхъ записки. Такъ, напримѣръ, онъ осуждаетъ обычай крестить младенцевъ зимою въ холодной водѣ. Онъ совѣтуетъ „принудить властію, чтобы всегда крестили водою лѣтней въ разсужденіи теплоты равною“. Жалуется онъ еще на то, что у насъ въ народѣ не имѣютъ понятія о повивальномъ искусствѣ и о лѣченіи дѣтскихъ болѣзней. Большое препятствіе къ размноженію народа видитъ онъ также въ „насильномъ“ и въ „неравномъ супружествѣ“. Подъ неравнымъ супружествомъ онъ понимаетъ большую разницу въ возрастѣ между брачущимися. Онъ думаетъ, что невѣста не должна быть старше жениха больше, чѣмъ двумя годами, а женихъ не долженъ быть старше ея на пятнадцать лѣтъ. „Насильное“ супружество есть супружество вопреки волѣ одного изъ брачущихся лицъ или обоихъ. „Гдѣ любви нѣтъ, не надежно и плодородіе“, замѣчаетъ Ломоносовъ [2]).

Запомнимъ еще его протестъ противъ постриженія въ монашество молодыхъ людей обоего пола. Онъ совѣтовалъ „клобукъ запретить мужчинамъ до 50, а женщинамъ до 45 лѣтъ“.

Наконецъ, онъ хотѣлъ бы, чтобы правительство учредило „богадѣленные домы“ для незаконнорожденныхъ.

Исходной точкой всѣхъ этихъ, — въ своемъ родѣ весьма разумныхъ, — проектовъ служитъ государственный интересъ. Собственный интересъ жителей уходитъ изъ поля зрѣнія Ломоносова. Да и забота о государственномъ интересѣ подсказываетъ ему только такія мѣры, которыя рѣшительно ни въ чемъ не измѣнили бы установившихся на Руси общественныхъ отношеній.

Ломоносовъ могъ возмущать духовенство своими свободными разсужденіями о постахъ или своимъ насмѣшливымъ гимномъ бородѣ. Но въ общественномъ смыслѣ онъ всегда оставался полнымъ и, конечно, вполнѣ искреннимъ консерваторомъ.

---

[1]) Тамъ же, та же страница.

[2]) Тамъ же, стр. 84.

Вотъ ольфиже былъ консерваторомъ, хотя его ненавидѣли протестантскіе ортодоксы и піетисты. Но мы ошиблись бы, если бы приписали вліянію Вольфа консерватизмъ нашего геніальнаго поморца. Въ немъ было слишкомъ много самостоятельности для того, чтобы онъ безъ критики подчинился чьему-нибудь вліянію. Болѣе основательнымъ представляется то предположеніе, что Ломоносовъ усвоилъ консервативное міросозерцаніе Вольфа именно потому, что у него самого не было никакой склонности критиковать существовавшій у насъ тогда общественный порядокъ.

Въ отличіе отъ французскихъ просвѣтителей, нѣмецкіе были полны духа компромисса. Взгляды Вольфа надо разсматривать, какъ всесторонне обдуманную попытку устранить изъ просвѣтительной философіи все то, что могло бы привести ее въ сколько-нибудь серьезное противорѣчіе съ германской дѣйствительностью. Но для того, чтобы избѣжать такого столкновенія, освободительная философія непремѣнно должна была, между прочимъ, провозгласить миръ между религіей и наукой: миръ этотъ былъ провозглашенъ еще Лейбницемъ, затратившимъ очень много ума на безнадежное дѣло его теоретическаго оправданія. Вольфъ высказывался за такой миръ, пожалуй, еще энергичнѣе, нежели Лейбницъ. Онъ категорически и настойчиво утверждалъ, что разсказы, содержащіеся въ книгахъ Ветхаго и Новаго завѣта нисколько не противорѣчатъ разуму. Въ своей теологіи онъ отводилъ широкое мѣсто физико-теологическому доказательству бытія Божія. И во всемъ этомъ Ломоносовъ твердо шелъ по слѣдамъ своего учителя. Его „Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ“ заканчивается такимъ обращеніемъ къ Богу:

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою
Всегда творити научи,
И на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный царь.

Положимъ, самъ Вольтеръ охотно прибѣгалъ къ физико-теологическому доказательству бытія Божія и нерѣдко принимался хвалить творца, указывая на „тварь“. Вольтеръ былъ убѣжденнымъ деистомъ. Однако фарнейскій патріархъ всю жизнь стремился „écraser l'infame“, между тѣмъ, какъ Ломоносовъ, подобно Вольфу, никогда не задавался подобной цѣлью. Его раціоналистическія разсужденія о постѣ могли не нравиться духовенству, но, на самомъ дѣлѣ, въ нихъ не заключалось ничего опаснаго для церкви.

Если въ своемъ отношеніи къ ней Ломоносовъ не былъ безусловнымъ консерваторомъ, то лишь постольку, поскольку не былъ имъ самъ Петръ Первый, его идеалъ монарха-просвѣтителя. Петръ безъ церемоніи наложилъ свою желѣзную руку на русское духовенство. Но, окончательно подчиняя церковь центральной власти, онъ не потерпѣлъ бы никакихъ нападокъ на ея догматы. Никогда не нападалъ на нихъ и никогда не сомнѣвался въ нихъ и Ломоносовъ.

Онъ и тутъ ни мало не расположенъ былъ къ потрясенію какихъ-либо основъ. Онъ высказывалъ твердое убѣжденіе въ томъ, что научная истина и религіозная вѣра „суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго родителя“ и что онѣ „никогда между собою въ распрю прійти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на ихъ вражду всклепчетъ“. Нужно ли было ему въ дѣтствѣ видѣть величественныя картины сѣверной природы, чтобъ въ зрѣлые годы составить себѣ такое убѣжденіе? Нѣтъ! Убѣжденіе это раздѣляли тогда всѣ нѣмецкіе просвѣтители, никогда не бывавшіе на сѣверѣ. Чтобы прійти къ нему, нужно было только не имѣть того оппозиціоннаго настроенія, которое въ тогдашней Франціи такъ часто и такъ сильно ссорила науку съ вѣрой. А его-то и не имѣлъ Ломоносовъ.

Что его стихотворныя размышленія о Божьемъ величіи проникнуты полной искренностью, это доказывается тѣмъ духомъ поэзіи, который, безспорно, пропитываетъ ихъ. Въ этихъ своихъ произведеніяхъ Ломоносовъ обнаруживаетъ несравненно больше поэтическаго вдохновенія, нежели въ своихъ одахъ. Но поэтомъ несомнѣннымъ, глубоко чувствующимъ поэтомъ, онъ становится тогда, когда смотритъ на вселенную не съ точки зрѣнія того или другого мнѣа, а съ точки зрѣнія современнаго ему естествознанія, такъ хорошо ему знакомаго. Онъ восклицаетъ:

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть;
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Языкъ тутъ, разумѣется, тяжелъ, какъ тяжелъ онъ нерѣдко даже въ наиболѣе удачныхъ стихотвореніяхъ той эпохи. Но дыханіе космической поэзіи чувствуется здѣсь въ такой же мѣрѣ, какъ и въ „Вечернемъ размышленіи о Божіемъ величествѣ“:

Лицо свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна.
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
. . . . . .
Уста премудры намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ и т. д.

Странно, что Пушкинъ, обладавшій такимъ тонкимъ критическимъ чутьемъ и, въ общемъ, судившій такъ поразительно вѣрно о стихотворной дѣятельности Ломоносова, не обратилъ, вниманія на эту ея сторону. Если, какъ замѣтилъ онъ самъ, вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній, то надо признать, что, именно, научное представленіе о космосѣ располагала душу Ломоносова къ живѣйшему принятію впечатлѣній, получавшихся имъ отъ картинъ природы.

Горячій сторонникъ просвѣщенія, Ломоносовъ не могъ не преклониться передъ монархомъ, который „предусмотрѣлъ за необходимо нужное дѣло, чтобы всякаго рода знанія распространить въ отечествѣ, и людей искусныхъ въ высокихъ наукахъ, также художниковъ и ремесленниковъ размножить [1]). Непріятно дѣйствуютъ на нынѣшняго читателя только огромныя преувеличенія въ похвальныхъ отзывахъ его о первомъ русскомъ императорѣ. Онъ заявляетъ, напримѣръ, „ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго необрѣтаю“ [2]). Кажется, что дальше итти въ этомъ направленіи не возможно. Но Ломоносовъ идетъ дальше.

„А за великія отечеству заслуги,—читаемъ мы въ томъ же похвальномъ словѣ,—названъ онъ (Петръ. *Г. Ш.*) отцомъ отечества. Однако малъ ему титулъ. „Скажите, какъ Его назовемъ за то, что Онъ родилъ Дщерь всемилостивѣйшую Государыню нашу, которая на отеческій престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ

---

[1]) Соч. М. В. Ломоносова, изд. Ак. Наукъ, т. IV, стр. 368.
[2]) Тамъ же, стр. 368 (Похвальное слово Петру).

враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями своихъ подданныхъ снабдила?“ [1]).

Громкій титулъ отца отечества „малъ“ для Петра, потому что онъ „родилъ“ Елизавету! Это уже слишкомъ даже съ точки зрѣнія собственной риторики Ломоносова, согласно которой „штиль въ панегирикѣ, а особливо въ заключеніи долженъ быть важенъ и великолѣпенъ, и при томъ уклоненъ и пріятенъ“ [2]). Надо прямо сказать: „штиль“ похвальныхъ словъ Ломоносова непріятенъ. Онъ заставляетъ вспоминать не только о панегирикѣ Плинія Младшаго Траяну, на который указывали наши изслѣдователи, какъ на образецъ, избранный Ломоносовымъ, но и о тѣхъ панегирикахъ IV столѣтія, въ которыхъ римскіе ораторы временъ упадка превозносили тогдашнихъ владыкъ Рима. Непріятно чувствуешь себя, когда невольно приходятъ въ голову такія невыгодныя для великаго „архангельскаго мужика“ сравненія. Конечно, царствованіе Елизаветы дало кое-кому возможность облегченно вздохнуть послѣ тираніи Бирона. Но мы знаемъ теперь, что общее положеніе страны очень мало улучшилось и при Елизаветѣ. Это очень хорошо видѣли наблюдательные современники [3]). Неужели не видѣлъ этого очень наблюдательный Ломоносовъ? А если видѣлъ, то откуда почерпалъ онъ свой восторгъ? Какъ могъ онъ воспѣвать „блаженства дней своихъ?“ Можно сказать, пожалуй, что не одинъ онъ готовъ былъ писать панегирики власть имущимъ. Однако это не отвѣтъ. Своими рѣдкими дарованіями Ломоносовъ такъ сильно возвышался надъ окружавшею его средою, что могъ бы хоть немного отклониться отъ установившагося въ ней обычая. Вѣдь умѣлъ же онъ говорить съ И. Шуваловымъ такимъ языкомъ, какимъ не имѣли обыкновенія говорить съ „милостивцами“ другіе образованные разночинцы того времени. Разгадка въ томъ, что иное дѣло Шуваловъ, а иное дѣло Петръ и его „дщерь“. Чтобы написать знакомое намъ письмо къ Шувалову, достаточно было духа личной независимости и „благородной упрямки“, а чтобы усмотрѣть черныя стороны петровской реформы и царствованія Елизаветы нужна была такая склонность къ обдумыванію важнѣйшихъ общественныхъ

---

[1]) Сочиненія, т. IV, стр. 390. Я вездѣ сохраняю правописаніе подлинника.

[2]) Сочиненія, т. III, стр. 70.

[3]) Въ 1757 г. голландскій посланникъ писалъ: „Общество въ Россіи представляетъ ужасающую картину распущенности и безпорядка, распаденіе всѣхъ связей гражданскаго общества. Императрица видитъ и слушаетъ только Шувалова (очевидно; П. И. Шувалова. *Г. П.*), не безпокоится ни о чемъ и продолжаетъ свой привычный образъ жизни. Она буквально покинула свое государство на разгромленіе“ („Русскій дворъ сто лѣтъ тому назадъ“, Спб., стр. 73).

явленій, какой никогда и ни въ чемъ не обнаруживалъ Ломоносовъ. Ученый естествоиспытатель, онъ сохранилъ большую наивность въ области политики [1]).

Ломоносовъ высказываетъ то мнѣніе, что у насъ музы могутъ найти себѣ болѣе безопасное убѣжище, нежели гдѣ бы то ни было. Подкрѣпляется это мнѣніе ссылкой на то исключительное спокойствіе, которымъ будто бы пользуется Россія благодаря „прозорливости Монархини нашея", а также указаніемъ на обширность русскаго государства и на вытекающее отсюда разнообразіе его физическихъ особенностей. „Ибо гдѣ удобнѣе совершится можетъ звѣздочетная и землемѣрная наука, какъ въ обширной Ея Величества державѣ, надъ которою солнце цѣлую половину своего теченія совершаетъ, и въ которой каждое свѣтило восходящее и заходящее въ едино мгновеніе видѣть можно?" [2]), спрашиваетъ, напримѣръ, Ломоносовъ. Излишне доказывать, что что съ точки зрѣнія исторіи культуры такіе доводы слабы [3]). Но интересно, что здѣсь мы едва ли не въ первый разъ встрѣчаемся съ тою мыслью, что положеніе Россіи имѣетъ такія исключительныя преимущества, которыя позволяютъ ей опередить со временемъ западно-европейскія страны. Мысль эта высказывалась потомъ весьма часто. Больше всего дорожили наши новаторы, мечтавшіе о тѣхъ или другихъ соціально-политическихъ реформахъ, хотя она и не была ихъ исключительнымъ достояніемъ. Ломоносовъ совсѣмъ не попытался дать ей какое-нибудь философско-историческое обоснованіе. Но, какъ увидимъ, уже Фонвизинъ отстаивалъ ее съ помощью соображеній, которыя даже и въ XIX вѣкѣ представлялись убѣдительными всѣмъ сторонникамъ идеалистическаго взгляда на исторію.

Читая „Книгу о скудости и богатствѣ", чувствуешь, какъ сильно болѣлъ Посошковъ бѣдствіями тяглой Руси. Такой боли не замѣтно ни въ одномъ сочиненіи Ломоносова. Что онъ любилъ Россію и русскій народъ, въ этомъ никакое сомнѣніе невозможно. Но впечатлѣнія дѣтства у него были иныя, нежели у Посошкова, и онъ стремился служить Россіи не посредствомъ исправленія

---

[1]) Прежде, чѣмъ превозносить Елизавету, Ломоносовъ превозносилъ ея ближайшихъ предшественниковъ: Анну въ одѣ на взятіе Хотина и другихъ. Большой запасъ наивности нуженъ былъ хотя бы для того, чтобы совершенно спокойно позабыть объ этомъ послѣ ноябрьскаго переворота 1741 года.

[2]) Сочиненія, т. IV, стр. 268.

[3]) Ломоносовскій доводъ отъ географіи напоминаетъ обращенное къ Россіи восклицаніе Гоголя (въ первой части „Мертвыхъ Душъ"): „Здѣсь ли въ тебѣ не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему?"

важныхъ общественныхъ „неисправъ“, а распространеніемъ въ ней просвѣщенія. Въ этомъ направленіи мысль его работала неутомимо. Даже преувеличенныя похвалы его дщери Петра придумывались имъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, для того, чтобы какъ можно болѣе расположить ее въ пользу просвѣщенія. Въ похвальномъ словѣ, произнесенномъ 26 ноября 1747 г., въ годовщину ея воцаренія, Ломоносовъ, провознося ее до небесъ, намѣтилъ широкую программу просвѣтительной дѣятельности.

„Не токмо мы довольствуясь Ея Величества щедротами,— говоритъ онъ,—иные въ откровеніи естественныхъ таинъ, и въ изслѣдованіи пречудныхъ дѣлъ премудраго Создателя въ спокойствѣ услаждаемся, иные преподая наставленіе учащимся съ радостію чувствуемъ являющіеся плоды трудовъ нашихъ; не токмо учащіеся питаемы обыльною Ея рукою безъ попеченія о своихъ потребностяхъ, только о наученіи стараться могутъ: но общее благополучіе предлагается. Нѣтъ ни единаго мѣста въ просвѣщенной Петромъ Россіи, гдѣ бы плодовъ своихъ не могли принести науки; нѣтъ ни единаго человѣка, которой бы не могъ себѣ ожидать отъ нихъ пользы“ [1]).

Взятая въ такомъ общемъ видѣ,—принесеніе пользы родинѣ путемъ распространенія въ ней свѣта науки,—это есть та программа, которую ставили себѣ всѣ просвѣтители всѣхъ странъ. Но въ каждой отдѣльной странѣ конкретная формулировка ея видоизмѣнялась подъ вліяніемъ соціально-политической обстановки. Наши просвѣтители первой половины XVIII в. не примѣшивали къ ней никакихъ пожеланій по части общественныхъ реформъ. Въ этомъ отношеніи Ломоносовъ, котораго по его же собственнымъ словамъ часто попрекали его крестьянскимъ происхожденіемъ, былъ, пожалуй, самымъ типичнымъ между ними. Онъ усердно просвѣщалъ жителей своей страны, но никогда не позволялъ себѣ „учить“ ея правительство. Въ сравненіи съ этимъ петербургскимъ просвѣтителемъ „московскій прогрессистъ“ Посошковъ, требовавшій исправленія неисправъ и за то окончившій дни свои въ казематѣ, является поистинѣ безпокойнымъ человѣкомъ. Однако и Ломоносову случалось вызывать неудовольствіе начальства.

Россія только недавно выступила на путь западно-европейскаго просвѣщенія. Правительство приглашало иностранныхъ ученыхъ въ Россію. Но приглашенные имъ ученые не всѣ безкорыстно любили науку, да не всѣ были настоящими учеными. Они смотрѣли на русскихъ людей сверху внизъ и старались под-

---

[1]) Сочиненія, т. IV, стр. 266.

чинить ихъ себѣ, сдѣлать образованіе своей монополіей. Ломоносовъ видѣлъ эти, какъ видѣлъ Посошковъ, эксплуататорскія поползновенія иностранныхъ торговцевъ, и опять, подобно Посошкову, стремился избавить русскихъ отъ подчиненія иностранцамъ. Это стремленіе не вызвало и при данномъ ходѣ его умственнаго развитія не могло вызвать націоналистической реакціи въ его міросозерцаніи, но причинило ему много непріятностей. Спокойно смотрѣвшій на „отяготѣнія“ крѣпостныхъ крестьянъ помѣщиками, онъ выходилъ изъ себя, доказывая, что иностранцы своекорыстно и недоброжелательно относятся къ дѣлу русскаго просвѣщенія. Раздражительный и несдержанный, онъ придавалъ иногда такой оборотъ борьбѣ своей за это дѣло, что поднимался вопросъ о наказаніи его „на тѣлѣ“ и даже о „лишеніи живота“. Если онъ избѣжалъ и того и другого, то единственно благодаря своему „довольному обученію“.

Въ цитированномъ мною выше похвальномъ словѣ Елизаветѣ, онъ обращался къ „россійскимъ юношамъ“ отъ имени императрицы, приглашая ихъ учиться въ интересахъ Россіи.

„Я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящую желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава отечества, сего намѣреніе Моихъ Родителей, сего Мое произваленіе требуетъ“.

Потомъ отъ ея же имени онъ указывалъ учащейся русской молодежи цѣлый рядъ задачъ, ожидающихъ своего рѣшенія.

„Не описаны еще дѣла Моихъ Предковъ, и не воспѣта по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи Россійскаго слова“. Это—темы для будущихъ историковъ и литераторовъ. А вотъ, насущное дѣло для будущихъ техниковъ: „Въ пространной Моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно производитъ, лежатъ потаенны, и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію, и ревностно старайтесь заслужить мою милость“ [1]).

Мысль о томъ, что русскіе люди должны научиться ходить на своихъ собственныхъ ногахъ, сдѣлаться самостоятельными работниками въ области науки и техники, рѣдко покидало Ломоносова. Ода Елизаветѣ, написанная въ 1747 г., содержитъ знаменитую строфу:

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,

---

[1]) Сочиненія, т. IV, стр. 269.

Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О Ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Въ той же одѣ Елизаветѣ повторяется та не менѣе дорогая Ломоносову мысль, которая, безъ сомнѣнія, была бы горячо одобрена Посошковымъ,—мысль, что пріобрѣтеніе русскими людьми научныхъ знаній должно способствовать развитію производительныхъ силъ Россіи:

И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ.
Плутонъ въ рассѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Свирѣпой отвращаетъ взоръ...

Уже страдая предсмертной болѣзнью, Ломоносовъ продолжалъ заботиться объ отправкѣ за границу русскихъ студентовъ, окончившихъ университетскій курсъ. Вообще надо замѣтить, что къ вопросамъ науки и просвѣщенія онъ относился съ гораздо большимъ увлеченіемъ, нежели сама ученая дружина. Кантемиръ думалъ, что служебная дѣятельность важнѣе литературной. А для Ломоносова служить и значило неустанно работать для русской науки и русскаго просвѣщенія. Читатель согласится, что эта особенность взглядовъ „архангельскаго мужика“ дѣлаетъ ему большую честь.

Въ мой планъ не входитъ оцѣнка литературныхъ произведеній Ломоносова. Тѣмъ не менѣе я не устоялъ передъ искушеніемъ указать на склонность его къ „космической поэзіи“ [1]). Теперь я позволю себѣ напомнить замѣчаніе Бѣлинскаго, что стихи Ломоносова были необыкновенно хороши по своему времени, и что никто изъ его современниковъ не писалъ такихъ хорошихъ сти-

[1]) Джордано Бруно имѣлъ большую склонность къ космической поэзіи. Но, въ отличіе отъ Ломоносова, онъ былъ пантеистомъ, что придало особый оттѣнокъ и его космическому вдохновенію.

ховъ. Бѣлинскій прибавлялъ, что Державинъ сдѣлалъ очень малый шагъ впередъ послѣ своего великаго предшественника, и то лишь въ наилучшихъ своихъ стихотвореніяхъ, значительно уступая ему въ менѣе удачныхъ [1]). Между тѣмъ мы знаемъ, что литература никогда не была главнымъ призваніемъ Ломоносова.

Никогда не была не только главнымъ, но вообще серьезнымъ призваніемъ и исторія, хотя онъ и находилъ, что ученые русскіе люди обязаны описать дѣла предковъ Елизаветы, особенно же, конечно, Петра Перваго. Когда Елизавета лично выражала ему свое желаніе „видѣть россійскую исторію, его штилемъ написанную“, онъ, слѣдуя своему всегдашнему обыкновенію, постарался хорошо ознакомиться съ источниками. Но изъ его обработки источниковъ не вышло ничего замѣчательнаго. Его мысль не очень хорошо разбиралась во всемъ, относившемся къ настоящей или прошлой жизни общества. Онъ не понялъ задачи историка, какъ говоритъ С. М. Соловьевъ, онъ смотрѣлъ на исторію съ чисто-литературной точки зрѣнія и такимъ образомъ создалъ литературное направленіе въ русской исторической наукѣ, господствовавшее въ ней долго послѣ него [2]). Ломоносовъ счелъ себя обязаннымъ „открыть“ древность россійскаго народа и славныя дѣла нашихъ государей. Вслѣдствіе этого его „Древняя россійская исторія“ вышла чѣмъ-то въ родѣ новаго похвальнаго слова. Впрочемъ, въ ней можно найти, по словамъ С. М. Соловьева, правильныя и даже блистательныя замѣчанія о нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ исторіи славянъ [3]).

Предаваясь своимъ историческимъ занятіямъ, Ломоносовъ не забывалъ о такъ больно обижавшемъ его высокомѣрномъ взглядѣ образованныхъ иноземцевъ на Россію и русскій народъ. Онъ хотѣлъ хорошо разукрасить нашу исторію, надѣясь, что „всякъ, кто увидитъ въ Россійскихъ преданіяхъ равныя дѣла и Героевъ Греческимъ и Римскимъ подобныхъ, унижать насъ предъ оными причины имѣть не будетъ“. Посошковъ, думается мнѣ, и тутъ вполнѣ понялъ бы и вполнѣ одобрилъ бы Ломоносова. Сравнивая русскую исторію съ исторіей Рима, Ломоносовъ находилъ между ними слѣдующее, правда, по его же собственнымъ словамъ, небольшое „подобіе“. Эпоха („владѣніе“) римскихъ королей соотвѣтствуетъ „самодержавству первыхъ самовластныхъ Великихъ Князей Россійскихъ“. Періодъ республики („гражданское правленіе“) подобно

---

[1]) См. статью о сочиненіяхъ Державина, соч. Бѣлинскаго, часть седьмая, Москва, 1883 г., стр. 87.

[2]) С. М. Соловьевъ, соч., стр. 1351. Ср. „Главныя теченія“ П. Н. Милюкова, стр. 24.

[3]) Тамъ же, стр. 1355.

„раздѣленію нашему на разныя княженія и на вольные городы, нѣкоторымъ образомъ гражданскую власть составляющему". Наконецъ, періодъ императорскій представлялся Ломоносову „согласнымъ самодержавству Государей Московскихъ". Разница только въ томъ, что римское государство гражданскимъ владѣніемъ возвышалось, а самодержавствомъ пришло въ упадокъ. Наоборотъ, Россія разномысленною вольностью едва не была доведена до крайняго разрушенія, между тѣмъ какъ самодержавство умножило ее, укрѣпило и прославило. Какъ видитъ читатель, въ этой исторической параллели очень много наивнаго и очень мало поучительнаго. С. М. Соловьевъ, по справедливости, назвалъ ее странной.

По словамъ Ломоносова, Петръ поднялъ Россію на вершину славы. При такомъ взглядѣ естественно было пріурочить всѣ свои дальнѣйшія упованія къ просвѣщенной дѣятельности русскихъ государей. Какъ и „ученая дружина", Ломоносовъ считалъ, что только правительству можетъ принадлежать у насъ починъ прогрессивной дѣятельности. Такъ думали долго послѣ него многіе русскіе прогрессисты.

Повторяю, главнымъ призваніемъ Ломоносова были естественныя науки, отъ занятія которыми онъ никакъ не хотѣлъ отказаться даже тогда, когда отъ него требовали изложенія подходящимъ „штилемъ" исторіи Россіи. Въ XIX вѣкѣ наши естествоиспытатели приписывали Ломоносову много крайне важныхъ открытій. Писали, напримѣръ, что онъ первый высказалъ правильный взглядъ на образованіе каменнаго угля и на происхожденіе янтаря. Профессоръ Любимовъ утверждалъ, что, занимаясь воздушнымъ электричествомъ, Ломоносовъ составилъ теорію, которая превышала, можетъ быть, всѣ современныя ему понятія объ этомъ предметѣ. Но несравненно важнѣе всѣхъ остальныхъ его физическихъ теорій было отверженіе имъ гипотезы теплорода и ученіе о теплотѣ, какъ объ особомъ видѣ движенія. Было бы желательно, чтобы спеціалисты вновь подвергли критической оцѣнкѣ естественно-научныя заслуги Ломоносова. Но и теперь уже очевидно, что Ломоносовъ былъ чрезвычайно выдающимся естествоиспытателемъ. „Всѣ записки Ломоносова по части физики и химіи не только хороши, но превосходны,—писалъ одинъ изъ его современниковъ, знаменитый Эйлеръ,—ибо онъ съ такою основательностью излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно неизслѣдованные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполнѣ убѣжденъ въ вѣрности его объясненій".

Впрочемъ, вопросъ объ естественно-научныхъ заслугахъ Ломоносова долженъ быть разсмотрѣнъ историками естествознанія въ Россіи. Въ исторіи русской общественной

мысли, а также въ исторіи европеизаціи нашего отечества, гораздо умѣстнѣе вопросъ о не совсѣмъ понятной на первый взглядъ судьбѣ, выпавшей на долю ученыхъ работъ Ломоносова.

Его поставилъ Н. Буличъ, съ грустью отмѣтившій, что работы эти не оказали вліянія на ходъ нашего научнаго развитія и привлекли къ себѣ вниманіе русскихъ естествоиспытателей только по случаю чествованія памяти Ломоносова въ 1865 г. (столѣтіе со дня его смерти). „Почему современная европейская наука не воспользовалась его геніальными открытіями?—спрашивалъ г. Буличъ.—Почему русскіе ученые, шедшіе по одной дорогѣ съ Ломоносовымъ, не обратили вниманія на труды его, изученіе которыхъ разомъ дало бы имъ здравыя понятія въ наукѣ и избавило бы отъ тяжелой и ненужной необходимости изучать плохіе зады Европы?“ [1]).

Разсмотрѣнію этого вопроса не мѣшаетъ предпослать нѣсколько общихъ соображеній.

Представимъ себѣ двѣ страны, находящіяся на неодинаковыхъ ступеняхъ культурнаго развитія. При этомъ отсталая страна учится у передовой и постепенно выдвигаетъ своихъ собственныхъ дѣятелей въ различныхъ областяхъ науки и литературы. Иные изъ этихъ дѣятелей могутъ отличаться большими дарованіями. Но, въ общемъ, научныя и литературныя пріобрѣтенія отсталой страны будутъ въ теченіе нѣкотораго времени по необходимости очень скромными и потому совсѣмъ неинтересными или очень мало интересными для интеллигенціи передовой страны. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что послѣ тридцатилѣтней войны Германія сильно отстала отъ другихъ государствъ Западной Европы и должна была много учиться у нихъ въ теченіе всего XVIII вѣка, а особенно первой его половины. Вслѣдствіе этого нѣмецкая философія и литература оставались мало извѣстными интеллигенціи этихъ государствъ даже тогда, когда и въ литературѣ и въ философіи уже сдѣланы были огромные успѣхи. Другой примѣръ, западные читатели включая сюда и германскихъ, совсѣмъ не знали русской литературы въ такое время, когда въ ней уже дѣйствовали таланты первой величины. Это не все. Пока выдающіеся люди отсталой страны не получатъ признанія въ передовыхъ странахъ, они не добьются полнаго признанія и у себя дома: ихъ соотечественники будутъ питать болѣе или менѣе значительное недовѣріе къ своимъ „доморощеннымъ“ силамъ („гдѣ ужъ намъ!“). Вѣдь нельзя же отрицать, что русскіе люди оцѣнили все колоссальное

---

[1]) Статья „Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ“ въ изданномъ С. А. Венгеровымъ сборникѣ „Русская поэзія“, Спб., 1893, стр. 94.

значеніе своей литературы только послѣ того, какъ передъ ней преклонился Западъ [1]). Я не спрашиваю: хорошо это или дурно? Я только говорю: такъ было, такъ будетъ. Такъ было и такъ будетъ по весьма понятной соціально-психологической причинѣ. И если мы примемъ во вниманіе эту причину, то намъ станетъ ясно, почему, какъ спрашиваетъ г. Н. Буличъ, ученая дѣятельность Ломоносова не оказала вліянія на дальнѣйшій ходъ западной науки, и почему она мало обратила на себя вниманія даже русскихъ ученыхъ, шедшихъ съ нимъ по одной дорогѣ. Онъ былъ первымъ русскимъ человѣкомъ, не получившимъ ни за границей ни у себя дома того вліянія, которое, казалось бы, по праву принадлежало ему, какъ человѣку рѣдкихъ способностей. Но онъ былъ, какъ говаривали у насъ въ старину, „въ родѣ своемъ не послѣдній“.

Выдающіеся умы, подобно книгамъ, имѣютъ свою судьбу. И нельзя сказать, что судьба ихъ „куется“ ими самими. Она опредѣляется той ролью, которую играетъ ихъ родина въ ходѣ культурнаго развитія человѣчества.

Но и это еще не все. Естественно-научныя работы Ломоносова были очень замѣчательны; но онъ далеко не сдѣлалъ всего, что могъ сдѣлать для естествознанія. Обстоятельства его жизни вынуждали его разбрасываться. Я уже не говорю о тѣхъ заказныхъ восторгахъ, которые онъ обязанъ былъ выражать и прозой и стихами при разныхъ высокоторжественныхъ оказіяхъ, хотя оды, похвальныя слова и разныя „надписи“, конечно, отнимали у него не мало времени. Но даже серьезныя занятія его нерѣдко мѣшали ему всецѣло отдаваться тому дѣлу, которое было для него дороже всѣхъ другихъ. А онъ былъ не только ученымъ. Онъ былъ также просвѣтителемъ. „Мое единственное желаніе,—писалъ онъ однажды И. И. Шувалову,—состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вождѣленное теченіе университетъ, откуда могутъ произойти безчисленные Ломоносовы“.

Извѣстно, какъ усердно хлопоталъ онъ объ основаніи Московскаго университета и какъ много сдѣлалъ для того, чтобы упорядочить преподаваніе въ немъ. Нѣсколько позже Ломоносовъ сталъ добиваться коренного переустройства Петербургскаго университета, влачившаго самое жалкое существованіе при Академіи Наукъ. Онъ хотѣлъ, чтобы и этотъ университетъ сдѣлался независимымъ отъ Академіи учрежденіемъ. Мысль его была осуществлена только при Александрѣ I. Но для учебныхъ заведеній

---

[1]) Давно ли мы убѣдились, благодаря лорду Кельвину, что нашъ Лебедевъ былъ очень большой величиной въ физикѣ.

нужны были учебники и руководства. И вотъ, Ломоносовъ принимается за ихъ составленіе. Онъ пишетъ „Краткое руководство къ риторикѣ“ (1744 г.), „Краткое руководство къ краснорѣчію“ (1748 г.), „Россійскую грамматику“ (1755 г.), „Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“ [1]). Всѣмъ этимъ далеко не исчерпывается его просвѣтительная дѣятельность, но всякій понимаетъ, что для всего этого нужно было много времени, которое при другихъ условіяхъ досталось бы естественнымъ наукамъ. Просвѣтитель боролся въ Ломоносовѣ съ ученымъ и мѣшалъ ему развернуть во всей полнотѣ свои геніальныя научныя способности. А между тѣмъ Ломоносовъ не могъ отказаться отъ своей дѣятельности—просвѣтителя; этого не позволяла ему его горячая любовь къ родинѣ.

Главными дѣятелями во всей исторіи нашей общественной мысли являются, именно, просвѣтители. Нѣкоторые изъ нихъ обладали огромной силой теоретической мысли. Но собственно просвѣтительная дѣятельность почти всегда отвлекала ихъ отъ занятій „чистой наукой“. И они сами хорошо сознавали это. Н. Г. Чернышевскій, самъ занимающій такое почетное мѣсто въ ряду русскихъ просвѣтителей, высказалъ интересный взглядъ на то, какъ, именно, должны передовые русскіе люди служить своей странѣ.

„Многіе изъ великихъ людей Германіи, Франціи, Англіи заслуживаютъ свою славу, стремясь къ цѣлямъ, не имѣющимъ прямой связи съ благомъ ихъ родины,—писалъ онъ въ „Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы,—и, напримѣръ,... многіе

---

[1]) Какого мнѣнія былъ онъ о русскомъ языкѣ, показываютъ слѣдующія его строки: „Карлъ пятый Римскій Императоръ говаривалъ, что Ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятельми, Италіянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но естьли бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ; то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе Ишпанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Италіянскаго, сверьхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языка. Обстоятельное всего сего доказательство требуетъ другаго мѣста и случая. Меня долговременное въ Россійскомъ словѣ упражненіе о томъ совершенно увѣряетъ. Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на Россійскомъ языкѣ. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи мира и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи. И ежели чего точно изобразить не можетъ; не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ“. Соч., т. IV, стр. 10, въ посвященіи „Грамматики“ вел. Князю Павлу Петровичу. Эти строки напоминаютъ восторженный отзывъ о русскомъ языкѣ И. С. Тургенева. Ломоносовъ выражался не такъ просто, какъ Тургеневъ, но, конечно, былъ такъ же искрененъ.

изъ величайшихъ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ имѣли въ виду служеніе чистой наукѣ или чистому искусству, а не какимъ-нибудь исключительнымъ потребностямъ своей родины". У насъ это невозможно. „Со временемъ будетъ и у насъ, какъ у другихъ народовъ, мыслители и художники, дѣйствующіе чисто только въ интересахъ науки или искусства; но пока мы не станемъ по своему образованію наравнѣ съ наиболѣе успѣвшими націями, есть у каждаго изъ насъ другое дѣло, болѣе близкое сердцу—содѣйствіе, по мѣрѣ силъ, дальнѣйшему развитію того, что начато Петромъ Великимъ [1]). Это дѣло до сихъ поръ требуетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ требовать всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, какими обладаютъ наиболѣе одаренные сыны нашей родины" [2]).

Эти разсужденія объясняютъ многое не только въ судьбѣ Ломоносова, но и другихъ нашихъ просвѣтителей, между прочимъ, и самого Чернышевскаго. Полезно вспомнить о нихъ, когда возникаетъ вопросъ, почему не такъ много сдѣлалъ для „чистой" теоріи тотъ или другой весьма даровитый русскій человѣкъ: очень часто окажется, что у него было другое дѣло, болѣе близкое его сердцу, нежели занятіе „чистой" теоріей.

3. Жалобы крестьянства. — Крестьянскія и казацкія волненія.

Въ планѣ похвальнаго слова Ломоносову, составленномъ Штелиномъ, находятся такія замѣчанія о „характерѣ" Ломоносова: „образъ жизни общій плебеямъ, исполненъ страсти къ наукѣ; стремленіе къ открытіямъ"; „мужиковать; съ низшими и въ семействѣ суровъ; желалъ возвыситься, равныхъ презиралъ" [3]).

Это—только краткія замѣчанія, сдѣланныя въ планѣ, не приведенномъ въ исполненіе. Если бы Штелинъ написалъ свое похвальное слово Ломоносову, то эти краткія замѣчанія, вѣроятно, получили бы надлежащее развитіе, и намъ стало бы яснѣе, *какихъ*, именно, „*равныхъ*" *презиралъ* геніальный поморецъ, и въ *какомъ*, *именно*, *смыслѣ желалъ онъ возвыситься*. Сослуживцы, *равные Ломоносову въ чинахъ*, были *неравны ему по дарованіямъ*. Они рѣдко понимали его и часто мѣшали ему работать для русскаго просвѣщенія. Какъ же было ему не презирать ихъ? Что касается желанія возвы-

---

[1]) Т.-е. дѣятельность просвѣтителя, распространяющаго въ Россіи богатыя пріобрѣтенія западно-европейской науки и философіи.

[2]) Соч. Н. Г. *Чернышевскаго*, т. II, Спб., 1906, стр. 120—122.

[3]) См. вторую статью о Ломоносовѣ во второй части третьяго тома сочиненій Н. С. Тихонравова, стр. 30—31.

ситься, т.-е. подняться выше по лѣстницѣ чиновной іерахіи,— то оно вполнѣ естественно было у человѣка, который стремился служить своей родинѣ, но благодаря своему „подлому происхожденію“ не могъ осуществить это благородное стремленіе безъ поддержки „высокихъ особъ“. Чѣмъ больше возвысился бы онъ самъ, тѣмъ меньше нуждался бы онъ въ такомъ покровительствѣ. Такимъ образомъ, желаніе возвыситься могло быть порождено самыми идеальными побужденіями. Но само собою разумѣется, что оно могло корениться отчасти въ тщеславіи. Вліяніе среды всегда очень сильно, а Ломоносовъ жилъ въ средѣ, привыкшей судить о людяхъ по табели о рангахъ. Несмотря на свой „образъ жизни, общій плебеямъ“ и на свою „мужиковатость“, онъ сдѣлался членомъ служилаго класса. Служа по „ученому“ вѣдомству, Ломоносовъ умеръ статскимъ совѣтникомъ и даже землевладѣльцемъ: Елизавета пожаловала ему за одно изъ его похвальныхъ словъ мызу Коровалдой. По отношенію къ народу онъ сталъ отрѣзаннымъ ломтемъ. И долго послѣ него образованные разночинцы оставались чуждыми народной массѣ, не отличавшей ихъ отъ настоящихъ „господъ“. Впослѣдствіи образованные разночинцы и примкнувшіе къ нимъ „кающіеся дворяне“ начали мучительно сознавать свою оторванность отъ народа и страстно искать путей, ведущихъ къ сближенію съ нимъ. Но при Ломоносовѣ объ этомъ никто еще не задумывался. Образованные разночинцы болѣе или менѣе усердно служили по разнымъ вѣдомствамъ; дворяне ровно ни въ чемъ не каялись, а трудящаяся масса была предоставлена самой себѣ и собственными средствами разбиралась въ новыхъ для нея обстоятельствахъ, созданныхъ Петровской реформой. Правда, „тамъ, въ глубинѣ Россіи“, почти все оставалось постарому. Но реформа наложила новыя тягости на народъ, и прежде лишь черезъ силу тянувшій свою крѣпостную лямку. Поэтому онъ сталъ роптать чаще и громче, нежели ропталъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Между бумагами страшнаго Преображенскаго Приказа сохранилось много любопытныхъ человѣческихъ документовъ, проливающихъ яркій свѣтъ на тогдашнее настроеніе народа. Мы видимъ изъ нихъ, что крестьне жаловались, напримѣръ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Какъ его (Петра. *Г. П.*) Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видали, тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы, отдыху нашей братьи, крестьянству, нѣтъ“. Имъ вторили соломенныя вдовы, солдатки: „Какой онъ царь? — онъ крестьянъ разорилъ съ домами, мужей нашихъ побралъ въ солдаты, а насъ съ дѣтьми осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ“. Не отставали отъ крестьянства и холопы. Одинъ изъ нихъ говорилъ такъ: „Если

онъ (Петръ) станетъ долго жить, онъ и всѣхъ насъ переведетъ; я удивляюсь тому, что его по ся мѣстъ не уходятъ: ѣздитъ рано и поздно по ночамъ малолюдствомъ и одинъ... Какой онъ царь?— врагъ оморокъ мірской; сколько ему по Москвѣ ни скакать, быть ему безъ головы" [1]).

Откуда происходило народное недовольство, это ясно показываетъ уже цитированное мною въ одной изъ предыдущихъ главъ „возмутительное письмо" Ларина Докукина:

„Древеса самыя нужныя въ дѣлехъ нашихъ повсюду заповѣдана была, рыбныя ловли и торговыя и завоцкія промыслы отняты многія и вѣздѣ бѣдами погружаемы, на правежехъ стоя отъ великихъ и несносныхъ податей... и многія отъ того умерщвляемы, домы и приходы запустѣли, святыя церкви обветшали древодѣлей и каменосѣчцовъ отгнали... пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ щедро и благоутробно за сыновленіе себѣ воспріяли и всѣми благами ихъ наградили, а христіянъ бѣдныхъ бьючи на правежахъ и с податей своихъ гладомъ поморили и до основанія всѣхъ разорили" [2]).

Соловьевъ справедливо замѣтилъ, что при Алексѣѣ Михайловичѣ народъ щадилъ особу царя, складывая вину на бояръ, а теперь о царѣ стали отзываться весьма непочтительно. Однако слѣдуетъ имѣть въ виду, что измѣнившееся отношеніе къ царской особѣ вовсе не означало перемѣны въ политическихъ понятіяхъ народа. Въ глазахъ многихъ представителей народной массы Петръ не былъ настоящимъ царемъ, т.-е. такимъ, какимъ долженъ былъ быть главный представитель центральной власти въ Московскомъ государствѣ. На такого царя можно было роптать, нисколько не теряя уваженія къ царизму. А еще болѣе позволительнымъ казался ропотъ при томъ предположеніи, что Петръ вовсе не былъ царскаго происхожденія. По свѣдѣніямъ того же Преображенскаго Приказа, бабы, стирая бѣлье, толковали:

„Какой-де онъ царь!—родился отъ Нѣмки беззаконной, онъ замѣненный, и какъ царица Наталья Кирилловна стала отходить сего свѣта, и въ то число ему говорила: „Ты-де не сынъ мой, замѣненный".

Иногда исторія „замѣны" царя принимала въ воображеніи народа другой оборотъ. Петра признавали законнымъ сыномъ Алексѣя Михайловича, а при этомъ разсказывали, что онъ по-

[1]) Цит. у Соловьева, Исторія Россіи, кн. III, стр. 1368—1369.

[2]) Письмо это напечатано у Есипова: „Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія", Спб. 1861, стр. 182—184. Оставляю правописаніе въ томъ видѣ, какое оно имѣетъ въ книгѣ Есипова.

гибъ во время своего путешествія за границу, а на его мѣсто пріѣхалъ въ Россію нѣмчинъ. Но какой бы оборотъ ни принимала эта исторія, выходило такъ, что Россіей правитъ „замѣненный“ царь, царь-самозванецъ, въ отзывахъ о которомъ можно дать волю своему языку... если близко нѣтъ царскихъ сыщиковъ.

На Дону вспоминали о времени двоевластія. Говорили, что царь Иванъ Алексѣевичъ живъ и живетъ въ Іерусалимѣ „для того, что бояре воруютъ“. „Онъ любитъ чернь“, между тѣмъ какъ Петръ полюбилъ бояръ. Такимъ образомъ, здѣсь воображеніе массы противопоставляло одного царя другому, но и здѣсь ея мысль не касалась царизма, какъ учрежденія.

Если та или иная „замѣна“ давала объясненіе склонности Петра къ нѣмцамъ, т.-е. отвѣчала на вопросъ о томъ, чѣмъ вызванъ былъ обременительный для народа, — и такой рѣшительный при Петрѣ, — поворотъ къ Западу, то она не устраняла, разумѣется, связанныхъ съ этимъ поворотомъ новыхъ тягостей. Крестьянскіе бунты вспыхивали то тамъ, то тутъ. Петръ видѣлъ гдѣ лежитъ ихъ причина. Усмиряя крестьянъ съ обычной своей „жесточью“, онъ принималъ извѣстныя мѣры къ облегченію ихъ тяжелой участи. Въ 1719 г. онъ писалъ воеводамъ:

„Понеже есть нѣкоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть, что ради пьянства или иного какого непостояннаго житя вотчины свои не токмо снабдѣваютъ, или защищаютъ въ чемъ, но и разоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости, и въ томъ ихъ бьютъ и мучатъ, и отъ того крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгаютъ и чинится отъ того пустота, а въ Государевыхъ податяхъ умножается доимка; того ради Воеводѣ и Земскимъ Комисарамъ смотрѣть того накрѣпко, и до токого разоренія не допускать“.

Это распоряженіе было въ духѣ того стараго московскаго правила, о которомъ сообщалъ Котошихинъ и которое внушило Посошкову его проектъ законодательнаго ограниченія повинностей крестьянъ по отношенію къ ихъ помѣщикамъ. Правило это слабо приводилось въ исполненіе въ прежнее время. Можно было бы, пожалуй, ожидать, что при своей желѣзной энергіи Петръ сумѣетъ добиться точнаго исполненія его. Однако вышло не такъ. Петръ предписалъ отдавать помѣщиковъ, разорявшихъ свои деревни, на исправленіе ихъ ближнимъ родственникамъ и свойственникамъ, которые и должны были управлять этими деревнями впредь до исправленія разорителей. Можно съ увѣренностью сказать, что такая мѣра не исправила никого. Во всякомъ случаѣ, она не могла повысить общій, весьма низкій, уровень

благосостоянія крестьянской массы. Положеніе крѣпостного крестьянства ухудшалось все болѣе и болѣе. Самъ Петръ говоритъ въ одномъ изъ своихъ указовъ: „Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего не малый вопль бываетъ“. Что же предпринялъ энергичный преобразователь для прекращенія вопля? Онъ приказалъ „оную продажу людямъ пресѣчь“ [1]).

Но онъ и самъ не вѣрилъ въ возможность ея пресѣченія: въ основу его реформы положено было еще большее, чѣмъ прежде, закрѣпощеніе крестьянской массы. Поэтому за приказаніемъ о прекращеніи „оной продажи людямъ“ у него непосредственно слѣдовало такое добавленіе: „а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то-бъ хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь“ [2]). Извѣстно, что крѣпостныхъ людей продавали врознь, „какъ скотовъ“, вплоть до отмѣны крѣпостного права въ 1861 году.

Логика этого права была сильнѣе желѣзной воли Петра. Но тяжелая цѣпь крѣпостной зависимости давила крестьянъ не только на помѣщичьихъ и на монастырскихъ земляхъ. Государство тоже привыкло смотрѣть на нихъ, какъ на свою живую собственность, и ужъ, разумѣется, не Петръ могъ отказаться отъ этой привычки. Онъ считалъ себя полнымъ господиномъ надъ всей тяглой массой и распоряжался ея рабочею силой единственно по своему усмотрѣнію. Если онъ признавалъ тутъ чьи-нибудь права, то развѣ только права помѣщиковъ. Это съ ясностью показываетъ слѣдующее распоряженіе:

„Дмитрію Шулейникову за крестьянина его Ивана Ѳомина съ женою и дѣтьми, который взятъ къ городовымъ дѣламъ въ кузнецы, выдать 35 рублей“ [3]). Помѣщика удовлетворили деньгами, а его крестьянина не спросили, хочетъ ли онъ итти къ городовымъ дѣламъ въ кузнецы. И этотъ крестьянинъ, конечно, не былъ исключеніемъ изъ общаго правила. Къ городовымъ и всякимъ другимъ государевымъ дѣламъ „гнали“ тогда цѣлыя толпы невольныхъ работниковъ. А такъ какъ имъ очень плохо жилось на этихъ невольныхъ работахъ, то естественно, что они не переставали роптать и, по своему старому обыкновенію, искать спа-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія, кн. IV, стр. 172.

[2]) Соловьевъ, тамъ же, та же стр.

[3]) Тамъ же, та же страница.

сенія въ бѣгствѣ. Крестьяне бѣжали въ Польшу, но еще больше бѣжало ихъ на юго-востокъ, въ ту „прекрасную мати-пустыню“, которая давала такой широкій просторъ всѣмъ недовольнымъ элементамъ тяглаго населенія Московскаго государства.

Кромѣ крестьянъ, были еще посадскіе люди. Имъ тоже приходилось нести „бремена неудобоносимыя“ въ видѣ разнаго рода податей и обязательныхъ службъ. Они должны были служить: у подушнаго сбора, у полавочнаго сбора, у оброка съ гостинаго двора, у сбора съ дворовъ и другихъ оброчныхъ мѣстъ, у баннаго оброка, у сбора съ мостовъ, у сбора съ торговыхъ бань и т. д. И это еще не все. Кромѣ постоянныхъ службъ, были еще чрезвычайныя, а кромѣ службъ на мѣстахъ, еще службы „отъѣзжія“. Въ 1727 г. петербургское купечество ходатайствовало объ его увольненіи отъ всѣхъ этихъ службъ, потому что онѣ приводятъ его въ крайнее убожество. Въ Москвѣ отъ службъ разорялись не только многіе купеческіе дома, но цѣлыя слободы. Такія же жалобы приходили и изъ другихъ мѣстъ. Онѣ были уважены [1]). Конечно, посадскіе люди умѣли бѣгать не хуже крестьянъ. Бѣглецы изъ посадовъ тоже брали направленіе на юго-востокъ. Въ царствованіе Петра тамъ собралось немало горючаго матеріала, и уже тогда вспыхнулъ пожаръ сначала въ Астрахани (1705 г.), потомъ на Дону (1707—1708 гг.).

Намъ извѣстны имена и происхожденіе тѣхъ, кого считали „заводчиками“ астраханскаго бунта. Между ними было два „синбирянина“, одинъ ярославецъ, одинъ „москвитинъ“, три нижегородца, два павловца и нѣсколько астраханскихъ жителей. Иными словами, волновались не только мѣстные жители, но люди, собравшіеся со всего Поволжья. Къ бунтовщикамъ пристали также многіе стрѣльцы и солдаты. Стрѣльцы не забыли, какъ жестоко расправлялся съ ними Петръ. „Стрѣльцовъ разорили,— роптали они,—платье перемѣнили и тягости въ мірѣ стали потому, что на Москвѣ перемѣнный государь“. Война со шведами дала имъ поводъ надѣяться, что „подмѣнный“ царь на этотъ разъ не будетъ въ состояніи справиться съ ними. Нѣкоторые агитаторы, вышедшіе изъ ихъ же среды, распространяли слухъ, будто Москвою завладѣли четыре боярина столповые и хотятъ Московское государство раздѣлить на четыре четверти. Возможность возникновенія такого слуха показываетъ, какъ твердо было, даже въ недовольной тяглой массѣ, убѣжденіе въ необходимости государственнаго единства. По мнѣнію этой массы, только въ го-

---

[1]) А. А. Кизеветтеръ. Посадская община въ Россіи XVIII ст. Москва, 1903, стр. 174—175.

ловы ненавистныхъ ей бояръ могла забрести мысль о раздѣленіи Московскаго государства. Но то самое государство, единствомъ котораго она такъ дорожила, выжимало изъ нея послѣдніе соки и тѣмъ толкало ее на побѣги, на бунтъ и даже на соединеніе съ инородцами, въ родѣ башкиръ, заинтересованными гораздо больше въ нарушеніи единства, нежели въ его сохраненіи. Астраханскіе жители и низшій слой находившихся въ Астраханѣ служилыхъ людей составили цѣлый списокъ обидъ, нанесенныхъ имъ воеводой Ржевскимъ и другими начальными людьми. Онъ очень-очень длиненъ!

„Ржевскій у стрѣльцовъ ружья обобралъ, хлѣбнаго жалованья давать имъ не велѣлъ, съ бань бралъ по рублю и по 5 алтынъ, съ погребовъ по гривнѣ, подымныхъ по 2 деньги съ дыму, валешныхъ по 2 деньги, отъ точенья топоровъ по 4, съ ножа по 2, отъ битья бумаги по 4 съ фунта, съ варенья пивъ и брагъ съ конныхъ по 5 алтынъ, съ солдатъ и пѣшихъ стрѣльцовъ по гривнѣ, съ малолѣтнихъ, со вдовъ и которые въ Свейскомъ походѣ, и женамъ ихъ и дѣтямъ платить было нечѣмъ, и тѣхъ сажалъ за караулъ и билъ на правежѣ, и многіе дворишки продавали и дѣтей закладывали; у служилыхъ людей и у всѣхъ градскихъ жителей дворамъ спрашивалъ купчихъ, и которые дворы... въ моровое повѣтріе крѣпости утерялись и въ пожаръ сгорѣли, — и съ тѣхъ крѣпостей брали пошлины вдвое и втрое; а съ рыбныхъ и соляныхъ и съ иныхъ всякихъ промысловъ брали откупщики съ струговъ и съ посадовъ привальнаго по рублю и по два, и по три, и по пяти, а съ мелкихъ стружковъ по полтинѣ; а въ тѣхъ откупахъ онъ, Ржевскій, съ начальными людьми были товарищами... Онъ же посылалъ... зимнимъ путемъ для рубки дровъ къ селитряному варенью, и многіе служилые люди отъ стужи помирали и на плаву съ плотами тонули и въ полонъ взяты... Велѣлъ брать крѣпостныхъ дѣлъ подъячимъ сверхъ указу лишнихъ денегъ, и тѣ деньги бралъ себѣ, и о тѣхъ поборахъ къ Москвѣ и въ Казань посылали они челобитниковъ, а указу о томъ не учинено, а о вышеписанныхъ всѣхъ обидахъ хотѣли они для челобитья изъ Астрахани послать, и ихъ не пустили“... [1])

Это еще далеко не конецъ, но выписка становится слишкомъ длинной, и я предпочитаю прекратить ее. Кто знаетъ, какъ хозяйничали воеводы во ввѣренныхъ имъ областяхъ, тотъ безъ труда повѣритъ тому, что бѣднымъ астраханцамъ плохо приходилось отъ Ржевскаго, хотя, можетъ быть, они кое-гдѣ изобра-

[1]) Соловьевъ, кн. III, стр. 1384—1385.

зили его подвиги слишкомъ яркими красками. Если они отказались повиноваться своему попечительному воеводѣ, то единственно по той причинѣ, что всякому терпѣнью бываетъ иногда конецъ. Казалось бы, что имъ такъ и слѣдовало говорить: „Возстали потому, что ужъ очень много приходилось намъ выносить, и охотно подчинимся законной власти, когда будетъ облегчено наше положеніе". Но безконечный списокъ обидъ, нанесенныхъ астраханцамъ ихъ воеводой, начинается словами: „Междоусобіе учинилось за брадобритіе и нѣмецкое платье", а однимъ изъ ближайшихъ поводовъ къ бунту послужилъ слухъ о томъ, что астраханцамъ скоро запрещено будетъ играть свадьбы въ теченіи семи лѣтъ, а ихъ дочерей и сестеръ будутъ выдавать замужъ за нѣмцевъ. Въ грамотѣ, посланной ими казанцамъ, астраханцы утверждали, что рѣшились постоять за старину: „Стали мы въ Астрахани за вѣру христіанскую и за брадобритіе (т.-е. собственно противъ него. *Г. П.*), и за нѣмецкое платье и за табакъ". Тутъ же написано было, что воеводы и начальные люди поклонялись болванскимъ богамъ „и насъ кланяться заставляли". Болванскими или кумирскими богами бунтовщики называли „столярной работы личины деревянныя, на которыхъ у иноземцевъ и у русскихъ начальныхъ людей кладутся накладные волосы (парики. *Г. П.*), чтобы не мялись" [1]). И тутъ ужъ нельзя не предположить, что противъ Ржевскаго и его помощниковъ выдвинуто было совершенно неосновательное обвиненіе. Ясно, что ни самъ этотъ хищный администраторъ, ни другіе, столь же хищные начальные люди такимъ „богамъ" не поклонялись и ни отъ кого не требовали поклоненія. Какъ же это вышло, что дѣйствительныя,—и поистинѣ достаточныя,—причины астраханскаго бунта перепутались въ изложеніи (и, вѣроятно, также въ воображеніи) его руководителей частью со смѣшными небылицами, а частью съ такими фактами, которые сами по себѣ не могли повредить жителямъ: напримѣръ, съ брадобритіемъ и съ нѣмецкимъ платьемъ [2]).

---

[1]) Соловьевъ, кн. III, стр. 1383.

[2]) Одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ астраханскаго бунта показалъ впослѣдствіи въ Преображенскомъ Приказѣ, что онъ и другіе бунтовщики собирались идти на Москву, „а пришедъ къ Москвѣ, нѣмцевъ всѣхъ ктобъ гдѣ попался мужеска и женску полу побить было до смерти и сыскать было государя и бить челомъ, чтобъ старой вѣрѣ быть по прежнему, а нѣмецкаго бы платья не носить, и бороды и усовъ не брить. А буде бы государь платье нѣмецкое носить и бородъ и усовъ брить перестать не велѣлъ, и его бъ государя убить до смерти" (Есиповъ. Раскольничьи дѣла, т. I, стр. 130). Правда, обвиняемый объявилъ потомъ все это вымышленнымъ, но показанія другихъ свидѣтелей заставляютъ думать, что вымышленнаго тутъ было очень мало.

Что касается нѣмецкаго платья, то вопросъ становится еще болѣе интереснымъ въ виду того, что удалые добрые молодцы, искавшіе воли въ тогдашнихъ украйнахъ, одѣвались, какъ кому захочется. Донскіе казаки утверждали, что у нихъ „иные любятъ носить платье и обувь по-черкесски и по-калмыцки, а иные обыкли ходить въ русскихъ старо-древняго обычая платьяхъ, и что кому лучше похочется, тотъ такъ и творитъ, и въ томъ между ними, казаками, распри и никакого посмѣянія другъ надъ другомъ нѣтъ". Это совсѣмъ хорошо! Одѣвайся, какъ тебѣ вздумается! Неужели астраханцы держались другого взгляда? А если нѣтъ, если у нихъ тоже не было исключительной приверженности къ платью одного какого-нибудь „обычая", то почему же такъ раздражало ихъ „нѣмецкое" платье?

Во-первыхъ, одно дѣло носить такое платье, какое нравится, а другое дѣло одѣваться такъ, какъ прикажутъ. Тѣ же донцы, которые говорили, что у нихъ всякому вольно усваивать какой ему угодно „обычай", съ благородностью заявляли: „Тѣмъ они отъ великаго государя передъ иными народами (sic!) пожалованы и взысканы, что къ нимъ до сихъ поръ о бородахъ и о платьи указу не прислано". Во-вторыхъ, если астраханскій воевода Ржевскій не поклонялся тѣмъ деревяннымъ личинамъ, служившимъ подставками для париковъ, то онъ очень чтилъ золотого тельца и сумѣлъ создать себѣ доходную статью изъ царскаго указа о нѣмецкомъ платьѣ, дѣйствуя съ той изобрѣтательностью и съ тѣмъ натискомъ, которые всегда были свойственны въ подобныхъ случаяхъ начальнымъ людямъ Московскаго государства.

Астраханскіе обыватели писали: „воевода не далъ срока въ дѣлѣ нѣмецкаго платья для своей корысти, посылалъ по многіе праздники и воскресные дни капитана Глазунова да Астраханца Евреинова къ церквамъ и по большимъ улицамъ и у мужска и у женска полу русское платье обрѣзывали и не по подобію обнажали передъ народомъ, и усы, и бороды, ругаючи, обрѣзывали съ мясомъ". При такихъ условіяхъ поневолѣ возстанешь „за брадобритіе и нѣмецкое платье", т.-е., какъ уже замѣчено, противъ того и другого.

Разумѣется, можно и должно было провести раздѣлительную черту между энергичными пріемами Ржевскаго (обрѣзываніе съ мясомъ усовъ и бороды) и брадобритіемъ, какъ обычаемъ, принятымъ у нѣмцевъ. Но астраханцы не имѣли привычки къ строгому логическому мышленію, да и сами „нѣмцы", отъ которыхъ заимствовано было брадобритіе, своимъ обращеніемъ съ русскими увеличивали ихъ раздраженіе. По словамъ астраханцевъ, ино-

земцы, поставленные начальниками надъ мѣстными жителями, притѣсняли ихъ еще „горше“, нежели природные русскіе начальники. „Полковникъ Дивигнѣй (Девинь) съ иноземцы начальными людьми брали къ себѣ насильствомъ изъ служилыхъ домовыхъ людей въ деньщики и заставляли дѣлать самыя нечистыя работы, они и жены ихъ по щекамъ и палками били, и кто придетъ бить челомъ, и челобитчиковъ билъ и увѣчилъ на смерть, и велѣлъ имъ и женамъ, и дѣтямъ ихъ дѣлать нѣмецкое платье безвременно, и они домы свои продавали и образа св. закладывали, и усы и бороды брилъ и щипками рвалъ насильствомъ“ [1]).

Ржевскій не считалъ нужнымъ защищать жителей Астрахани отъ притѣсненій со стороны иноземцевъ, которыхъ, къ слову сказать, самъ же онъ и ставилъ начальниками надъ ними, и которые такъ хорошо подражали его просвѣтительнымъ пріемамъ [2]). Посошковъ жаловался: наши правители ни во что ставятъ русскаго человѣка и сами унижаютъ его передъ иностранцами. Читатель видитъ, что онъ былъ правъ. И то, что онъ былъ правъ, то, что начальники пренебрегали русскими людьми и унижали ихъ передъ иностранцами, усиливало націоналистическую реакцію, явившуюся однимъ изъ послѣдствій поворота Россіи къ Западу. Эта націоналистическая реакція и вела къ тому, что тяглые русскіе люди, спокойно смотрѣвшіе на усвоеніе ихъ соотечественниками черкесскаго или калмыцкаго платья, стали считать грѣхомъ ношеніе ими „нѣмецкаго“ кафтана. Представленіе о „нѣмецкомъ“ платьѣ сочеталось въ умахъ простыхъ русскихъ людей съ представленіемъ о тягостяхъ, непріятностяхъ и обидахъ, которыя испытывали они, попадая въ болѣе или менѣе тяжелую зависимость отъ „нѣмцевъ“. А такъ какъ въ Московскомъ государствѣ религія налагала свою санкцію не только на общественный строй, но и на всѣ обычаи, то неудивительно, что указаннымъ сочетаніемъ представленій порождено было у его жителей еще другое: представленіе о „нѣмецкихъ“ обычаяхъ сочеталось съ представленіемъ о грѣхѣ. А разъ возникло это послѣднее сочетаніе преставленій, ссылкѣ, на грѣхъ,—доводу отъ благочестія, — стало отводиться первое мѣсто во всѣхъ расужденіяхъ русскихъ людей, такъ или иначе возставшихъ противъ петровскихъ нововведеній. Его поставили въ первую голову

---

[1]) Соловьевъ, кн. III, стр. 1385—1386.

[2]) Понятно, что въ жалобахъ астраханцевъ на обиды, наносимыя имъ иноземцами, тоже не обошлось, можетъ быть, безъ преувеличеній. Но въ нихъ много совершенно очевидной правды. Бояринъ Головинъ, разбиравшій въ Москвѣ жалобы астраханцевъ, такъ потрясенъ былъ ею, что рѣшился просить царя о безусловномъ помилованіи бунтовщиковъ. (Соловьевъ, кн. III, стр. 1386).

и астраханцы, пытавшіеся получить поддержку отъ другихъ городовъ: „Стали мы за вѣру христіанскую, и за брадобритіе, и за нѣмецкое платье“.

При наличности извѣстныхъ условій, указанныя сочетанія представленій были совершенно неизбѣжны. Мы убѣдились въ этомъ, изучая происхожденіе раскола старообрядчества. И тогда же мы убѣдились и въ томъ, что весьма неблагопріятна была для дальнѣйшаго хода развитія общественной мысли та психологическая аберрація, въ силу которой московскіе люди стали считать грѣхомъ усвоеніе западныхъ обычаевъ. Заподозрить иноземцевъ въ поклоненіи „кумирскимъ богамъ“ вовсе не значило выяснить себѣ причину превосходства ихъ надъ русскими людьми во всемъ, касавшемся промышленности или торговли, точно такъ же какъ уличить служилый классъ въ пристрастіи къ „нѣмецкому“ платью вовсе еще не значило понять, гдѣ лежитъ причина столь многочисленныхъ „неисправъ“ въ русской общественной жизни.

Неудобства этой аберраціи обнаружились, между прочимъ, и во время астраханскаго бунта. Возставая противъ обидъ, наносимыхъ имъ Ржевскимъ и другими начальными людьми, астраханцы поспѣшили объявить, что они борются „за“ брадобритіе и „за“ нѣмецкое платье. Поддержать ихъ могли, главнымъ образомъ, донскіе казаки. Но донскимъ казакамъ не было „указу“ насчетъ ношенія нѣмецкаго платья и бритья бородъ. Они прямо говорили, что этимъ они отъ великаго государя пожалованы не въ примѣръ „инымъ народамъ“ (см. выше). Поэтому у нихъ не было основанія считать дѣло астраханцевъ своимъ собственнымъ дѣломъ. Разумѣется, государственная власть не оставляла и ихъ въ покоѣ. Донцы имѣли свои основанія жаловаться на распоряженія царя и на дѣйствія его чиновниковъ. Но о томъ, что затрогивало насущные интересы донцовъ, ничего не говорилось въ воззваніяхъ астраханцевъ. Такимъ образомъ, доводъ отъ благочестія способствовалъ здѣсь не сплоченію, а разъединенію силъ въ оппозиціонно настроенной части населенія.

То же мы видимъ и въ Поволжьѣ. Астраханцы послали туда Ивана Дороѳеева съ войскомъ. Подойдя къ Царицыну, Дороѳеевъ звалъ его жителей на возстаніе „за брадобритіе“ и проч. Но тѣ отвѣчали:

„Пишешь къ намъ, чтобъ пристать къ вашему союзу; и мы къ вашему союзу пристать не хотимъ; съ кѣмъ вы думали въ Астрахани, такъ себѣ и дѣлайте... Да вы жъ къ намъ писали, будто стали за Православную Христіанскую вѣру; и мы, Божіею милостью, въ городѣ Царицинѣ всѣ христіане и никакого рас-

кола не имѣемъ и кумирскимъ богамъ не поклоняемся". Вопросъ о кумирскихъ богахъ заслонилъ собою дѣйствительныя причины неудовольствія на правительство. Кромѣ того, на жителей Царицына подѣйствовалъ примѣръ донцовъ. „И казаки Донскіе къ вамъ пріѣзжали изъ разныхъ станицъ,—писали они Дороѳееву,— и къ вашему пріобщенію приставать не хотятъ и вамъ отказали" [1]).

Терскіе и гребенскіе казаки внимательнѣе отнеслись къ доводу отъ благочестія, но они были слабы. Они извинялись, что не могутъ идти на помощь астраханцамъ: „Живымъ Богомъ клянемся, невозможно намъ войска къ вамъ прислать; сами вы знаете, что насъ малое число, и съ ордою со всею не въ миру; чтобы намъ попрежнему отъ орды женъ и дочерей не потерять" [2]).

Если царь Алексѣй Михайловичъ умѣлъ справиться съ „гилевщиками", то тѣмъ легче было усмирять ихъ его сыну, располагавшему по-европейски обученнымъ войскомъ. Фельдмаршалъ Шереметевъ безъ большихъ усилій положилъ конецъ астраханскому бунту. Съ бунтовщиками, какъ водится, жестоко расправились. Но жестокая расправа съ ними не устранила причинъ народнаго неудовольства, и два года спустя Петру пришлось усмирять тѣхъ самыхъ донцовъ, которые не нашли нужнымъ „пристать къ пріобщенію" астраханцевъ.

Донцамъ не было „указу" насчетъ бороды и нѣмецкаго платья. Они благодарили за это. Но они были недовольны тѣмъ, что Петръ запрещалъ имъ принимать бѣглыхъ, цѣлыми толпами устремлявшихся на Донъ. Средняго рѣшенія этого стараго вопроса быть не могло. Надо было рѣшить его или въ пользу русскаго государства или въ пользу земли Войска Донского. Рѣшеніе могло быть только дѣломъ силы. И тутъ интересы этого послѣдняго совпадали съ интересами всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ представителей тяглаго населенія, которые не уживались въ предѣлахъ государства.

За укрывательство бѣглыхъ Петръ, всегда щедрый по части наказаній, грозилъ донцамъ каторгой и лишеніемъ живота, но угрозы не достигали, да и не могли достигнуть своей цѣли; казаки продолжали принимать бѣглыхъ. Для возвращенія этихъ послѣднихъ на мѣста ихъ прежняго жительства Петръ послалъ въ 1707 г. князя Ю. Долгорукаго съ войскомъ. Это и послужило сигналомъ къ возстанію. Атаманъ Кондратій Булавинъ напалъ ночью на Долгорукаго и убилъ его, истребивъ весь его отрядъ.

Булавинъ говорилъ казакамъ о себѣ: „Я прямой Стенька, не

---

1) Соловьевъ, кн. III, стр. 1382.

2) Тамъ же, стр. 1381.

какъ тотъ Стенька безъ ума своего голову потерялъ, и я вожъ вамъ буду". Онъ вошелъ въ сношенія съ казаками другихъ „земель", въ томъ числѣ и съ запорожцами. Для него, какъ для казака, важнѣе всего были старыя казацкія вольности. Въ своихъ „письмахъ" онъ приказывалъ, „чтобы пришлыхъ съ Руси принимали безовзяточно". Но онъ недаромъ вспоминалъ о Разинѣ. Опытъ Степана Тимоѳеича подсказывалъ, что при подходящихъ условіяхъ тяглое русское населеніе охотно поддержитъ возставшихъ противъ „Москвы" казаковъ. Булавинъ приглашалъ всѣхъ „черныхъ людей" стоять вкупѣ за одно и увѣрялъ, что отъ него не будетъ имъ никакой обиды, такъ какъ ему „до нихъ дѣла нѣтъ", а есть дѣло до князей, и бояръ, и прибыльщиковъ, и нѣмцевъ. Эта мысль еще сильнѣе выражается въ „прелестномъ письмѣ" другого казацкаго „вожа", Голаго. „Намъ до черни дѣла нѣтъ; намъ дѣло до бояръ и которые неправду дѣлаютъ, а вы, голытьба, всѣ идите со всѣхъ городовъ конные и пѣшіе, нагіе и босые, идите не опасайтесь! Будутъ вамъ кони и ружья, и платье и денежное жалованье". Не подлежитъ сомнѣнію, что эти воззванія производили впечатлѣніе на черныхъ людей. Когда тамбовскій воевода, опасаясь нападенія казаковъ, уже появившихся въ его уѣздѣ, готовился къ оборонѣ и звалъ посадскихъ людей въ „городъ" (въ крѣпость), они говорили: „Что намъ въ городѣ дѣлать! Не до насъ дѣло". Въ томъ же Тамбовскомъ уѣздѣ жители нѣкоторыхъ деревень „склонились къ воровству", т.-е. завели у себя казацкое устройство. Это повторилось и въ Козловскомъ уѣздѣ. На Дону дѣла Булавина шли еще лучше. Къ нему со всѣхъ сторонъ стекались охотники, станицы переходили на его сторону одна за другой. Въ маѣ 1708 г. онъ овладѣлъ Черкасскомъ. На Волгѣ булавинцы взяли Царицынъ, а жители Камышина сами перешли на ихъ сторону, побросавъ въ воду офицера, полкового писаря и бурмистровъ соляной продажи. Словомъ, возобновлялось именно то, что происходило при Разинѣ. Этому радовались казаки и черные люди; это безпокоило правительство. „Воровство Булавина отъ часу множится", писалъ Петръ Меншикову. А кн. В. В. Долгорукову, брату убитаго Булавинымъ кн. Ю. В. Долгорукаго, онъ, посылая его противъ бунтовщиковъ, совѣтовалъ читать въ старыхъ „Книгахъ" о томъ, какъ усмиряло правительство Алексѣя Михайловича Разинскій бунтъ. Однако онъ очень преувеличивалъ опасность: силы боровшихся сторонъ были слишкомъ неравны.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Петру В. В. Долгорукій въ слѣдующихъ выраженіяхъ жаловался на лѣнивое исполненіе своихъ обязанностей служилыми людьми высшаго круга: „Царе-

Стенька Разинъ.

дворцы, которымъ вѣлено со мною, не токмо что (не. *Г. П.*) отправлены ко мнѣ, и имянъ ихъ не прислано, а они государь люди молодые и богатые, тѣмъ было и служить, а они отбываютъ отъ службы... а они, государь, зѣло нужны на этихъ воровъ: извѣстно тебѣ самому, каковы Донскіе казаки, не легулярное войско, а царедворцы на нихъ зѣло способны, на Шведовъ они плохи, а на этотъ народъ зѣло способны" [1]).

Этими его словами прекрасно характеризуется соотношеніе между силами правительства, съ одной стороны, и силами бунтовщиковъ—съ другой. Даже то войско, которое не годилось „на Шведовъ", способно было защитить существовавшій въ русскомъ государствѣ порядокъ отъ нападеній со стороны „нелегулярнаго войска" донского и бѣжавшихъ на Донъ тяглыхъ людей. Булавинъ былъ побѣжденъ и застрѣлился, не желая живымъ попасть въ руки Петра. Бунтовщики были усмирены; нѣкоторые непокорные казаки ушли подъ предводительствомъ Некрасова на Кубань. Казачество притихло.

Если Разинъ такъ плохо разбирался въ вопросахъ вѣры, что, стараясь привлечь къ себѣ недовольныхъ, выдавалъ себя за приверженца патріарха Никона, то Булавинъ, очевидно, хорошо зналъ, какъ дорого было многимъ недовольнымъ „древлее благочестіе". Онъ объявилъ себя его защитникомъ, хотя самъ онъ, можетъ быть, мало дорожилъ имъ и, повидимому, плохо понималъ, чего собственно требуютъ старовѣры. Въ своихъ воззваніяхъ онъ обѣщалъ бороться съ тѣми, которые „вводятъ всѣхъ въ Елинскую вѣру и отъ истинной вѣры христіанской отвратили своими знаменьми и чудесы прилестны". На старовѣровъ доводъ отъ благочестія едва ли производилъ впечатлѣніе большой опредѣленности.

Не производятъ впечатлѣнія опредѣленности и соціально-политическія требованія приверженцевъ Булавина. Въ одномъ изъ его „прелестныхъ писемъ" содержится такая программа: „А между собою добрымъ начальнымъ, посадскимъ и торговымъ и всякимъ чернымъ людямъ отнюдь бы вражды никакой не чинить, напрасно не бить, не грабить и не разорять, и будетъ кто станетъ кого напрасно обижать или бить, и тому чинить смертную казнь" [2]). Посошковъ готовъ былъ удовольствоваться, въ случаѣ такихъ неправдъ, нещаднымъ тѣлеснымъ наказаніемъ виновныхъ. Козаки обнаружили больше рѣшительности. Но программа, сводящаяся къ тому, чтобы никто никого напрасно не билъ, не грабилъ и не

---

[1]) См. Соловьева, кн. III, стр. 1457—1459, 1463—1464.

[2]) Тамъ же, стр. 1454.

разорялъ, есть не болѣе, какъ рядъ добрыхъ пожеланій. Какія учрежденія нужны и возможны были тогда для того, чтобы оградить тяглую Русь отъ „напраснаго“ разоренья, грабежа и битья, этого не зналъ Посошковъ, и это оставалось неизвѣстнымъ всей многострадальной тяглой Руси. Для Булавина или для Голаго этотъ вопросъ рѣшался очень просто: введеніемъ въ Россіи козацкаго устройства. И мы видѣли, что, возставая противъ поставленныхъ царемъ начальныхъ людей, тяглые жители деревень и посадовъ не прочь были сдѣлаться козаками. Но усвоеніе козацкихъ порядковъ развѣ лишь на время устранило бы въ Россіи тѣ общественныя „неисправы“, которыя толкали ея черныхъ людей на возстаніе: раздѣленіе общественнаго труда при данныхъ экономическихъ условіяхъ опять привело бы къ порабощенію трудящейся массы. При этомъ, вѣроятно, исчезли бы нѣкоторыя, наиболѣе тяжелыя и унизительныя послѣдствія ея порабощенія. И это, разумѣется, было бы чистымъ выигрышемъ для нея. Но и объ этомъ можно было развѣ лишь мечтать. Соотношеніе общественныхъ силъ заранѣе обрекало на неудачу всякую попытку сломить установившійся на Руси общественно-политическій строй. „Нелегулярное“ козацкое войско не могло выдержать сколько-нибудь серьезнаго столкновенія съ правительственной арміей. А отъ „черныхъ“ людей русскаго государства сами Булавинъ и Голый, старавшіеся поднять ихъ на возстаніе, врядъ ли ждали значительной военной поддержки. Жестоко угнетенный народъ сильно ропталъ на Петра и охотно слушалъ разсказы о томъ, что онъ не настоящій царь. Мы видѣли это выше. Но достойно вниманія, что даже Булавинъ и его сподвижники не рѣшились открыто выступать противъ царской власти. Убивъ Ю. Долгорукаго, они оправдывались тѣмъ, что онъ поступалъ „не противъ государева указа“. А въ одномъ изъ булавинскихъ воззваній прямо сказано, что онъ хочетъ постоять за христіанскую вѣру „и за благочестиваго царя“. Несмотря ни на какія испытанія и при всемъ ея недовольствѣ своею участью, тяглая Русь въ огромномъ большинствѣ не расположена была поддерживать царскихъ недруговъ. Съ этимъ ея настроеніемъ считался Булавинъ, какъ считался прежде него Разинъ и послѣ него Пугачевъ.

Вполнѣ естественное желаніе тяглой массы оградить себя,—здѣсь на землѣ,—отъ побоевъ, грабежа и разоренья превращалось у нея, конечно, не безъ остатка, въ фантастическое стремленіе постоять за старую вѣру. Чѣмъ менѣе осуществимымъ оказывалось ея естественное желаніе, тѣмъ сильнѣе должно было упрочиваться у нея это ея фантастическое стремленіе. Расколъ пріобрѣлъ много новыхъ послѣдователей въ царствованіе

Петра [1]). Раскольники повторяли обычныя тогда жалобы на то, что Петръ „не печется о народѣ, а печется о нѣмцахъ“ [2]). Они готовы были объяснять это тѣмъ, что онъ—царь „подмѣнный“. Но они не довольствовались этимъ и объявили Петра антихристомъ. „Книгописецъ“ Григорій Талицкій приглашалъ православныхъ не слушаться государя-антихриста и не платить ему податей. Это звучитъ очень рѣзко: не надо ни платить податей ни повиноваться государю. Но этого не надо потому, что онъ антихристъ, и что наступили послѣднія времена. Значитъ, въ обыкновенное время, не знающее такихъ ужасовъ, какъ пришествіе антихриста, платить царю подати и повиноваться ему слѣдуетъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Даже въ крайнихъ своихъ выводахъ народная масса показывала себя совершенно неспособной отказаться отъ тѣхъ своихъ соціально-политическихъ представленій, которыя сложились и окрѣпли въ историческихъ условіяхъ развитія московскаго государства. Это интересное соціально-психологическое явленіе, совершенно ускользнувшее отъ вниманія теоретиковъ народничества, подробно разсмотрѣно мною въ главѣ, посвященной возникновенію раскола и общей его характеристикѣ. Тамъ же я показалъ, что, борясь съ антихристомъ, раскольники прибѣгали преимущественно къ старому, испытанному народному средству: бѣгству изъ центральныхъ мѣстностей на окраины, въ „прекрасную пустыню“, гдѣ крайне замедлялось дальнѣйшее развитіе народной мысли. Не желая повторяться, я приведу здѣсь лишь нѣсколько новыхъ примѣровъ [3]), подтверждающихъ справедливость сказаннаго тамъ мною и относящихся именно къ эпохѣ Петра.

Расколоучитель Кузьма Андреевъ, допрошенный въ Преображенскомъ Приказѣ жестокимъ княземъ Ѳ. Ю. Ромодановскимъ, сообщилъ, что съ дѣтскихъ лѣтъ онъ проживалъ въ Москвѣ со своимъ отцомъ, монастырскимъ крестьяниномъ, и братьями. Сначала они сильно бѣдствовали и кормились „мірскимъ подаяніемъ“, потомъ нашли кое-какія занятія: лѣтомъ паяли мѣдную и оловянную посуду, а зимой торговали на Москвѣ-рѣкѣ „всякими саньми“. Однако въ городѣ они навсегда не остались: „сошли въ Керженскіе лѣса и жили въ пустыняхъ, ради спасенія душъ сво-

---

[1]) Въ 1718 г. извѣстный ренегатъ раскола Питиримъ сообщалъ Петру, что „раскольниковъ во всѣхъ городахъ болѣе 200 тысячъ; число ихъ увеличивается: въ Балаханскомъ и въ Юрьевскомъ Повольскомъ уѣздахъ ихъ болѣе 20 тысячъ“ (Есиповъ, назв. соч., т. II, стр. 219). На самомъ дѣлѣ число ихъ было еще значительнѣе, какъ это явствуетъ изъ того же сообщенія Питирима (тамъ же, стр. 220).

[2]) „Государь нашъ принялъ звѣриный образъ и носитъ собачьи кудри“, говорили раскольники.

[3]) Есиповъ. Раскольничьи дѣла. Т. I, стр. 60.

ихъ, для того, что, стало быть, въ Москвѣ вѣрѣ перемѣненіе, началась святая служба неправильно, по новоизданнымъ книгамъ; литургію стали служить на пяти просфорахъ, а по требнику старой печати... служили литургію на семи просфорахъ; и въ томъ стала убавка" и т. п. [1]).

А вотъ показаніе по тому же дѣлу другого раскольника Никиты Никифорова.

Посадскій человѣкъ города Шуи, онъ „сошелъ въ Балаханскій уѣздъ въ Керженскіе лѣса, для спасенія души своей, присмотря въ божественномъ писаніи о пустынныхъ жителяхъ, для того, что онъ грамотѣ умѣетъ, и, построя въ тѣхъ лѣсахъ келью, жилъ съ пришлымъ человѣкомъ, со старикомъ Ѳедоромъ Андреевымъ" и т. д. [2]).

Допрошенный по другому раскольничьему дѣлу, Иванъ Андреевъ сообщилъ о себѣ слѣдующее.

„Прежде сего былъ онъ домовой вотчины святѣйшаго патріарха слободы Благовѣщенской, что въ Нижнемъ Новгородѣ, бобыльскій сынъ и живучи съ отцомъ своимъ изучился иконному письму. И отецъ его умре, а онъ Иванъ послѣ смерти его, тому лѣтъ съ 20, изъ той слободы сошелъ, скитался по разнымъ городамъ и селамъ и деревнямъ и въ пустынѣ за Нижнемъ, въ Керженцѣ, Бога ради..." [3]).

Можно было бы привести много такихъ же примѣровъ. Но они такъ похожи одинъ на другой, что это было бы ненужной тратой мѣста и времени. Мы поступимъ лучше, кинувъ взглядъ на документъ, позволяющій намъ судить о томъ, въ какую сторону направлялась работа мысли этихъ людей, недовольныхъ тѣмъ, что давала имъ окружавшая ихъ дѣйствительность, и искавшихъ „новаго града".

Вотъ составленный въ Преображенскомъ Приказѣ списокъ рукописей, отобранныхъ у приверженныхъ къ расколу обитателей Керженской „пустыни".

1) „Патерикъ азбучный"; 2) Патерикъ скитскій; 3) двѣ тетрадки... о вѣрѣ; 4) тетрадь... объ инокѣ, впадающемъ въ блудъ; 5) тетрадь Символъ; ...6) Три тетрадки... Евсевія епископа самосальскаго; 7) мѣсяца Декабря въ 18-й день слово Опондока (?) о благорѣчіи; 8)... О житіи Алексія человѣка Божія; 9)... О страшномъ судѣ Христовѣ; 10) исповѣданіе мірянамъ; 11) праздники Тихвинскія Богородицы; 12) Скитское покаяніе; 13) Поученіе св.

---

[1]) Есиповъ, тамъ же, т. I, стр. 594.

[2]) Тамъ же, стр. 603.

[3]) Есиповъ, тамъ же, т. II, стр. 61.

отцевъ ко всѣмъ спящимъ; 14)... Марта въ 24-й день слово не просто прощати грѣхи; 15) Канонъ Богородицы, тропари воскресны и богородичны, съ кондаки дневными и полунощными; 16) О покаяніи и исповѣданіи...

Списокъ далеко не конченъ, но приведенная мною часть его даетъ намъ вполнѣ достаточное понятіе о томъ, какую духовную пищу находили въ „пустынѣ“ бѣглецы, искавшіе „новаго града“. Они знакомились тамъ съ литературой, исключительно посвященной вопросамъ вѣры и богослужебнаго обряда; „Іерусалимъ небесный“ привлекалъ къ себѣ все ихъ вниманіе. Да и съ этой стороны поле зрѣнія расколоучителей было до крайности ограничено. Когда священникъ Авраамъ Ивановъ, перейдя въ расколъ, согласился служить по „раскольнической вѣрѣ“, его заставили присягнуть по присягѣ, въ которой написано въ двухъ мѣстахъ: п е р в о е: всѣ еретицы, противомыслящіе святымъ всея вселенныя семи соборамъ, да будутъ прокляты. В т о р о е: вси еретицы да будутъ прокляты, отрицаюбося ихъ и заповѣдей ихъ и иже изволитъ съ ними, и по ихъ еретическому преданію бороду брити, и иновѣрныхъ одѣяніе носити и всего заповѣданія еретическаго“ [1]). Нельзя было идти впередъ по этой дорогѣ; можно было только топтаться на одномъ мѣстѣ.

Расколъ с т а р о о б р я д с т в а явился, какъ одинъ изъ видовъ національстической реакціи противъ поворота московскаго государства къ Западу. Но при Петрѣ у насъ возникъ другой видъ раскола, находившійся въ непосредственной причинной связи именно съ Петровской реформой. Я говорю о тѣхъ „н о в ы х ъ ф и л о с о ф а х ъ“, съ которыми такъ упорно, хотя вовсе не доблестно боролся до конца своихъ дней мѣстоблюститель патріаршаго престола Ст. Яворскій. Самымъ виднымъ между ними былъ Дмитрій Евдокимовичъ Тверитиновъ.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ XVII в. тверской „чернослободецъ“ Тверитиновъ пришелъ въ столицу съ нѣсколькими своими родственниками. Онъ былъ тогда въ „самой мизерности“ и, чтобы найти работу, обратился къ иноземцамъ, которые населяли въ Москвѣ цѣлую слободу нѣмецкую. Какъ видно, ему удалось получить занятіе въ первой частной московской аптекѣ. Умный и любознательный, онъ началъ „искать науки у дохтуровъ и лѣкарей“. Но тогдашняя практическая медицина не удовлетворила его духовныхъ запросовъ. Между тѣмъ какъ большая часть московскихъ жителей съ враждебнымъ недовѣріемъ относилось къ религіознымъ взглядамъ населявшихъ нѣмецкую слободу иноземъ-

---

[1]) Е с и п о в ъ, т. I, стр. 619—620.

цевъ, онъ заинтересовался ученіемъ протестантовъ и захотѣлъ понять его. Въ этомъ Тверитинову отчасти пришла на помощь религіозная литература литовской Руси. Ему попался напечатанный еще въ 1562 г. въ Несвижѣ, по-бѣлорусски, „лютеранскій катехизисъ, то-есть наука стародавняя христіанская отъ светого писма, для простыхъ людей языка русскаго". Кромѣ того, онъ досталъ себѣ „Краткій лютеранскій катехизисъ съ молитвами", вышедшій въ Стокгольмѣ въ 1628 г. Книги эти сильно подѣйствовали на него. О бѣлорусскомъ катехизисѣ онъ говорилъ, что написанное въ немъ есть правда, которую надобно „содержать всякому человѣку", а лютеранскія молитвы онъ „зѣло хвалилъ и цѣловалъ". По обычаю протестантовъ, онъ сталъ усердно читать Библію, изъ которой дѣлалъ много выписокъ [1]). Трудно сказать теперь, сдѣлался ли онъ вполнѣ убѣжденнымъ лютераниномъ. Но неоспоримо, что его религіозныя понятія совершенно разошлись съ ученіемъ православной церкви. Онъ осуждалъ поклоненіе иконамъ и посты, отвергалъ церковное преданіе и находилъ ненужной церковную іерархію. Всѣ эти новые взгляды были для него дѣломъ глубокаго убѣжденія. Про него говорили, что онъ называлъ себя апостоломъ, проповѣдникомъ истины. И замѣчательно, что проповѣдь этого апостола встрѣтила сочувствіе въ нѣкоторой части передового населенія Москвы. Въ числѣ его послѣдователей называли сапожника Михайла Чепару, часового мастера Якова Иванова, торговца изъ овощного ряда Андрея Александрова, цырюльника Ѳому Иванова, тяглеца котельной слободы Никиту Мартынова и Михайла Андреева Косого, бывшаго прежде тяглецомъ той же слободы.

Михайло Косой принималъ участіе въ стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 г.; за это его сослали въ Сибирь. Лѣтъ черезъ десять послѣ того онъ вернулся въ Москву, но уже тайно, и, опасаясь быть узнаннымъ, вращался больше между иноземцами. Вліяніе иноземцевъ и подготовило его къ усвоенію новыхъ религіозныхъ взглядовъ Тверитинова. Начитанный „дохтуръ" произвелъ на него сильное впечатлѣніе. „То-то патріархъ-отъ былъ (!)", говорилъ онъ о Тверитиновѣ.

Пусть читатель проститъ мнѣ маленькое отступленіе. Когда открытъ былъ (въ 1908 г.) восьмой спутникъ Юпитера, то оказалось, что въ его движеніи есть интересная особенность. Онъ такъ далекъ отъ своей планеты, что сила притяженія его ею только

---

[1]) Онъ читалъ ее не только въ славянскомъ переводѣ, но также на латинскомъ языкѣ, усвоенномъ самоучкой, „неправильнымъ ученіемъ".

немногимъ сильнѣе, нежели притяженіе его солнцемъ. Поэтому очень велики возмущенія, вызываемыя солнцемъ въ движеніи этого спутника, а орбита, по которой движется онъ вокругъ Юпитера, постоянно измѣняется, такъ что каждое новое обращеніе совершается уже по новой орбитѣ и съ новымъ періодомъ.

Это явленіе, очень интересное съ точки зрѣнія небесной механики, само собою приходитъ на память, когда задумываешься о ходѣ духовнаго развитія Михайла Косого. Въ 1682 г. онъ бунтуетъ вмѣстѣ со стрѣльцами; въ ту пору его, какъ и огромное большинство стрѣльцовъ, притягиваетъ къ себѣ московская старина; можетъ быть, очень немного нужно было для того, чтобы сдѣлать изъ него сторонника „древляго благочестія“ и вызвать въ немъ готовность „умереть за азъ“. Но обстоятельства,—„нелегальность“ его пребыванія въ Москвѣ послѣ тайнаго возвращенія изъ Сибири,—вызываютъ его изъ-подъ стараго вліянія и подчиняютъ новому. И вотъ онъ возстаетъ противъ старыхъ понятій и восхищается религіознымъ вольнодумствомъ Тверитинова. Однако новая орбита движенія его мысли вовсе не отличается опредѣленностью. Увлеченіе идеями Тверитинова, не видѣвшаго никакой надобности въ церковной іерархіи, приводитъ его къ тому неожиданному выводу, что этого противника іерархіи слѣдовало бы сдѣлать патріархомъ. Очевидно, его мысль нерѣдко снова попадала въ сферу стараго вліянія. И Михайло Косой, навѣрно, былъ не одинъ. Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что въ томъ меньшинствѣ русскаго трудового населенія, которое вслѣдствіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ попало въ эту переходную эпоху подъ вліяніе Запада, отнюдь не составляли исключенія личности, плохо сводившія концы съ концами въ своемъ новомъ міровоззрѣніи и поперемѣнно уступавшія то одной, то другой силѣ культурнаго притяженія.

Защитники „старой вѣры“ видѣли въ Петрѣ исчадіе ада; Тверитиновъ горячо сочувствовалъ Петровской реформѣ. „Какъ Левинъ, Талицкій, Докукинъ и цѣлая вереница подобныхъ имъ старовѣровъ отыскала въ священномъ писаніи тексты въ обличеніе скверны новаго направленія, въ доказательство того, что Петръ антихристъ,—говоритъ Н. С. Тихонравовъ,—такъ и Тверитиновъ вписывалъ въ свои тетради изъ Библіи все то, что, казалось ему, доказывало необходимость новыхъ коренныхъ преобразованій въ русскомъ обществѣ и особенно въ духовенствѣ“ [1]).

---

[1]) См. статью „Московскіе вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій“, во второмъ томѣ сочиненій Н. С. Тихонравова, стр. 161. Изъ этой статьи заимствованы всѣ приводимыя данныя о Тверитиновѣ.

Онъ думалъ, что Петръ далъ своимъ подданнымъ свободу совѣсти. „Нынѣ у насъ на Москвѣ, слава Богу, повольно всякому, кто какую вѣру изберетъ, такую и вѣруетъ“, утверждалъ Тверитиновъ. И самъ онъ въ противность старообрядцамъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ терпимости. Онъ училъ, что „можно спастись во всѣхъ вѣрахъ“, а защитникамъ старины съ упрекомъ говорилъ: „Только у васъ и разума—грозите огнемъ и кнутомъ“.

Знакомые Тверитинова называли его „человѣкомъ неглупымъ въ политикѣ“. Но, должно быть, отзываясь о немъ такъ, они имѣли въ виду его „политичное“ обращеніе съ людьми. Его всѣ считали большимъ мастеромъ по части такого обращенія. Политикой въ настоящемъ смыслѣ этого слова онъ, повидимому, совсѣмъ не интересовался. Критическая мысль его едва ли выходила когда-нибудь за предѣлы религіозной области. Но зато въ этихъ предѣлахъ Тверитиновъ мыслилъ такъ смѣло (для своего времени и для своей среды), что, при свойственной ему склонности проповѣдывать, не могъ не озлобить противъ себя духовенства. Да и немного новаго нужно было усвоить тогда, чтобы прослыть опаснымъ еретикомъ. Онъ находилъ ненужной церковную іерархію. Стефанъ Яворскій сказалъ о немъ, что онъ возставалъ „contra ordinem ecclesiasticum ejusque potestatem et decorum“. Уже этого было достаточно. Но главное,—Тверитиновъ доказывалъ, что „іереямъ слѣдуетъ отъ своихъ рукъ пищу себѣ востяжати, якоже и Павелъ сотвори“. Этимъ онъ снова поднималъ, рѣшая его въ отрицательномъ смыслѣ, старый вопросъ о церковныхъ имуществахъ. Духовенство тѣмъ болѣе должно было досадовать на него за это, что въ лицѣ Петра свѣтская власть и такъ очень сильно расположена была къ безцеремонному обращенію съ названными имуществами. Тверитиновъ былъ обвиненъ во многихъ ересяхъ сразу.

Въ указѣ отъ 1702 г. Петръ говорилъ: „Мы, по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о спасеніи души своей“. На самомъ же дѣлѣ раскольники подвергались при немъ, особенно въ концѣ его царствованія, суровымъ преслѣдованіямъ. И не только тѣ, которые называли его антихристомъ и учили, что грѣшно платить подати и повиноваться ему. Тверитиновъ, всѣми силами души сочувствовавшій его реформѣ, тоже испилъ весьма горькую чашу за свое религіозное вольномысліе. Ему пришлось бы совсѣмъ плохо, если бы не вражда Яворскаго съ фискальнымъ вѣдомствомъ. Въ числѣ членовъ „богопротивной компаніи“ [1])

[1]) Такъ называлъ Яворскій Тверитинова съ его послѣдователями.

Тверитинова оказался одинъ фискалъ, благодаря усиліямъ и служебнымъ связямъ котораго Петръ велѣлъ перенести дѣло въ сенатъ. Между сенаторами были люди, мало расположенные поддерживать претензіи Яворскаго, твердившаго имъ о томъ, что иное дѣло власть свѣтская, а иное духовная. Они не упустили случая дать ему почувствовать всю неосновательность этихъ претензій, а Петръ охотно оказалъ имъ при этомъ свою личную поддержку. Испуганный гнѣвомъ царя, мѣстоблюститель патріаршаго престола униженно просилъ у него прощенія, однако не переставалъ преслѣдовать свою жертву. Дѣло Тверитинова тянулось мучительно долго. Арестованный въ 1713 г. и преданный анаѳемѣ Яворскимъ, онъ былъ выпущенъ на свободу лишь черезъ пять лѣтъ, а „прощенія“ и „разрѣшенія отъ клятвы“ добился онъ отъ синода только въ 1723 г., да и то, главнымъ образомъ, благодаря тому, что тогда уже не было въ живыхъ упрямаго „блюстителя“. Прибавлю, что и тогда онъ не былъ бы „прощенъ и разрѣшенъ“, если бы не отрекся ото всѣхъ своихъ новыхъ религіозныхъ взглядовъ.

Петръ энергично поддерживалъ своихъ фискаловъ въ ихъ столкновеніяхъ съ Яворскимъ. Хорошо сумѣлъ онъ напомнить этому послѣднему пословицу: „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ“ [1]). Но свобода совѣсти, какъ таковая, не имѣла цѣны въ его глазахъ, а если и имѣла, то весьма небольшую. Раздражать изъ-за нея хотя бы того же Яворскаго и его сторонниковъ онъ не находилъ нужнымъ. Тверитиновъ имѣлъ о немъ неправильное представленіе.

---

[1]) Объ этомъ см. въ первомъ томѣ, стр. 149.

Глава IV.

Политическое настроеніе дворянства при ближайшихъ преемникахъ Петра. — Замыселъ верховниковъ. — Оппозиція противъ него со стороны рядового дворянства. — Отношеніе къ нему „ученой дружины".

Все болѣе и болѣе частыя сношенія съ Западомъ открывали русскимъ людямъ такія стороны европейской жизни, которыя прежде оставались недоступными для ихъ умственныхъ взоровъ. Мы уже видѣли, какъ поражали передовыя западныя страны нѣкоторыхъ наиболѣе толковыхъ русскихъ путешественниковъ эпохи Петра тѣмъ, что ихъ граждане, наслаждаясь „вольностью, живутъ безъ страха и безъ обиды и безъ тягостныхъ податей" [1]). Московскіе обыватели не имѣли о такой жизни ровно никакого представленія. Но тѣмъ болѣе должна была она интересовать тѣхъ изъ нихъ, которые по своему развитію или уму были выше другихъ и, попадая на Западъ, получали возможность учиться не одной только „навигаціи". Въ 1712 г. Ѳедоръ Салтыковъ писалъ Петру изъ Англіи: „Доношу вашему величеству... въ свободныя времена, будучи здѣсь, прилежно потщился выбрать изъ правленія уставовъ здѣшняго англійскаго государства и прочихъ европейскихъ". Ѳ. Салтыковъ дѣлалъ это по желанію царя, имѣвшаго нужду въ западно-европейскихъ образцахъ. Притомъ „изъ правленія уставовъ" западныхъ странъ онъ „выбиралъ" собственно то, „которое приличествуетъ токмо самодержавствію, а не такъ какъ республикамъ или парламенту" [2]). Имѣя дѣло съ Петромъ, нельзя было и поступать иначе. Однако, выбирая для царя то, что „приличествуетъ самодержавствію", онъ, въ ходѣ своей работы, знакомился съ „уставами" болѣе свободныхъ государствъ, и въ его умѣ возникалъ, быть можетъ, во-

---

[1]) См. цитированный выше путевой дневникъ П. А. Толстого.

[2]) Н. Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Спб., 1897, стр. 18.

просъ: почему бы не перенести на Русь тотъ или другой изъ этихъ уставовъ? Павловъ-Сильванскій называетъ Θ. Салтыкова крайнимъ западникомъ и приводитъ его слова о томъ, что „россійскій народъ такія же чувства и разсужденія имѣетъ, какъ и прочіе народы, только его довлѣетъ къ такимъ дѣламъ управить“ [1]). Исходя изъ этого убѣжденія, можно было придумать цѣлый рядъ такихъ реформъ, которыя не совсѣмъ хорошо уживались бы съ „самодержавствіемъ“. И дѣйствительно, Салтыковъ дѣлалъ Петру такія „пропозиціи“, духъ которыхъ совсѣмъ не соотвѣтствовалъ политическихъ вкусамъ и преданіямъ московскихъ царей.

Ему хотѣлось создать въ Россіи вліятельную аристократію. Онъ предлагалъ сохранить привилегію землевладѣнія за дворянскимъ сословіемъ и надѣлить это сословіе аристократическими „титулами“ ландграфовъ, маркизовъ, графовъ, бароновъ, господъ, смотря по величинѣ ихъ земельныхъ владѣній. Для поддержки дворянскаго сословія онъ проектировалъ также учрежденіе маіората [2]).

Надо замѣтить, что Салтыковъ не оставался одинокимъ въ своемъ сочувствіи къ аристократическому строю. В. Л. Долгорукій, уѣхавшій во Францію молодымъ человѣкомъ, въ свитѣ своего дяди кн. Як. Θед. Долгорукова, и остававшійся тамъ цѣлыхъ тринадцать лѣтъ, а кромѣ того, долго жившій въ Даніи и въ Польшѣ, вынесъ изъ своего пребыванія за границей сильное сочувствіе западно-европейской аристократіи. Не меньше сочувствовалъ ей и кн. Д. М. Голицынъ, по выраженію Д. А. Корсакова, „представлявшій собою счастливое сочетаніе стариннаго московскаго боярства съ европеизмомъ и выражавшій лучшія стороны этого боярства“ [3]). Испанскій посолъ герцогъ Де-Лиріа приписывалъ ему слова: „Къ чему намъ нововведенія; развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ живали наши отцы, безъ того, чтобы иностранцы являлись къ намъ и предписывали намъ новые законы“. Но если Д. М. Голицынъ и отзывался такъ о нововведеніяхъ, то несомнѣнно, что его отзывъ нужно бы брать cum grano salis. Совершенно понятно, что этотъ „породистый“ человѣкъ не хотѣлъ подчиниться служившимъ въ Россіи иностранцамъ. Реформа Петра должна была вызвать его неудовольствіе тѣмъ, что заставляла породу сторониться передъ чиномъ. Но вполнѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 22.

[2]) Павловъ-Сильванскій, тамъ же, стр. 25—26. Петръ осуществилъ мысль Салтыкова о маіоратахъ, но передѣлалъ ее по-своему, отнявъ у нея сословный характеръ.

[3]) Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Казань, 1880, стр. 34.

ясно, что Голицынъ не могъ желать возстановленія стараго московскаго быта, какъ онъ сложился въ эпоху, предшествовавшую Петровской реформѣ. Просвѣщенному князю нельзя было помириться съ этимъ бытомъ уже по одному тому, что въ Москвѣ самые породистые люди являлись царскими „холопами“ и принуждены были безропотно сносить отъ нихъ соотвѣтственно этому обращеніе. Онъ недаромъ читалъ Локка, Гроція, Маккіавелли и другихъ политическихъ писателей. Вліяніе Запада пробудило въ немъ сознаніе своего человѣческаго достоинства. Онъ мечталъ о томъ, чтобы сообщить знатнымъ русскимъ семьямъ такое же значеніе въ государственной жизни, какое имѣла шведская аристократія. Когда обстоятельства дали ему возможность сдѣлать попытку осуществленія того, о чемъ онъ прежде могъ именно только мечтать, Голицынъ совершилъ много крупныхъ ошибокъ, дающихъ намъ отчетливое представленіе о томъ, какъ безпомощны были въ вопросахъ политической тактики даже самые просвѣщенные русскіе дѣятели того времени. Но даже въ этихъ его ошибкахъ обнаружился гораздо болѣе широкій политическій кругозоръ, нежели тотъ, которымъ довольствовались бояре до-Петровской Руси.

Рядомъ съ родовитыми людьми, въ которыхъ вліяніе Запада разбудило, усилило и оформило аристократическія стремленія, на высшихъ ступеняхъ іерахической лѣстницы стояли тогда, между прочимъ, и такія „персоны“, которыя, стремясь собственно только къ тому, чтобы поскорѣе выслужиться и подальше выдвинуться, невольно сравнивали, однако, положеніе западно-европейскихъ государственныхъ людей съ положеніемъ русскихъ „государевыхъ холоповъ“ и въ глубинѣ души отдавали предпочтеніе первому передъ послѣднимъ. Къ ихъ числу принадлежалъ, напримѣръ, гр. П. И. Ягужинскій, возвысившійся при Петрѣ до званія генералъ-прокурора сената. Его личныя цѣли были ему дороже, выше всего на свѣтѣ. Ради нихъ онъ готовъ былъ итти съ кѣмъ угодно и куда угодно. Но мы увидимъ, что при подходящемъ случаѣ и онъ способенъ былъ воскликнуть, обращаясь къ людямъ, отъ которыхъ зависѣла, по его мнѣнію, дальнѣйшая судьба русскаго служилаго класса: „Батюшки мои, прибавьте намъ какъ можно воли!“

Политическіе взгляды русскихъ людей расширялись и прояснялись не только благодаря участившимся поѣздкамъ ихъ въ болѣе свободныя страны Западной Европы. Со времени реформы они охотно стали знакомиться съ политической литературой Запада. По приказанію Петра переведено было „Введеніе въ Гисторію Европейскую“ Пуфендорфа, содержащее въ себѣ

краткое описаніе тогдашняго государственнаго устройства разныхъ западно-европейскихъ странъ. И эта книга была не единственнымъ источникомъ просвѣщенія государевыхъ холоповъ. Въ началѣ XVIII вѣка въ Россіи обращалась рукопись, озаглавленная: „Краткое политическое описаніе государствъ Европейскихъ“. Авторъ ея отдавалъ предпочтеніе неограниченной монархіи. Онъ съ особой любовью останавливается на тѣхъ моментахъ исторіи государствъ, въ которые прежнія представительныя формы уступили мѣсто самодержавію (какъ, напр., въ Даніи въ 1682 г., въ Швеціи въ 1680 г.); государственный строй Польши подвергается сильнымъ нападкамъ автора, а положеніе англійскаго короля, всецѣло ограниченнаго парламентомъ, вызываетъ въ немъ просто соболѣзнованіе и жалость [1]).

Конечно, тутъ съ нимъ согласилась бы не только „ученая дружина“, всецѣло стоявшая, какъ мы видѣли, на сторонѣ абсолютизма. Тогдашнее „россійское шляхетство“, происходившее отъ московскаго дворянства, усердно помогавшаго Грозному въ дѣлѣ приниженія бояръ и утвержденія безграничной царской власти, не склонно было увлекаться ни аристократическимъ строемъ Англіи, ни польской политической анархіей. П. А. Толстой, съ видимымъ удовольствіемъ вписавшій въ свой путевой дневникъ замѣчаніе о томъ, что граждане Венеціи всегда жили „безъ страху, безъ обиды и безъ тягостныхъ податей“, очень рѣзко отозвался въ томъ же дневникѣ о полякахъ, неспособныхъ, по его словамъ, „никакого государственнаго дѣла сдѣлать безъ шума и безъ драки“ [2]). Шляхетство стояло за самодержавіе частью по унаслѣдованной отъ предковъ привычкѣ: читатель помнитъ, что герои повѣстей, возникшихъ подъ вліяніемъ Петровской реформы, въ цѣлости хранили политическія воззрѣнія московскихъ людей. А кромѣ того, готовность отстаивать неограниченную монархію поддерживалась у россійскаго шляхетства его промежуточнымъ положеніемъ между родовитыми „фамиліями“, съ одной стороны, и крѣпостнымъ крестьянствомъ, съ другой. Оно опасалось, что если родовитые люди сдѣлаются господами положенія, то начнутъ тѣснить шляхетство еще больше, нежели тѣснили его неограниченные государи. И въ то же время оно боялось, что движеніе служилаго класса противъ государя вызоветъ движеніе крестьянства противъ служилаго класса. И несмотря на все это, даже тѣ политическія сочиненія и компиляціи, которыя проповѣдывали абсолютизмъ, должны

---

[1]) Д. А. Корсаковъ, назв. соч., стр. 286.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1888 г., кн. I, стр. 196.

были расширять политическіе взгляды своихъ русскихъ читателей, если только знакомили ихъ съ болѣе или менѣе свободными порядками западныхъ странъ. Для примѣра можно сослаться на то же „Краткое политическое описаніе государствъ Европейскихъ".

Какъ ни строго осуждалъ его авторъ англійскую конституцію, но онъ все-таки доводилъ до свѣдѣнія русскихъ людей, что безъ согласія палаты общинъ (или по его терминологіи: нишшаго сяданія наивышняго двора) невозможно „податки въ королевствѣ ставить". Онъ же, описывая „Рѣчь посполитую Венеційскую", такъ характеризовалъ ея могущественныхъ сенаторовъ: „Что речено иногда о давныхъ рымскихъ сенаторахъ согласно нынѣ возможется придати венетицкымъ сенаторамъ, которыи хотя бъ не короли они, однакоже не надобно ихъ въ меньшемъ почтеніи имѣть". Не меньшаго вниманія заслуживаетъ его, какъ бы поневолѣ хвалебный, отзывъ о голландскомъ „статусѣ", т.-е. государствѣ. Нарисовавъ картину матеріальнаго благосостоянія Голландіи, онъ прибавляетъ: „Голландскій статусъ волность свою, съ многою кровію полученою, выше почитаютъ прочихъ богатствъ". Хвалитъ онъ и Швейцарію: „Хельветы (швейцарцы) воинственною силою толь славны, что едва народъ можется найтись, который имѣлъ бы ихъ цѣною перевосходить. Сего знаки изъявилися прежде 300 лѣтъ, когда за свои домы и за вольность мужественно воевали, которую вольность и до нынешняго дня зѣло содержали сопротивъ нападателей" [1]). Западно-европейская общественная жизнь имѣла ту особенность, что, говоря о ней, русскому человѣку нелегко было избѣжать болѣе или менѣе частаго употребленія слова „волность". И поскольку русскіе читатели знакомились съ этой ея особенностью, постольку ихъ понятія возвышались надъ уровнемъ московскихъ политическихъ понятій добраго стараго времени. Мы видѣли это еще на примѣрѣ Котошихина и другихъ западниковъ XVII вѣка. Само собою понятно, что еще больше возвышались надъ уровнемъ старыхъ московскихъ понятій люди, читавшіе такихъ писателей, какъ Гроцій, Томазій, Локкъ или Боккалини, сочиненія которыхъ были переведены на русскій языкъ и обращались въ нашихъ тогдашнихъ образованныхъ кругахъ.

Петровская реформа дала русскимъ людямъ гораздо большую возможность увидать, какъ живутъ „прочіе народы", и узнать, что думаютъ ихъ умственные представители. Это находится внѣ всякаго сомнѣнія. Но, говоря объ этомъ, надо всегда

---

[1]) См. Д. А. Корсакова, назв. соч., стр. 286—293.

помнить, что русскіе люди, получившіе возможность ознакомиться съ общественной жизнью и общественной мыслью передовыхъ народовъ Запада, принадлежали почти исключительно къ служилому классу. Даровитые люди этого класса были въ этомъ отношеніи несравненно лучше обставлены, нежели даровитые люди изъ народа. Къ услугамъ однихъ былъ Локкъ, Макіавелли, Гоббзъ или хотя бы только Томазій и Пуфендорфъ, тогда какъ другимъ крайне рѣдко попадалась духовная пища, болѣе питательная, чѣмъ „Патерикъ Скитскій“, „Тетрадь объ инокѣ, впадающемъ въ блудъ“, или „Слово“ какого-то Опондока „о благорѣчіи“. Въ виду этого естественно, что мысль однихъ подвигалась такъ или иначе впередъ, тогда какъ мысль другихъ, если не считать нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, топталась на заколдованномъ мѣстѣ старыхъ московскихъ обычаевъ и „древляго благочестія“.

Воспитывающее вліяніе западной жизни и западной литературы подкрѣплялось тѣми впечатлѣніями, которыя получались отъ событій, совершавшихся на Руси. При Петрѣ служилымъ людямъ жилось нелегко; онъ требовалъ отъ нихъ работы, работы и опять работы. Но всѣ они видѣли, что въ его лицѣ на царскомъ престолѣ сидитъ бережливый хозяинъ и неутомимый работникъ. Этой заслуги у него никто не могъ, да, кажется, никто и не пытался отнять. При его ближайшихъ преемникахъ глазамъ служилыхъ людей представилось другое зрѣлище. Екатерина I въ роли правительницы совсѣмъ не походила на своего мужа. Какъ говоритъ Ключевскій, она „мало занималась дѣлами, которыя плохо понимала, вела безпорядочную жизнь, привыкнувъ, несмотря на свою болѣзненность и излишнюю полноту, засиживаться до пяти часовъ утра на пирушкахъ среди близкихъ людей, распустила управленіе, въ которомъ, по словамъ одного посла, всѣ думаютъ лишь о томъ, чтобы украсть, и въ послѣдній годъ жизни истратила на свои прихоти до $6^1/_2$ милліоновъ рублей на наши деньги, между тѣмъ какъ недовольные за кулисами на тайныхъ сборищахъ пили здоровье обойденнаго великаго князя, а тайная полиція каждый день вѣшала неосторожныхъ болтуновъ“ [1]). Еще хуже пошло дѣло, когда (въ маѣ 1727 г.) воцарился, наконецъ, „обойденный великій князь“. Все время этого очень дурно воспитаннаго мальчика тратилось на пустыя забавы въ обществѣ его любимцевъ. Если при Екатеринѣ I господствовалъ Меншиковъ, то теперь всесильными временщиками сдѣлались кн. Алексѣй Долгорукій и его сынъ

[1]) Курсъ, IV, стр. 346.

Иванъ. Испанскій посланникъ герцогъ де-Лирія сообщилъ своему двору:

„Въ Москвѣ всѣ ропщутъ на образъ жизни царя, виня въ этомъ окружающихъ его. Любящіе отечество приходятъ въ отчаяніе, видя, что государь каждое утро, едва одѣвшись, садится въ сани и отправляется въ подмосковную съ княземъ Алексѣемъ Долгорукимъ, отцомъ фаворита, и съ дежурнымъ камергеромъ и остается тамъ цѣлый день, забавляясь, какъ ребенокъ, и не занимаясь ничѣмъ, что нужно знать великому государю“ [1]).

Видѣлъ — имѣющій очи
И за отчизну болѣлъ...

Недовольство поведеніемъ правителей родилось и стало усиливаться въ такое время, когда служилый классъ началъ лучше, нежели прежде, сознавать свое значеніе въ государствѣ. Созданная Петромъ I новая организація военныхъ силъ явилась также новой организаціей силъ служилаго класса. И эти заново организованныя силы служилаго класса, особенно гвардія, выдвинуты были ходомъ событій на русскую историческую сцену сейчасъ же по смерти Петра I: его жена вступила на престолъ при помощи гвардейцевъ, во всеуслышаніе говорившихъ, что они разобьютъ головы боярамъ, если тѣ пойдутъ противъ нея. И съ тѣхъ поръ, въ теченіе цѣлаго историческаго періода, личная судьба правителей зависѣла отъ настроенія гвардіи, да еще отъ хода интригъ въ придворномъ кругу.

Въ своей „Исторіи Кавалергардовъ“ С. Панчулидзевъ замѣчаетъ, что по способу своего комплектованія, гвардія всегда сохраняла „тѣсную связь съ массой населенія“ [2]). Это совершенно вѣрно, если подъ „населеніемъ“ понимать, какъ это и дѣлаетъ С. Панчулидзевъ, служилый классъ. Къ этому онъ долженъ былъ бы прибавить, что, сохраняя тѣсную связь со служилымъ классомъ, гвардія, естественно, являлась органомъ, съ помощью котораго онъ защищалъ свои интересы. Иначе и быть не могло. Но гвардія—не общество образованныхъ людей, обладающихъ извѣстной степенью развитія. Защищая дворянскіе интересы, она не могла быть носительницей идеаловъ передовой части дворянства. Ея взгляды были взглядами большинства, и въ дѣлѣ защиты сословныхъ интересовъ дворянства она могла прибѣгать лишь къ такимъ средствамъ, которыя были доступны по-

---

[1]) Письма о Россіи въ Испанію. Восемнадцатый вѣкъ. Кн. II, стр. 146.

[2]) Исторія Кавалергардовъ. Спб., 1899 г., т. I, стр. 179.

ниманію „массы населенія“. Вотъ почему ея выступленія русской политической сценѣ XVIII вѣка даютъ намъ болѣе или менѣе обильныя данныя для сужденія о политическомъ сознаніи нашего шляхетства.

Петръ I постановилъ, что русскій государь самъ назначаетъ своего наслѣдника. Смерть помѣшала ему сдѣлать согласно этому постановленію. Его четырнадцатилѣтній внукъ умеръ тоже безъ завѣщанія. Обѣ эти, невыгодныя для царствовавшаго дома, случайности были выгодны для служилаго класса въ томъ смыслѣ, что какъ въ 1795 году, такъ и въ 1730 году дали ему поводъ для рѣшительнаго политическаго выступленія, по крайней мѣрѣ въ лицѣ гвардіи.

По смерти Петра II возникъ вопросъ, нужно ли считаться съ завѣщаніемъ Екатерины I, согласно которому престолъ, въ случаѣ бездѣтной смерти второго русскаго императора, передавался въ семью дочери Петра I Анны, бывшей замужемъ за принцемъ Гольштинскимъ. По точному смыслу петровскаго закона, Екатерина I имѣла право назначать только своего ближайшаго преемника. Поэтому ея завѣщаніе лишено было законной силы, и по смерти Петра II надо было выбрать новаго государя.

Ближе всего къ престолу стоялъ Верховный Тайный совѣтъ. Его члены быстро сговорились между собою. Въ ту же ночь, когда скончался Петръ II, они выбрали дочь Ивана Алексѣевича, вдову курляндскаго герцога Анну. Они надѣялись, что эта далеко не богатая и почти одинокая женщина гораздо легче остальныхъ членовъ царскаго рода согласится принять выработанныя ими условія („Кондиціи“) избранія. Общій смыслъ „Кондицій“ выраженъ былъ кн. Д. М. Голицинымъ въ словахъ „надобно себѣ полегчить“ или, — какъ тотчасъ же пояснилъ онъ, — „воли себѣ прибавить“.

Прибавить себѣ воли пытались еще бояре, принимавшіе участіе въ выборѣ Василія Шуйскаго. Того же хотѣли родовитые люди при избраніи Михаила Романова. Но теперь, послѣ Петровской реформы и благодаря западному вліянію, боярское желаніе прибавить себѣ воли приняло уже болѣе опредѣленный характеръ. „Кондиціи“, предложенныя Аннѣ Ивановнѣ, точнѣе выражали то, чего собственно добивались отъ новой императрицы ихъ составители. Она должна была подписать слѣдующія обязательства:

„Чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи Православныя нашея вѣры Греческаго исповѣданія; такожде по принятіи короны Россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и на-

слѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять; еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякого государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный Верховный Тайный Совѣтъ ввосми персонахъ всегда содержать и безъ онаго согласія 1) ни съ кѣмъ войны не всчинать, 2) миру не заключать, 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими податьми не отягощать, 4) въ значные чины, какъ въ стацкіе, такъ и въ военные сухопутные и морскіе выше полковничьяго ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, а гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, 6) у шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать, 6) вотчины и деревни не жаловать, 7) въ придворные чины какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ не производить, 8) государственные доходы въ расходахъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать".

На основаніи этихъ „Кондицій", или „пунктовъ", Анна могла составить себѣ вполнѣ отчетливое представленіе о весьма скромныхъ размѣрахъ своей будущей власти. Ясно указывали, „пункты" и на то, что угрожало ей въ случаѣ нарушенія перечисленныхъ условій: „а буде по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны Россійской".

Она подписала всѣ эти условія: мѣняя положеніе бѣдной вдовы курляндскаго герцога на положеніе всероссійской императрицы, хотя бы и съ очень ограниченной властью, она все-таки ровно ничего не теряла и очень много выигрывала.

Главнымъ вдохновителемъ верховниковъ былъ не разъ уже упомянутый выше кн. Д. М. Голицынъ. Онъ находилъ, что условія, подписанныя въ Митавѣ Анной, должны были послужить точкой исхода новыхъ и значительно болѣе широкихъ политическихъ реформъ. Голицынъ,—какъ видно, впрочемъ, не сразу,—рѣшился придать извѣстное политическое значеніе сенату и создать два новыхъ учрежденія: Шляхетскую Палату изъ двухсотъ членовъ и Палату городскихъ представителей, на обязанности которой лежала бы защита интересовъ торговаго сословія, а также и всей вообще непривилегированной, не-шляхетской, Руси [1]). Но, по извѣстному нѣмецкому выраженію,

---

[1]) „Къ купечеству имѣть призрѣніе и отвращать отъ нихъ всякіе обиды и неволи и въ торгахъ имѣть имъ волю и никому въ одни руки никакихъ товаровъ не давать, и податми должно ихъ облегчить, а прочимъ всякимъ чинамъ въ купечество не мѣшатца", — такъ гласилъ двѣнадцатый параграфъ написаннаго Голицынымъ проекта присяги на вѣрность Аннѣ отъ имени Верховнаго Совѣта, Сената, Синода, генера-

Д. М. Голицынъ считалъ безъ хозяина, и его плану не суждено было осуществиться.

Въ моментъ смерти Петра II Верховный совѣтъ состоялъ всего изъ пяти человѣкъ. Его членами были: канцлеръ Г. И. Головкинъ, вице-канцлеръ А. И. Остерманъ, кн. А. Г. Долгорукій, кн. В. А. Долгорукій и кн. Д. М. Голицынъ. Этотъ его составъ немедлено былъ пополненъ кооптаціей трехъ новыхъ лицъ: фельдмаршала кн. М. М. Голицына, фельдмаршала кн. В. В. Долгорукаго и сибирскаго губернатора кн. М. В. Долгорукаго. Такимъ образомъ и получилось „восемь персонъ", при чемъ Анна обязалась всегда „содержать" Верховный совѣтъ именно въ этомъ числѣ. Изъ восьми персонъ, составлявшихъ тогда совѣтъ, двѣ— Головкинъ и иностранецъ Остерманъ — отнюдь не были знатной породы; зато остальныя шесть принадлежали къ самымъ родовитымъ „ѳамиліямъ". Это обстоятельство до извѣстной степени придавало аристократическій характеръ центральному учрежденію, стремившемуся захватить всю власть въ свои руки. Но надо сказать, что русская аристократія — если только существовала она въ XVIII вѣкѣ — состояла не только изъ двухъ княжескихъ родовъ: Голицыныхъ и Долгорукихъ. Князья Трубецкіе, Борятинскіе, Черкасскіе, гр. Мусинъ-Пушкинъ и нѣкоторые другіе тоже могли съ полнымъ основаніемъ причислять себя къ „ѳамильнымъ людямъ". Выказавъ желаніе навсегда ограничить составъ совѣта восемью лицами, верховники тѣмъ самымъ вызывали неудовольствіе во многихъ другихъ знатныхъ семьяхъ. Недовольные верховниками аристократы сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее для того, чтобы помѣшать осуществленію замысла.

Родовитые люди преобразованной Россіи до извѣстной степени усвоили себѣ политическіе взгляды и стремленія западноевропейскихъ аристократовъ. Но когда дѣло дошло до проведенія въ жизнь этихъ взглядовъ, до осуществленія этихъ стремленій, тогда повторилось то, что было постояннымъ явленіемъ въ Московской Руси: вмѣсто того, чтобы соединенными силами вести борьбу противъ самовластья государей, наши бояре, не будучи въ состояніи подняться выше родовыхъ или кружковыхъ цѣлей, пошли другъ противъ друга, чѣмъ существенно облегчили

литета и „всего россійскаго народа, духовнаго и свѣтскаго всякаго чина людей". (К о р с а к о в ъ, наз. соч. стр. 187—188). Я счелъ полезнымъ отмѣтить выразившееся здѣсь сознаніе вреда монополій и пользы „воли въ торгахъ". Характерно также обѣщаніе запретить мѣшаться въ купечество „прочимъ всякимъ чинамъ". Русскіе купцы постоянно добивались такого запрещенія еще до Петра и, какъ увидимъ, не перестали добиваться его въ эпоху пресловутой Екатерининской Комиссіи для составленія уложенія.

побѣду того же самовластія. Несмотря на свой европеизмъ, Долгорукіе и Голицыны не сумѣли отдѣлаться отъ этой странной боярской привычки. Они поставили свой замыселъ на слишкомъ узкую основу, сдѣлали изъ него плохо обдуманную придворную интригу („затѣйку", по выраженію Ѳ. Прокоповича), тогда какъ имъ представлялся хорошій случай сдѣлать открытый шагъ въ направленіи къ политической европеизаціи Россіи. Противъ „затѣйки" верховниковъ ополчились не только оттѣсненные ими аристократы. Ей стали вредить разнаго рода чиновные честолюбцы въ родѣ упомянутаго выше Ягужинскаго. По смерти Петра II онъ обратился къ верховникамъ съ уже приведенными мною словами: „батюшки мои, прибавьте намъ какъ можно воли". Какъ видимъ, онъ сознавалъ, что „воля" гораздо лучше „неволи". Но онъ смотрѣлъ на вопросъ о борьбѣ за „волю" съ личной точки зрѣнія. Потерявъ надежду быть кооптированнымъ въ совѣтъ, онъ немедлено началъ смѣлую и ловкую интригу въ пользу самодержавія. Въ его лицѣ „чинъ" потребовалъ уступокъ отъ захватившей власть „породы" и, не добившись ихъ, вступилъ въ глухую, но безпощадную борьбу съ нею. Этимъ тоже были уменьшены шансы успѣха задуманнаго Д. М. Голицынымъ предпріятія.

Но теперь, какъ и по смерти Петра I, дѣло зависѣло, въ послѣднемъ счетѣ отъ гвардіи, т.-е. отъ организованнаго шляхетства. Г. С. Панчулидзевъ нашелъ нужнымъ поставить своимъ читателямъ на видъ, что въ восемнадцатомъ вѣкѣ всѣ участники нашихъ государственныхъ переворотовъ, „сверху до низу", сознательно стремились къ своимъ цѣлямъ. Посмотримъ, въ какой мѣрѣ это можно признать справедливымъ.

Описывая „затѣйки" верховниковъ, Ѳ. Прокоповичъ такъ характеризуетъ впечатлѣніе, произведенное ею на дворянскіе круги.

Всѣ говорили, „что если по желанію господъ оныхъ (т.-е. членовъ Верховнаго Совѣта. *Г. П.*) сдѣлается, отъ чего бы сохранилъ Богъ, то крайнее всему отечеству настоитъ бѣдствіе. Самимъ имъ Господамъ нельзя быть въ согласіи: сколько ихъ есть числомъ, чуть не толико явится атамановъ междоусобныхъ браней, и Россія возымѣетъ скаредное лицо, каково имѣла прежде, когда на многія княженія расторгнена бѣдствовала" [1]). Тутъ вполнѣ позволительно предположить преувеличеніе. Но свидѣтельство Прокоповича подтверждается донесеніемъ польско-саксонскаго посла У. Л. Лефорта, который писалъ 26 января (6 февраля н. с.):

„Новый образъ правленія, составляемый вельможами, даетъ поводъ къ волненіямъ въ мелкомъ дворянствѣ; среди него слы-

[1]) „Затѣйка" Дюка Лирійскаго и пр. (Приложеніе). Стр. 199.

шатся подобнаго рода разговоры: знатные предполагаютъ ограничить деспотизмъ и самодержавіе; эта власть должна быть умѣрена совѣтомъ, который мало-по-малу захватитъ въ свои руки бразды правленія; кто же намъ поручится, что со временемъ вмѣсто одного государя не явится столько тирановъ, сколько членовъ въ совѣтѣ, и что они своими притѣсненіями не увеличатъ нашего рабства. У насъ нѣтъ установленныхъ законовъ, которыми могъ бы руководиться совѣтъ; если его члены сами станутъ издавать законы, они во всякое время могутъ ихъ уничтожить, и въ Россіи начнется анархія“ [1]).

Дворянство помогло московскимъ государямъ сокрушить бояръ. Теперь, когда два боярскихъ рода захотѣли воспользоваться смертью Петра II для обезпеченія себѣ рѣшающаго вліянія на ходъ дѣлъ въ странѣ, дворянство — ставшее и россійскимъ шляхетствомъ“, т.-е. достигшее нѣсколько болѣе яснаго политическаго сознанія — не могло явиться послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. И надо удивляться тому, что просвѣщенный Д. М. Голицынъ понялъ это только тогда, когда уже нельзя было предпринять что-либо серьезное для привлеченія „шляхетства“ на сторону Верховнаго Совѣта.

Мелкое дворянство, безусловно, стояло за самодержавіе. Но средній и высшій слой этого класса готовы были выставить свои условія. Эти слои стремились къ болѣе или менѣе значительному ослабленію своей зависимости по отношенію къ государству и государю. Они хотѣли ограничить обязательную службу дворянства извѣстнымъ срокомъ, обезпечить себя и свои имѣнья отъ произвола верховной власти и, наконецъ, пріобрѣсти законное вліяніе на ходъ государственнаго управленія. Въ различныхъ кружкахъ недовольнаго верховниками шляхетства выработано было до 10 проектовъ, подписанныхъ болѣе чѣмъ 1000 лицами. Эти проекты даютъ намъ прекрасный матеріалъ для сужденія о тогдашнемъ „умоначертаніи“ европеизованной части русскаго дворянства.

Наибольшей полнотой и систематичностью изложенія отличается проектъ, составленный В. Н. Татищевымъ и рѣшительно требующій упраздненія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Проектъ находитъ нужнымъ, „въ помощь ея Величества“, учредить „Высшее Правительство“ или Сенатъ (въ составѣ 21 „персоны“), дѣятельность котораго дополнялось бы дѣятельностью „Нижняго Правительства“, изъ 100 „персонъ“, предназначавшагося соб-

---

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. V, стр. 347. — Ср. Корсакова, назв. соч., стр. 92—93.

ственно для завѣдыванія дѣлами внутренней экономіи. „Упалыя мѣста“ въ вышнемъ и нижнемъ правительствѣ должны были пополняться кооптаціей на соединенныхъ засѣданіяхъ этихъ двухъ учрежденій [1]). Въ тѣхъ же соединенныхъ засѣданіяхъ предполагалось производить выборы губернаторовъ, вице-губернаторовъ и главныхъ командировъ войскъ.

Въ проектѣ опредѣлялся также порядокъ составленія новыхъ законовъ: „Какъ скоро ея Величества повелѣніе будетъ какой законъ сочинить, оный послать во всѣ коллегіи, чтобъ довольно разсмотрѣли, и чрезъ нѣсколько дней сочиня каждая общее, или кто собственное свое, въ собраніи вышнему правительству объявили, и по довольномъ разсужденіи сочиня, ея Величеству ко утвержденію представили“ [2]).

Не ясно, считалъ ли проектъ императрицу обязанной утверждать законопроекты, „сочиненные“ такимъ образомъ. Очевидно, однако, что ей долженъ былъ принадлежать законодательный починъ.

Далѣе проектъ требовалъ ограниченія срока шляхетской службы двадцатью годами; избавленія шляхетства отъ службы въ матросахъ и ремесленникахъ; отмѣны петровскаго закона объ единонаслѣдіи и приведенія въ извѣстность „подлиннаго шляхетства“. Старинное, столбовое дворянство предполагалось записывать въ особую книгу, отдѣльно отъ новыхъ дворянъ, которые „изъ солдатъ, гусаръ, однодворцевъ и подьячихъ“. Принадлежность къ дворянству дожна была опредѣляться древностью рода или жалованными грамотами.

Не забыты были и политическіе аресты. При нихъ долженъ былъ присутствовать депутатъ отъ полиціи для охраны пожитковъ арестуемаго, а для наблюденія за справедливостью въ тайную канцелярію предполагалось назначить по два члена Сената.

Проектъ, выработанный авторомъ „Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ“, не могъ не позаботиться о просвѣщеніи шляхетства. Онъ указывалъ на необходимость устройства во всѣхъ городахъ училищъ съ обезпеченіемъ ихъ помѣщеніемъ и ежегоднымъ содержаніемъ. Татищевъ не былъ бы птенцомъ гнѣзда Петрова, если бы не подумалъ и о торговомъ сословіи. Написанный имъ

---

[1]) Проектъ воспрещаетъ выбирать въ Высшее Правительство двухъ чиновъ одной фамиліи, потому что „весьма безпорядочно бываетъ, когда въ одномъ правленіи отецъ съ сыномъ, или два брата, и дядя съ племянникомъ, тесть съ зятемъ присутствуютъ, которое равно какъ бы одному два голоса присвоены были“. Составитель проекта, очевидно, хотѣлъ помѣшать повторенію того, что совершилось при кооптаціи членовъ Верховнаго Совѣта и что возбуждало всеобщее неудовольствіе.

[2]) Д. А. Корсаковъ. Воцареніе. Стр. 159, 160, 161.

проектъ предлагалъ освободить купечество отъ постоевъ, принять мѣры къ огражденію его отъ утѣсненій [1]) и „подать способъ къ размноженію мануфактуръ и торговъ“ [2]).

Для обсужденія этихъ предложеній надо было выбрать „всѣмъ шляхетствомъ къ разсмотрѣнію сего людей достойныхъ, не меньше ста человѣкъ“. Лица, подписавшія проектъ (ихъ было 249 человѣкъ), просили Верховный Совѣтъ, „чтобъ конечно того жъ дня или на завтра, чрезъ герольдмейстера, шляхетству о собраніи объявить и покои для того назначить“ [3]).

Другіе проекты разработаны не такъ обстоятельно. Отъ только что разсмотрѣннаго они отличаются нѣкоторыми, иногда существенными, частностями. Большинство ихъ не упраздняетъ Верховнаго Совѣта, а идетъ на сдѣлку съ нимъ, настаивая только на томъ, чтобы составъ его былъ расширенъ. Въ одномъ проектѣ выражается довольно большая требовательность по части правъ „ѳамилныхъ особъ“, которыя должны были составить въ служиломъ классѣ особый слой, отдѣльный отъ простого шляхетства и обладающій большимъ, нежели оно, удѣльнымъ политическимъ вѣсомъ [4]). Нѣкоторые проекты говорятъ объ „отягощенномъ податями земледѣлствѣ“,—т.-е. о крестьянствѣ,—хотятъ облегчить податное бремя [5]). Что касается государственнаго управленія, то всѣ они считали нужнымъ участіе въ немъ всего „общества“, расходились только въ вопросѣ объ его составѣ. Согласно однимъ проектамъ, „верховное собраніе“ должно было состоять изъ совѣта, сената, генералитета [6]) и шляхетства, тогда какъ другіе исключали изъ него сенатъ, а отчасти и совѣтъ (при выборахъ въ верховное собраніе, которые должны были производиться кооптаціей). Въ одномъ проектѣ говорится даже: „впредь что потребно къ исправленію и къ пользѣ государственной явится сочинить Сейму и утвердить обществомъ“ [7]). Интересно, что именно въ этотъ критическій моментъ нѣкоторые русскіе дворяне не вспомнили о сеймахъ польской и литовско-русской шляхты.

Всѣ эти различія не мѣшали проектамъ сохранять свой вполнѣ шляхетскій характеръ и самимъ существованіемъ своимъ

---

[1]) Мы слышали отъ Посошкова, какъ многообразны были тѣ утѣсненія, которымъ подвергалось купечество со стороны служилаго класса.

[2]) Тамъ же, стр. 161.

[3]) Тамъ же, стр. 162. Проектъ поданъ былъ въ Совѣтъ 5-го февраля.

[4]) Корсаковъ, тамъ же, стр. 165.

[5]) Тамъ же, стр. 174.

[6]) Т.-е. чиновныхъ особъ первыхъ четырехъ классовъ.

[7]) Тамъ же, стр. 170 (курсивъ мой).

свидѣтельствовать о томъ, что въ тогдашнемъ русскомъ дворянствѣ былъ слой, отнюдь не стремившійся къ безусловному возстановленію стараго политическаго порядка. Осуждая „замѣтку“ верховниковъ за ея исключительность, слой этотъ хотѣлъ воспользоваться предполагавшейся уступчивостью Анны для устраненія или хотя бы только ослабленія „холопской“ зависимости служилаго класса отъ государей. Выходитъ, что не совсѣмъ ошибался Ѳ. Салтыковъ, писавшій: „Русскій народъ такія же чувства и разсужденія имѣетъ, какъ и прочіе народы, только его довлѣетъ къ такимъ дѣламъ управить“. Петровская реформа „управила“ нѣкоторую часть нашего служилаго класса къ дѣлу пріобрѣтенія извѣстныхъ политическихъ правъ. Но если обстоятельства были достаточно благопріятны для того, чтобы заставить ее стремиться къ пріобрѣтенію такихъ правъ, то они же были недостаточно благопріятны для того, чтобы сдѣлать его стремленіе осуществимымъ.

„Шляхетство сознавало,—говоритъ уже цитированный мною выше историкъ Кавалергардскаго полка,—что какъ территоріальное распространеніе крѣпостного права, такъ и внутреннее развитіе этого учрежденія возможно только при содѣйствіи верховной власти“ [1]). Это едва ли вполнѣ такъ. Вѣроятно, сословный инстинктъ шляхетства игралъ здѣсь значительно бо́льшую роль, чѣмъ его сословное сознаніе. Но какъ бы тамъ ни было, нельзя сомнѣваться въ томъ, что шляхетское стремленіе раскрѣпостить себя должно было сильно умѣряться съ стремленіемъ удержать въ крѣпостной зависимости и даже еще болѣе закрѣпостить крестьянъ. Кромѣ того, большинство дворянства оставалось настолько неразвитымъ въ политическомъ отношеніи, что до него по-старому не достигали никакія сомнѣнія въ преимуществахъ самодержавія. Эта по-старому неразвитая часть дворянства составляла большинство, между прочимъ, и въ гвардіи, отъ которой зависѣлъ, въ послѣднемъ счетѣ, исходъ всего дѣла. Неудивительно поэтому, что гвардія показала себя отнюдь нерасположенной поддерживать чьи бы то ни было конституціонныя стремленія.

Силы новаторовъ были слабѣе, нежели силы консерваторовъ. Но это еще не все. Новаторы никакъ не могли согласиться между собою, чѣмъ еще болѣе ослабляли свои силы и облегчали торжество консерваторовъ. И тутъ отвѣтственность едва ли не всецѣло падаетъ на „ѳамилныхъ людей“. Они долго не могли понять, что непремѣнно надо сдѣлать уступки, по крайней мѣрѣ,

---

[1]) С. Панчулидзевъ, назв. соч., т. I, стр. 221.

наиболѣе вліятельнымъ слоямъ шляхетства и тѣмъ привлечь ихъ на свою сторону. А когда они, наконецъ, поняли это, у нихъ уже не было возможности поправить свою ошибку.

П. Н. Милюковъ находитъ, что въ цѣляхъ верховниковъ не было ничего олигархическаго. Въ подтвержденіе этого онъ ссылается на слѣдующія слова Генриха Фика, — извѣстнаго сотрудника Петра I, имѣвшаго „вкусъ къ республиканскому правленію“ и помогавшаго верховникамъ своими совѣтами: „Нынѣ имперія Россійская стала сестрицею Швеціи и Польшѣ; россіяне нынѣ умны, понеже не будутъ имѣть фаворитовъ такихъ, какъ были Меншиковъ и Долгорукій, отъ которыхъ все зло происходило“ [1]). Но слова эти такъ неопредѣленны, что ничего не доказываютъ. Такъ же мало убѣдительна и ссылка П. Н. Милюкова на фразу Д. М. Голицына: „Отнынѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ“. Нѣсколько болѣе опредѣленны приводимые отзывы другого Голицына, маршала Михаила Михайловича,—который „разсуждалъ“, что у насъ больше не будетъ произвольныхъ казней, ссылокъ, конфискацій и что новое правительство уменьшитъ ненужные расходы, запретитъ лишніе поборы, дастъ свободу торговлѣ, обезпечитъ каждому его имущество и понизитъ высоту процента посредствомъ учрежденія банка. Но и эти „разсужденія“ имѣютъ видъ простыхъ обѣщаній, шедшихъ отъ человѣка, принадлежавшаго къ числу верховниковъ и потому существенно заинтересованнаго въ переворотѣ. Вопросъ заключался въ томъ, чѣмъ, именно, т.-е. какими политическими учрежденіями, будетъ обезпечено исполненіе обѣщаній, расточавшихся верховниками и ихъ сторонниками. А на этотъ вопросъ верховники не давали другого отвѣта, кромѣ того, который заключался въ явно выраженномъ ихъ нежеланіи удовлетворить политическія требованія просвѣщенной части шляхетства. П. Н. Милюковъ такъ формулируетъ эти требованія конституціонной партіи:

„Она полагала, что новое государственное устройство должно быть выработано особымъ учредительнымъ собраніемъ, болѣе широкимъ, чѣмъ совѣтъ, по соціальному составу. Законодательная власть въ будущемъ строѣ также не должна быть монополіей какой-либо правящей корпораціи, а достояніемъ „общенароднаго“ правительства“ [2]).

Какъ же отнеслись верховники къ этимъ требованіямъ? Вотъ какъ:

---

[1]) См. статью „Верховники и шляхетство“, стр. 20, въ сборникѣ „Изъ исторіи русской интеллигенціи“. Спб., 1902.

[2]) Тамъ же, стр. 23.

„Свои уступки шляхетству онъ (Д. М. Голицынъ. *I. II.*) ввелъ въ текстъ сочиненной имъ присяги, которую подданные должны были принести императрицѣ послѣ ея пріѣзда. Первый изъ 16-ти пунктовъ этой присяги формулировалъ обязанности верховнаго совѣта подлинными словами одного изъ представленныхъ совѣту проектовъ. Верховный тайный совѣтъ, по этому опредѣленію, существуетъ „не для иной какой собственной того собранія власти, точію для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь ихъ императорскихъ величествъ". „Не персоны управляютъ законъ,—повторяетъ Голицынъ другую красивую фразу того же проекта,—но законъ управляетъ персонами". Изъ этого же проекта взяты въ присягу слова о выборѣ кандидатовъ въ члены совѣта изъ „первыхъ фамилій, изъ генералитета и изъ шляхетства, людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ", не болѣе двухъ отъ одной и той же фамиліи. Но въ самой сути дѣла никакой уступки не дѣлается: выборъ кандидатовъ, вмѣсто общаго собранія совѣта, сената и генералитета, передается совѣту и сенату. Для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ Голицынъ соглашается созывать собраніе болѣе широкаго состава, но въ такой формѣ, которая и эту уступку лишаетъ всякаго дѣйствительнаго значенія" [1]).

Сенатъ, генералитетъ, коллежскіе чины, знатное шляхетство, а въ духовныхъ дѣлахъ также члены синода и архіереи получали только совѣщательный голосъ. Правда, другіе пункты присяги давали удовлетвореніе нѣкоторымъ второстепеннымъ и третьестепеннымъ требованіямъ шляхетства, но, какъ справедливо замѣчаетъ самъ П. Н. Милюковъ, уступки эти не могли повести къ примиренію, такъ какъ „шляхетство не находило въ нихъ главнаго участія своихъ представителей въ выработкѣ новаго строя и въ пользованіи высшими правами государственной власти" [2]).

Нельзя не согласиться съ П. Н. Милюковымъ, когда онъ говоритъ, что шляхетскія требованія тоже были узки, такъ какъ подъ „общенародіемъ", которому надлежало обезпечить участіе во власти, понималось собственно одно только шляхетство. Исключительно шляхетскій характеръ всѣхъ протестовъ, поданныхъ въ верховный совѣтъ, уже отмѣченъ мною выше. Но и узость имѣетъ разныя степени. Узокъ былъ политическій кругозоръ тѣхъ, у кого понятіе „общенародія" покрывалось понятіемъ шляхетства. Но еще болѣе узкимъ оказался кругозоръ

---

[1]) П. Н. Милюковъ, тамъ же, стр. 36—37. Курсивъ П. Н. Милюкова.
[2]) Тамъ же, стр. 37—38.

тѣхъ, которыхъ даже узкое понятіе шляхетскаго общенародія играло своею широтою. А если вспомнить при этомъ, что, не желая подѣлиться властью со шляхетствомъ, верховники ухитрились возстановить противъ себя также и знатныя „ѳамиліи“, многіе представители которыхъ пошли во главѣ недовольныхъ, то станетъ совершенно понятнымъ, почему и въ какомъ смыслѣ тогда же упрекали и до сихъ поръ упрекаютъ Д. М. Голицына и его товарищей въ олигархическихъ симпатіяхъ.

Сошлюсь на Ѳ. Прокоповича. По его словамъ, Долгорукіе хотѣли служить не народной пользѣ, а себѣ, стремясь пріобрѣсти хоть часть царской власти, когда не могли цѣлой достать. Это ихъ стремленіе онъ называлъ коварнымъ, при чемъ разсуждалъ такъ: „сіе коварство ихъ потому не тайно, что они не думали вводить народное владѣтельство (кое обычно вольною республикою называютъ); но всю владѣнія крайнюю силу осьмичленному своему совѣту учреждали, который владѣнію образъ, въ томъ маломъ числѣ владѣющихъ, не можетъ нарещись владѣтельствомъ избранныхъ, греческая аристократія; но развѣ... тиранствомъ или насильствомъ, которое олигархіа у Еллиновъ именуется“ [1]).

Прокоповичъ былъ непримиримымъ врагомъ верховниковъ. Онъ съ радостью распространялся объ ихъ ошибкахъ. Это очевидно. Но не менѣе очевидно и то, что верховный совѣтъ стремился передать власть въ руки „малаго числа владѣющихъ“.

Какъ сообщаетъ далѣе Прокоповичъ, всѣ говорили тогда, „что если по желанію господъ оныхъ (верховниковъ. *Г. П.*) сдѣлается, отъ чего бы Богъ сохранилъ, то крайнее всему отечеству настоитъ бѣдство“ [2]). Это, конечно, преувеличено. Такъ говорили не всѣ. До насъ дошло извѣстіе о бригадирѣ Козловѣ, который, пріѣхавъ изъ Москвы въ Казань, съ восторгомъ разсказывалъ тамошнимъ обывателямъ, что при первомъ же нарушеніи Анной „Кондицій“ ее вышлютъ назадъ въ Курляндію; что теперь она ни послѣдней табакерки изъ государевыхъ сокровищъ не можетъ себѣ взять; что она не будетъ раздавать деревень и денегъ, не будетъ приближать ко двору своихъ свойственниковъ, и,—это всего замѣчательнѣе,—что теперь у насъ правленіе государства стало порядочное, какого нигдѣ не бывало и пр. Значитъ, были же тогда люди, не смущавшіеся сосредоточіемъ власти въ рукахъ осьмичленнаго совѣта. Но огромное большинство дворянъ, въ самомъ дѣлѣ, очень опасалось печальныхъ послѣдствій такого со-

---

[1]) Записки Дюка Лирійскаго. (*Приложеніе*, стр. 196).

[2]) Тамъ же, стр. 199.

средоточенія. Разсѣять его опасанія можно было только путемъ немедленныхъ уступокъ политическимъ требованіямъ конституціонной части шляхетскаго „общенародія“, но этого-то и не хотѣлъ Д. М. Голицынъ. Послѣднимъ его словомъ, крайнимъ предѣломъ его уступчивости П. Н. Милюковъ называетъ тотъ проектъ присяги, который „въ самой сути дѣла“ не оставлялъ неудовлетворенными требованій шляхетства. Этотъ своеобразный „большевизмъ“ тѣмъ болѣе удивителенъ, что если русское боярство являлось „зяблымъ деревомъ“ уже въ XVII вѣкѣ, то теперь, въ 1730 г., починъ ограниченія верховной власти былъ взятъ на себя даже не всѣмъ этимъ деревомъ, — еще болѣе ослабленнымъ реформою Петра, которая принесла съ собой несравненно лучшую, чѣмъ прежде, организацію военной шляхетской силы, — а только двумя его вѣтвями. Какъ ничтожна была политическая сила этихъ двухъ вѣтвей, ясно видно изъ того, что верховники все время выдавали „Кондиціи“ за добровольный шагъ Анны, а также изъ того, что безъ всякаго препятствія съ ихъ стороны всѣ предложили называть новую государыню самодержавной.

Выходило, дѣйствительно, такъ, что верховники надѣялись побѣдить самодержавіе посредствомъ закулисной интриги. Ихъ надежда оказалась несбыточной. Положеніе верховниковъ становилось все болѣе и болѣе безвыходнымъ. Это понялъ, наконецъ, В. Л. Долгорукій, который, повидимому, не такъ сильно страдалъ боярскимъ „большевизмомъ“, какъ Д. М. Голицынъ. Онъ согласился и на увеличеніе числа членовъ верховнаго совѣта и на разсмотрѣніе общественныхъ нуждъ выборными отъ шляхетства, „что народъ узналъ, что къ пользѣ народнаго дѣла начинать хотятъ“. Но было уже поздно: конституціонная партія пошла на сдѣлку со сторонниками самодержавія.

Эти послѣдніе, собравшись 23-го февраля въ квартирѣ князя И. Ѳ. Борятинскаго, рѣшили просить Анну уничтожить Верховный Совѣтъ и возстановить старый политическій порядокъ. Въ то же время конституціоналисты обсуждали создавшееся положеніе дѣлъ въ квартирѣ кн. А. М. Черкасскаго. Неизвѣстно, что собственно говорилось на этомъ ихъ собраніи. Надо полагать, однако, что конституціоналисты мало вѣрили тогда въ возможность осуществить свои желанія. Они не дали серьезнаго отпора В. Н. Татищеву, явившемуся къ нимъ съ предложеніемъ подписать челобитную, составленную на собраніи консерваторовъ въ домѣ Борятинскаго. Горячо поддержанное А. Д. Кантемиромъ, предложеніе Татищева сильно повліяло на присутствовавшихъ. Нѣкоторая часть ихъ тогда же подписалась подъ просьбой о возстановленіи самодержавія. Послѣ этого Кантемиръ и гр. Матвѣевъ

поѣхали въ казармы собирать новыя подписи. Весь слѣдующій день затраченъ былъ на эту агитацію; къ вечеру coup d'état было подготовлено; Анну извѣстили, что „согласилися". Ей оставалось только разорвать составленныя верховниками и подписанныя ею „Кондиціи". Это и было сдѣлано ею 25-го февраля, въ четвертомъ часу пополудни.

Правда, при этомъ не обошлось безъ неожиданностей.

Утромъ, 25-го февраля, въ пріемныхъ комнатахъ кремлевскаго дворца собрались кн. Черкасскій со своими единомышленниками и кн. Юсуповъ съ гвардейскими офицерами. Они попросили у государыни аудіенціи и, конечно, сейчасъ же получили ее. Тогда Татищевъ прочелъ Аннѣ челобитную, въ которой прежде всего выражалась ей „рабская благодарность за то, что она изволила подписать „пункты", выработанные „Верховнымъ Совѣтомъ". „И не токмо мы, — говорилось въ челобитной, — но и вѣчно наслѣдники наши имени Вашему безсмертное благодареніе и почитаніе воздавать сердцемъ и устами причину имѣютъ". При этомъ благодарные челобитчики высказывали, однако, извѣстныя „сумнительства", для разсѣянія которыхъ просили государыню позволить генералитету, офицерамъ и шляхетству собраться по одному или по два отъ фамилій для того, чтобы, изслѣдовавъ всѣ обстоятельства, сочинить форму государственнаго правленія [1]).

Анна смутилась, да и было отъ чего: не далѣе, какъ наканунѣ извѣщенная о томъ, что „согласились", она ожидала ходатайства о возстановленіи самодержавія, а отъ нея потребовали созыва учредительнаго собранія. Но при такихъ обстоятельствахъ дорога была каждая минута. Сестра Анны, Екатерина, герцогиня мекленбургская, подбѣжала къ ней съ перомъ и съ настойчивымъ совѣтомъ: „Подпиши сейчасъ!" Анна подписала: „Учинить по сему" и пригласила шляхетство снова и немедленно обсудить свою челобитную въ другой залѣ дворца. Оно послѣдовало этому приглашенію.

Началось что-то въ родѣ перваго засѣданія или импровизированнаго учредительнаго собранія.

Оно продолжалось не очень долго. Чтобы возблагодарить Анну за милостивое принятіе ихъ просьбы, челобитчики, потолковавъ между собой, постановили обратиться къ ней съ новой просьбой, состоявшей въ томъ, чтобы она перестала подчиняться тѣмъ самымъ „Кондиціямъ", за подписаніе которыхъ они же только что обѣщали ей „безсмертное благодареніе" потомства. „Всепокорно просимъ, — написано было въ новой челобитной, — всеми-

---

[1]) Корсаковъ, назв. соч., стр. 271.

лостивѣйше принять Самодержавство таково, каково Ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ Вашему Императорскому Величеству отъ Верховнаго Совѣта пункты уничтожить".

Первый блинъ вышелъ комомъ. Первое засѣданіе учредительнаго собранія оказалось также и послѣднимъ. Этого захотѣло само собраніе. Путемъ обхода (первая челобитная) шляхетство пришло какъ разъ туда, куда идти оно „согласилось" еще наканунѣ, и гдѣ его ждала императрица (вторая челобитная). Кому же и зачѣмъ понадобился такой обходъ?

Нелегко отвѣтить на этотъ вопросъ. Какъ видно, Татищевъ, Кантемиръ, Матвѣевъ и другія лица, агитировавшія въ пользу самодержавія, переубѣдили не всѣхъ конституціоналистовъ, и та часть шляхетства, которая сохранила свои конституціонныя стремленія, рѣшила попытать счастья утромъ 25-го февраля. Ея политическіе взгляды и выразились въ первой челобитной. Это понятно. Не понятно только то, что прочесть эту челобитную Аннѣ взялся именно Татищевъ. Роль Татищева въ 1730 году будетъ подробнѣе разсмотрѣна ниже. Но то обстоятельство, что первая челобитная была прочитана именно имъ, не могло повліять на ея судьбу. А судьба ея оказалась довольно странной, такъ какъ тѣ самыя лица, которыя подписались подъ нею, нашли нужнымъ ходатайствовать о возстановленіи самодержавія. Но необходимо помнить, что ограниченія императорской власти хотѣло лишь меньшинство шляхетства. Его большинство было частью равнодушно къ этому намѣренію, частью враждебно ему. Враждебное конституціонализму настроеніе шляхетскаго большинства ярко выразилось въ поведеніи гвардіи. „Государыня, — кричали присутствовавшіе при чтеніи первой челобитной гвардейскіе офицеры, — мы вѣрные рабы Вашего Величества,.... но мы не потерпимъ вашихъ злодѣевъ. Повелите, и мы сложимъ къ вашимъ ногамъ ихъ головы" [1]). Напутствуемое подобными криками, шляхетство не могло унести съ собою на первое засѣданіе своего учредительнаго собранія большого запаса политической самоувѣренности. Оно ничего не могло противопоставить гвардейской „критикѣ посредствомъ оружія" и должно было чувствовать себя, какъ въ мышеловкѣ, потому что доброхоты Анны захватили всѣ выходы изъ дворца.

Чтобы выбраться изъ мышеловки, челобитчикамъ пришлось отказаться отъ мысли объ ограниченіи самодержавія и ходатайствовать о возстановленіи стараго политическаго порядка. Но,

---

[1]) Корсаковъ, назв. соч., стр. 274.

ходатайствуя объ этомъ, они не отказались отъ другихъ своихъ требованій. Въ ихъ второй челобитной, прочитанной Кантемиромъ, говорилось вслѣдъ за просьбой о „самодержавствѣ“:

„Только всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество просимъ, чтобы соизволили сочинить вмѣсто Верховнаго Совѣта и высокаго Сената одинъ правительствующій Сенатъ, какъ при Его Величествѣ Петрѣ I было, и исполнить его довольнымъ числомъ, 21 персоною, такожде нынѣ, въ члены и впредь на упалыя мѣста въ оный правительствующій Сенатъ и въ губернаторы и въ президенты повелѣно бъ было шляхетству выбирать баллотированьемъ“ [1]).

Въ заключеніе челобитчики выражали надежду на правосудіе, на облегченіе податей и на то, что „мы“, т.-е. дворяне, по природному ея Величества благоутробію „во всякомъ благополучіи и довольствѣ тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣемъ“.

Не совсѣмъ лишена интереса и слѣдующая фраза, прокравшаяся въ новую челобитную: „и притомъ всеподданѣйше просимъ, чтобъ по Вашему Всемилостивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущихъ временъ нынѣ установить“. Казалось бы, что вопросъ о „формѣ правительства для государства“ безъ остатка рѣшился ходатайствомъ о возстановленіи самодержавія. Но, можетъ быть, внося эту фразу въ свою вторую челобитную, сидѣвшіе въ мышеловкѣ челобитчики хотѣли успокоить свою (или своихъ единомышленниковъ, находившихся за стѣнами дворца) конституціонную совѣсть. Какъ бы тамъ ни было, извѣстно, что природное благоутробіе новой государыни, получившей всю полноту власти, не оставило мѣста для какихънибудь конституціонныхъ мечтаній. Въ царствованіе Анны всякія мечтанія этого рода подвергались жестокому преслѣдованію. Достаточно было имѣть списокъ „Кондицій“, чтобы навлечь на себя обвиненіе въ государственномъ преступленіи. Даже гвардія была заподозрѣна въ свободомысліи. Учреждено было два новыхъ гвардейскихъ полка, — Измайловскій и Лейбъ-гвардіи конный, — и ихъ командирами назначены усердные клевреты Анны. Кавалергарды же, сначала награжденные правительствомъ, были потомъ „раскасованы“, потому что, хотя большинство ихъ требовало возстановленія самодержавія, между ними были также лица, подписавшіяся подъ нѣкоторыми конституціонными проектами. Правительство зорко слѣдило за „раскасованными“ и особенно не же-

---

[1]) Корсаковъ, назв. соч., стр. 275.

лало, чтобы они оставались въ Москвѣ [1]). Но при всемъ томъ шляхетству дѣлались уступки, которыя должны были убѣдить его, что оно и при самодержавіи можетъ удовлетворить пожеланія, наиболѣе распространенныя въ его средѣ. Уничтоживъ Верховный Совѣтъ, Анна возстановила Сенатъ, согласно желанію шляхетства „въ той силѣ", какъ онъ учрежденъ былъ Петромъ. Допущенъ былъ выборъ офицеровъ баллотировкой; отмѣненъ законъ объ единонаслѣдіи; ограничена 25 годами обязательная служба шляхетства [2]); учрежденъ шляхетскій корпусъ съ выпускомъ окончившихъ его курсъ прямо въ офицеры и т. п. П. Н. Милюковъ находитъ даже, что для окончанія задуманнаго еще Петромъ I новаго „уложенія" принятъ былъ порядокъ, напоминающій татищевскій проектъ: статьи этого уложенія „должны были обсуждаться въ комиссіи, въ составъ которой входили выборные изъ шляхетства и свѣдующіе люди изъ духовенства и купечества, потомъ разсматриваться въ соединенномъ засѣданіи этой комиссіи и сената и, наконецъ, вноситься на утвержденіе государыни". Такимъ образомъ, заключаетъ только что названный мною ученый, вліяніе идей и желаній, высказанныхъ въ политическихъ проектахъ 1730 года на законодательство императрицы Анны, не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи переворотъ (т.-е. попытка переворота *Г. И.*) 1730 года сдѣлалъ въ миніатюрѣ то же дѣло, какое сдѣлала въ большихъ размѣрахъ знаменитая екатерининская комиссія [3]). Но въ высшей степени замѣчательно, что чѣмъ болѣе раскрѣпощалось шляхетство, и чѣмъ болѣе упрочивалось его вліяніе въ области законодательства и управленія, тѣмъ менѣе интересовалось оно вопросомъ объ ограниченіи власти государя. Ниже мы увидимъ, что исключенія, — какъ мнимое, такъ и дѣйствительное — изъ этого общаго правила на самомъ дѣлѣ только подтверждаютъ его. И былъ совершенно правъ другой изслѣдователь, Д. А. Корсаковъ, который утверждалъ, что, получивъ при Аннѣ нѣкоторыя льготы, шляхетство стало все болѣе удаляться отъ мысли о томъ значеніи, которое оно желало получить въ 1730 году: „идеалы его суживаются, и шляхетскія заявленія въ знаменитой екатерининской комиссіи 1767 года несравненно ниже шляхетскихъ воззрѣній 1730 года" [4]).

---

[1]) Въ сентябрѣ 1731 г. имъ былъ объявленъ именной указъ, „дабы они праздно въ Москвѣ не шатались" (Панчулидзевъ, назв. соч., т. I, стр. 220 и 221).

[2]) Впрочемъ, эта уступка была потомъ взята назадъ.

[3]) Изъ исторіи русской интеллигенціи. Стр. 51. Ср. также Корсакова, назв. соч., стр. 298—299.

[4]) Назв. соч., стр. 302.

Когда „затѣйка“ верховниковъ потерпѣла окончательное крушеніе, Д. М. Голицынъ говорилъ своимъ друзьямъ: „Пиръ былъ готовъ, но гости были недостойны его. Я знаю, что я буду его жертвою! Такъ и быть, я пострадаю за отечество; я близокъ къ концу моего жизненнаго поприща, но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ проливать слезы далѣе меня!“

Упрямый „большевикъ“ боярства не обнаружилъ политическаго искусства въ дѣлѣ приготовленія „пира“. Мы знаемъ, что противъ него не безъ основанія выдвигался упрекъ въ стремленіи къ олигархіи, а лучше было бы сказать: къ кружковщинѣ. Но нужно быть справедливымъ. Какъ это писалъ еще Д. А. Корсаковъ, торжество Анны тоже повело къ олигархіи, да еще не русской, а иностранной. „Бироновщина“ явилась жестокимъ наказаніемъ Россіи за то, что она показала себя неспособной положить конецъ своему старому политическому порядку. Конечно, Россія была тутъ безъ вины виноватой, но объективная логика общественной жизни не признаетъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ.

Петровская реформа, просвѣтившая политическіе взгляды нѣкоторой (небольшой) части служилаго класса, не измѣнила соотношенія политическихъ силъ въ Россіи и потому не могла непосредственно повести къ измѣненію нашего политическаго строя. Напротивъ, однимъ изъ непосредственныхъ ея послѣдствій было продолжительное упроченіе этого строя. Ему въ значительной степени шло на пользу даже стремленіе передовыхъ русскихъ людей къ свѣту знанія. Если просвѣщенная часть дворянства не могла не сознавать, что западная „воля“ лучше старой русской неволи, что, съ другой стороны, мы уже знаемъ, что „ученая дружина“, вызванная къ жизни Петровской реформой, всецѣло сочувствовала самодержавію. Въ 1730 году она доказала это дѣломъ. Ѳ. Прокоповичъ, А. Кантемиръ и В. Н. Татищевъ совершили все, отъ нихъ зависѣвшее, для того, чтобы поддержать Анну. Правда, можно подумать, что Татищевъ самъ не зналъ, чего собственно ему хотѣлось: онъ, защищавшій въ теоріи самодержавіе, пишетъ конституціонный проектъ; онъ, написавшій конституціонный проектъ, ѣдетъ вечеромъ 23-го февраля въ домъ кн. Черкасскаго для того, чтобы подвинуть конституціоналистовъ на соглашеніе съ партіей, замыслившей возстановленіе самодержавія; наконецъ, онъ же, стремившійся подвинуть конституціоналистовъ на возстановленіе самодержавія, утромъ 25 февраля читаетъ передъ Анной конституціонную челобитную. Какое множество противорѣчій! Но они разрѣшаются сомнѣніемъ Татищева въ способности Анны, — „персоны женской“, которой „знанія

законовъ недостаетъ", — править государствомъ, какъ слѣдуетъ самодержавному государю. Это его сомнѣніе и объясняетъ намъ то, что, составляя конституціонный проектъ[1]), онъ въ то же самое время считалъ нужнымъ упорно оспаривать противниковъ самодержавія.

Его споры съ ними важны для характеристики „умоначертанія" тогдашняго образованнаго шляхетства вообще, а въ частности — образа мыслей самаго просвѣщеннаго члена „ученой дружины".

Ему возражали, что не безопасно „единому человѣку великую власть надъ всѣмъ народомъ дать, ибо, какъ бы мудръ, справедливъ, кротокъ и прилеженъ ни былъ, безгрѣшенъ и во всемъ достаточенъ быть не можетъ; коль же паче, когда страстямъ своимъ дастъ волю, то нужно наглымъ, неправымъ насиліямъ и глумленіямъ неповинныхъ происходитъ".

Противъ этого возраженія Татищевъ выдвигалъ уже извѣстное намъ соображеніе о происхожденіи власти монарха отъ власти родительской. Всякій отецъ семейства заинтересованъ въ томъ, чтобы заботиться о своихъ домашнихъ. „Если же такой несмысленный случится, что ни самъ пользы не разумѣетъ, ни совѣта мудрыхъ не понимаетъ и вредъ производитъ, то, — разсуждалъ Татищевъ, — можно принять за божеское наказаніе".

Ему указывали, кромѣ того, на временщиковъ, которые ненавидятъ и гонятъ людей, оказываютъ истинныя услуги государству, „а себѣ ненасытно имѣнія собираютъ".

На это онъ отвѣчалъ, что временщики являются болѣе въ республикахъ, и ссылался на исторію Греціи и Рима: тамъ, „усилився нѣкоторые вельможи междоусобіемъ великія разоренія принесли; и сего намъ наипаче опасаться должно, чего въ монархіи едва въ примѣръ сыскать можемъ ли". Татищевъ утверждалъ, что надо различать временщиковъ „благоразумныхъ и вѣрныхъ" отъ „неистовыхъ". Благоразумные и вѣрные временщики, — Татищевъ называлъ такимъ, напримѣръ, В. В. Голицына, — „великую честь и благодареніе вѣчное заслужили".

Жаловались противники самодержавія и на тайную канцелярію, которая была намъ, по ихъ словамъ, въ стыдъ и поношеніе передъ благоразумными народами и къ тому же разоряла государство, такъ какъ „за едино неосторожное сказанное слово пытаютъ, казнятъ и дѣтей невинныхъ имѣнія лишаютъ". Но Татищева не смущала и тайная канцелярія. Онъ доказывалъ, что „оная, если токмо человѣку благочестивому поручится, ни-

---

[1]) Извѣстный подъ именемъ проекта кн. Черкасскаго.

мало не вредна; а злостные и нечистивые, не долго тѣмъ наслаждаются, сами исчезаютъ“ [1]). Какъ сказано выше, написанный Татищевымъ конституціонный проектъ не упразднялъ тайной канцеляріи, а преобразовывалъ ее, назначая въ нее двухъ депутатовъ отъ сената.

Всѣ эти доводы Татищева свидѣтельствуютъ о значительной ограниченности его политическаго „умоначертанія“. Тѣ, противъ которыхъ онъ выдвигалъ эти доводы, несомнѣнно, имѣли гораздо болѣе широкіе политическіе взгляды и обладали болѣе развитымъ чувствомъ гражданскаго достоинства. А между тѣмъ Татищевъ, бывшій однимъ изъ самыхъ образованныхъ русскихъ людей своего времени, навѣрно, превосходилъ образованіемъ многихъ, если не всѣхъ, своихъ противниковъ. И, какъ мы знаемъ, онъ вовсе не склоненъ былъ холопствовать передъ верховною властью. Въ чемъ же тутъ дѣло?

Вспомнимъ, что Ѳ. Прокоповичъ и Кантемиръ, отстаивавшіе самодержавіе съ еще большею послѣдовательностью, нежели Татищевъ, тоже были людьми чрезвычайно образованными, образованными на тогдашнюю русскую мѣрку. Положимъ, о Прокоповичѣ нельзя съ увѣренностью сказать, что его оппозиція „затѣйкамъ“ верховниковъ и конституціоналистовъ не вызвалась, — по крайней мѣрѣ, отчасти, — какими-нибудь личными интересами. Вдобавокъ онъ принадлежалъ къ духовному сословію, находившемуся въ антагонизмѣ со служилымъ классомъ. Но у насъ нѣтъ никакого основанія для того, чтобы заподозрить искренность совсѣмъ еще молодого тогда А. Кантемира. Дѣло тутъ не въ искренности и не въ объемѣ знаній, а во взглядѣ на самодержавіе, какъ на самый надежный залогъ дальнѣйшаго просвѣщенія Россіи. „Ученая дружина“, восторженно превозносившая просвѣтительную дѣятельность Петра, была горячей сторонницей просвѣщеннаго деспотизма.

Такимъ образомъ, получилось нѣчто парадоксальное; діалектика русскаго просвѣтительнаго движенія приводила къ тому, что отъ мысли о политической свободѣ отмахивались какъ разъ тѣ, которые, въ своемъ качествѣ наиболѣе просвѣщенныхъ людей, казалось, должны были бы горячѣе всѣхъ остальныхъ дорожить ею. Иначе сказать: просвѣщеніе становилось у насъ источникомъ своеобразнаго политическаго обскурантизма.

Нѣчто подобное этому парадоксальному явленію мы видимъ и на Западѣ, гдѣ просвѣтители тоже питали вѣру въ просвѣщенный деспотизмъ, или, — что будетъ въ данномъ случаѣ болѣе

---

[1]) Корсаковъ, назв. соч., стр. 154—155.

точнымъ выраженіемъ, — абсолютизмъ. Но тамъ явленіе это было гораздо менѣе долговѣчно. У насъ же и въ XIX вѣкѣ въ средѣ прогрессистовъ долго не исчезало то убѣжденіе, что правительство должно и можетъ идти впереди „общества". Въ этомъ заключается одна изъ относительныхъ особенностей развитія нашей общественной мысли, коренящихся въ относительныхъ особенностяхъ нашего историческаго процесса.

Изданія Т-ва „МІРЪ“, Москва, Знаменка, 9.

I. ОТДѢЛЪ ПОДПИСНЫХЪ ИЗДАНІЙ.

№ 1.

ИТОГИ НАУКИ

ВЪ ТЕОРІИ и ПРАКТИКѢ.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СОВРЕМЕННАГО ЗНАНІЯ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

проф. **М. М. Ковалевскаго,** проф. **Н. Н. Ланге, Николая Морозова** и проф. **В. М. Шимкевича.**

Отдѣлъ I. МЕРТВАЯ ПРИРОДА. Часть I *(теоретическая)*. 1. **Механическіе процессы.** Міръ молекулъ и атомовъ, эѳиръ, электроны. 2. **Химическіе процессы.** 3. **Вселенная.** Механика и химія неба. Часть II *(прикладная)*. **Современная техника.** Торжество машины и ея историческая эволюція. Техническія завоеванія въ области добычи и обработки вещества. Техника въ борьбѣ съ неблагопріятными атмосферными вліяніями. Побѣда надъ разстояніемъ. Техника на службѣ духовныхъ интересовъ человѣчества. Техника на службѣ силы. Заключеніе. **Отдѣлъ II. ЖИЗНЬ.** Часть I. **Теоретическая біологія.** Происхожденіе жизни на землѣ и аналогія между явленіями живой и мертвой природы. Функціи растительной и животной жизни. Строеніе и жизнь клѣтки. Особь и колоніи. Развитіе и размноженіе растеній. Размноженіе и развитіе животныхъ. Наслѣдственность. Взаимоотношеніе организмовъ между собою и съ окружающимъ міромъ. Измѣнчивость организмовъ. Видообразованіе. Происхожденіе растеній въ связи съ ученіемъ объ ископаемыхъ формахъ. Происхожденіе животныхъ и ихъ ископаемые предки. Происхожденіе человѣка и его доисторическіе предки. Часть II. **Прикладная біологія.** Культурныя растенія, ихъ происхожденіе и значеніе для человѣка. Культурныя животныя, ихъ происхожденіе и польза для человѣка. Друзья и враги человѣка. Промысловыя растенія и животныя, вредныя и полезныя насѣкомыя, ядовитыя животныя, растительные паразиты человѣка и борьба съ ними. **Отдѣлъ III. ПСИХИЧЕСКІЙ МІРЪ.** Часть I *(теоретическая)*. Развитіе нервной системы и органовъ чувствъ. Начало психической жизни. Психическая эволюція до человѣка. Сравнительная психологія человѣка и высшихъ млекопитающихъ. Душа и мозгъ. Происхожденіе ума. Мысль и слово. Эмоціи. Элементы соціальной психологіи. Психологическія основы этики, эстетики и логики. Часть II *(прикладная)*. Принципы педагогики. Историческое развитіе педагогики и ея современное состояніе. Педологія. Принципы обученія и воспитанія. Школа и факторы, ее опредѣляющіе. **Отдѣлъ IV. ОБЩЕСТВО.** Часть I *(теоретическая)*. **Основные законы развитія общества.** Эволюція идей и соціологическихъ теорій. Соціальный анализъ и синтезъ. Эволюція соціальныхъ учрежденій и функцій. Строеніе общества въ цѣломъ, какъ соціальная статика. Жизнь общества въ цѣломъ или соціальная динамика. **Происхожденіе общественныхъ институтовъ и общественной жизни.** Происхожденіе семьи, рода, племени, собственности и государства. Происхожденіе языка, художественнаго творчества и религіи. Часть II *(прикладная)*. **Эволюція экономическихъ отношеній.** Средневѣковый хозяйственный строй. Установленіе капиталистическаго хозяйства. Современное состояніе и тенденціи капитализма. Заключеніе. **Эволюція гражданско-правовыхъ отношеній. Преступленіе, происхожденіе его и борьба съ нимъ. Государство.** Механизмъ и его функціи. Государство и общественные союзы. Эволюція международныхъ отношеній.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „...**Изданы книги прекрасно, снабжены массою портретовъ-гравюръ, цвѣтными таблицами, прекрасными рисунками и чертежами. Остается пожелать, чтобы онѣ нашли себѣ возможно больше читателей**“. *„Рѣчь“*, 15-го августа 1911 г.

„...**Первые два выпуска являются одной изъ лучшихъ популярныхъ работъ по физикѣ, имѣющихся на русскомъ языкѣ**“. *„Современный Міръ“*, іюнь 1911 г.

„...Изданіе отличается прежде всего тѣмъ, что оно ставитъ цѣлью популяризировать науку вообще и изложить въ общедоступной формѣ всѣ научныя дисциплины, начиная съ физики и химіи и кончая общественными науками. **Наибольшимъ достоинствомъ „Итоговъ науки“** является то обстоятельство, что **редакціи удалось сохранить за ними характеръ популярнаго изданія безъ всякаго ущерба для его содержательности** (скорѣе наблюдаются отклоненія въ обратную сторону). **Къ участію въ изданіи редакція привлекла выдающіяся научныя силы, и нѣкоторые отдѣлы по красотѣ и увлекательности изложенія являются настоящими шедеврами. Съ внѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго**“. *„Современный Міръ“*, февраль 1912 г.

„Итоги науки въ теоріи и практикѣ“ составятъ 12 томовъ. Изданіе богато иллюстрировано многочисленными рисунками въ текстѣ и на особыхъ приложеніяхъ (**меццотинто-гравюры** съ портретовъ выдающихся ученыхъ, **цвѣтныя таблицы** съ рисунковъ, **спеціально изготовленныхъ** для настоящаго изданія, и Mattdruck).

Цѣна изданія въ изящномъ переплетѣ (безъ пересылки) **90 руб.**

До 1 декабря 1915 г. вышли I, II, III, V, VI, VII, IX, X и XI тт.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА.

Изданія Т-ва „МІРЪ“, Москва.

№ 2.

ЭВОЛЮЦІЯ МІРА.

Научно-популярная исторія мірозданія, происхожденія человѣка и начатковъ культуры.

КАРУСА ШТЕРНЕ.

Переводъ съ изданія, переработаннаго **В. Бельше**, подъ редакціей **В. К. Агафонова.**

СЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ

проф. Умова и Николая Морозова.

2-е УЛУЧШЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

Изъ отзывовъ печати: „Увлекательная и доступная самымъ широкимъ кругамъ читателей книга Штерне и у насъ въ Россіи многихъ пріохотитъ къ занятіямъ астрономіей, біологіей, геологіей, антропологіей и вообще естествовѣдѣніемъ и философіей природы“. *„Новая Русь“*, № 10, 11 января 1909 г.

„Большой интересъ представляетъ открывающая собою первый выпускъ статья проф. Умова: „Эволюція міровоззрѣній въ связи съ ученіемъ Дарвина“—блестяще написанный и богатый мыслями очеркъ, занимающій всего 36 страницъ, которыя стоятъ того, чтобы ихъ не только со вниманіемъ прочитать, но и перечитать... Нельзя не пожелать, чтобы изданіе труда Каруса Штерне было благополучно доведено до конца. Изданіе начато очень изящно, рисунки хороши“. *„Вѣстникъ Общественной Ветеринаріи“*, № 7, 1909 г.

„Передъ нами путеводитель, странствуя съ которымъ по вселенной, мы не только пробѣгаемъ едва улавливаемыя нашимъ воображеніемъ пространства, но столь же мало представляемыя по своей протяженности эпохи ея жизни. Собранный на этомъ двойномъ пути пространства и времени матеріалъ, систематизированный и подвергнутый строгому научному анализу, раскрываетъ передъ нами всю архитектуру жизни на нашей планетѣ отъ ея первыхъ слѣдовъ, теряющихся въ явленіяхъ мертвой природы, до ступеней съ высокоразвитой психикой“. (Изъ введенія *проф. Н. А. Умова*).

„Очень хорошо написанная и прекрасно изданная книга“. *Н. А. Рубакинъ.*

Все изданіе состоитъ изъ 3 томовъ (1424 стр.) и богато иллюстрировано (742 рисунка, въ томъ числѣ 61 таблица однотонныхъ и цвѣтныхъ на отдѣльныхъ листахъ).

Цѣна изданія въ роскошномъ переплетѣ, безъ перес., **20 руб.**

ИЗДАНІЕ ЗАКОНЧЕНО.

Допускается разсрочка платежа.

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ БЕЗПЛАТНО.

Изданія Т-ва „МІРЪ“, Москва.

№ 3.

Исторія русской литературы.

Подъ редакціей **А. Е. Грузинскаго**, акад. **Д. Н. Овсянико-Куликовскаго** и проф. **П. Н. Сакулина.**

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „Интересенъ планъ и интересно выполненіе начавшей выходить подъ главной редакціей Д. Н. Овсянико-Куликовскаго „Исторіи литературы XIX в.“. **Большинство очерковъ написано живо и увлекательно.** Читатель ясно представляетъ ту атмосферу, въ которой жило русское общество, зарождались умственные запросы, развивалась литература. Конечно, какъ во всякомъ коллективномъ трудѣ, здѣсь неизбѣжны повторенія,—и они встрѣчаются,—но зато, какъ во всякой хорошей коллективной работѣ, здѣсь **предметъ освѣщенъ всесторонне, ярко, съ необходимой полнотой.** Все, что касается литературы и умственныхъ теченій, едва ли нуждается въ большей полнотѣ для того, чтобы у читателя получилось ясное понятіе общаго хода развитія такъ же, какъ ясное понятіе объ отдѣльныхъ писателяхъ, работавшихъ въ описываемыя эпохи. **Планъ такъ же, какъ и имена редакторовъ, сотрудниковъ, какъ уже вышедшіе четыре выпуска, говорятъ за то, что въ новомъ изданіи мы будемъ имѣть оригинальный, интересный и очень полезный трудъ по „Исторіи русской литературы XIX вѣка“.** *„Русскія Вѣдомости“*, № 262 отъ 11 ноября 1908 г.

„Изданіе представляетъ коллективную работу цѣлаго ряда историковъ литературы и критиковъ подъ общей редакціей проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Нужно признать весьма удачной мысль выпустить „Исторію русской литературы“, какъ коллективный трудъ, въ которомъ о **каждомъ вопросѣ пишетъ человѣкъ, спеціально изучившій его.** Планъ изданія хорошо обдуманъ. Изданіе даетъ вѣрную картину нашего литературнаго развитія за цѣлый вѣкъ, въ связи съ общими историческими условіями, т.-е. является трудомъ, потребность въ которомъ назрѣла уже давно. **Изданіе не только сослужитъ службу обществу, но и спеціалисты найдутъ въ немъ для себя много интереснаго“.** *„Русская Школа“*, №№ 5—6, 1909 г.

„Коллективный трудъ, посвященный русской словесности прошлаго столѣтія, выходящій подъ общей редакціей Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, уже успѣлъ сдѣлаться **необходимымъ пособіемъ для всѣхъ лицъ, занимающихся исторіей нашей литературы...** Невольно привлекаетъ вниманіе уже одинъ внѣшній видъ его: **хорошая бумага, красивый шрифтъ, прекрасно выполненные портреты...** Однимъ изъ безусловныхъ достоинствъ „Исторіи русской литературы“ является и отражающееся въ ней **культурное и прогрессивное міросозерцаніе,** которое придаетъ коллективному труду 15—20 лицъ **извѣстное внутреннее единство“.** *„Русскія Вѣдомости“*, № 66 отъ 21 марта 1910 г.

Изданіе составитъ 8 томовъ (**„Устное творчество“**—*одинъ* томъ, **„Исторія русской литературы до XIX в.“**—*два* тома и **„Исторія русской литературы XIX в.“**—*пять* томовъ), обнимающихъ въ общемъ около 3600 стр. большого формата, и будетъ богато иллюстрировано большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ и на особыхъ приложеніяхъ.

Цѣна всей **„Исторіи русской литературы“** въ **8** томахъ, въ изящномъ переплетѣ (безъ пересылки)—**56 руб.**

Принимается подписка отдѣльно на **„Исторію русской литературы XIX в.“** въ *пяти* томахъ, въ изящномъ переплетѣ, 2319 стр., **121 меццотинто-гравюра; цѣна** (безъ пересылки)—**35 руб. Изданіе закончено.**

Допускается разсрочка платежа.

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ БЕЗПЛАТНО.

Изданія Т-ва „МІРЪ“, Москва.

№ 4.

Русская литература XX вѣка.

(1890—1910).

Подъ редакціей проф. С. А. ВЕНГЕРОВА.

Часть I. ПЕРЕОЦѢНКА ВСѢХЪ ЦѢННОСТЕЙ.

Декадентство и марксизмъ (1890-ые годы).

1. Этапы неоромантическаго движенія. *Статья первая.* **2. Лица и направленія:** *А. Зачинатели „новыхъ теченій“:* Бальмонтъ, Брюсовъ, Венгерова, Волынскій, Гиппіусъ Гуревичъ, Александръ Добролюбовъ, Мережковскій, Минскій, Сологубъ и др. *В. Марксизмъ:* Теорія русскаго марксизма. Литературный марксизмъ: Вересаевъ, Горькій, Чириковъ и др. **3. Библіографія.**

Часть II. СИНТЕТИЧЕСКІЙ МОДЕРНИЗМЪ И БОГОИСКАТЕЛЬСТВО. (Начало XX в.).

1. Этапы неоромантическаго движенія. *Статья вторая.* **2. Лица и направленія.** *А. Синтетическій модернизмъ и второе поколѣніе символистовъ:* Леонидъ Андреевъ, Иннокентій Анненскій, Балтрушайтисъ, Бунинъ, Андрей Бѣлый, Борисъ Зайцевъ, Вячеславъ Ивановъ, Коневской, Георгій Чулковъ и другіе. *В. Теоретики:* Бердяевъ, Булгаковъ, Волжскій, Розановъ, Струве, Философовъ, Шестовъ и др. *С. Внѣ опредѣленныхъ литературныхъ группировокъ:* Купринъ, Муйжель, Серафимовичъ, Тимковскій, Юшкевичъ и др. **3. Библіографія.**

Часть III. СПАДЪ РЕВОЛЮЦІОННОЙ ВОЛНЫ. (1906—1910).

1. Этапы неоромантическаго движенія. *Статья третья.* **2. Лица и направленія.** *А. „Половая проблема“, „стилизація“:* Арцыбашевъ, Ауслендѣръ, Зиновьева-Анибалъ, Анатолій Каменскій, Кузьминъ и др. *В. Художественный фольклоризмъ и близость къ почвѣ.* Сергѣй Городецкій, Клюевъ, Пришвинъ, Ремезовъ, Сергѣевъ-Ценскій, Алексѣй Толстой и др. *С. Эволюція литературной критики.* Айхенвальдъ, Горнфельдъ, Ивановъ-Разумникъ, Овсянико-Куликовскій, Чуковскій и др. *D. Судъ надъ побѣжденной интеллигенціей.* „Вѣхи“. *Е. Новый театръ.* **3. Библіографія.**

Въ концѣ изданія будетъ данъ обзоръ дѣятельности въ годы 1890—1900 представителей тѣхъ теченій, разсмотрѣніе которыхъ относится къ исторіи литературы XIX в.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „Это новое крупное изданіе, предпринятое товариществомъ „Міръ“, задумано **по весьма широкой и интересной программѣ:** оно должно обнять всѣ главныя и второстепенныя умственныя теченія, выразившіяся въ русской литературѣ съ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Особую цѣнность этому изданію придаютъ автобіографіи разбираемыхъ писателей, присоединяемыя къ очеркамъ ихъ литературной дѣятельности“. *„Вѣстникъ Европы“*, X, 1914.

Первый выпускъ „Исторіи русской литературы XX вѣка“ открывается интересной и содержательной статьей проф. Венгерова. Въ книгѣ помѣщены прекрасные портреты писателей и ихъ автографы“. *„Голосъ Москвы“*, 27/IX, 1914 г.

„Первые два выпуска „Русской литературы XX вѣка“, прекрасно изданные, украшенные удачно подобранными и выполненными портретами, автографами и проч., даютъ цѣнный фактическій матеріалъ, значеніе котораго увеличится обѣщанной при каждомъ томѣ исчерпывающей библіографіей“. *„Вѣстникъ Европы“*, XII, 1914 г.

„Русская литература XX вѣка“ сотавитъ около 90 лист., т.-е. около 1400 стр. большого форм., и будетъ богато иллюстрирована портретами писателей, воспроизведенными **меццотинто-гравюрой, Mattdruck и въ краскахъ.**

Изданіе составитъ около 12 книгъ, въ 7—8 лис. каждая.

Условія подписки: при подпискѣ уплачивается 2 руб. и при полученіи каждой книги по 1 руб. 80 коп. и, сверхъ того, по 10 коп. за переводъ платежа.

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ БЕЗПЛАТНО.

Изданія Т-ва „МІРЪ“, Москва.

№ 5.

СИЛУЭТЫ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Ю. И. Айхенвальда.

СОДЕРЖАНІЕ: Выпускъ I. Вступленіе. К. Н. Батюшковъ, И. А. Крыловъ, А. С. Грибоѣдовъ, К. Ѳ. Рылѣевъ, А. С. Пушкинъ, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтовъ, приложеніе: Мережковскій о Лермонтовѣ, Ѳ. И. Тютчевъ, Е. А. Баратынскій, С. Т. Аксаковъ, Н. П. Огаревъ, И. А. Гончаровъ, А. Н. Плещеевъ, Н. Г. Помяловскій, Г. И. Успенскій, В. Г. Короленко, В. М. Гаршинъ, А. П. Чеховъ, **18 большихъ автотипическихъ портретовъ.** *Третье изданіе.*—**Выпускъ II.** А. В. Кольцовъ, И. С. Никитинъ, Н. А. Некрасовъ, А. Н. Майковъ, Н. Ѳ. Щербина, Л. А. Мей, Фетъ (Шеншинъ, А. А.), Я. П. Полонскій, А. К. Толстой, Ѳ. М. Достоевскій, Левъ Толстой, И. С. Тургеневъ, А. Н. Островскій, В. А. Слѣпцовъ. Приложеніе: Дѣти у Чехова. **14 большихъ автотипическихъ портретовъ.** *Третье изданіе.*—**Выпускъ III.** В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій, И. И. Козловъ, Д. В. Веневитиновъ, А. И. Одоевскій, А. И. Полежаевъ, Н. М. Языковъ, В. Г. Бенедиктовъ, А. И. Левитовъ, Максимъ Горькій, Леонидъ Андреевъ, Иванъ Бунинъ, Н. М. Минскій, К. Д. Бальмонтъ, Ѳедоръ Сологубъ, Валерій Брюсовъ, Борисъ Зайцевъ, Викторъ Гофманъ. **20 большихъ автотипическихъ портретовъ.** *Второе изданіе.*

ПЕРВЫЕ ДВА ВЫПУСКА УДОСТОЕНЫ АКАДЕМІЕЙ НАУКЪ

ПУШКИНСКАГО ПОЧЕТНАГО ОТЗЫВА.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „Отъ души привѣтствуемъ книгу А., какъ цѣнный вкладъ въ скудную пока сокровищницу русской художественной критики, какъ новый оазисъ, пышно расцвѣтшій въ песчаной ея пустынѣ. Нѣтъ въ его книгѣ ни общихъ мѣстъ, ни принятыхъ на вѣру чужихъ взглядовъ, какъ нѣтъ въ ней ничего узко-партійнаго, ничего не относящагося къ литературнымъ темамъ“. *„Золотое Руно“*, 1906, XI—XII.

„Временами фраза нашего критика сливается съ фразой поэта, отчего получается впечатлѣніе сліянія двухъ творчествъ—нѣчто удивительно красивое...“ *„Образованіе“, О. Миртовъ.*

„Въ его очеркахъ такъ много чуткости къ красотѣ и правдѣ, такъ много человѣчности, что онъ самъ нерѣдко пишетъ **стихотворенія въ прозѣ**“. *„Русская Мысль“*, 1906. XI.

„Тонкій созерцатель поэтическихъ мыслей и художественныхъ образовъ, г. А. переводитъ ихъ по преимуществу на языкъ своихъ ощущеній, и критика его состоитъ прежде всего въ любовномъ слѣдованіи мечтой и чувствомъ за душой художника или поэта. *„Вѣстникъ Европы“*, Е. Л.

Онъ (А.) не историкъ литературы, онъ индивидуальный портретистъ. Онъ освѣщаетъ писателя изнутри, на время сливаясь съ нимъ духовно, претворяясь въ его личность, отказываясь на это время отъ своей“. *„Русское Богатство“*, 1908. XI.

„Ю. И. Айхенвальдъ въ высокой степени обладаетъ... ствойствами истиннаго критика... И мы съ глубокимъ интересомъ слушаемъ исповѣдь критика“. *„Вѣстникъ Воспитанія“*, 1906 г. *П. Сакулинъ.*

„Г. Айхенвальдъ, какъ критикъ, пользуется симпатіями публики... Такой успѣхъ, конечно, вполнѣ заслуженъ. Среди многихъ пишущихъ о литературѣ г. А. представляетъ замѣтную и оригинальную фигуру. Въ его переживаніяхъ всегда видна незаурядная культурная личность съ широкимъ кругозоромъ и склонностью философски синтезировать“. *„Вѣстникъ Воспитанія“*, 1908 г. *А. Е. Грузинскій.*

Этюды г. А. стоятъ совершенно особнякомъ въ нашей критической литературѣ: языкъ, которымъ они написаны, почти всегда отличается изяществомъ, красотою, богатствомъ образовъ, метафоръ, сравненій...“ *„Русскія Вѣдомости“. Ю. В.*

Въ А. чувствуется цѣнитель мысли, поклонникъ красоты и другъ культуры. Прекрасный стилистъ, онъ мастерски пишетъ и въ своихъ краткихъ очеркахъ онъ исчерпывающе знакомится и знакомитъ своего читателя съ навѣявшими на него впечатлѣніе авторами“. *„Рѣчь“*, 5 ноября 1911 г.

Цѣна всѣхъ трехъ выпусковъ въ переплетахъ (безъ пересылки) **7 р. 50 к.**

Допускается разсрочка платежа.

Изданія Т-ва „МІРЪ“, Москва.

№ 6.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.

(1800—1910 гг.).

Подъ редакціей **Ѳ. Д. Батюшкова,**

при ближайшемъ участіи проф. **Ѳ. А. Брауна,** акад. **Н. А. Котляревскаго,** проф. **Д. К. Петрова, Е. В. Аничкова** и прив.-доц. **К. Ѳ. Тіандера.**

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „Передъ нами первые три выпуска новаго капитальнаго коллективнаго труда о западной литературѣ XIX вѣка... Перечень статей вполнѣ характеризуетъ богатство предлагаемаго читателю матеріала, а имена авторовъ служатъ надежнымъ ручательствомъ научнаго характера изданія... Новая коллективная исторія западной литературы XIX вѣка **заслуживаетъ, конечно, живѣйшаго вниманія, какъ превосходное и незамѣнимое пособіе для всѣхъ интересующихся всеобщей литературой“.** *„Голосъ Минувшаго“.*

„Въ предисловіи редакціи къ первому выпуску предпринятаго извѣстными учеными обширнаго коллективнаго труда указывается цѣль даннаго изданія— „дать общую исторію западной литературы XIX вѣка“, прослѣдить главное русло общеевропейской умственной и духовной жизни... Написанный опытной рукой серьезнаго ученаго сжатый очеркъ проф. Ѳ. Д. Батюшкова даетъ полную и ясную картину литературной жизни второй половины XVIII вѣка въ Англіи, Франціи и Германіи... Въ концѣ очерка приложена обширная и цѣнная библіографія. Съ внѣшней стороны **изданіе безукоризненное, текстъ сопровождается многочисленными иллюстраціями; гравюры на отдѣльныхъ листахъ исполнены превосходно“.** *„День“*, № 67, 1913 г.

„Предпринятый издательствомъ **„Міръ“ коллективный трудъ о западной литературѣ** XIX в. обѣщаетъ **стать столь же цѣннымъ вкладомъ** въ нашу научно-популярную литературу, какъ и ранѣе изданная имъ исторія русской словесности. **Имена авторовъ пользуются достаточной извѣстностью,** и потому нѣтъ надобности особенно рекомендовать этотъ коллективный трудъ. **Всѣ статьи написаны,—однѣ** въ большей, другія въ меньшей степени,—**обстоятельно и дѣльно и читаются съ несомнѣннымъ интересомъ“.** *„Русскія Вѣдомости“*, 13 г., № 140.

„**Новый обширный трудъ** по исторіи западной литературы, предпринятый на коллективныхъ началахъ подъ редакціей проф. Ѳ. Д. Батюшкова, **является наиболѣе современнымъ въ нашу эпоху; онъ заполняетъ крупный пробѣлъ** въ дѣлѣ изученія литературы Запада въ Россіи... **Авторы монографій подходятъ къ разбираемымъ ими явленіямъ съ строго-критической оцѣнкой и строятъ эволюцію смѣняющихся литературныхъ теченій, исходя изъ детальнаго психологическаго анализа индивидуальнаго творчества. Богатый иллюстрированный матеріалъ чрезвычайно разнообразенъ,** меццотинто-гравюры, автографы, портреты и заглавные листы прекрасно украшаютъ книгу...“. *„Рѣчь“*, 10—XI. 14 г., № 40.

Изданіе составитъ около **6** томовъ большого формата и богато иллюстрировано большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ — портретовъ, карикатуръ, картинъ, воспроизводящихъ бытъ эпохи, автографовъ и т. п.,—всего около **1400** рисунковъ, въ томъ числѣ около **200** на отдѣльныхъ листахъ-вкладкахъ. Портреты и вкладки воспроизводятся **меццотинто-гравюрой** и **Mattdruckkunst.**

Цѣна, при подпискѣ на все изданіе, **7** руб. **50** коп. за томъ, въ роскошномъ переплетѣ (безъ пересылки).

Допускается разсрочка платежа.

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ БЕЗПЛАТНО.

№ 7.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

М. Н. ПОКРОВСКАГО, при участіи **Н. М. Никольскаго** и **В. Н. Сторожева.**

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „Оригинальные очерки Покровскаго очень любопытны. И свѣжесть мысли, свѣжесть матеріала особенно къ нимъ привлекаютъ... Въ научно-популярныхъ изданіяхъ подчасъ слишкомъ трудно обосновать детально свои взгляды, а у г. Покровскаго они есть въ изложеніи эпохи Грознаго, и въ изложеніи Смуты, особенно тамъ, гдѣ авторъ выясняетъ роль въ соціальной жизни тогдашней, такъ сказать, буржуазіи. Не безъ интереса читаются и очерки г. Никольскаго, посвященные церкви и религіи...“ „*Русскія Вѣдомости*“, № 233, отъ 11 октября 1911 г.

„Собственно, имя автора, достаточно говорящее за качество разсматриваемаго труда, избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ сколько-нибудь подробную оцѣнку внутреннихъ достоинствъ изданія. **Живое безпристрастное изложеніе, популярный языкъ, дѣлающій книгу доступной самому широкому кругу читателей, также составляетъ отличительную черту всего того, что выходитъ изъ-подъ пера М. Н. Покровскаго.**

„Изданіе отпечатано на превосходной бумагѣ, четкимъ убористымъ шрифтомъ, снабжено массой прекрасныхъ фототипій съ древнихъ памятниковъ родной исторіи и картинъ русскихъ художниковъ историческаго жанра“. „*Утро*“, № 1579 отъ 22 февраля 1912 г.

„Обширный и цѣнный трудъ по русской исторіи, предпринятый М. Н. Покровскимъ въ сотрудничествѣ съ Н. М. Никольскимъ и В. Н. Сторожевымъ, успѣшно подвигается впередъ... Читатели знаютъ наше общее отношеніе къ этому труду: **мы признаемъ его чрезвычайно важнымъ и интереснымъ. Всякому, кто интересуется вопросами русской исторіи, слѣдуетъ не только прочитать, но и внимательно изучить** и третій томъ разбираемаго труда, какъ и два предыдущіе“. „*Современный Міръ*“, январь 1912 г.

5 томовъ, 1,676 стр., 104 заставокъ и концовокъ, 14 схематич. географич. картъ распредѣленія суши и воды въ разные геологическіе періоды и 5 табл. фауны и флоры, 104 иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ съ объяснительнымъ текстомъ.

Цѣна изданія въ переплетѣ (въ 5 томахъ) **30 руб.**

ИЗДАНІЕ ЗАКОНЧЕНО.

№ 8.

СОВРЕМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА.

40 МЕЦЦОТИНКТО-ГРАВЮРЪ

СЪ ТЕКСТОМЪ

СЕРГѢЯ МАКОВСКАГО.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „Изданіе Т-ва „Міръ“ является на русскомъ книжномъ рынкѣ первымъ опытомъ альбома спеціально современной скульптуры. Редакторъ его, Сергѣй Маковскій, ставитъ себѣ цѣлью какъ можно болѣе широкое ознакомленіе русской публики съ выразителями различныхъ теченій современнаго ваянія, не исключая скульпторовъ, еще мало опредѣлившихся или уже переживающихъ свою славу. Въ вышедшихъ пока двухъ выпускахъ въ довольно хорошихъ репродукціяхъ даны изваянія Родена, Менье, М. Клингера, а изъ русскихъ—Антокольскаго, Аронсона, Врубеля и кн. Трубецкого—большею частью типичныя и значительныя для этихъ авторовъ. Каждый снимокъ сопровождается обширнымъ текстомъ С. Маковскаго. По содержанію тутъ много мѣткаго и художественнаго цѣннаго“. „*Русскія Вѣдомости*“, № 166, іюль 1909 г.

Цѣна изданія въ коленкор. папкѣ по рис. *Добужинскаго* **18 руб.**

ИЗДАНІЕ ЗАКОНЧЕНО.

Допускается разсрочка платежа.

Изданія Т-ва „МІРЪ“, Москва.

№ 9.

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

Исторія русской общественной мысли.

I. Очеркъ развитія русскихъ общественныхъ отношеній.—II. Движеніе общественной мысли въ допетровской Руси.—III. Движеніе русской общественной мысли въ XVIII в.—IV. Общественная мысль въ первой половинѣ XIX в.—V. Движеніе общественной мысли эпохи Александра II.—VI. Движеніе общественной мысли въ послѣдней четверти XIX в. и въ новѣйшее время.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

„Появилась книга, которой предстоитъ привлечь серьезное вниманіе русскаго читателя. Общественность издавна стала лозунгомъ передовой мысли въ тѣхъ кругахъ нашего общества, которые пытались обосновать свое міровоззрѣніе на согласованіи истинныхъ потребностей и органическихъ тяготѣній своего народа и страны съ культурными задачами общеевропейскаго развитія... Въ изслѣдованіи, посвященномъ исторіи русской общественной мысли, авторъ исходитъ изъ того основного положенія историческаго матеріализма, что не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а бытіе сознаніе. Поэтому онъ считаетъ необходимымъ прежде всего разсмотрѣть объективныя условія мѣста и времени, опредѣлившія собою ходъ развитія русской общественной жизни... Очеркъ развитія русскихъ общественныхъ отношеній и составляетъ первую часть лежащаго передъ нами тома... Ярко выраженное стремленіе подчеркнуть зависимость общественной мысли отъ общественно-экономическихъ отношеній придаетъ труду Г. В. Плеханова большую идейную выдержанность и логическую стройность. *„День“*, 13/XI, 14 г.

„Исторія русской общественной мысли“ составитъ около **5** томовъ, приблизительно по **18** листовъ въ каждомъ, всего около **90** печатныхъ листовъ (около **1.500** страницъ), и будетъ иллюстрирована портретами историковъ, общественныхъ дѣятелей и публицистовъ.

Условія подписки: При подпискѣ уплачивается **2** руб. и при полученіи каждаго тома **3** руб. (съ пересылкой) и, сверхъ того, по **10** к. за переводъ платежа.

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ БЕЗПЛАТНО.

Изданія Т-ва „МІРЪ“, Москва, Знаменка, 9.

II. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1—3. Проф. Э. МЕЙМАНЪ.

Лекціи по экспериментальной педагогикѣ.

3 части. Пер. съ нѣмец., подъ редак. проф. **Н. Д. Виноградова.**

Часть I. Физическое и духовное развитіе дѣтей. Изд. 3-е. Авторизованный переводъ съ послѣдняго значительно расширеннаго и дополнен. изданія. XI+659 стр. Цѣна 3 р. **Часть II. Индивидуальныя особенности дѣтей.** Изд. 3-е. Авторизованный переводъ съ послѣдняго значительно расширеннаго и дополненнаго изданія. (**Выйдетъ изъ печати въ мартѣ 1916 г.**) **Часть III. Обученіе чтенію, письму, ариѳметикѣ и рисованію.** Изд. 3-е. XII+259 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

Изъ отзывовъ печати: „Это весьма полный, обстоятельный и весьма самостоятельно выполненный сводъ всѣхъ современныхъ данныхъ по экспериментальному изученію физическаго и психическаго міра ребенка, составившійся изъ лекцій, читанныхъ авторомъ союзамъ учителей. **Трудъ Меймана по справедливости можетъ быть названъ „итогами“ современнаго состоянія экспериментальной педагогики,** поскольку ихъ можно уже подвести. Переводъ выполненъ весьма тщательно. *„Рус. Вѣд.“* № 183, 1909 г.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

Ученымъ Комитетомъ Канц. по Учрежд. Императрицы Маріи допущ. въ фундамент. библ. педагог. класс. средн. уч. завед. и Маріин. учебн. семинаріи Принца Петра Ольденбургскаго.

НОВАЯ КНИГА.

4. Проф. Э. МЕЙМАНЪ.

Очеркъ экспериментальной педагогики.

2 части. Авторизован. перев. прив.-доц. Моск. унив. **А. П. Болтунова.** XII+462 стр., 12 рис. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Предисловіе. — Введеніе. *I. Обоснованіе педагогики посредствомъ эмпирическаго юношествовѣдѣнія:* 1. Общее введеніе въ юношествовѣдѣніе. 2. Экспериментальное изслѣдованіе тѣлеснаго и духовнаго развитія подрастающаго поколѣнія и педагогическое значеніе этого изслѣдованія. 3. Изслѣдованіе индивидуальностей и различій въ одаренности дѣтей.—*II. Обоснованіе педагогики посредствомъ экспериментальнаго анализа работы школьника:* 1. Ученіе объ умственной работѣ вообще. 2. Спеціальное ученіе о работѣ и задачи экспериментальной дидактики. 3. Предположенія относительно дальнѣйшаго развитія экспериментальной педагогики и начала новаго изслѣдованія.

Приложенія: 1. Система тестовъ по Бинэ-Симону и ея послѣдняя модификація. 2. Пробная страница изъ ариѳметическ. тетрадей Крэпелина. 3. Указатель литературы.

5. Фр. ПАУЛЬСЕНЪ.

Педагогика.

Перев. съ нѣмецк. подъ ред. **Г. К. Вебера,** лектора Моск. Женск. Педаг. Курсовъ. VIII+487 стр. Цѣна 2 р.

Изъ отзывовъ печати: „Книга Паульсена даетъ много новаго и цѣннаго какъ педагогу, такъ родителю и воспитателю... Переводъ выполненъ прекраснымъ языкомъ и читается легко“. *„Педагогическій Листокъ“*, IV, 14.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. рекоменд. для библ. и учит. институт., семинарій и педагогическихъ курсовъ.

6. Проф. Г. М. УИППЛЪ.

Руководство къ изслѣдованію физической и психологической дѣятельности дѣтей школьнаго возраста.

Перев. съ англ. М. В. Райхъ, подъ ред. проф. Н. Д. Виноградова. XIX+594 стр., 64 рис., 100 табл. Ц. 3 р.

Изъ отзывовъ печати: „Учащій, желающій сообщить своимъ обращеніямъ съ ребенкомъ наблюдательный характеръ, встрѣтитъ въ лицѣ Уиппла основательнаго руководителя“. *„Народ. Обозр.“* 23, X 13. „Книгу Уиппла можно смѣло рекомендовать учителямъ и воспитателямъ“. *„Утро Россіи“*. 23, XI 13.

7. Проф. П. МОНРО.

ИСТОРІЯ ПЕДАГОГИКИ.

Часть I. **Древность и эпоха возрожденія.** Изданіе 2-е.
XI+325 стр. Цѣна 1 р. 30 к.

Часть II. **Новое время.** Изданіе 2-е.

Перев. съ англ. **М. В. Райхъ**, подъ ред. проф. **Н. Д. Виноградова.**
VI+372 стр. Цѣна 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 1 р. 70 к.

Изъ отзывовъ печати: „То, что обѣщаетъ авторъ въ предисловіи къ данному труду, выполнено имъ не только добросовѣстно, но съ большимъ мастерствомъ и увлеченіемъ. А обѣщаетъ онъ не мало... Широкая постановка вопроса должна привлечь вниманіе къ книгѣ не однихъ учащихся или педагоговъ, но и всѣхъ интересующихся исторіей культуры и человѣческой мысли... Намъ думается, что послѣ нашего краткаго обзора содержанія книги американскаго ученаго (переведенной весьма хорошимъ понятнымъ языкомъ) читатели убѣдятся въ цѣнности этого труда“. *„Соврем. Міръ“*, октябрь 1911 г.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущена въ библіотеки средн. учебн. заведеній, учит. институтовъ и семинарій, а также въ учит. библіот. народн. училищъ.

Учебн. Ком. Канц. по учрежд. Импер. Маріи одобрена для ученическ. библіотекъ старшаго возраста женскихъ средн. учебн. завед. и для библіотекъ педагогическихъ классовъ Вѣдомства.

8. Проф. ДЖЕМСЪ СЕЛЛИ.

Педагогическая психологія.

Переводъ съ послѣдняго переработ. англійскаго изданія подъ ред. **А. А. Громбаха.**
2-е изданіе. XVI+626 стр. Цѣна 3 р. 25 к.

Содержаніе: Душа и ея развитіе.—Развитіе разума.—Развитіе эмоцій.—Развитіе воли и характера.

Изъ отзывовъ печати: „Горячо рекомендуемъ вниманію учителей. Переводъ сдѣланъ хорошо и читается легко“. *Р. Школа“*, № 1, 1912 г.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. признана подлеж. включ. въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученич. библ. средн. учебн. заведеній (спеціально для учительскихъ институтовъ и семинарій), а также допущенію въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

Уч. Ком. Канц. по учрежд. Имп. Маріи рекомендована для фундаментальн. библ. средн. учебн. заведеній Вѣдомства.

9. Проф. Д. ДЬЮИ.

ПСИХОЛОГІЯ и ПЕДАГОГИКА МЫШЛЕНІЯ.

Переводъ съ англійскаго **Н. М. Никольской**, подъ ред. **проф. Н. Д. Виноградова.**
VI+202 стр. Цѣна 1 р. 20 к.

Содержаніе: Предисловіе къ русскому переводу Н. Виноградова.—Предисловіе автора.—Проблема воспитанія мысли.—Соображеніе о природѣ логическаго.—Воспитаніе мышленія.

Изъ отзывовъ печати: „Книга извѣстнаго американскаго философа Dewey занимаетъ видное мѣсто въ ряду изслѣдованій проблемы мышленія. Содержаніе книги не умѣщается въ рамки рецензій въ силу своего качественнаго и количественнаго богатства. Переводъ безупреченъ. Книга заслуживаетъ самаго широкаго и глубокаго усвоенія“. *„Школа и Жизнь“*, IV 15 г. — „Книгу Дьюи слѣдуетъ признать чрезвычайно интересной и полезной и для психологовъ, и для педагоговъ“. *„Лѣтопись средней школы“*, № 3. — „Идеямъ американскаго профессора нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія“. *„Современный Міръ“*, II 15.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущена въ учит. библіотеки низшихъ учебн. заведеній.

Учен. Ком. Канц. по учрежд. Импер. Маріи допущена въ библіотеки педагогич. классовъ учебн. заведеній Вѣдомства.

10. Проф. У. ДЖЕМСЪ.

БѢСѢДЫ СЪ УЧИТЕЛЯМИ ПО ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ съ англійскаго **А. А. Громбаха.** Изданіе 5-е.
132 стр. Цѣна 50 коп.

Уч. Ком. М. Н. Пр. 1-е изданіе допущено въ ученич., старш. возраста, библіотеки средн. учебн. заведеній, въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ, въ учительск. библіот. низшихъ училищъ и въ безпл. народн. библ. и читальни. (5-е изданіе печатано безъ перемѣнъ).

11. Проф. ГУГО МЮНСТЕРБЕРГЪ.

ПСИХОЛОГІЯ и УЧИТЕЛЬ.

Перев. съ англ. **А. А. Громбаха.**

2-е изданіе. IV+345 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Цѣли обученія.—Душа ученика.—Работа школы.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „...Мюнстербергъ надѣется, что книга его сдѣлается источникомъ, изъ котораго учитель будетъ почерпать нужныя ему свѣдѣнія, такъ какъ цѣль ея—представить сущность всего того, что современная психологія можетъ дать школѣ. Въ этомъ отношеніи книга Мюнстерберга напоминаетъ „Лекціи по экспериментальной педагогикѣ“ Меймана. Первая, эстетическая, часть книги устанавливаетъ цѣли воспитанія, вторая, психологическая, указываетъ на средства. Во второй части, сохраняющей всѣ типичныя черты психологическихъ воззрѣній Мюнстерберга, столь расходящихся съ психологіей Вундта, нужно отмѣтить двѣ черты: во-первыхъ, онъ всюду стремится дать итогъ, выводъ, заключеніе, а не просто передавать результаты экспериментовъ; во-вторыхъ, онъ всюду крайне остороженъ и въ особо спорныхъ вопросахъ обыкновенно занимаетъ среднюю позицію. Послѣдняя часть книги, практическая, сочетаетъ этику и психологію и обсуждаетъ *частныя* задачи школьной работы. **Переводчикъ оказалъ, несомнѣнно, большую услугу русскимъ учителямъ, сдѣлавъ доступною проповѣдь идеализма въ воспитаніи, написанную просто, убѣжденно и съ огромнымъ знаніемъ дѣла**“. *„Рус. Вѣд.“*, № 36, февр. 1911 г.

12. Э. и Дж. ПАРТРИДЖЪ.

Какъ и что разсказывать дѣтямъ въ школѣ и дома.

(АМЕРИКАНСКІЙ МЕТОДЪ ТВОРЧЕСКАГО РАЗСКАЗЫВАНІЯ).

Переводъ съ англійскаго и предисловіе **Л. Б. Хавкиной-Гамбургеръ.** Вступительная статья **А. М. Калмыковой.**

VI+170 стр., 8 иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна 1 р. 20 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Вступительная статья **А. М. Калмыковой.** Предисловіе. **ИСКУССТВО РАЗСКАЗЫВАНІЯ.** I. Искусство разсказыванія. II. Народныя сказанія. III. Роль разсказчика. IV. Какъ разсказывать. V. Первобытныя сказанія. VI. Миѳы. VII. Сказки. VIII. Эпическія сказанія. IX. Историческій разсказъ. X. Басни и другіе нравоучительные разсказы. XI. Индивидуальные и современные разсказы. XII. Разсказъ и ребенокъ. XIII. Воспитательное разсказываніе. XIV. Разсказъ въ преподаваніи языка и литературы. XV. Разсказъ въ естествознаніи. XVI. Разсказъ въ исторіи. XVII. Разсказъ въ нравственномъ воспитаніи. XVIII. Разсказъ и религія ребенка. XIX. Разсказъ и индивидуальность. XX. Праздникъ разсказа. **ПЕРЕСКАЗЫ.** Мальчикъ и гигантская птица. Волшебная птица. Локсъ и медвѣдь. Глусканъ и птица вѣтра. Смерть Бальфура. Булатный мечъ. Приключенія Тезея. Братецъ-пастушокъ. Нимми-нимми-номъ. Каменный левъ. Царственный олень. Бойкій тигренокъ. Лисица и ракъ. Мальчикъ Авраамъ. Тронъ Викрамадитьи. Гарріетъ-Анна.—Библіографическія указанія.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „Книга написана сжато, насыщена психологическими данными, снабжена хорошимъ библіографическимъ указателемъ. Надо надѣяться, что наши педагоги ознакомятся съ этой книгой, единственной пока по данному вопросу. Она способствуетъ выясненію самыхъ задачъ современной педагогики“. *„Утро Россіи“*, 24 мая 1914 г.—„Авторы этого труда... внушаютъ намъ, что пора снова найти то цѣнное, что современной культурой совсѣмъ утрачено,—умѣнье художественнымъ непосредственнымъ разсказываніемъ передавать новымъ поколѣніямъ культурное наслѣдіе прошлаго“. *„Русскія Вѣдомости“*, 16 іюля 1914 г.

Уч. Ком. М. Н. Пр. допущ. въ учит. библіот. низшихъ учебн. заведеній. Уч. Ком. Канц. по учрежд. Имп. Маріи допущ. въ библ. педагогич. классн. учебн. завед.

Гл. Управл. Воен.-Учебн. Завед. допущ. въ фундам. библ. кадетск. корпус.

НОВАЯ КНИГА.

13. Л. ПЛЕСТЕДЪ.

РУЧНОЙ ТРУДЪ

и

ЕГО МѢСТО ВЪ ВОСПИТАНІИ РАННЯГО ДѢТСТВА.

Переводъ съ англійскаго **С. Г. Займовскаго,** подъ редакціей **А. І. Зеленко.**

XI+330 стр., 156 рис. въ текстѣ. Цѣна 1 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе къ русскому изданію.—Введеніе.—Фребелевскія дары и занятія.—Чѣмъ занять малолѣтокъ.—Складываніе бумаги.—Работы изъ картона и бумаги.—Легкая работа по дереву.—Вырѣзываніе изъ бумаги.—Рисованіе.—Подражаніе первобытнымъ ремесламъ.—Ручной трудъ въ связи съ исторіей.—Ручной трудъ въ связи съ географіей.—Корзиночныя работы.—Ткачество.—Формовка изъ глины и другихъ пластическихъ матеріаловъ.—Гончарное ремесло.—Шитье.—Работы смѣшаннаго характера.—Библіографія.

III. Научно-популярная библіотека (по естествознанію).

1. Проф. Р. ГИБСОНЪ.

Начатки біологіи.

124 стр., 58 рис. Цѣна 40 к.

Изъ отзывовъ печати: „Разсматриваемая небольшая книга его заслуживаетъ къ себѣ полнаго вниманія. Она на рѣдкость удачно соотвѣтствуетъ своему названію и, дѣйствительно, сообщаетъ читателю на протяженіи всѣхъ 120 стр. малаго формата общія основы понятія или начатки біологіи. *Для лицъ, незнакомыхъ съ біологіей, но желающихъ имѣть понятіе объ ея основахъ, разсматриваемая книга является положительно находкою*“. (Е. Елачичъ. *„Русская Школа“*, № 1, 1912 г.).

2. Д-ръ РЕЙНОЛЬДСЪ ГРИНЪ.

Начатки ботаники.

149 стр., 47 рис. Цѣна 60 к.

Изъ отзывовъ печати: „Книга соединяетъ полную научность фактовъ съ простотой и увлекательностью изложенія. Интересенъ отдѣлъ эволюціи растительныхъ формъ и способовъ размноженія растеній, которому посвящены шесть главъ книги. Печать и рисунки хороши“. *„Новости педагог. литературы и наглядн. пособій“*, 1912 г., № 2.

3. Проф. Д. ГРЕГОРИ.

Начатки геологіи.

146 стр., 40 рис. и 1 карта. Цѣна 50 к.

4. Проф. В. ТИЛДЕНЪ.

Начатки химіи.

104 стр., 24 рис. Цѣна 30 к.

5. Проф. В. МЕЙЕРЪ.

Происхожденіе міра.

2-е изданіе. 106 стр., 22 рис. Цѣна 45 к.

6. Проф. В. МЕЙЕРЪ.

Гибель міра.

Изданіе 2-е, 105 стр., 21 рис. Цѣна 45 к.

7. В. БЕЛЬШЕ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

2-е изданіе, 122 стр., 14 рис. Цѣна 45 к.

8. Д-ръ ЭРНСТЪ ТЕЙХМАНЪ.

Половое и безполое размноженіе.

124 стр., 17 рис. Цѣна 50 к.

9. Д-ръ ЭРНСТЪ ТЕЙХМАНЪ.

Наслѣдственность.

128 стр., 5 рис., 4 табл. Цѣна 50 к.

IV. УЧЕБНЫЯ ПОСОБІЯ и РУКОВОДСТВА.

1—2. Проф. Э. Б. ТИТЧЕНЕРЪ.

УЧЕБНИКЪ ПСИХОЛОГІИ. (Университетскій курсъ).

Перев. съ англ. прив.-доц. А. П. Болтунова. Ч. I. 264 стр., 44 рис. Цѣна 1 р. 35 к.
Ч. II. 256 стр., 21 рис. Цѣна 1 р. 35 к.

Гл. Управл. Военно-Учебн. Завед. рекомендована въ фундамент. библіот. военно-учебн. заведеній.

3. Проф. В. ЕРУЗАЛЕМЪ.

УЧЕБНИКЪ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ съ предислов. и дополненіями проф. **Н. Н. Ланге**. Цѣна **1** р. **20** к.

Къ каждому параграфу учебника проф. Н. Н. Ланге приспособлены **повторительные вопросы**.

Изъ отзывовъ печати: „...Предназначенный авторомъ для школьнаго употребленія онъ (учебникъ) на ряду съ дидактическими достоинствами представляетъ и несомнѣнный научный интересъ... Наиболѣе характерной въ научномъ отношеніи особенностью этой книги является послѣдовательно проведенная біологическая точка зрѣнія... Свое изложеніе, полное литературнаго изящества, Ерузалемъ систематически и богато иллюстрируетъ данными другихъ наукъ и многочисленными отрывками изъ художественныхъ произведеній“... *„Русская Мысль“*, апрѣль 1912 г.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. допущенъ въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

4. О. РАБЕСЪ и Э. ЛЕВЕНГАРДТЪ.

Учебникъ біологіи.

Для среднихъ учебныхъ заведеній. Перев. съ нѣмецкаго прив.-доц. Э. Г. **Риттера**. 282 рис., 4 цвѣтн. таблицы. Цѣна **1** р. **50** к.

Подробный разборъ см. „Новости педагогической литературы и наглядныхъ пособій“. кн. 3, 1912 г.

Учен. Ком. Гл. Упр. Земл. и Земл. признана заслужив. вниманія при пополненіи библіотекъ подвѣдомственныхъ Главному Управленію учебныхъ заведеній.

Учен. Ком. Канцеляріи по учрежд. Императрицы Маріи рекомендована въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній.

5. Д-ръ Е. А. АРКИНЪ.

Физіологія человѣка.

Руководство для фельдшерскихъ, зубоврачебныхъ и акушерскихъ школъ.

2-е испр. и дополн. изд. 252 стр., 61 рис. Цѣна **1** р. **50** к.

Изъ отзывовъ печати: „Авторъ умѣетъ въ живой, образной рѣчи просто излагать самыя сложныя и запутанныя вещи. Настоящая книга является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для самообразованія“. *„Естеств. и Геогр.“*.

„...Яркими чертами, живыми образами рисуетъ она картину жизненныхъ процессовъ... При этомъ читатель вовсе и не замѣчаетъ, что ему преподносятъ самыя хитрыя вещи... Книга написана такъ живо и увлекательно, что можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для самообразованія“... *„Фельдш. Вѣстн.“*. № 44, XI, 1912.

6. Л. В. ВАСИЛЬЕВА и Б. П. КАЩЕНКО.

РУКОВОДСТВО къ ПРЕПОДАВАНІЮ НАЧАЛЬНАГО ПРИРОДОВѢДѢНІЯ.

Часть I. ЗЕМЛЯ, ВОДА и ВОЗДУХЪ.

Для учителей городскихъ начальныхъ училищъ, земскихъ школъ, частныхъ приготовительныхъ школъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 173 стр., 117 рис. Цѣна **1** р. **25** к.

Изъ отзывовъ печати: „Книжка производитъ очень хорошее впечатлѣніе какъ по замыслу, такъ и по изложенію... *„Природа“*, IX 12.

Изданія Т-ва „МІРЪ“, Москва.

7—9. МИХАИЛЪ КОВАЛЕНСКІЙ.

ХРЕСТОМАТІЯ по РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Томъ I. VIII+160 стр. Цѣна 75 коп.

СОДЕРЖАНІЕ. I. Первобытная Россія.—II. Греки и скиѳы.—III. Славяне и Византія.—IV. Начало Руси.—V. Кіевская Русь.—VI. Татары.—VII. Удѣльная Русь. VIII.—Возвышеніе Москвы.—IX. Новгородъ Великій.—X. Литва и Западная Русь.

Томъ II. XIV+320 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ. Начало Московскаго государства.—Вѣкъ Ивана III.—Московское государство XVI в.—Вѣкъ Ивана Грознаго.—Смутное время въ Московскомъ государствѣ.—Московское государство XVII вѣка.—Эпоха первыхъ Романовыхъ.—Эпоха реформъ въ Московскомъ государствѣ.—Вѣкъ Петра Великаго.

Томъ III. XVI+497 стр. Цѣна 2 р. 70 к.

СОДЕРЖАНІЕ. Отъ Петра I до Екатерины II.—Вѣкъ Екатерины II.—Россія въ XVIII в.—Переходъ отъ XVIII в. къ XIX в.—Время Павла I.—Время имп. Александра I.—Время имп. Николая I.—Старая дореформенная Россія.—Первая половина XIX в.—Эпоха великихъ реформъ императора Александра II.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „Наконецъ-то средняя школа получила въ „Хрестоматіи“ М. Н. Коваленскаго пособіе, въ которомъ давно чувствовалась нужда, удовлетворить которую не могли имѣвшіяся до сихъ поръ аналогичныя книжки... Матеріалъ, использованный составителемъ, представляетъ громадную цѣнность въ рукахъ преподавателя, даже самаго опытнаго и подготовленнаго... На основаніи опыта примѣненія этой книги на урокахъ, смѣю утверждать, что она станетъ необходимымъ пособіемъ на урокахъ исторіи. Съ нетерпѣніемъ ждемъ выхода дальнѣйшихъ томовъ“. *„Школа и Жизнь“*, № 20, 19 мая 1914 г.

I и II томы Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. признаны заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

I томъ реком. Уч. Ком. Канц. по учрежд. Импер. Маріи въ качествѣ класснаго пособія въ старш. класс. средн. учебн. заведеній.

10. Д. А. ЖАРИНОВЪ и Н. М. НИКОЛЬСКІЙ.

БЫЛОЕ ВОКРУГЪ НАСЪ.

Книга для чтенія по русской исторіи. Книга предназначена для низшихъ классовъ средн. учебн. заведеній и для городскихъ и народныхъ училищъ.

330 страницъ, 110 рисунковъ, 6 картъ. Ц. 1 р. 50 к.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „Книга гг. Жаринова и Никольскаго должна найти очень широкое распространеніе, ибо должна быть признана доступной для очень значительнаго круга лицъ, а равно для народной школы; для послѣдней она представляется особенно цѣнной“. *„Русскія Вѣдомости“*, 6 ноября 1913 г.

„Былое вокругъ насъ“—одна изъ лучшихъ и наиболѣе интересныхъ, вышедшихъ за послѣднее время, книгъ, посвященныхъ элементарному курсу русской исторіи. „Былое вокруг насъ“ нужно признать книгою почти безупречною въ отношеніи серьезности и научности того содержанія, которое даютъ авторы книги ...Знакомство съ книгою Жаринова и Никольскаго мы признаемъ необходимымъ для каждаго преподавателя исторіи, интересующагося вопросами метода. *„Вѣстникъ Воспитанія“*, № 9, 1913 г.

„...Книга читается легко и съ большимъ интересомъ и дѣйствительно является прекраснымъ пособіемъ при изученіи русской исторіи. Всѣмъ намъ, особенно москвичамъ, знакомы перечисленные въ книгѣ памятники, и всѣ мы довольно поверхностно знакомились съ ними, мало вдумывались въ то обстоятельство, какимъ цѣннымъ матеріаломъ они являются для изученія исторіи. По прочтеніи, совершенно другими глазами начинаемъ смотрѣть на остатки старины; хочется опять посмотрѣть на нихъ, но только по-другому. *„Пед. Вѣстн. Моск. Учебнаго Округа“*, кн. 9, 1913 г.

11. М. Н. ПОКРОВСКІЙ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Часть I. V+283 стр. Цѣна 2 руб.

СОДЕРЖАНІЕ. Предисловіе. Предварительныя замѣчанія. I. **Экономическій строй:** 1. Первобытное хозяйство. 2. „Городское“ хозяйство. 3. Торговый капитализмъ. 4. Крѣпостное хозяйство. 5. Современный капитализмъ. II. **Государственный строй:** 1. Военно-финансовая организація. 2. Судъ. 3. Центральная власть.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „М. Н. Покровскій поставилъ себѣ задачей послѣдовательно охарактеризовать отдѣльныя стороны русскаго историческаго процесса, разсматривая каждую изъ нихъ въ перпендикулярномъ разрѣзѣ на всемъ пространствѣ исторіи Россіи. Въ вышедшей первой части, такимъ образомъ, разсмотрѣна исторія народнаго хозяйства, военно-финансовыхъ, судебныхъ и центральныхъ административныхъ учрежденій въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Наиболѣе содержательны... характеристики отдѣловъ о крѣпостномъ хозяйствѣ и промышленномъ капитализмѣ въ Россіи. Въ отдѣлахъ о финансахъ и судѣ даны очень живые очерки, въ которыхъ довольно обильный матеріалъ сведенъ въ интересную картину. Авторъ искусно прослѣживаетъ, какъ отражалась борьба классовыхъ интересовъ на развитіи финансовой системы и судебной организаціи въ различные періоды и русской исторіи... Въ общемъ новый трудъ талантливаго историка очень интересенъ...“ *А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд.“* № 174, 1915 г.

12. Проф. Г. ЛАНСОНЪ.

МЕТОДЪ по ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Перев. съ франц. и предисловіе **М. Гершензона.** 76 стр. Цѣна 40 к.

Изданія Т-ва „МІРЪ“, Москва.

13. # ДРЕВНІЙ МІРЪ

ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ЕГО ПИСЬМЕННОСТИ.

Часть I. **Востокъ.**

Составили Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій, С. И. Радцигъ и В. Н. Стерлиговъ.

VIII+160 стр., 27 рис. на мѣловой бумагѣ. Цѣна 1 руб. 30 коп.

СОДЕРЖАНІЕ. **Египетъ.** Общество и государство. Вѣрованія и религіозный бытъ. Литература. **Сеннааръ, Вавилонъ и Ассирія.** Общество и государство. Право и судъ. Вѣрованія, сказанія и религіозный бытъ. **Персія.** Общество и государство. Вѣрованія и религіозный бытъ.

Печатаются: часть II—**ГРЕЦІЯ**, часть III—**РИМЪ.**

14. Н. М. НИКОЛЬСКІЙ.

ДРЕВНІЙ ВАВИЛОНЪ.

Популярно-научные очерки по исторіи культуры Сумера, Вавилона и Ассура.

434 стр., 93 рис., 2 карты. Цѣна 2 руб.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „У автора несомнѣнный и яркій талантъ глубокаго переживанія и яснаго представленія лицъ, явленій и отношеній сѣдой древности. Онъ, какъ чудотворецъ воскрешаетъ передъ читателями погребенныхъ тысячелѣтіями сумерійскихъ князей, вельможъ, жрецовъ, народъ, его религію, науку, искусство“. *„Нов. Вр.“*, 5 окт. 1913 г.

„Въ нашей скудной популярно-исторической литературѣ книга Н. Никольскаго должна по праву занять одно изъ видныхъ мѣстъ. Книгу Никольскаго можно смѣло рекомендовать для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей Вавилона“. *„Русскія Вѣдом.“*, 23 окт. 1913 г.

„Прекрасное сочетаніе полной доступности изложенія съ большой научностью содержанія“. *„Русская Мысль“*, X кн. 1913 г.

15. Н. М. НИКОЛЬСКІЙ.

ДРЕВНІЙ ИЗРАИЛЬ.

Популярные очерки по исторіи евреевъ въ научномъ освѣщеніи.

VI+324 стр. Съ 62 рисун., географ. картою и планами древняго Іерусалима. Ц. 1 р. 50 к.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „Всякій, интересующійся Библіей и ея исторіей, найдетъ въ книгѣ Н. Никольскаго массу совершенно новыхъ фактовъ и идей, проливающихъ яркій свѣтъ на тотъ самый періодъ всемірной исторіи, котораго научная мысль долгое время едва касалась...“ *„Русское Слово“*, 23 февр. 1912 г.

„Никольскій не только хорошо знакомъ съ существующей критической литературой по этому вопросу, но и самъ умѣетъ критически разобраться въ данныхъ первоначальнаго источника... Написана она очень живымъ и легкимъ языкомъ“. *„Кіевская Почта“*, 17 іюля 1911 г.

„Самой цѣнной стороной работы г. Никольскаго является его стремленіе освободить древнюю исторію Израиля изъ-подъ власти вѣроисповѣдныхъ догмъ... Новые выводы, установленные западной наукой, выступаютъ тутъ во всей своей неотразимой силѣ...“ *„Русскія Вѣдомости“*, 20 сентября 1911 г.

16. С. Г. ЗАЙМОВСКІЙ.

ПОЛНЫЙ АНГЛО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ.

СЪ УКАЗАНІЕМЪ ПРОИЗНОШЕНІЯ ПО УПРОЩЕННОЙ СИСТЕМѢ.

2-е изданіе. X+632 стр. Цѣна въ переплетѣ 2 р. 25 к.

Учен. Ком. Мин. Народ. Просв. допущено въ качествѣ учебн. пособія въ средн. учебн. завед.

17—18. # КОРИФЕИ АНГЛІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Избранныя произведенія англійскихъ и американскихъ писателей въ обработкѣ для школъ и самообразованія.

Переводъ С. Г. **Займовскаго,** подъ редакціей **Э. И. Радунскаго.**

I. TALES BY RUSKIN, WILDE AND KIPLING.

Съ введеніемъ, примѣчаніями, подстрочнымъ и алфавитнымъ словарями. Примѣнительно ко II и III годамъ обученія англійскому языку.

2-е изданіе. 312 стр. Цѣна 1 руб. 20 коп.

II. THE CRICKET ON THE HEARTH BY CHARLES DICKENS.

Съ введеніемъ, примѣчаніями и построчнымъ словаремъ.

Примѣнительно къ III и IV годамъ обученія англійскому языку. 183 стр. Цѣна 70 коп.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущены въ качествѣ учебн. пособія въ средн. учебныя заведенія. Главн. Управл. Воен. Завед. рекомендованы для внѣкласси. чтенія въ военно-учеон. заведен.

Изъ отзыва рецензента Уч. Ком. Мин. Нар. Пр.: „Г. Радунскаго можно поздравить съ удачнымъ выборомъ матеріала и распредѣленія его. На мой взглядъ, эти книжки будутъ очень полезны не только школьникамъ, но и взрослымъ, занимающимся англійскимъ языкомъ. Ихъ можно рекомендовать, какъ хрестоматію. Я посовѣтую своимъ ученикамъ пользоваться ими, такъ какъ увѣренъ, что какъ только ученикъ освоится съ учебникомъ, эти небольшія книжки окажутся весьма кстати“. (*Ф. Брей.*)

V. РАЗНЫЯ.

Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій и С. И. Радцигъ.

Культурно-историческій
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
по Музею изящныхъ искусствъ имени Имп. Александра III въ Москвѣ.

302 стр., 44 иллюстраціи, планъ. Цѣна 80 коп.

Содержаніе: I. Египетскій залъ. II. Азіатскій залъ. III. Залъ греческой архаики. IV. Залъ Эгинетовъ. V. Греческій дворикъ. VI. Залъ Олимпіи. VII. Залъ Фидія. Парѳенонъ. VIII. Залъ конца V в. IX. Залъ Праксителя. X. Залъ древне-греческихъ надгробныхъ рельефовъ. V—IV вв. до Р. Х. XI. Залъ Лисиппа. XII. Залъ ніобидовъ. XIII. Залъ Афродиты Милосской и Лаокоона. XIV. Пергамскій залъ. XV. Римскій залъ. Читальный залъ. XVI. Средневѣковый залъ. XVII и XVIII. Кабинетъ и залъ Итальянскаго Возрожденія. XIX и XX. Капелла и залъ Итальянскаго Возрожденія (XVI в.). XXI. Христіанскій дворикъ. XXII. Залъ Сѣвернаго Возрожденія.

ДРЕНТЕЛЬНЪ.

Музей изящныхъ искусствъ имени Имп. Александра III.

Цѣна 15 коп.

Проф. Э. МЕЙЕРЪ.

Экономическое развитіе древняго міра.

Перев. подъ ред. **М. О. Гершензона.** Изд. 3-е. 108 стр. Цѣна 50 к.

Проф. Ч. ОМАНЪ.

Великое крестьянское возстаніе въ Англіи.

124 стр. Цѣна 50 коп.

Содержаніе: Англія въ 1381 г. Норгэмптонскій парламентъ и подушная подать. Возмущеніе въ Кентѣ и Эссексѣ. Мятежники въ Лондонѣ: король Ричардъ и Уотъ Тайлеръ. Подавленіе возстанія въ Лондонѣ и прилежащемъ округѣ. Возстаніе во внутреннихъ графствахъ и на югѣ. Возстаніе въ Норфолькѣ и Суффолькѣ. Возстаніе въ Кембриджширѣ и Гентингдонширѣ. Подавленіе возстанія въ восточныхъ графствахъ. Волненія въ окраинныхъ графствахъ сѣвера и запада. Исходъ возстанія. Ноябрьскій парламентъ 1381 года.

БРУНО БУХВАЛЬДЪ.

ТЕХНИКА БАНКОВАГО ДѢЛА.

Справочная книга и руководство къ изученію практики банковыхъ и биржевыхъ операцій.

Перевелъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія и дополнилъ **А. Ф. Каганъ-Шабшай,** подъ редак. и съ предисловіемъ члена правленія Азовско-Донского банка и преподавателя Петроградскаго Института Коммерческихъ знаній **Е. М. Эпштейна.**

XX+627 стр. Цѣна въ переплетѣ 3 р. 75 к.

Главная контора Т-ва „МІРЪ“: Москва, Знаменка, 9.
Телефонъ 1-37-31.

Тво И.Н. КУШНЕРЕВЪ и К° Москва.
1916.